

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (36)
2021

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:**

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Левен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:**С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс ПП1753,
 электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"
 Выходит 4 раза в год

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the National Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **I. Baldauf** – Doctor Habilitat, Professor (Berlin, Germany), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **I. Fodor** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2021

© Mari State University, 2021

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

**Исследования материальной культуры
средневековых городов**

<i>Kang In Uk, Kim Jihon (Seoul, Korea), Aitbayeva Aigerim (Almaty, Kazakhstan)</i> Contemporary Status of Archaeological Research on Silk Road in Central Asia and Korea and A.N. Bernshtam's Researches.....	8
<i>Достиев Т.М. (Баку, Азербайджанская Республика)</i> Посудное стекло средневекового города Шамкир раннеисламского периода.....	18
<i>Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия)</i> Арочные украшения из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв.	32
<i>Иванова М.Г., Русских Е.Л., Сабирова Т.М. (Ижевск, Россия)</i> Клады X–XIII вв. из материалов Солдырского I городища Иднакар.....	43
<i>Бугарчев А.И. (Казань, Россия), Петров П.Н. (Алматы, Казахстан), Сингатуллина А.З., Ситдииков А.Г., Шайхутдинова Е.Ф. (Казань, Россия)</i> Булгарские монеты хана Пулада Измерского клада	53
<i>Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Бондаренко О.В. (Владивосток, Россия), Ковычев Е.В. (Чита, Россия), Харинский А.В. (Иркутск, Россия)</i> Использование дерева в строительстве средневековых городов у монголов в Восточном Забайкалье (XIII–XIV вв.)	65
<i>Валиулина С.И., Нуретдинова А.Р. (Казань, Россия)</i> Техническая керамика гончарной мастерской Сарая ал-Джедид – Царевского городища	79
<i>Болдырева Е.М. (Москва, Россия)</i> Кашинная керамика из Царевского городища в хранении Государственного исторического музея.....	93
<i>Кирилло В.П. (Симферополь, Россия)</i> Хронологические парадоксы дюрбе Мухаммед-Шах-бея в г. Бахчисарай.....	107
<i>Бочаров С.Г. (Севастополь, Россия)</i> Эски-Крым: введение в историческую топографию города Крымского ханства	121

Изучение сельских округ городов Восточной Европы

<i>Яворская Л.В. (Москва, Россия)</i> К вопросу о функциях сельских поселений в экономической системе Золотой Орды.....	136
<i>Шполянский С.В. (Москва, Россия)</i> Села Суздальского Ополья и изменения в системе расселения во второй половине XIV–XV вв.	148

<i>Грибов Н.Н. (Москва, Россия)</i> Сельское окружение русского города эпохи Золотой Орды (по материалам памятников округа Нижнего Новгорода).....	164
<i>Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. (Самара, Россия)</i> Материалы к характеристике системы расселения в Самарском Поволжье в золотоордынский период.....	178
<i>Кубанкин Д.А., Зозырев Н.Ю. (Саратов, Россия)</i> Сырьевые источники строительных материалов округа Уека	193
<i>Бочаров С.Г. (Севастополь, Россия), Ситдииков А.Г. (Казань, Россия)</i> Археологические исследования поселения Песочное в Саратовской области (к вопросу о значении керамического комплекса при изучении золотоордынских сельских поселений)	203
<i>Бабенко В.А. (Ставрополь, Россия), Обухов Ю.Д. (Элиста, Россия)</i> Памятники округа Маджар (Северный Кавказ) Современное состояние изучения.....	216
<i>Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. (Азов, Россия)</i> Сельская округа Азака по данным керамических и нумизматических находок. Взаимодействие города и сельского населения.....	231
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

CONTENS

Studies of medieval towns material culture

<i>Kang In Uk, Kim Jihon (Seoul, Korea), Aitbayeva Aigerim (Almaty, Kazakhstan)</i>	
Contemporary Status of Archaeological Research on Silk Road in Central Asia and Korea and A.N. Bernshtam's Researches.....	8
<i>Dostiyev T.M. (Baku, Azerbaijan Republic)</i>	
Glassware of Medieval Shamkir Town of Early Islamic Period.....	18
<i>Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation)</i>	
Arched Decorations from Burial Grounds in the Vetluga-Vyatka Interfluve of 10 th – 11 th Centuries	32
<i>Ivanova M.G., Russkikh E.L., Sabirova T.M. (Izhevsk, Russian Federation)</i>	
Treasures of the 10 th – 13 th Centuries from Materials of Soldirsky I Hillfort Idnakar	43
<i>Bugarchev A.I. (Kazan, Russian Federation), Petrov P.N. (Almaty, Kazakhstan), Singatullina A.Z., Sitdikov A.G., Shayhutdinova E.F. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Bulgar Coins of Khan Pulad of Izmery Treasure.....	53
<i>Kradin N.N., Baksheeva S.E., Bondarenko O.V. (Vladivostok, Russian Federation), Kovychev E.V. (Chita, Russian Federation), Kharinskiy A.V. (Irkutsk, Russian Federation)</i>	
Evidences of Wooden Materials Utilization in Construction of Medieval Mongolian Towns in Eastern Trans-Baikal Region (13 th – 14 th CC.).....	65
<i>Valiulina S.I., Nuretdinova A.R. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Technical Ceramics from the Pottery Workshop at Sarai-Al-Jedid – Tsarevskoye Settlement	79
<i>Boldyreva E.M. (Moscow, Russian Federation)</i>	
The Frit Ceramic from the Tsarevskoye Settlement in Storage of the State Historical Museum	93
<i>Kirilko V.P. (Simferopol, Russian Federation)</i>	
Chronological Paradoxes of Mohammed Shah Bey' Turbe in the Bahchisaray Town.....	107
<i>Bocharov S.G. (Sevastopol, Russian Federation)</i>	
Eski-Crimea: Introduction to the Historical Topography of the City of the Crimean Khanate	121

Exploring the rural districts of Eastern European cities

<i>Yavorskaya L.V. (Moscow, Russian Federation)</i>	
To the Question about the Functions of Rural Settlements in the Economic System of the Golden Horde	136
<i>Shpolyanskiy S.V. (Moscow, Russian Federation)</i>	
The Village of Suzdal Opolye and Changes in the System Resettlement in the Second Half of the 14 th – 15 th Centuries	148
<i>Gribov N.N. (Moscow, Russian Federation)</i>	
Rural District of Russian Federation Town of the Golden Horde Era (based on the materials of the archaeological sites of the district of Nizhny Novgorod)	164
<i>Kochkina A.F., Stashenkov D.A. (Samara, Russian Federation)</i>	
Materials for the Characterization of the Settlement System in the Samara Volga Region in the Golden Horde Period	178
<i>Kubankin D.A., Zozyrev N.Yu. (Saratov, Russian Federation)</i>	
Raw Materials Sources of Building Materials of Ukek Districts	193
<i>Bocharov S.G. (Sevastopol, Russian Federation), Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)</i>	
Historical Studies of Pesochnoe Settlement in Saratov Oblast (the issue of the significance of the ceramic complex in the study of the rural settlements of the Golden Horde)	203
<i>Babenko V.A. (Stavropol, Russian Federation), Obukhov Yu.D. (Elista, Russian Federation)</i>	
Monuments from Area Town of Madjary (the North Caucasus): current research developments	216
<i>Maslovsky A.N., Minaev A.P., Iudin N.I. (Azov, Russian Federation)</i>	
Rural Neighborhood of Azak According to Numismatic and Ceramic Findings. Interaction between the City and the Rural Population	231
List of Abbreviations	248
Submissions	250

Исследования материальной культуры средневековых городов

УДК 902/904(5)

<https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.8.17>

CONTEMPORARY STATUS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON SILK ROAD IN CENTRAL ASIA AND KOREA AND A.N. BERNSTAM'S RESEARCHES¹

© 2021 Kang In Uk, Jihon Kim, Aitbayeva Aigerim

This paper proposes three measures for a new archaeological study on the Silk Road. First, a systematic understanding is required for the archaeological achievements on the Silk Road made during the Soviet Era before the 1990s. Nowadays, many scholars in East Asia, including South Korea, rely on literature written mainly in English to study and understand the Silk Road. However, the Silk Road's archaeological excavations were mostly made before the 1990s, that is, they were not well known in South Korea and the West. Therefore, a systematic understanding of those achievements can be the basis of new international research. Bernstam's achievements representing the studies until the 1960s are good examples. They have recently led to the joint publication of an art catalog on South Korea and Kazakhstan's gold culture. Second, we should move away from the narrow nationalism advocated by now-independent countries and pursue the research at the international level. The real value of the Silk Road should lie in finding common ground beyond borders and ideology. Thus, it is necessary to understand the research trends in individual countries, including Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, and Russia. The Asian Archaeology conference held annually by the National Research Institute of Cultural Heritage of South Korea is one of excellent examples of such an effort. Finally, archaeological research on the Silk Road should move forward not just as an academic pursuit but also as a means of global cultural cooperation. In this regard, active collaboration with international organizations, such as UNESCO, is crucial. As such, if these three aspects are considered together, the international archaeological research on the Silk Road led by South Korea in the new phase of the 21st century will contribute to the Silk Road research in the new era.

Keywords: archaeology, Silk Road, Central Asia, kurgan, UNESCO, Soviet Union.

Introduction

The term "Silk Road" was suggested at the end of the 19th century following the beginning of modern-era research on Central Asia. Gradually, the term came to represent the history of Central Asia and its surrounding regions (Kang 2018). However, the perspectives toward the Silk Road vary greatly by country because the Silk Road region was investigated predominantly by Western countries until the 1940s. Thereafter, the region was studied separately by countries on both sides of the Iron Curtain, including China and some of the former Soviet Republics, for more than 50 years. Since

the 1990s, confusions and discrepancies in views and approaches among the Silk Road researchers have resurfaced as many countries in Central Asia became independent. The volume of those countries' research on the Silk Road has greatly increased as well. Moreover, new derivative terms have appeared, such as the Maritime Silk Road and the Southern Silk Road, only adding the complexity of the Silk Road studies. They conducted a series of studies using the methodology of natural science to date ancient iron artefacts from medieval fortress site Talgar, located 25 km to the east of the city of Almaty and the medieval com-

¹ This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (NRF-2019S1A5C2A01083578)

plex Akyrtas in South Kazakhstan. This study has contributed to identifying the level of the local blacksmith craftsmanship in the region.

Despite increased interest on the Silk Road, actual substantive studies conducted by Korean scholars remain rare. Since 2015, South Korean excavation teams have been actively conducting researches in Kazakhstan, Uzbekistan, and similar places. An archaeological survey conducted by the National Institute of Cultural Heritage of South Korea on a kurgan in Katar-Tobe is the best example. Additionally, many research teams have been conducting surveys every year. However, high-quality finds for to the Silk Road scholarship are still rare. This is because it has been difficult for them to reach archaeological sites within the former Soviet Union when the studies on the Silk Road were at their peak. Furthermore, because they could not correctly access literature written in Russian, the region could only be understood through English or Japanese. Under these circumstances, it was challenging to train researchers properly. Lack of substantive studies is also attributed to the different perspectives on the Silk Road by country, such as the former Soviet Republics, the West (including Japan), and individual Central Asian states. During the Soviet era, the concept of the Silk Road was used to describe part of Middle Azia (Central Asia in Russian) history, which fell into the category of “regional studies”. In other words, the Steppe Route along the northern part of Central Asia was an important research topic for the scholars in the former Soviet Union, and the studies on the Silk Road and the Steppe Route were considered as “regional studies.” As such, “Silk Road” studies by the Western countries focused on the desert regions, including the oases in Central Asia. This paper examines the archaeological studies conducted on the regions that were parts of former Soviet Central Asia and

investigates their characteristics from the perspective of new research trend on the Silk Road in the 21st century.

Main achievements of the Silk Road archaeology of Central Asia

Comprehensive studies on the Silk Road have been carried out largely by countries in Central Asia that include Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenia, Uzbekistan, and Tajikistan. However, the direction of the research differed according to the individual studies and their regional scope.

Kazakhstan and A. N. Bernshtam's contribution to the study of the Great Silk Road

The history of archaeological study of Kazakhstan is connected with the names of such prominent scholars as A.X. Margulan, S.S. Chernikov, A.N. Bernshtam, S.P. Tolstov, and K.A. Akishev. Among them, A.N. Bernshtam who devoted more than 20 years of his life studying archaeological sites in Kyrgyzstan and Kazakhstan is of particular importance. Under his leadership, an archaeological expedition to Semirechensk was launched in 1933. Taraz, one of the most important sites of the Silk Road in Kazakhstan was also explored under his leadership. In the 1940^s, remains of a bath house with the original plan, the rich murals of geometric and vegetative motifs from the 11th and 12th centuries were discovered at the citadel fort of Taraz. This was the first bathhouse ever excavated in the region of Central Asia (Bernshtam 1941, p. 54). From this excavation, Bernshtam formulated the concept of the Saka-Wusun continuity in relation to the Wusun problems. In particular, he traced the genesis of the Saka-Wusun and their participation in the processes of formation of the ethnic genesis of the Kushans, Hephthalites, and Turks. Furthermore, Bernshtam identified the Wusun territorial culture. He paid particular attention to studying the Kangui tribes which the modern

Kazakhs believe to be their ancestors. The names Kanli and Uysun have been preserved until now as the names of the founding clans of the Kazakh people. Based on Chinese chronicles, there on the territory of Semirechye, Bernshtam proved the coexistence of the Wusuns and the Kangui (Kangju in Chinese) and that the boundaries between them expanded along the valley of the Talas River. In contrast to many researchers of the time, Bernshtam rejected the idea of the Wusun migration and proposed that they were an autochthonous tribe.

The most famous Kazakh monument from this period is the burial of the priestess Wusun, dated to the 2nd century BC – AD 1st century, discovered in the gorge of Kargaly in 1939. Archaeological finds, such as a golden diadem with a rectangular openwork plate decorated with floral ornaments, images of animals, birds and fantastic anthropomorphic figures of demons, were discovered during the study of this monument. Bernshtam, who speculated that the Wusuns spoke a Turkic dialect, uncovered the meaning of the Kargaly diadem on the basis of Turkic-Mongolian mythology and ethnicity. According to him, the diadem bore emblems of happiness and well-being and symbols of elements of the heaven and earth that were closely related to the shamanic beliefs of the local nomads. The diadem combined images and motifs characteristic of Chinese art (for example, dragon and the “world mountain”), with features resembling the Saka, Wusun, and the Xiongnu art (such as images of deer, goat, wild boar, tiger, and griffin). It is assumed then that the artefacts from the Kargaly site were made by local craftsmen with the use of Chinese art traditions (Bernshtam 1940, pp. 23–31).

Bernshtam was also engaged in the study of controversial issues such as the Sogdian influence on local Central

Asian culture. During the excavation of Semirechye cities, Bernshtam tried to collect evidence of Sogdian resettlements along the Seven Rivers and its consequences. He believed that the Sogdians who had the tradition of agricultural and urban culture had been the builders of the cities. Withstanding later evidence and postulations, Bernshtam’s hypothesis and schemes of development, continue to dominate the archaeological studies of the region still today.

The new rise of the Silk Road research in Kazakhstan came in the late 1980^s, when the UNESCO suggested that international research be conducted on the topic of the Silk Road. In 1988, in the framework of the World Decade for Cultural Development (1988–1997), UNESCO officially launched a project entitled “Integral Study of the Silk Roads: Roads of Dialogue,” and it continued until the 1990^s. Under the project, a series of inter-disciplinary seminars and meetings with local specialists were organized and expeditions along the main Silk Roads were conducted to provide the opportunity to produce documentary films, publications and exhibitions, as well as to launch new field studies (<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000159312>).

First, excavations of the nomadic kurgans in the north was led by Z.S. Samashev from 1997. The Berel cemetery excavation was jointly conducted with French scholars. As a result of the project, burials in the permafrost region of Altai in Kazakhstan were researched and a series of findings and scholarly works were published (Samashev *et al.* 1998, pp. 174–175). A Kurgan 11 of Berel cemetery gained an international fame because it is a burial ground of a couple with a stone-reinforced, wooden chamber. Also significant was the discovery of rugs, pelts, and wooden sculptures that were considerable rarities and were

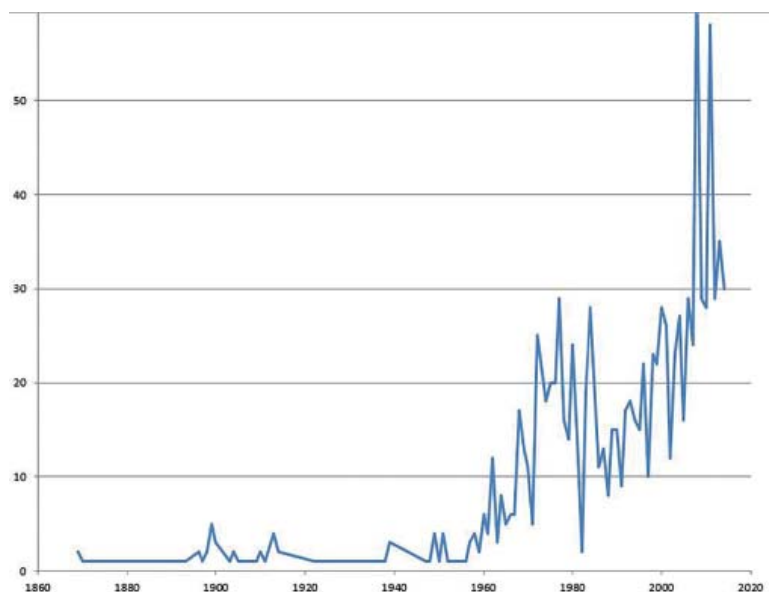

Fig. 1. Trend in studies relating to the Silk Road cities in Southern Kazakhstan over the past 160 years, calculated by the author based on literature represented in (Kuznetsova, O.V., 2014)

Рис. 1. Тенденция в исследованиях, касающихся городов Шелкового пути в Южном Казахстане за последние 160 лет, рассчитанная автором на основе литературы, представленной в монографии Кузнецовой О.В. (Кузнецова О. В., 2014)

similar to the relics of the Russian Altai Pazyryk cultures (Samashev and Frankfort 1999, pp. 33–37; Samashev *et al.* 2000, pp. 33–37). A vivid example of the variety of gold relics of the Saka period is the burial mound 5 of the Taldy 2 burial ground, located in the Karaganda region of Kazakhstan, studied by A. Beysenov. More than 200 large and 30,000 small fragments of gold ornaments, dated 5th – 4th century BC were found during his search (Beisenov 2011).

The series of studies conducted in the 1990s did not end only with the joint investigations by UNESCO, but continued with activities to transform these sites into tourist attractions and as sources of collective historical heritage of the Central Asian Turkic nations after the fall of the Soviet Union. In 1998, Kazakhstan catalogued 30 Silk Road remains and sites in a publication entitled “Silk Road, the Birth of a Historical Center, Growth of Turkic Cultural Heritages and Development of

Tourism Resources.” Moreover, some of the sites and relics of the Silk Road have been subjects of long-term investigations (Baipakov and Pleteneva 2001, p. 8). A good example of such case is the Bestamak barrows, which have been studied for the past two decades. Starting from the 2000^s, efforts for international joint-studies have increased. Cooperation with Japan was particularly notable. Through the Japanese Funds-in-Trust, a UNESCO international project for the restoration of the ancient city of Otrar, Kazakhstan, was undertaken from 2001 to 2004.

It is difficult to a present accurate statistics on the trend of archaeological research of Kazakhstan. However, there are comparatively detailed references on the research on Otrar, an important urban heritage site, for example. Figure 1 shows the numbers of Kazakh archaeological studies over the past 160 years.

From 2015 to 2018, a significant project in the form of an art catalog

publication and exhibition of the gold culture of Kazakhstan was undertaken, in which the first author of this paper (In Uk Kang) was involved. The National Institute of Cultural Heritage has summarized the gold artifacts of the Xiongnu culture and Saka culture in Kazakhstan's kurgans and published books in Korean and Kazakh. Moreover, in December 2018, a special exhibition was held at the National Museum of Korea under Kazakhstan's title, *The Cradleland of the Golden Man*. They combined archaeological achievements in Kazakhstan over the past 100 years. Furthermore, these works would have been impossible without the research by pioneers such as Bernshtam.

Moreover, the book *The Silk Road of Kazakhstan* by Karl Baipakov was translated and published in 2017. The first author of this paper performed editorial supervision and provided explanatory notes. This book, almost 600 pages long, systematically contains Kazakhstan's archaeological achievements up to the 2000s.

In sum, studies conducted during the time of the Soviet Union and after the Soviet's collapse are not entirely disconnected; therefore, the trend shows a gradual increase in volume.

Kyrgyzstan

Kyrgyzstan shares its border with Kazakhstan to the north and Xinjiang of China to the east. The Silk Road archaeology of this region is represented by research on the Tian Shan mountain range. It shares a lot of archaeological similarities with Southern Kazakhstan including the Andronovo culture inherited by the Saka culture. The focus of Kyrgyz archaeological research is concentrated on the Fergana region. In particular, the southern regions of Kyrgyzstan were developed around an oasis with booming agriculture while in the northern region nomadic culture flourished. As such, the archaeological studies of Kyrgyzstan provide important

information on the development of agriculture in the oasis regions, introduction of the nomadic lifestyle, and coexistence of the agricultural and nomadic lifestyles.

As for the UNESCO World Heritage, Kyrgyzstan inscribed "The Silk Roads: Routes Network of Chang'an-Tianshan Corridor," in cooperation with China in 2014. It covers an expansive road that spans approximately 5,000 km, as well as the artefacts surrounding it. It starts in Chang'an, the ancient capital of the Han and the Tang Dynasties, which corresponds to today's Xi'an, and extends to western Kazakhstan and Zhetysay in modern-day Kyrgyzstan. Its temporal scope ranges from the second century BC to the AD 16th century, or from the Han and then Tang Dynasties to that of the Ming (Kang, 2019).

Archaeological investigations of the Kyrgyzstani Silk Road comprised of various studies done by several scholars. This established the overall structure of archaeological studies of Kyrgyzstan during the Soviet period with A.N. Bernshtam serving as a leading scholar. Between the 1940s and the 1950s, Bernshtam engaged in a number of archaeological expeditions including those of the Tian Shan mountain range (1944–46, 1949), the Pamir Mountains (1947–48), and the Fergana Valley (1950–52). Bernshtam classified a group of nomadic and sedentary peoples of the Kirgiz regions as belonging to the Wusun-Saka culture. Regionally, Bernshtam's research covered key heritage sites including Karachako kurgan from the 500s BC to the 400s BC around the Ili River and the Chui River regions; Berk-kara 1 and Naryn kurgans of the 400s BC to the 300s BC. These burials were examples of typical Saka culture, represented by artefacts with brilliant golden animal decorations. This culture spread to the Ordos region in North China.

Bernshtam's research also extended to the Wusun culture of settlers: most of

the tombs found at the Chui River and the Lake Issyk-Kul from the 2nd to the 1st century BC that included the Berkkara-2 relics that belonged to this culture. These tombs also included golden relics, which show the influence of the steppe route. Key examples include Karachoko-2 and Kargaly-2. Aside from these examples, there are also a number of relics from the 1st century BC to 2nd century AD around the Ili River region that are also significant.

In the Ili region of Xinjiang, which shares a border with Kyrgyzstan, there are ancient tombs similar to those of the Wusun culture. Overall, these can be placed in the same category as the ancient tombs (kurgans) built by the nomadic peoples in the Southern Siberia-Kazakhstan regions. These tombs are orthogonal to the river, with typically 20 tombs laid out from south to north. In terms of the size of each tomb, a large tomb is over 260 meters in circumference, a medium-sized tomb is between 100 and 150 meters in circumference, and a small-sized one is around 50 meters in circumference. There are not many relics left because the tombs were raided extensively.

Kyrgyzstan research on the oasis cities was conducted by scholars including M. Masson, Yu. Buryakov, and Yu. Zadnevrovsky. Masson studied cities in the southern region of Kyrgyzstan, such as Burany, Ak-Beshim, and Uzgen (Masson and Goryacheva 1985; Goryacheva, 1983). Another significant archaeological research on the oasis cities has been carried out by Zadnevrovsky, who focused on the oasis region of Osh-Karasuu. He suggested that the oasis cities in the Fergana Valley could be divided into different eras: the Ailata era of 700 BC to 500 BC, the Marhama era of 300 BC to CE 200, and the Kassan era of CE 200 to CE 500.

Another phenomenon around the switchover period between BC and AD in Kyrgyzstan is the emergence of cata-

comb culture. It is thought to have been left behind by the settlers of the Tian Shan mountain range. One leading example is the Kenkol kurgan excavated by Bernshtam in beginning of the 1930s. Based on excavation results, the Kenkol culture became a separate designation for catacomb culture. The relics date from the late 1st century CE to the early 2nd century CE when the Huns of the north lived in the region. These tombs are thought to be remains of the regional settlers influenced by the northern Hun culture (Aitbayeva, 2017. Pp. 23–28).

Other regions have also been subjects of research, contributing to the setting of the archaeological cultures of each region. In 1963, archaeological research on the Talas Valley was produced, followed by the findings on the Issyk-Kul region in 1975 and on Ketmen-Tyube regions in 1977. These investigations finally resulted in the establishment of an overall cultural chronology of each region. Since the 1990s, a general overview on the whole Kyrgyzstan has published in several times (for example, Tabaldiev, 2011).

Perspectives on Silk Road studies and role of Korean archaeology and UNESCO

Tasks for understanding the archaeology of the Silk Road

As demonstrated above, the Silk Road research, which has recently attracted significant interest from across the world, including South Korea, can never be completed by a few countries' efforts in a short period. The research is mostly based on archaeological studies from the Soviet Union and the Commonwealth of Independent States (CIS) countries, which have been conducted continuously since the early 20th century. An excellent example of this is the study of Bernshtam, who worked actively in the vast regions of Kazakhstan and Uzbekistan. The significant fields of excavations and research conducted in many Central Asian countries, including

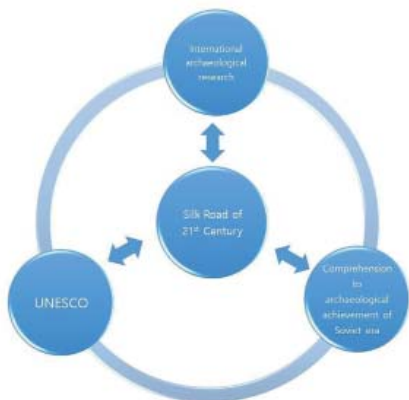

Fig. 2. Perspectives on the Silk Road study of 21st century.

Рис. 2. Перспективы изучения Шелкового пути в 21 веке.

South Korea, are kurgans and Xiongnu-era gold cultures. It should be noted that Bernshtam's research on the culture of the Xiongnu era was not limited to one country in present Central Asia and serves as a bridge connecting the east and the west of Eurasia.

Furthermore, after the late 20th century, it has led to joint research with many countries, including South Korea. With such far-reaching interests, research on the Silk Road has been expanded in quantitative terms in recent years. However, these archaeological achievements are not widely shared worldwide, and the idea of the Silk Road, that is, exchange and coexistence of the eastern and western civilizations, is not widely disseminated. The role of UNESCO as an international mediator of conflicts is emphasized in this context. In other words, various international archaeological projects surrounding Eurasia can contribute to a global plan called the Silk Road, as illustrated in the figure.

To summarize the Silk Road studies in Central Asia, we must consider the following issues when conducting research on Central Asia.

First, the Silk Road is not a 'separate piece' of history but a complex place where the civilizations of the east and

west collided. As such, an understanding of their geo-cultural backgrounds must precede with the research. The Central Asian cultures can largely be divided geographically and culturally into the plains culture of the north and the oases of the dry lands, Bactria and Kushan, in Southern Kazakhstan. In other words, it can be divided into the plains, the caravans, and the Southern part of the Silk Road that connect to the Tea Horse Road. As their archaeological and geographical origins differ from one another, the academic approach to the topic of the Silk Road must be taken after a correct understanding of history and culture of Central Asia and its neighboring areas.

Second, an understanding of relevant Russian scholarship is critical. While there is only English and Japanese literature mainly available for researchers in Korea, Russia has accumulated an immense amount of studies on the history of the Silk Road throughout the past centuries. Moreover, the relevant literature produced during the Soviet-era is being increasingly revisited and actively utilized. In practice, studies by S. Hedin, A. Stein, and others are merely discussed as part of research history in the international academic scene with very little actual significance highlighted. Ultimately, the understanding of Russian texts will greatly complement the research undertaken by different countries, for example, those conducted by the National Research Institute of Cultural Heritage in Korea.

Third, understanding on the relationship between Russia and China as well as the dynamics within Central Asia states is crucial. Certainly, international activities of academic and cultural institutions are not directly related to politics; yet, the Central Asian region hosts a set of very complex political relations among Muslims, Russians, and Chinese, and one must always be mindful that consideration on these issues may influence the research on cultural heritage.

Fourth, Korea and many other countries must be able to provide the infrastructure and technology of cultural heritage research in joint excavations with the local and international scholars. However, as the cultural heritage in the Silk Road draws international attention, many scholars have taken a look at it. From the points of view of each Central Asian country, however, we should consider how those studies could benefit from joint excavations with other countries. Generally, the similarities of countries that have been engaged in multi-year joint projects, such as Germany and Japan, can be drawn that they do not simply conduct excavation projects but that they also involve the continuous exchange of human resources and conservation techniques; this must be considered strategically. If joint activities, such as interpersonal exchanges and conservation technology research, are accomplished instead of short-term joint excavations joint excavations, a more long-term approach can be adopted for collaboration on the Silk Road research in different countries.

Fifth, the cultural heritage projects of Central Asia must not end by themselves but must be linked with other areas of cultural exchange. While this cannot be achieved solely by one country in the short term, the close cooperation between non-governmental academic institutions, such as universities, research institutions involved in Eurasia projects will lead to great results. Collaboration with the International Council on Monuments and Sites (ICOMOS), the advisory organization for cultural heritage to UNESCO, will be another good partner to work with in studying the Silk Road from a different angle.

Conclusion

The Silk Road is a representative cultural agenda of Eurasia, in which international organizations such as UNESCO and various countries are actively engaged. In this paper, the prospects were discussed from scholars' standpoint in South Korea, one of the leading countries that is actively involved in archaeological research in Eurasia.

For Korea and many countries, the Silk Road still retains a strong symbolism of the Western adventurer. However, Russian scholars have conducted practical in-depth studies on the Silk Road in Central Asia for the past 150 years. For example, in the 19th century, N.N. Pantusov, who studied the peoples and cultures of the Silk Road while being stationed in Kazakhstan, followed in the footsteps of Przewalski, who discovered Lop Nor and first found evidence of the dispersion of Christianity (Nestorian) to the east through the Silk Road. However, the Silk Road research of Central Asia in the past 100 years remained largely in the dark due to the Russian language barrier. The Silk Road studies in the 21st century refuse to host an imperialistic view that focuses on the power of individual nations; nor does it reflect the ideological barrier that was set during the Cold War. A new balanced view on the diverse cultures and exchanges among people is required. To achieve this, we need diverse points of view on the Silk Road that transcend borders and prejudices. This is why we must understand the archaeological research on Central Asia since the Soviet Union era, which have been overshadowed by the Western-focused Silk Road studies.

REFERENCES

1. Aitbayeva, A. E. 2017. In *Znaniye* 5-2 (45), 23–28 (in Russian).
2. Baipakov, K. M. 2007. *Velikii Shelkovyi put' na territorii Kazakhstana (The Great Silk Road in Kazakhstan)*. Almaty: "Adamar" Publ. (in Russian).

3. Baypakov, K. M., Savel'yeva, T. V., Chang K. 2002. *Srednevekovye goroda i poseleniya Severo-Vostochnogo Zhetysu (Medieval towns and settlements of North-East Jetyssu)* (in Russian).

4. Baypakov, K. M., Peteneva, G. G. 2001. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (1), 3–31 (in Russian).

5. Bejsenov, A. Z. 2011. In Bejsenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoy Evrazii (The Saka Culture of the Saryarka)*. Karagandy: "Begazy Tasmola" Publ., 14–20 (in Russian).

6. Bernshtam, A. N. 1941. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* V, Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 23–31 (in Russian).

7. Bernshtam, A. N. 1941. *Pamyatniki stariny Talasskoy doliny (Monuments of Antiquity in the Talas valley)*. Alma-Ata: "Kazogiz" Publ. (in Russian).

8. Goryacheva V. D. 1983. *Srednevekovye gorodskie tsentry i arkhitekturnye ansamblы Kirgizii (Medieval town centers and architectural ensembles of Kyrgyzstan)*. Frunze: "Ilim" Publ. (in Russian).

9. In Masson, V. M. at el. (eds). 1998. *Izuchenie drevnego i srednevekovogo Kyrgyzstana (Study of ancient and medieval Kyrgyzstan)* 1. Bishkek: "Muras" Publ. (in Russian).

10. Kuznetsova, O. V. 2014. In *Nauchnye biografii uchastnikov i bibliografiya issledovaniy (Academic biographies of participants and bibliography of studies)*. Almaty: Institute of Archaeology Publ., 11–49 (in Russian).

11. Masson, M. E., Gorjacheva, V. D. 1985. *Burana (Burana)*. Frunze: "Ilim" Publ. (in Russian).

12. In Masson, V. M. at el. (eds). 1999. *Novoe o drevnem i srednevekovom Kyrgyzstane (Recent data on ancient and medieval Kyrgyzstan)* 2. Bishkek: "Muras" Publ. (in Russian).

13. Samashev, Z. S. 2011. *Berel*. Almaty: "Taimas" Publ. (in Russian).

14. Samashev, Z. S., Frankfort, A. P. 1999. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (1), 33–37 (in Russian).

15. Tabaldiev, K. Sh. 2011. *Drevnie pamyatniki Tyan'-Shanya (Ancient monuments of the Tien Shan)*. Bishkek: Central Asia University Publ. (in Russian).

16. <http://whc.unesco.org/en/list/1518> Archaeological Site of Ani

17. <http://whc.unesco.org/uploads/nominations/1442.pdf> pp. 36, 428–429.

18. Kang, In Uk. 2013. In *Journal of Central Asian Studies*, 18–2, Seoul: The Korean Society for Central Asian Studies, 88–113 (in Korean).

19. Kang, In Uk. 2014. In *Paeksanhakbo*, 97. Seoul: Paeksan Society, 433–461 (in Korean).

20. Kang, In Uk. 2018. "Travelers over 5000 years on Silk Road" in "Yurasiaroyi Shiganyouhaeng. In *Time travel to Eurasia*. Seoul: Sagyejeol Publisher (in English).

21. Kang, In Uk. 2019. In *The Role of UNESCO in the Search for Peace*, by the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea and the Korean National Commission for UNESCO. Seoul, 51–66 (in English).

22. Park, J. S., Voyakin, D. 2009. In *Journal of Archaeological Science*. Vol. 36.3, 622–628 (in English).

23. Watenpaugh K. D. 2014. In *Journal of the Society of Architectural Historians*, vol. 73(4). University of California Press, 528–555.

About the Authors:

Kang In Uk. Professor. College of Humanities, Kyung Hee University. Kyungheedaero-27, Dongdaemun-gu, 02447, Seoul, Korea; kanginuk@khu.ac.kr

Kim Jihon. Senior Program Specialist. Korean National Commission for UNESCO. Myungdong-gil, 26, Jung-Gu, 04536, Seoul, Korea; jhkim@unesco.or.kr

Aitbayeva Aigerim. Ph.D. Al Farabi Kazakh National University. Al-Farabi Ave., 71, Almaty, 050040, Kazakhstan; aaitbaeva84@mail.ru

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КОРЕЕ
И ИССЛЕДОВАНИЯ А.Н. БЕРНШТАМА**

Кан Ин Ук, Ким Чжи Хен, Айтбаева Айгерим

В этой статье предлагаются три меры для нового археологического исследования Великого Шелкового пути. Во-первых, необходимо систематическое понимание археологических достижений на Шелковом пути, сделанных в советское время до 1990-х годов. В настоящее время многие ученые в Восточной Азии, включая Южную Корею, полагаются на литературу, написанную в основном на английском языке, чтобы изучить и понять Шелковый путь. Однако археологические раскопки на Шелковом пути велись в основном до 1990-х годов, то есть они не были хорошо известны в Южной Корее и на Западе. Систематическое понимание этих достижений может стать основой для новых международных исследований. Хорошим примером могут служить достижения Бернштама, представлявшие исследования до 1960-х годов. Недавно был издан художественный каталог о золотой культуре Южной Кореи и Казахстана. Во-вторых, мы должны отойти от узкого национализма, пропагандируемого ныне независимыми странами, и заняться международными исследованиями. Истинная ценность Шелкового пути должна заключаться в поиске точек соприкосновения за пределами границ и идеологии. Таким образом, необходимо понять тенденции исследований в отдельных странах, включая Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Россию. Азиатская археологическая конференция, ежегодно проводимая Национальным научно-исследовательским институтом культурного наследия Южной Кореи, является прекрасным примером таких усилий. Наконец, археологические исследования на Шелковом пути должны продвигаться вперед не только как академическое занятие, но и как средство глобального культурного сотрудничества. Таким образом, активное сотрудничество с международными организациями, такими как ЮНЕСКО, имеет решающее значение. Таким образом, если эти три аспекта рассматривать вместе, то международные археологические исследования Шелкового пути, проводимые Южной Кореей на новом этапе XXI века, внесут свой вклад в исследования Шелкового пути в новую эру.

Ключевые слова: археология, Шелковый путь, Центральная Азия, курган, ЮНЕСКО, Советский Союз.

Информация об авторах:

Кан Ин Ук, профессор, Гуманитарный колледж Университета Кен Хи (г. Сеул, Южная Корея); kanginuk@khu.ac.kr

Ким Чжи Хун, старший специалист по программам, Корейская национальная комиссия по делам ЮНЕСКО (г. Сеул, Южная Корея); jhkim@unesco.or.kr

Айтбаева Айгерим, докторант, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (г. Алматы, Республика Казахстан); aaitbaeva84@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

Работа была поддержана Министерством образования Республики Корея и Национальным исследовательским фондом Кореи (NRF-2019S1A5C2A01083578)

УДК 902.911

<https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.18.31>

ПОСУДНОЕ СТЕКЛО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА ШАМКИР РАННЕИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА

© 2021 г. Т.М. Достиев

Автором статьи рассматривается коллекция стеклянной посуды VIII–X вв. средневекового городища Шамкир, расположенного в западном регионе Азербайджанской Республики. По функциональному признаку эта коллекция представлена столовой посудой и парфюмерно-аптекарской посудой. Среди столовой посуды преобладают сосуды для питья. Парфюмерно-аптекарская посуда представлена, главным образом, образцами флаконов различного размера. В производстве посудного стекла применялись различные приемы изготовления, в частности, выдувание в форму и свободное дутье. Применялась также техника растягивания, сварки, полирования, шлифования. Стекло Шамкира относится к химическому классу Na–Ca–Si с преобладанием типа Na(K)–Ca(Mg)–Al–Si. Большинство стеклянных сосудов декорированы рельефными геометрическими орнаментами, в виде овалов, кружков, лучеобразных фигур, «вихревой розетки», «сотovým» орнаментом и т.д. Богатые сырьевые ресурсы региона, профессиональные традиции и инновации создали благоприятные условия для улучшения качества и расширения ассортимента стеклянной посуды. В быту горожан широко применялась стеклянная посуда различного назначения. Вещественные источники свидетельствуют о большом сдвиге в стекольном производстве Шамкира в VIII–X вв. и производство стеклянной посуды стало сыграть заметную роль в экономике города.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, городище Шамкир, стекло, раннеисламский период, столовая посуда, парфюмерно-аптекарская посуда

Введение

Средневековое городище Шамкир расположено в западном регионе Азербайджанской Республики, на левом берегу реки Шамкирчай, на северной окраине села Гядимгала Шамкирского района. С 2006 года на городище Шамкир ведутся археологические раскопки, в результате которых выявлены многочисленные артефакты различного назначения: орудия труда, оружие, образцы торевтики, строительные материалы, неполированная и глазурованная керамика, фаянсовая посуда, стеклянные изделия, украшения, монеты и т. д.

Не вызывает сомнения, что стеклянные изделия как вещественный источник являются также своеобразным индикатором уровня развития культуры общества (Валиулина, 2005, с. 7). В результате археологических раскопок собрана богатая коллекция стеклянных изделий, которая по характерным признакам, в частности по устойчивой номенклатуре, форме изделий, приемам изготовле-

ния, характеру декора, химическому составу – является неотъемлемой частью исламского стекла.

Археологические данные свидетельствуют о том, что стекло, как наиболее эффективный материал, успешно использовалось как в массовом выпуске бытовой посуды, так и при изготовлении предметов украшений, в частности браслетов, перстней, бус и т. д.

Наиболее распространенными и интересными стеклянными изделиями были образцы бытовой посуды, которые выполняли утилитарные функции и одновременно выделялись художественным оформлением. Встречаются сосуды причудливых форм, имеющие художественную ценность без дополнительного декорирования. Они подтверждают известное мнение, что «главные художественные, декоративные начала стеклянных изделий образуют форма и цвет» (Шапова, 1983, с. 105).

Целью данной работы является исследование посудного стекла Шамкира раннеисламского периода.

Типология посудного стекла

В классификации стеклянных изделий из Шамкира важное значение имеет функциональное назначение, форма, техника изготовления и декор артефактов. К сожалению, преобладающее большинство находок обнаружено во фрагментах. Целые изделия встречаются изредка. По функциональному признаку посудное стекло раннеисламского времени представлено столовой посудой и парфюмерно-аптекарской посудой.

Столовая посуда представлена кувшинами, банкообразными сосудами, чашами, пиалами и рюмкообразными сосудами.

Кувшины представлены фрагментами, среди которых встречаются венчики, горловины, стенки от тулова, донца, ручки. Во фрагментах был обнаружен широкогорлый кувшин, имеющий кольцевой поддон, сферическое тулово, цилиндрическое горло (Достиев, 2009, с. 65, рис. 1–2). Кувшин был изготовлен из стекла зеленоватого оттенка невысокого качества. Его поверхность была покрыта налетом иризации. В стекле было много мелких пузырьков воздуха. Плечевая часть кувшина украшена накладными прямыми линиями и конусовидными выступами. Весьма привлекательна горловина сосуда с накладным орнаментом в виде змеи (Достиев, 2009, рис. 2). Небезынтересно отметить, что в художественном ремесле средневекового Азербайджана, в том числе в художественном стекле, этот зооморфный декор применялся довольно широко. В азербайджанских народных сказаниях и легендах, восходящих к глубокой древности, образ змеи олицетворяет такие положительные качества, как ум и мудрость (Голубкина, 1951, с. 115).

В монументальном здании IX–X вв. были обнаружены фрагменты толстостенных кувшинов с высокой цилиндрической горловиной, изготов-

ленных из матового стекла защитного цвета. В одном экземпляре горловина украшена накладным пояском (рис. 1: 1–2).

От узкогорлого кувшина конца X – начала XI века сохранились трубчатая горловина и дугообразная ручка с выступом. Кувшин изготовлен из полупрозрачного стекла зеленоватого оттенка. Горловина украшена накладным пояском. Судя по сохранившимся на ручке остаткам стенки тулова, можно предположить, что тулово кувшина имело сферическую форму, а стенки тулова по сравнению с горловиной были тоньше, и ее толщина не превышала 1 мм. Поверхность кувшина имеет хорошую огневую полировку (рис. 1: 5).

Кувшинчики со сливом представлены верхней частью. Сохранились в основном венчики и частично горлышко. Узкие, трубчатые горлышки кувшинов украшены рельефным пояском. На венчике против слива сохранились следы припаянной ручки (рис. 1: 3–4; 2: 1). Кувшины рассматриваемого типа изготовлены из прозрачного стекла с зеленоватым или же желтоватым оттенком. Аналогичные кувшины раннеисламского периода известны из памятников Ближнего Востока и Центральной Азии (Scanlon and Pinder-Wilson, 2001, p. 202, fig. 43f; Pollak, 2007, p. 117–118; Художественная культура, 2011, с. 18, рис. 4).

В коллекции стеклянных изделий раннеисламского периода имеются ручки разной величины. Ручки, будучи характерными конструктивными элементами кувшинов и кружек, в основном имеют дугообразную или Г-образную форму (рис. 1: 6–9; 2: 2–5). Преобладающее их большинство декорировано с вертикальным выступом в верхней части. В сечении они плоские, плоско-выпуклые, реже круглые, изготовлены из зеленоватого или желтоватого стекла. В частности, круглая в сечении ручка, видимо, от

Рис. 1. 1–5 – фрагменты кувшинов; 6–9 – ручки
 Fig. 1. 1–5 – fragments of jugs; 6–9 – handles

кувшина, обнаруженная на раскопе V, изготовлена из полупрозрачного стекла сине-зеленого цвета, поверхность ее гладкая, имеет огневую полировку. Диаметр ручки 1,1 см, сохранившаяся высота 7,8 см (рис. 1: 6). Тонкая плоская в сечении ручка, обнаруженная в монументальном здании IX–X вв. на раскопе IV, изготовлена из бесц-

ветного полупрозрачного стекла. Верхний конец сломан, а нижний образует утолщение в виде усеченного конуса. Ширина ручки 0,7 см, толщина 2,5 мм, сохранившаяся высота 10 см (рис. 2: 2). Встречаются экземпляры с производственным дефектом. Так, например, в нижней части небольшой ручки дугообразной формы, из-

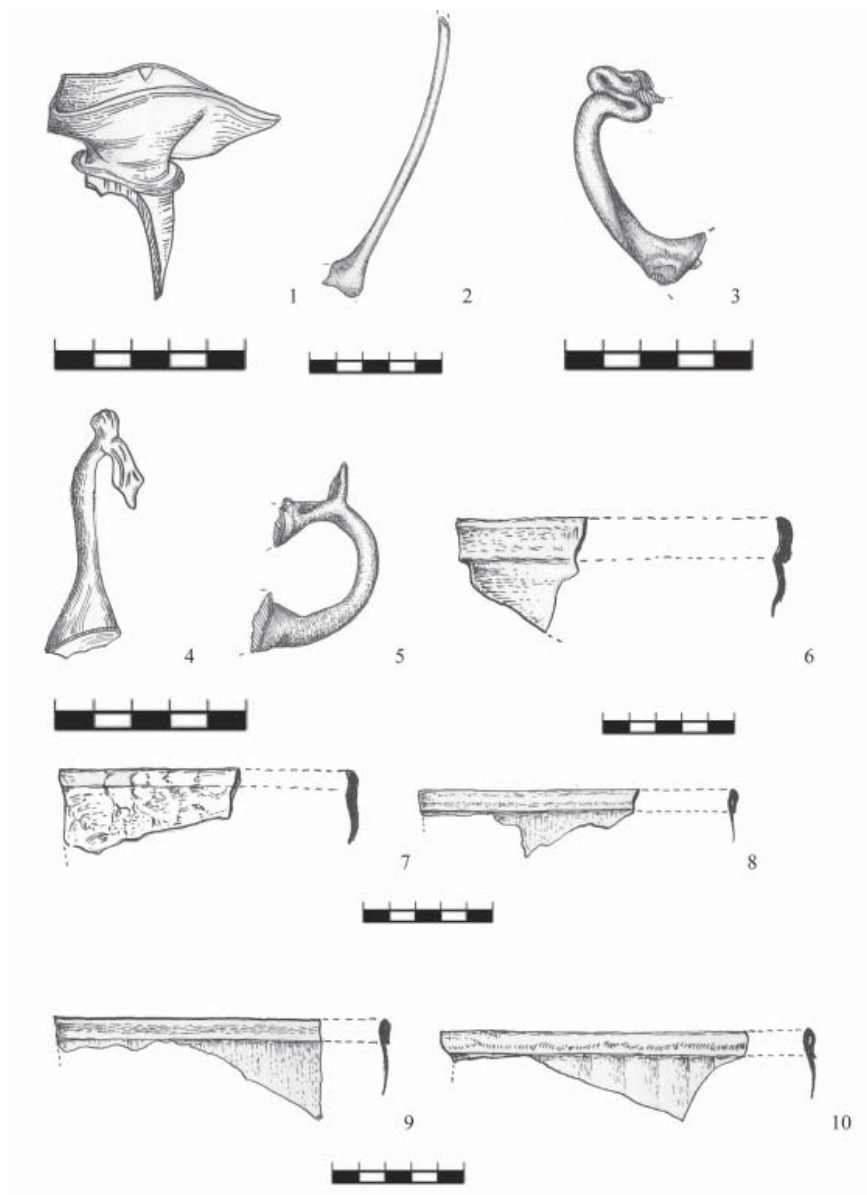

Рис. 2. 1 – фрагмент кувшина; 2–5 – ручки; 6–10 – фрагменты чаш
 Fig. 2. 1 – fragment of a jug; 2–5 – handles; 6–10 – bowl fragments

готовленной из стекла зеленого цвета, обнаруженной на раскопе VI на территории шахристана, видны следы деформации (рис. 2: 3). Ширина этой ручки 0,8–1 см, высота достигает 5,8 см. Небольшая ручка дуговидной формой с выступом, изготовленная из непрозрачного стекла зеленоватого оттенка, видимо, принадлежит к

сосуду типа кружек. Ширина ручки 5–7 мм, толщина 3,5 мм (рис. 2: 5). Кружка с подобной ручкой, датированной XI веком, обнаружена на раскопе IV (инв. 278/2013).

В коллекции стеклянной посуды раннеисламского периода банки и кружки немногочисленны и представлены фрагментами. Они имели вер-

Рис. 3. 1 – фрагмент кружки; 2 – чаша; 3–7 – фрагменты стаканов; 8–9 – фрагменты рюмок; 10–11 – образцы небольших сосудов с тремя ножками

Fig. 3. 1 – fragment of a mug; 2 – bowl; 3–7 – fragments of glasses; 8–9 – fragments of goblet; 10–11 – samples of small vessels with three legs

тикальные стенки, прямой или отогнутый наружу венчик. Сравнительно хорошо сохранился экземпляр, обнаруженный в монументальном здании IX–X вв. на раскопе IV, представляющий собой высокую вертикальную стенку с прямым венчиком. Эта банка

или кружка изготовлена из полупрозрачного стекла с голубоватым оттенком и украшена рельефным геометрическим орнаментом (рис. 3: 1).

Чаши представлены в основном фрагментами донца, стенки или венчика. Судя по фрагментам, среди этой

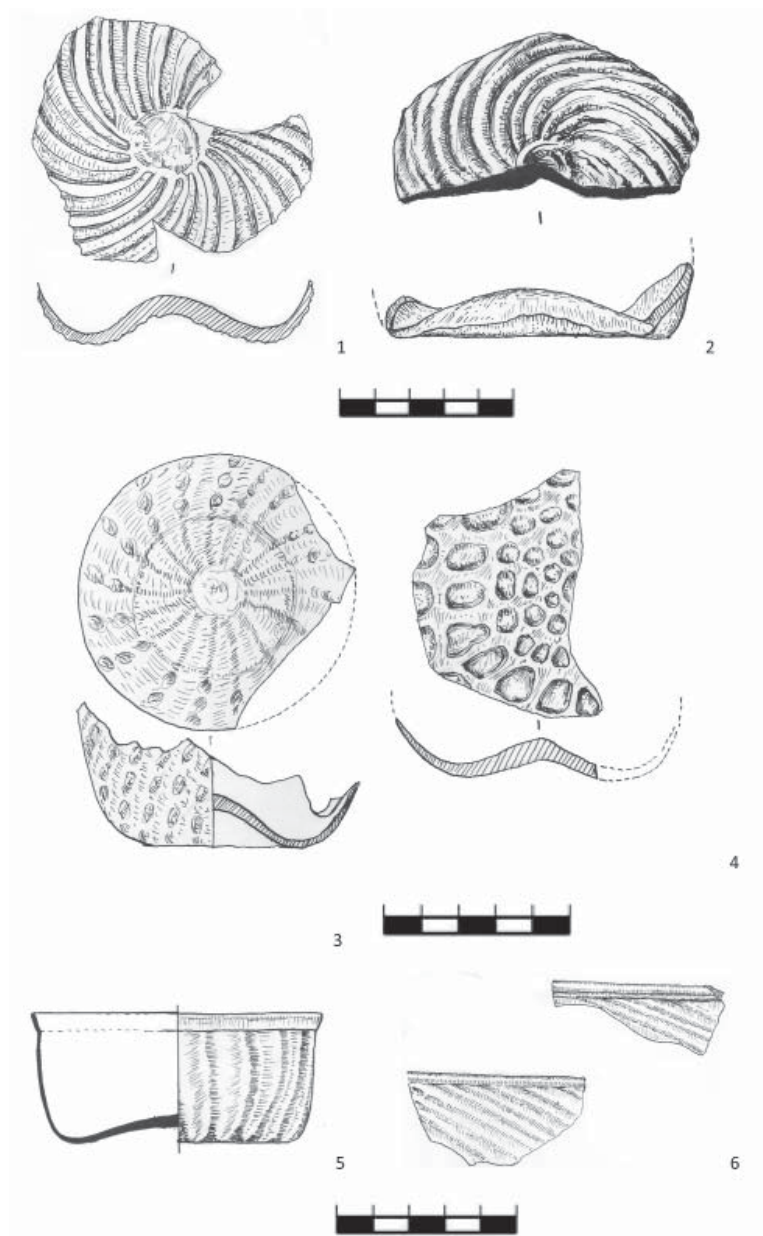

Рис. 4. 1–4 – фрагменты стаканов; 5–6 – пиалы

Fig. 4. 1–4 – fragments of glasses; 5–6 – cups

категории можно выделить два типа. Лучшей сохранностью выделяется чаша I типа с плоским, слегка вогнутым в центре дном, невысокими вертикальными стенками и закругленным венчиком. Она изготовлена из стекла черного цвета, техникой выдувания в форму. Стенка и донце

чаши снаружи украшены рельефными косыми линиями (рис. 3: 2). Диаметр донца 7,6 см, высота стенки 4,2 см. Аналогичные чаши известны из археологических раскопок средневековых городов Азербайджана (Ахмедов, Фоменко, 1987, с. 157; Фоменко, 1962, с. 31–40), Ближнего Востока (Pollak,

2007, p. 105–106, fig. 3: 15–16) и Центральной Азии (Художественная культура, 2011, с. 71, рис. 16: 1–2; там же, с. 110, илл. XXV). Судя по фрагментам, чаши II типа имели вогнутое внутрь донце, полусферическое тулово, утолщенный венчик. Валикообразное утолщение венчика создавалось в результате перегиба верхнего края сосуда и прижатия его к стенке (рис. 2: 6–10). Образцы этого типа изготовлены из прозрачного бесцветного стекла или же стекла зеленоватого оттенка. Аналогии шамкирским чашам II типа имеются в Дербенте (Кудрявцев, 1986, с. 219–220, рис. 4, 4, 7).

В IX–X вв. в быту горожан широко применялись стаканы, пиалы и рюмки. Они украшены простым орнаментом геометрического характера, нанесенным с помощью различных приемов – гравировкой, резьбой, штамповкой и т. д. Следует отметить, что на мусульманском Востоке в Средние века высоко ценились нежные, прозрачные стеклянные сосуды для питья. Они считались более гигиеничными. В этом значительную роль сыграл ислам, так как шариат не одобрял использование золотой и серебряной столовой посуды, и господствовало представление о превосходстве стеклянных сосудов. Не случайно средневековый источник (ал-Бируни) подчеркивает: «чистое золото скрывает наш напиток, в котором пороки, поэтому стекло лучше его» (Бируни, 1963, с. 208).

В изучаемый период самым широко распространенным видом столовой посуды были стаканы – основной сосуд для питья. Особенно много их фрагментов обнаружено на раскопе I на территории шахристана. Стаканы раннеисламского периода имеют вогнутое внутрь донце и несколько расширенное сверху цилиндрическое тулово. Край сосудов, как правило, чуть утолщен или совсем не выделен, но зашлифован (рис. 3: 3–4, 6–7; 4:

1–4). Они, как правило, изготовлены из стекла зеленоватого, желтоватого оттенка, преимущественно техникой выдувания в форму. Судя по фрагментам, диаметр сосудов типа стакан достигает 6–8 см, высота 8–12 см.

Большинство стаканов декорировано простым геометрическим орнаментом. Широко применялись рельефные орнаменты в виде овалов, кружков, лучеобразных фигур. Заслуживает внимания экземпляр, у которого на донце имеется орнамент в виде лучей из центра, переходящих по изогнутым кривым на стенки. На донце стакана этот орнамент создает как бы вихревую розетку (рис. 4: 1–2). Встречаются образцы, украшенные «сотовым» орнаментом. Напомним, что кубки, стаканы и пиалы, украшенные «сотовым» орнаментом, появились в Азербайджане еще в IV–V вв. (Нуриев, 2009, с. 155–161).

Реже встречаются кубки – сосуды для питья. Целый экземпляр не обнаружен. Сравнительно хорошо сохранился фрагмент, обнаруженный в монументальном здании IX–X вв. и датируемый IX веком. Сохранилась кольцевая подставка, которая выступает наружу и имеет гофрированный вид. Донце сосуда толстое, а вертикальные стенки тонкие. Кубок изготовлен из полупрозрачного стекла синевато-зеленого цвета (рис. 3: 5). Диаметр подставки 4,6 см.

Пиалы VIII–X вв. в основном представлены фрагментами. Особенно много их обнаружено на раскопе I на территории Шахристана. Большинство их были выдуты в формы. Дно их вогнутое, а на наружной поверхности сохранился след понтия. Обычно дно и стенки этих сосудов декорированы рельефными геометрическими орнаментами. Преобладают ребристые, сетчатые, овальные и другие геометрические фигуры. Встречается декор в виде «вихревой розетки». Выделяется своим декором пиала с округлен-

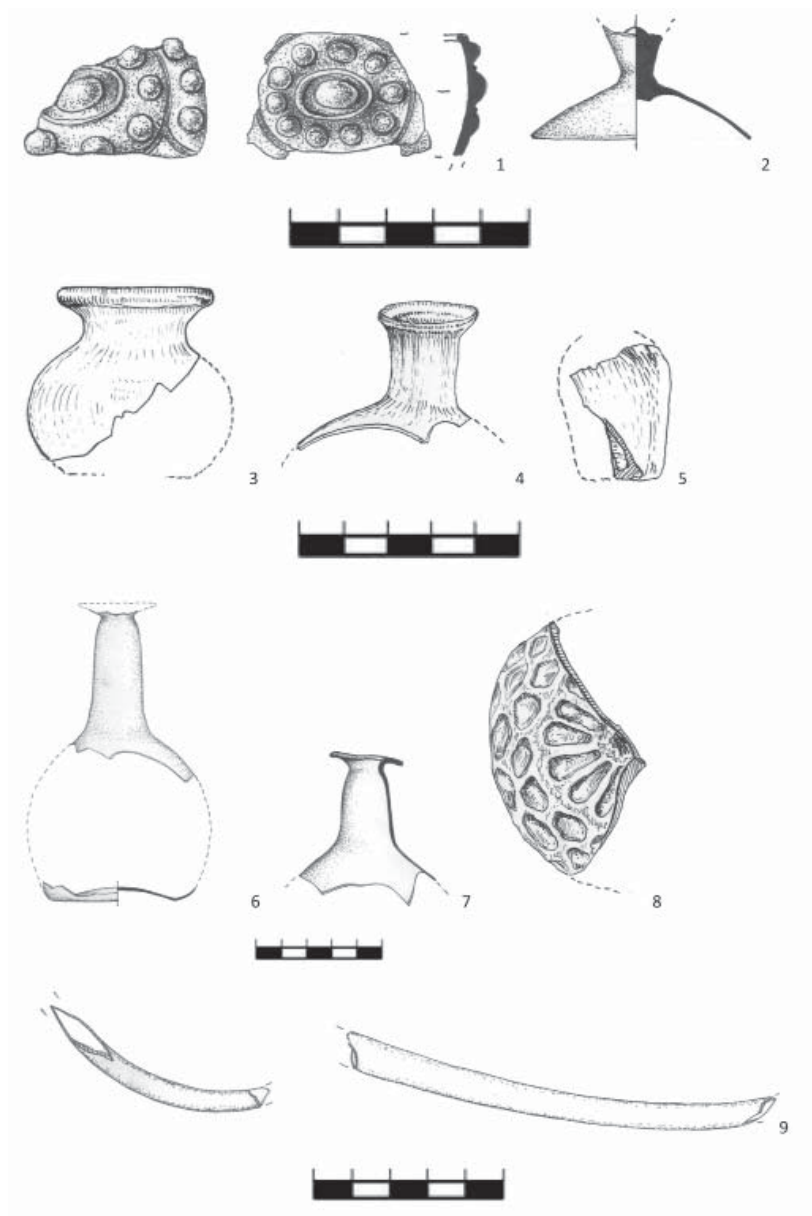

Рис. 5. 1 – фрагменты пиалы; 2 – фрагмент рюмки II типа; 3–7 – флаконы;
8 – фрагмент сфероконуса (?); 9 – стеклянные трубки
Fig. 5. 1– fragments of cups; 2 – a fragment of a goblet of type II; 3–7 – bottles;
8 – fragment of a spheroconical vessels (?); 9 – glass tubes

ным туловом, венчик которой завернут краем наружу. Она изготовлена из прозрачного стекла зеленоватого оттенка. Стенка пиалы украшена вертикальными темно-зелеными полосами. Чередование светлых и темных полос усиливает привлекательность со-

уда, придавая декору динамичность (рис. 4: 5).

Нам представляется, что небольшие осколки размером 3,4×2,5 см и 3,2×2 см, толщиной 3 мм, найденные в разные годы в монументальном здании IX–X вв. являются фрагментами

Рис. 6. 1–8 – фрагменты флаконов; 9 – миниатюрный сосудик для косметики;
10 – фрагмент алембика (?); 11 – фрагменты сфероконуса
Fig. 6. 1–8 – fragments of bottles; 9 – miniature cosmetic bottle; 10 – fragment of alembic (?);
11 – fragments of the spheroconical vessel (?)

одной пиалы, украшенной рельефным геометрическим орнаментом. Под венчиком стенка пиалы украшена простым рельефным орнаментом, состоящим из овалов и выпуклых, шишкообразных элементов (рис. 5: 1). Стекло матовое, бесцветное. Пиала с аналогичным декором, изготовленная из стекла зеленого цвета, известна из

раскопок средневекового городища Шабран в Северо-Восточном Азербайджане (Достиев, 1999, с. 76).

В целом стаканы и пиалы раннеисламского периода сохранили форму и декор IV–VII вв. (Нуриев, 2009, с. 152–155).

Рюмки раннеисламского времени немногочисленны и представлены в

основном фрагментами. Эти сосуды состояли из двух частей: верхнего резервуара и ножки на поддоне. Выделяется два типа рюмок. Судя по фрагментам, рюмки I типа имели ножку в виде сплошного стержня с дисковидной подножкой (рис. 3: 8–9). Диаметр ножки 0,6–1,1 см, а подножек 3,6–4 см. Они изготовлены из стекла желтоватого оттенка или синевато-зеленого цвета. Рюмки II типа имеют низкую ножку, подножку в виде пологого конуса (рис. 5: 2). Стекло бесцветное, матовое, покрыто слоем иризации. Судя по фрагменту, диаметр подножки 5,4 см, толщина стенки подножки 1,8 мм. К сожалению, верхняя часть – резервуар сосудов данной категории, как первого, так и второго типа, не сохранилась, что не позволяет реконструировать формы сосудов. Рюмки как первого, так и второго типа известны из археологических раскопок средневековых поселений и городищ Азербайджана (Кудрявцев, 1986, с. 222, рис. 4: 1–2; Достиев, 1994, с. 128, табл. I: 2), Центральной Азии (Художественная культура..., 2011; Дошанова, 2009, рис. 2: 9) и Восточной Европы (Валиулина, Зиливинская, 2010, с. 66–67, рис. 1).

В коллекции стеклянной посуды Шамкира раннеисламского периода имеются образцы небольших сосудов с тремя ножками в виде выступа, обнаруженные в монументальном здании IX–X вв. Они изготовлены из прозрачного стекла с зеленоватым или желтоватым оттенком (рис. 3: 10–11). Верхняя половина этих сосудов не сохранилась, что затрудняет достоверную реконструкцию сосудов данного вида.

Парфюмерно-аптекарская посуда представлена главным образом фрагментами флаконов. Преобладают образцы флаконов большого размера, представленные горловинами, донцами и осколками тулова. Судя по фрагментам, они изготовлены из

стекла зеленоватого оттенка и имеют отогнутый наружу венчик, суживающее кверху узкое горло, покатые плечики, сферическое тулово, вогнутые в центре донцы или же с конусовидным выступом внутри сосуда. Диаметр днища флаконов более 5 см, тулова более 8 см, горла 2,5–3 см, высота более 12 см (рис. 5: 6–7; 6: 1–3). Большие флаконы со сферическим туловом и высоким узким горлом могли служить и в качестве технического сосуда – колбы. Например, флакон X века, обнаруженный на раскопе IV, характеризуется слегка вогнутым донцом, сферическим туловом, узким высоким горлом, отогнутым наружу венчиком (рис. 5: 6). Диаметр донца 6,6 см, тулова 8,4 см, горла 2–3 см, а высота флакона более 13 см.

Флаконы среднего размера, диаметром тулова более 5 см, имеют дисковидный поддон, сферическое тулово, невысокую широкую горловину и отогнутый наружу венчик (рис. 5: 3; 6: 7). Примечательна верхняя часть толстостенного флакона с узким коротким горлышком и воронкообразным венчиком (рис. 6: 6). Флакон изготовлен из полупрозрачного стекла с зеленоватым оттенком. Диаметр венчика 2,3 см, горлышка 1,4 см, высота фрагмента 3 см. Не менее интересен фрагмент флакона с узким горлышком и украшенным каннелюрами восьмигранным туловом (рис. 6: 8).

Представляет большой интерес фрагмент флакона небольшого размера, обнаруженный в помещении № 2 монументального здания IX–X вв. Флакон изготовлен из стекла яркосинего цвета и имеет узкое высокое трубчатое горло, покатые плечики, удлиненное тулово (рис. 6: 4). Диаметр горла 1,1 см, сохранившаяся высота флакона 7,6 см.

Небольшие флаконы с четырехгранным или удлиненным корпусом также представлены фрагментами (рис. 5: 5). Высота этих флаконов не

более 5 см. Целый экземпляр подобных флаконов известен из раскопок средневекового городища Шабран (Достиев, 1999, с. 77). Флаконы рассматриваемого типа, видимо, имели парфюмерно-косметическое назначение. Ранние образцы подобных флаконов известны из Барды и датируются VI–VII вв. (Нуриев, 2009).

Заслуживает внимание миниатюрный сосуд, предназначенный для хранения косметических средств, выявленный в помещении № 8 монументального здания IX–X вв. Этот сосуд, изготовленный из бесцветного матового стекла, имеет круглое дно, невысокое бочкообразное тулово, цилиндрическое горло, круглый венчик с прямым краем. Высота сосуда 2,8 см, диаметр венчика, 1,7 см, тулова – 2,1 см (рис. 6: 9). Аналогичные миниатюрные сосуды известны из археологических раскопок памятников Ближнего Востока и Центральной Азии (Pollak, 2007, p. 128–129, fig. 11; Дошанова, 2009, с. 159, рис. 1: 9–11; Художественная культура, 2011, с. 62). Следует отметить, что в этот период на мусульманском Востоке процветало парфюмерное производство (Мец, 1973, с. 370), изготавливали нежные благовония из смесей различных цветов, трав и пряностей. Считается, что философ, математик, теоретик музыки, астроном и химик IX века аль-Кинди, который изобрел множество различных ароматов из масел редких растений и цветов, был основоположником современной парфюмерии. В своей работе «О химии благовоний и дистилляции» он раскрывает 100 секретов и рецептов по созданию духов, масел и мазей (<https://xn--d1ai6ai>). Все это в свою очередь обусловило развитие производства стеклянных сосудов.

В коллекции стеклянных изделий Шамкира присутствуют два фрагмента трубки, возможно, аптекарского сосуда типа алембик. Они изготовлены

из прозрачного бесцветного стекла. Стенки трубок тонкие. Их толщина 0,9–1 мм. Сохранившаяся длина одной из них 12,4 см при диаметре 0,7–1 см, другой фрагмент имеет длину 6,1 см при диаметре 0,6 см (рис. 5: 9).

В коллекции стеклянной посуды Шамкира IX–X вв. присутствует также фрагмент корпуса алембика (?). Сохранилась коническая часть сосуда (рис. 6: 10). Стекло полупрозрачное, бесцветное.

Очевидно, что фрагменты толсто-стенного сосуда из темно-зеленого стекла относятся к техническим сосудам – возможно, сфероконусам. Этот сосуд средней величины выделяется сферическим туловом, украшенным миндалевидными углублениями (рис. 6: 11). Толщина стенок сосудов более 6 мм.

Химико-технологическая характеристика стеклянной посуды

В производстве посудного стекла Шамкира раннеисламского периода применялись различные приемы изготовления, в частности выдувание в форму и свободное дутье. Применялась также техника растягивания, сварки, полирования и шлифования.

В процессе формования изделий в основном выделяются две стадии. На первой стадии создается полуфабрикат, а на второй – полуфабрикатам придают окончательную форму и декорируют (Щапова, 1983, с. 67).

Известно, что химический состав средневекового стекла является ценным археологическим источником (Галибин, 2001; Валиулина, 2005, с. 67–68). С целью изучения химического состава стеклянных изделий Шамкира были применены атомно-абсорбционный и рентгеноспектральный методы (Юсифов, 2012, с. 332). По содержанию в стекле основных стеклообразующих элементов и соотношению щелочей R_2O (соединений Na и K) и щелочных земель RO (соединений Ca и Mg) стекло Шамкира

относится к химическому классу Na-Ca-Si и представлена типами:

- Na(K)-Ca-Si;
- Na(K)-Ca(Mg)-Si
- Na(K)-Ca(Mg)-Al-Si

Преобладает тип Na(K)-Ca(Mg)-Al-Si, который весьма характерен для исламского стекла. Стекло такого состава варили на золе солончаковых растений (Гаджиев, 1990, с. 10; Валиулина, 2005, с. 78). Надо заметить, что шамкирское стекло отличается высоким содержанием окиси натрия, которая составляет в некоторых образцах более 19%. Содержание щелочных земель – CaO и MgO и глинозема Al_2O_3 в шамкирском стекле также достаточно высокое, что снижало склонность стекла к кристаллизации, обеспечивая стеклу высокую термическую и химическую устойчивость (Валиулина, 2005, с. 80). Шамкирское стекло содержит в составе в среднем более 2% окислов железа Fe_2O_3 (Юсифов, 2012, с. 334), весьма нежелательных в производстве стекла. Окислы железа придают стеклу зеленую окраску разной интенсивности. Мастера окраску стекла, возникающую естественно, иногда использовали в декоративных целях (Щапова, 1983, с. 35; Валиули-

на, 2005, с. 83). Красящие элементы не превышают обычных уровней, только содержание окиси меди порой достигает 0,3 %, а окиси марганца – 1,2 % (Юсифов, 2012, с. 333–334). Видимо, марганец использовали и в качестве обесцвечивания. Повышенная концентрация позволяла нейтрализовать зеленоватые оттенки, сообщаемые стеклу соединениями железа (Гаджиев, 1990, с. 11; Валиулина, Зиливинская, 2010, с. 75).

Заключение

Вещественные источники позволяют констатировать, что в раннеисламском периоде произошел большой сдвиг в стекольном производстве города Шамкир. Потребность в стеклянной посуде удовлетворялась в основном за счет местного производства. Стеклянная посуда, которая относится к предметам массового потребления, была типичной для городского быта. Среди столовой посуды преобладают сосуды для питья: стаканы, пиалы, а среди парфюмерно-аптекарской посуды главное место занимают флаконы. Коллекция стеклянной посуды городища Шамкир являлась органической частью исламской материальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 521 с.
2. Ахмедов Г.М., Фоменко В.П. Стеклянные изделия из раскопок Кабалы (1972–1976 гг.) // Материальная культура Азербайджана. Вып. X. Баку: Элм, 1987, С. 156–167.
3. Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.
4. Валиулина С.И. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 236–261.
5. Валиулина С.И., Зиливинская Э.Д. Стеклянные изделия Самосдельского городища // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. Казань: изд-во КГУ, 2010. С. 63–76.
6. Гаджиев Г.А. Стеклянные изделия Шабрана (IX–XVII вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 20 с.
7. Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.
8. Голубкина Т.И. О зооморфной керамике Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Вып. 2. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1951. С. 103–140.

9. *Достиев Т.М.* Стекланные изделия средневекового слоя поселения Сандыгтепе // Известия АН Азерб. ССР. Сер. Истории, философии и права. 1994, № 1–4. С. 128–132
10. *Достиев Т.М.* Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX – середина XIII века). Баку: Изд-во Бакинского ун-та, 1999. 154 с.
11. *Доцанова Т.С.* Коллекция стеклянных изделий из Юго-Западного Семиречья (городища Тараза, Тортколь и Мерке) // Известия НАН РК, серия общественных наук. 2009. № 1. С. 157–164.
12. *Кудрявцев А.А.* О стеклоделии средневекового Дербента (VI–X вв.) / Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 214–247.
13. *Меу А.* Мусульманский ренессанс. 2-е изд. М.: Наука, 1973. 473 с.
14. *Нуриев А.Б.* Ремесло Кавказской Албании (III–VIII вв.). Баку: MBM, 2009, 434 с.
15. *Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв.* Т. II. Стекло / Научные редакторы К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2011. 182 с.
16. *Щанова Ю.Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М.: Изд-во МГУ, 1983. 200 с.
17. *Юсифов Ю.* Атомно-абсорбционный и рентгеноспектральный анализы стеклянных изделий средневекового города Шамкир // Antik və Orta əsr Azərbaycan şəhərləri: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı. Beynəlxalq elmi konfransın materialları. Bakı, 2012. С. 332–334.
18. <https://xn--d1ai6ai.xn--p1ai/articles/istoriya-parfyumerii>. Дата обращения: 23.05.2020.
19. Kröger, J. Nishapur: Glass of the Early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1995, 256 p.
20. Rachel Pollak. 2007. Excavation in Marcus Street, Ramla: The Glass Vessels // Contract Archaeology Reports II, Haifa: 2007. p. 100–133.
21. Scanlon G. T. & Pinder-Wilson R. Fustat Glass of the Early Islamic Period, Finds excavated by The American Research Center in Egypt 1964-1980. London: Altajir World of Islam Trust, 2001.

Информация об авторе:

Достиев Тарих Мейру оглы, доктор исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана (г. Баку, Азербайджанская Республика); dostiyev.tarikh@mail.ru

GLASSWARE OF MEDIEVAL SHAMKIR TOWN OF EARLY ISLAMIC PERIOD

T.M. Dostiyev

The author studies the collection of glassware of the 8th–10th centuries, found in the medieval town of Shamkir, which is located in the western region of the Republic of Azerbaijan. On a functional basis, this collection is represented by tableware, perfumery and drugstore dishes. Drinking vessels prevail among tableware. Perfumery and pharmaceutical utensils are represented mainly by samples of bottles. In the manufacture of glassware, various manufacturing techniques were used, in particular, blowing into a mold and free blasting. The techniques of stretching, welding, polishing, grinding were also used. Glassware of Shamkir belongs to the chemical class Na–Ca–Si with a predominance of the type Na (K)–Ca(Mg)–Al–Si. Most of the glass vessels were decorated with relief geometric ornaments in the form of ovals, circles, and radiating figures, "vortical rosette", "honeycomb" ornaments. The rich raw material resources, professional traditions and innovations which existed here created favorable conditions for the development of glassware production. In the everyday life glassware for various purposes was widely used. Material evidences testify to a great shift in the glass production of Shamkir in the 8th–10th centuries and the production of glassware had a prominent role in the city's economy.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Shamkir hillfort, glass, early Islamic period, tableware, perfumery and drugstore glassware.

REFERENCES

1. Al-Biruni. 1963. *Sobranie svedeniy dlya poznaniya dragotsennostey (Collection of Knowledge for Jewelry Studies)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

2. Akhmedov, G. M., Fomenko, V. P. 1987. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* X. Baku: "Elm" Publ., 156–167 (in Russian).
3. Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
4. Valiulina, S. I. 2015. In Gaydukov, P. G. (ed.). *Steklo Vostochnoy Evropy s drevnosti do nachala XX veka (East European Glass from Antiquity to the Early 20th Century)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 236–261 (in Russian).
5. Valiulina, S. I., Zilivinskaya, E. D. 2010. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 152. Book 3. Part 1. Kazan: Kazan State University, 63–76 (in Russian).
6. Gadzhiev, G. A. *Steklyannye izdeliya Shabrana (IX–XVII vv.) (Shabran Glassware (9th–17th cc.))*. PhD Tesis. Kemerovo (in Russian).
7. Galibin, V. A. 2021. *Sostav stekla kak arkhеologicheskii istochnik (Glass Composition as an Archaeological Source)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).
8. Golubkina, T. I. 1951. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* II. Baku: "Elm" Publ., 156–167 (in Russian).
9. Dostiev, T. M. 1994. In *Izvestiya AN Azerbaydzhanskoy SSR. Seriya Istorii, filosofii i prava (Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Series: History, Philosophy and Law)*. No 1–4. 128–132 (in Russian).
10. Dostiev, T. M. 1999. *Srednevekovye arkhеologicheskie pamyatniki Severo-Vostochnogo Azerbaydzhana (IX – seredina XIII veka) (Medieval Archaeological Sites of North-Eastern Azerbaijan (9th – Mid-13th Century))*. Baku: Baku State University Publ. (in Russian).
11. Doshchanova, T. S. 2009. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1. 157–164 (in Russian).
12. Kudryavtsev, A. A. 1986. In Markovin, V. I. (ed.). *Novoe v arkhеologii Severnogo Kavkaza (New Developments in Archaeology of the North Caucasus)*. Moscow: "Nauka" Publ., 214–247 (in Russian).
13. Mets, A. 1973. *Musul'manskiy renessans (Muslim Renaissance)*. Second edition. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Nuriev, A. B. 2009. *Remeslo Kavkazskoy Albanii (III–VIII vv.) (Craft of Caucasian Albania (3rd–8th cc.))*. Baku: "MVM" Publ. (in Russian).
15. In Baypakov, K., Pidaev, Sh., Khakimov, A. (eds.). 2011. *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX–XV vv. T. II. Steklo (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan of the 9th–15th cc. Vol. II. Glass)*. Samarkand-Tashkent: "MITsAI" Publ. (in Russian).
16. Shchapova, Yu. L. 1983. *Ocherki istorii drevnego steklodeliya (Essays on the History of Ancient Glassmaking)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).
17. Yusifov, Yu. 2012. In *Antik vā Orta āsr Azārbaycan şāhārlāri: arxеoloji irsi, tarixi vā memarlıđı. (Ancient and Medieval Towns of Azerbaijan: Archaeological Heritage, History and Architecture)*. Baku. 332–334 (in Russian).
18. <https://xn--d1ai6ai.xn--p1ai/articles/istoriya-parfyumerii>. Accessed on: 23.05.2020.
19. Kröger, J. 1995. *Nishapur: Glass of the Early Islamic Period*. New York: The Metropolitan Museum of Art.
20. Rachel, Pollak. 2007. In *Contract Archaeology Reports II*, 100–133.
21. Scanlon, G. T. & Pinder-Wilson, R. 2001. *Fustat Glass of the Early Islamic Period, Finds excavated by The American Research Center in Egypt 1964–1980*. London: Altajir World of Islam Trust.

About the Author:

Dostiev Tarikh M. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography of the Azerbaijan National Academy of Sciences. Pushkin St. 3, Zabrat, Baku, AZ 1104, Azerbaijan; dostiyev.tarikh@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.32.42>

АРОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ IX–XI ВВ.

© 2021 г. Т.Б. Никитина

В статье рассмотрены арочные украшения из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–X вв. Часть украшений вводится в научный оборот впервые. Выявлено 2 группы: 1) подвески со сплошной пластиной, 2) подвески с «прорезной» основой. Подвески первой группы оригинальны по способу изготовления, орнаментации и дополнительным деталям. Арочные щитки подвесок второй группы с изображением ростка, трех солнц и ромба аналогичны изделиям Пермского Предуралья, Южного Урала, Больше-Тиганского и Танкеевского могильников, имеющих связь с угорской культурой. При сходстве основного щитка подвески, эти украшения в Ветлужско-Вятском междуречье имеют особый набор комплектующих деталей, способы соединения основы с дополнительными привесками. Для обеих групп характерны привески в форме 2-х соединенных спиралей, которые делают украшения оригинальными. Таким образом, арочные подвески обеих групп не являются точной копией украшений соседних территорий, имеют свой облик и свое оригинальное использование в костюме в качестве нагрудных украшений. Вполне возможно, что щитки для украшений второй группы были привезены из Предуралья, но полностью украшение формировалось на месте в соответствии со своими представлениями и традициями.

Ключевые слова: археология, Ветлужско-Вятское междуречье, арочные подвески, типология, семантика, нагрудные украшения.

Предметом изучения данной статьи являются арочные подвески из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв.

Арочные украшения – находка, достаточно распространенная на широкой территории от Волго-Камья вплоть до Нижнего Приобья, и они неоднократно анализировались в научной литературе. Но к анализу этих подвесок следует подойти с особым вниманием ввиду значительных территориальных и хронологических различий. Использование украшений в качестве аналогий лишь по сходству внешней формы является формальным и не дает никаких дополнительных аргументов (а чаще вносит путаницу) для понимания межкультурных контактов. Только совокупность признаков: форма изделия, комплектация дополнительными элементами, декор основного изделия и комплектующих деталей, место в погребении, функциональное назначение в костюме, по возможности технология изготовления (без анализов не всегда возможно выяснить) – позволяют использовать

отдельные украшения для наблюдений этнокультурного характера.

Функциональное назначение.

Большинство известных арочных украшений найдены в погребениях в области груди с различными вариациями: ближе к нижней части почти у пояса или в центральной области. В настоящее время существует 2 трактовки их функционального назначения: использование в качестве наконечника или в качестве нагрудных украшений.

По материалам Пермского Предуралья Н.Б. Крыласова сделала вывод, что в районе груди такие подвески найдены в результате того, что косы покойницы были переброшены через плечи и в таком случае оказались по обе стороны груди на уровне пояса (Крыласова, 2001, с. 65). В качестве наконечников арочные украшения интерпретированы по материалам Южного Урала, Больше-Тиганского могильника в Татарстане и т. д.

Подобная трактовка функционального назначения не соответствует особенностям их использования насе-

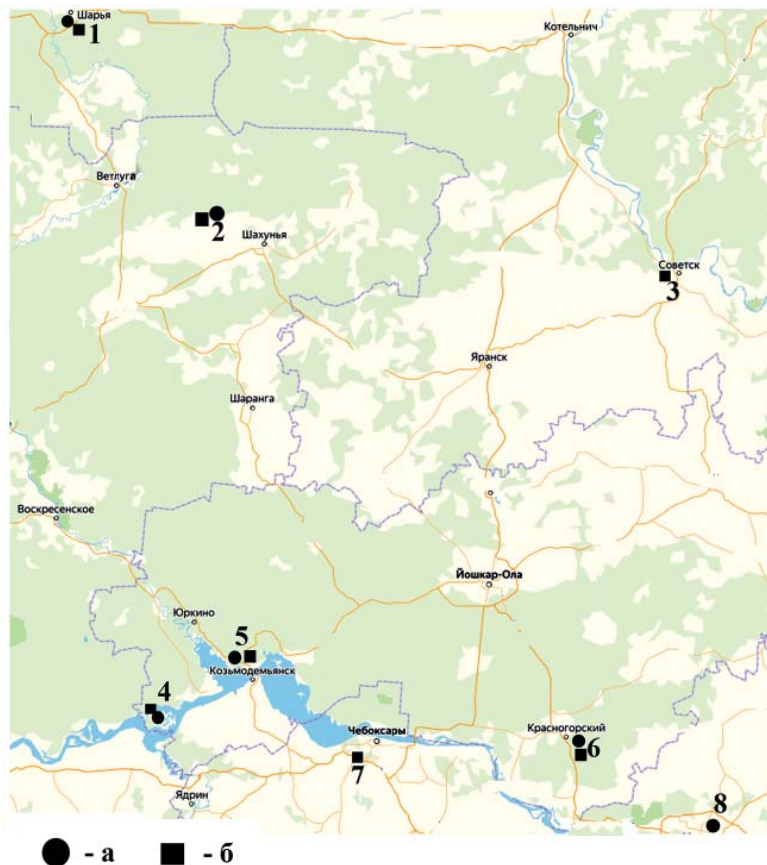

Рис. 1. Могильники: 1 – «Кузинские хутора», 2 – Веселовский, 3 – Кочергинский, 4 – «Нижняя стрелка», 5 – Дубовский, 6 – Красногорский, 7 – Анаткасинский, 8 – Борисковский.

а – подвески со сплошной основой, б – подвески с прорезной основой

Fig. 1. Burial grounds: 1 – "Kuzinskie Khutora"; 2 – Veselovo; 3 – Kochergino; 4 – "Nizhnyaya Strelka"; 5 – Dubovaya; 6 – Krasnogorsk; 7 – Anatkasy; 8 – Boriskovo; а – pendants with a solid base; б – pendants with a slotted base

лением Ветлужско-Вятского междуречья по нескольким показателям.

Судя по этнографическим материалам, прическа марийской женщины не предполагает свободно свешенных концов кос, заправленных в головной убор (Молотова, 1992, с. 38–39). Т. Евсеев по материалам начала XX в. отмечал, что основу убора составляли две косы, соединяющиеся с помощью особого вплетенного в них шнура «*у́л кандыра*», к которому в качестве украшения крепились 4 шнура с различными украшениями, заправленные за пояс (Евсеев, 2002, с. 108–112). Мы

неоднократно находили подобные наконечники у пояса в одном погребении совместно с арочными украшениями (Анаткасинский могильник, Красногорский могильник, Кузинские хутора и др.).

Ни в одном случае рядом с арочными украшениями и/или на них не обнаружено волос, в то время как органика (мех, кожа, ткань) на металлических изделиях сохраняется достаточно часто.

В материалах отдельных погребений (п. 5 и п. 15 Веселовского могильника) удалось проследить крепление

Рис. 2. Могильник «Нижняя Стрелка», жертвенный комплекс 10

Fig. 2. Burial ground "Nizhnaya Strelka", sacrificial complex 10

арочных украшений в качестве составных частей сложных нагрудников (Никитина, 2012, рис. 19, 45).

Поэтому у нас есть основания относить арочные украшения у населения Ветлужско-Вятского междуречья к категории нагрудных украшений.

Подвески традиционно разделены: 1) со сплошной основой и 2) с прорезной основой (Оборин, 1969, с. 20–22; Крыласова, 2011, с. 65–67). Термин «прорезные», использованный в большинстве научных изданий начиная со второй половины XX в., следует признать условным, поскольку подвески обеих групп литые, но основа подвесок второй группы не сплошная, а с выемками, подчеркивающими контуры изображений.

Арочные подвески со сплошной основой – 22 экз. из 6 могильников: погребение (*далее – п.*) 3 (2 экз.), п. 5 (4 экз.), п. 15 (2 экз.) Веселовского, п. 71 (2 экз.), п. 79 (2 экз.) Дубовского, п. 17 (2 экз.), п. 25 (1 экз.), жертвенный комплекс (*далее – жк*) 10 (2 экз.) Нижней стрелки, п. 9 (2 экз.) Кузинских хуторов, п. 8 Красногорского (2 экз.), 1 экз. Борисковского

(рис. 1). Указанные комплексы датированы исследователями X – началом XI вв. (Архипов, 1973, с. 66, 67). Автор данной статьи отдельные комплексы (п. 5 Веселовского могильника и п. 8 Красногорского могильника) считает возможным датировать не позднее середины X в. (Никитина, 2012, с. 62). В п. 8 Красногорского могильника обнаружены 2 монеты Саманидов с именем Ахмад б. Исмаила: одна 298 г. х. (910/11 гг. н. э.), вторая 301 г. х. (913/914 гг. н. э.) (определение монет проведено Д.Г. Мухаметшиным). Следует сделать оговорку, что хронология комплексов требует более детальной проработки, что не является целью данной статьи.

Основу подвесок составляет хорошей сохранности литая пластина арочной формы, покрытая сверху тонким слоем фольги с чеканенным изображением (рис. 2), или изображение нанесено непосредственно на пластину (рис. 3). К сожалению, покрытие фольги сохранилось плохо и не на всех изделиях, поэтому орнамент прочитать не всегда возможно. В нижней части пластины имеется 5 отверстий для цепочек с привесками.

Арочные украшения этой группы различаются по оформлению щитка подвески и привескам, соединенным с основой цепочками разной длины:

- с изображением 1 или 3 солнц и длиной цепочек от 6 до 8 см: п. 5 Веселовского могильника (4 экз.), п. 17 Нижней стрелки (1 экз.), жк 10 Нижней стрелки (2 экз.), п. 9 Кузинских хуторов (2 экз.);

- с изображением двух соединенных дужкой спиралей, закрученных наружу, и длиной цепочек не менее 10 см: п. 79 Дубовского (2 экз.), п. 8 Красногорского (2 экз.) могильников.

Г.А. Архипов вполне аргументировано высказал тезис, что арочные подвески со сплошной основой являются особенностью женского костюма населения Ветлужско-Вятского между-

Рис. 3. Погребение 8 Красногорского могильника: 1, 2 – арочные украшения; 3–5 – украшения кос

Fig. 3. Burial 8 of Krasnogorsk burial ground: 1, 2 – arched decorations; 3–5 – braid decorations

речь (Архипов, 1973, с. 28). Новые материалы, появившиеся за последние полстолетия, подтверждают это наблюдение. В настоящее время известны лишь единичные экземпляры в материалах неволинской культуры (Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXV: 69; LXVII: 60; LXVIII: 63), имеющие сходство по форме пластины, но значительные отличия в декоре.

Арочные «прорезные» подвески (рис. 4).

Количество их невелико – 13 экз.: п. 1 Кочергинского могильника (2 экз.), п. 4 Веселовского могильника (2 экз.), подъемный материал Веселовского могильника из раскопок 1929 года (1 экз.), жк 13 могильника «Нижняя стрелка» (2 экз.), могильник

«Кузинские хутора» (п. 10 и п. 25 – 4 экз.), п. 31 Анаткасинского могильника (2 экз.) (рис. 1). Обычно они находятся в погребениях парно, единичная подвеска на Веселовском могильнике происходит из разрозненных неполных комплексов раскопок 1929 года.

Большинство комплексов с указанными подвесками относятся к первой половине X в. (Архипов, 1973, с. 66, 67; Никитина, 2012, с. 66; Никитина, 2015, с. 131), только п. 31 Анаткасинского могильника, возможно, доходит до XI в. (Никитина, Кутузова, Воробьева 2016, с. 213).

По оформлению арочного щитка-основы подвески различаются:

1 – с изображением 3-х солнышек;

Рис. 4. Погребение 31 Анаткасинского могильника: 1, 2 – арочные украшения; 3 – фрагменты наколенника; 4 – фрагмент погребения

Fig. 4. Interment 31 of Anatkasy burial ground: 1, 2 – arched decorations; 3 – fragments of a brace; 4 – a fragment of interment

2 – с изображением стилизованно-го роста;

3 – с изображением ромба.

В литературе достаточно прочно устоялись мнения, что происхождение «прорезных» арочных подвесок связано с Прикамьем (Оборин, 1969, с. 20, 21), арочные подвески являются индикаторами культуры угров Ура-

ла (Вострикова, Крыласова, 2008). Е.П. Казаков считал их изделиями болгарских мастеров, которые наполнили металлическими украшениями рынок Ветлужско-Вятского междуречья (Казаков, 1992, с. 45).

Такие подвески обнаружены в памятниках ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье (Голдина, Кананин,

1989, рис. 51: 7, 16, 18; Голдина 1985, табл. XV: 8–10, 15), в материалах полумской культуры на Варнинском могильнике (Семенов, 1980, табл. V: 6, 7), на Южном Урале в Хусаиновских (Мажитов, 1981, с. 44, рис. 22: 5; с. 49, рис. 2: 3, 27–27, 28), 1 и 2 Бекешевских курганных могильниках (Мажитов, 1981, рис. 31: 10, 11; 34: 26), Чишминском кушнаренковском могильнике (Казаков, 2007, рис. 26: 12), пп. 7 и 27 Большеитганского (Халикова, 2018, табл. VI: 23; XXIII: 7), п. 207 и 440 Танкеевского могильников (Khalikova, Kazakov, 1977), Кокрятьском могильнике (Казаков, 1992, с. 210, рис. 76: 7), в Сибири на могильнике Барсов городок (Федорова, Зыков, Морозов и др., 1991, рис. 3: 36).

По материалам перечисленных выше памятников подвески являлись наконечниками и представляли собой арочную основу, имеющую по нижнему краю круглые отверстия для крепления на коротких цепочках из 5–7 звеньев 3–5 привесок. В качестве привесок использовались лапки, колокольчики или грузики. К волосам крепились с помощью небольшой литой гирьки на другом конце цепочки. В погребениях находились в паре или поодиночке; парное сочетание не всегда соблюдается. Судя по материалам Баяновского могильника в Пермском Предуралье, в случае совместного нахождения двух арочных подвесок в одном погребении они имели одинаковое оформление: на обеих подвесках стилизованный росток, три солнца или медвежья морда (Крыласова, Данич, 2020, рис. 2: 1, 2, 5–7 и т. д.).

Долгое время подвески с Веселовского могильника были единственными находками этого типа в Ветлужско-Вятском междуречье, и непосредственная связь их с Прикамьем не вызывала сомнений. Новые находки в могильниках «Нижняя стрелка» (2007 г.), Анаткасинском (2016 г.) и

«Кузинские хутора» (2017, 2018 г.) позволяют по-новому рассмотреть данные источники.

Подвески такого типа связаны с 2 погребениями с ингумациями (п. 4 Веселовского, п. 31 Анаткасинского могильников), кремацией (п. 23 могильника Кузинские хутора), с кенотафом (п. 10 могильника Кузинские хутора), жертвенным комплексом (жк 13 могильника «Нижняя стрелка»).

Все комплексы связаны с женской субкультурой: в 4 из 5 объектов связь с женщинами хорошо документируется костюмами, которые содержат этнокультурные маркеры: головные венчики (п. 4 Веселовского, п. 10 Кузинских хуторов, п. 31 Анаткасинского могильников) и металлические цепочки (п. 4 Веселовского, п. 31 Анаткасинского, жк 13 Нижней стрелки, п. 10 Кузинских хуторов), а также браслетообразные височные кольца с одним отогнутым концом (п. 4 Веселовского, п. 31 Анаткасинского, п. 10 Кузинских хуторов), обувные украшения (п. 4 Веселовского и п. 31 Анаткасинского могильников), нагрудные женские украшения других типов (жк 13 Нижней стрелки).

Украшения из могильников Ветлужско-Вятского междуречья отличаются по оформлению деталей. В отверстия нижней части арочного щитка продеты ремешки, обвитые бронзовой проволокой, которые свисают с обеих сторон, и на них крепится 8 привесок. Иногда на одном изделии использованы ремешки и цепочки. Ремешки для привесок длиннее цепочек на прикамских изделиях. В качестве привесок использованы литые или полые двуставные бубенчики, крупные конические привески, и всегда присутствуют амулеты: костяные коньки-уточки, литые зооморфные существа, копоушки. Лапчатые привески на таких подвесках не обнаружены, хотя очень популярны у местного населения, но встречены с другими украшениями.

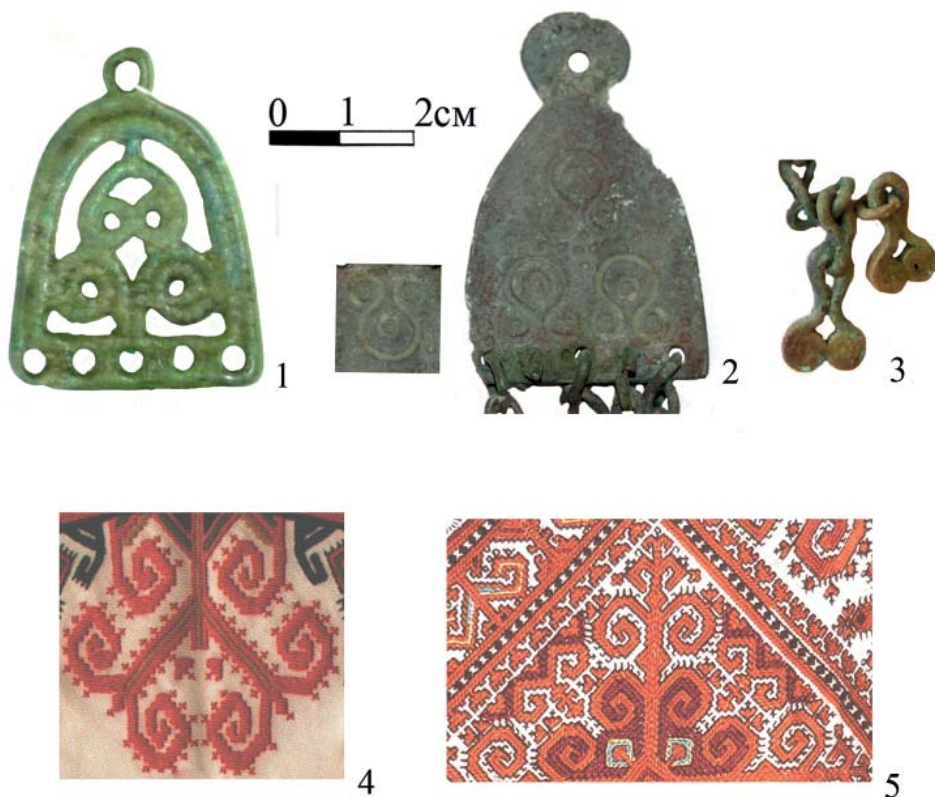

Рис. 5. 1 – могильник «Нижняя стрелка», жертвенный комплекс 13; 2, 3 – Красногорский могильник, погребение 8; 4, 5 – фрагмент вышивки на скатерти А.А. Орловой «Солнечные блики», 2008 г.

Fig. 5. 1 – burial ground "Nizhnyaya Strelka", sacrificial complex 13; 2, 3 – Krasnogorsk burial ground, interment 8; 4, 5 – a fragment of embroidery. A.A. Orlova. Tablecloth "Sun Glare", 2008

Подвески в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья относятся к разделу парных: одна подвеска с изображением ростка, вторая с изображением 3-х солнышек (3 случая), прорезного ромба (1 случай) или также с изображением ростка (1 случай).

Украшения обеих групп имели в нижней части отверстия или петли для привесок. Привески сохранились у 19 подвесок:

1) тип 1 – в виде двух соединенных дужкой спиралей, закрученных внутрь – 14 экз. (73,7%);

2) тип 2 – крупные колокольчики – 3 экз. (15,8%);

3) тип 3 – литые бубенчики – 2 экз. (10,5%).

Обращают внимание привески первого типа, которые являются в погребениях Ветлужско-Вятского междуречья достаточно частой находкой. С другими типами подвесок или категориями украшений они практически не встречаются. Удалось выявить только 1 случай (жк 4 могильника «Нижняя стрелка») их использования в качестве привесок к парным треугольным подвескам; а в п. 4 Веселовского могильника они прикреплены к привескам головного убора. В отдельных случаях (пп. VIII, XIII Черемисского кладбища из раскопок В.И. Каменского (Музей антропологии, этнографии, кол. 1265-IV, № 134, 416)) их наличие достоверно установлено,

но невозможно выяснить характер их использования. Изображение в виде двух соединенных дужкой спиралей, закрученных наружу или внутрь, в качестве декора населением Ветлужско-Вятского междуречья использовалось достаточно активно на изделиях разных категорий. Подобное или близкое к нему изображение украшает щитки арочных подвесок (2 экз. в п. 79 Дубовского, 2 экз. в п. 8 Красногорского могильников), а также использовано в украшении ножен кинжалов из п. 3 и п. 5 Веселовского могильника, поясных накладок из п. 6 Веселовского, поясного наконечника из п. 4 Юмского могильников. Для Пермского Предуралья и Прикамья, где подвески арочного типа имеют наиболее массовое использование, подобные привески нехарактерны. Изделия из 2-х соединенных дужкой спиралей имеют аналогии в материалах поломской культуры: на могильнике Мыдлань-Шай (Генинг, 1962, табл. VII: 4, 5), Варнинском могильнике в качестве составных частей височных украшений (Семенов, VI: 33, 34; VIII: 12, 18) и аналогичный декор использован для украшения ножен кинжалов (табл. XXVI: 5в, 7а). В единичных случаях такие привески зафиксированы в погребениях Большеитиганского могильника (Халикова, 2018, табл. XIV: 16; XXVII: 5). Но самое активное их распространение зафиксировано на территории Ветлужско-Вятского междуречья.

Семантика. В настоящее время достаточно подробно рассмотрена семантика арочных подвесок Пермского Предуралья с изображением стилизованного ростка и медвежьей морды. Арочные подвески с изображением стилизованного ростка связаны с культом угорской богини Калташ (Крыласова, 2011, с. 67). Впоследствии во многих работах мы находим повтор или очень близкое к повтору семантическое объяснение подвесок.

На украшениях из могильников Ветлужско-Вятского междуречья можно выделить 2 ведущих мотива: изображение солнца (1–3) и стилизованного ростка. Изображения в форме двух спиралей, соединенных дужкой, также повторяют изображение ростка, но в другом стилистическом оформлении. Оба мотива связаны с культом плодородия. В этом отношении выразительна небольшая, но показательная серия: подвеска с изображением ростка на правой стороне груди, с изображением 3-х солнышек на левой. Интересно, что эти изображения дополняли друг друга, усиливая силу плодородия. Сразу хочется в качестве цитаты привести слова В.В. Седова: «С глубокой древности в языческом мировоззрении образ женщины, ожидающей ребенка, переплетался с образом подрастающего в земле зерна» (Седов, 1982, с. 267). Три солнца на левой груди еще более усиливали росток.

Своеобразный стиль изображения ростка на подвесках из Ветлужско-Вятского междуречья (рис. 5: 1–3) находит дальнейшее продолжение в марийской вышивке (рис. 5: 4, 5), сохранившей значение плодородия до настоящего времени (Степанова, 2017, № 15, 29 и т. д.)

Таким образом, на территории Ветлужско-Вятского междуречья выявлено 2 группы арочных подвесок²: 1) подвески со сплошной пластиной, 2) подвески с «прорезной» основой.

По сравнению с арочными украшениями из памятников соседних народов, изделия обеих групп Ветлужско-Вятского междуречья имеют свою специфику и практически не имеют абсолютно точных аналогий.

Наиболее самобытна группа 1. Подвески этого типа оригинальны по способу изготовления (основа – литая пластина, покрытая слоем фольги с орнаментом), орнаментации и в большинстве случаев по привескам,

дополняющим украшение. Арочные щитки подвесок второй группы с изображением ростка, 3-х солнц и ромба аналогичны (иногда идентичны) арочным щитками подвесок Пермского Предуралья, Южного Урала, Больше-тиганского и Танкеевского могильников, представляющих угорскую культуру или имеющих связь с уграми. При сходстве основного щитка подвески украшения группы 2 с «прорезной» основой в Ветлужско-Вятском междуречье имеют особый набор комплектующих деталей, способы соединения основы с дополнительными привесками и свой набор привесок.

Для обеих групп характерны при-

вески в форме 2-х соединенных спиралей, которые делают украшения оригинальными. Оба типа имеют подвески, аналогичные привескам из памятников ломовской культуры.

Таким образом, арочные подвески обеих групп не являются точной копией украшений соседних территорий, имеют свой облик и свое оригинальное использование в costume в качестве нагрудных украшений. Вполне возможно, что щитки для украшений второй группы были привезены из Предуралья, но полностью украшение формировалось на месте в соответствии со своими представлениями и традициями.

Примечания:

² Одна подвеска из п. 8 Юмского могильника в статье не рассматривалась по той причине, что автор не видела эту подвеску в натуральном виде, а зарисовки не дают полного представления об изделии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.
2. *Вострикова Т.П., Крыласова Н.Б.* Генетический ряд арочных подвесок Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ, Вып. 5 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2008. С. 164–168.
3. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
4. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. 176 с.
5. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1989. 216 с.
6. *Казаков Е.П.* Этапы взаимодействия Волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья / Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 42–50.
7. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ 2007. 208 с.
8. *Крыласова Н.Б., Данич А.В.* Низки из металлических пронизок и бус в средневековом финно-угорском costume Пермского Предуралья // Поволжская археология. 2020, № 4 (34). С. 50–65.
9. *Кудрявцев В.Г.* Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 2020. 255 с.
10. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII в. 1981. М.: Наука. 166 с.
11. *Молотова Т.Л.* Марийский народный costume. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. 112 с.
12. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.
13. *Никитина Т.Б.* Население верхнего Поволжья в начале II тыс. н.э.: новые материалы // КСИА. Вып. 240. М.: ИА РАН, 2015. С. 124–140.
14. *Никитина Т.Б., Кутузова Д.О., Воробьева Е.Е.* Погребения с бусами Анаткасинского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 199–218.
15. *Оборин В.А.* Этнические особенности средневековых памятников верхнего прикамья // ВАУ. Вып. 9 / Памятники ломоватовской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1970. С. 3–29.

16. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.

17. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поморской культуры / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5–135.

18. Степанова Ираида. Боги в марийской вышивке. Руны, боги, схемы. Йошкар-Ола: Стринг, 2017. 152 с.

19. Тимофей Евсеев: этнографические коллекции. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2002. 148 с.

20. Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В.М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20 / Отв. ред. В.Т. Ковалева Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1991. С. 126–145.

21. Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале. (Больше-Тиганский могильник // Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.

22. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka. Les anciens Hongrois et ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977.

Информация об авторе:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник направления «Археология», Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

ARCHED DECORATIONS FROM BURIAL GROUNDS IN THE VETLUGA-VYATKA INTERFLUVE OF 10TH – 11TH CENTURIES

T.B. Nikitina

The article deals with arched decorations from the burial grounds in the Vetluga–Vyatka interfluve of the 9th – 10th centuries. Some of the decorations are introduced into scientific discourse for the first time. Two groups of items are revealed: 1) pendants with a solid plate, 2) pendants with a "slotted" base. The pendants of the first group are original in their manufacturing method, ornamentation and additional details. The arched shields of pendants of the second group with the image of a sprout, three-sun and a rhombus are similar to products of the Perm Cis-Urals, South Urals, Bolshiy Tigany and Tankeyevka burial grounds, which have a connection with the Ugric culture. Despite the similarity of the main pendant shields, these decorations in the Vetluga-Vyatka interfluve have a special set of component parts, ways of connecting the base with additional pendants. Both groups are characterized by pendants in the form of 2 connected spirals, which make the decoration original. So, the arched pendants of both groups are not an exact copy of the adornments of neighboring territories; they have their own appearance and their original use in costume as breast adornments. It is quite possible that the shields for adornments of the second group were brought from the Cis-Urals, but the decoration was completely formed on the spot in accordance with their ideas and traditions.

Keywords: archaeology, Vetluga-Vyatka interfluve, arched pendants, typology, semantics, breast decorations.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th – 11th Centuries: to the Issue on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

2. Vostrikova, T. P., Krylasova, N. B. 2008. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 5. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 164–168 (in Russian).

3. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

4. Goldina R.D., Vodolago N.V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e (Burial Grounds of the Nevolino Culture in the Cis-Urals)*. Irkutsk: Irkutsk University Publ. (in Russian)

5. Goldina, R. D., Kananin, V. A. 1989. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy (Medieval Sites at the Headstreams of the Kama River)*. Sverdlovsk: Ural State University Publ. (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 1992. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 21. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History, 42–50 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugray i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
8. Krylasova, N. B., Danich, A. V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 34 (4), 50–65 (in Russian).
9. Kudryavtsev, V. G. 2020. *Mariyskoe narodnoe iskusstvo (Mari Folk Art)*. Yoshkar-Ola (in Russian).
10. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of the Southern Urals, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Molotova, T. L. 1992. *Mariiskii narodnyi kostium (Mari Popular Costume)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
12. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
13. Nikitina, T. B. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 240. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 124–140 (in Russian).
14. Nikitina, T. B., Kutuzova, D. O., Vorob'eva, E. E. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 199–218 (in Russian).
15. Oborin, V. A. 1970. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 9. *Pamiatniki lomovatovskoi kul'tury (Sites of the Lomovatovo Culture)*. Sverdlovsk, 3–29 (in Russian).
16. Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI–XIII vv. (The Eastern Slavs in 6th–13th Centuries)*. Series: Archaeology of the USSR 14. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).
18. Stepanova, I. 2017. *Bogi v mariyskoy vyshivke. Runy, bogi, skhemy (Gods in Mari Embroidery. Runes, Gods, Schemes)*. Yoshkar-Ola: “String” Publ. (in Russian).
19. 2000. *Timofey Evsev'ev: etnograficheskie kolleksii (Timofey Evseviev: Ethnographic Collections)*. Yoshkar-Ola: “Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
20. Fedorova, N. V., Zikov, A. P., Morozov, V.M., Terekhova, L. M. 1991. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 20. Ekaterinburg: Ural State University, 126–145 (in Russian).
21. Khalikova, E. A., Khalikov, A. Kh. 2018. In *The Early Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshie-Tigany burial ground)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan: “Fen” Publ. (in Russian).
22. Khalikova E.A., Kazakov E.P. *Le cimetiere de Tankeevka. Les anciens Hongrois et ethniesvoisines a l'Est*. Budapest, 1977 (in French).

About the Author:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

КЛАДЫ X–XIII ВВ. ИЗ МАТЕРИАЛОВ СОЛДЫРСКОГО I ГОРОДИЩА ИДНАКАР

© 2021 г. **М.Г. Иванова**, **Е.Л. Русских**, **Т.М. Сабирова**

Вещевые клады были обнаружены в процессе археологических исследований городища Иднакар в 1976–1999 гг. Два из них локализованы на средней площадке городища, один – в заполнении внутреннего рва, еще один – за пределами среднего рва. Закономерностей в расположении кладов относительно объектов планировки не выявлено. Характер комплексов разнообразен при общем доминировании украшений. Наличие в составе двух кладов металлических слитков и незавершенных изделий указывает на их местный характер производства. Значимым источником для анализа торгово-экономических связей чепецкого средневекового населения выступает клад импортных сосудов. Украшения из кладов датированы периодом X–XIII вв. и находят аналогии в материалах средневековых памятников финно-угорского населения Восточной Европы. Публикуются данные об элементном составе металлических изделий, исследование которых выполнено с.н.с. Научного центра металлургической физики и материаловедения ФГБУН УдмФИЦ УрО РАН, к.т.н. Б.Е. Пушкаревым. Из серебра выполнены калачевидные серьги и ритуальные чаши, из сплавов на основе меди изготовлены шумящие подвески, элементы украшений и заготовки. Встречаются изделия из технически чистой меди, бронзы и латуни. Рецептуры сплавов варьируются, в том числе в пределах одного комплекса, что, в соответствии с предыдущими исследованиями авторов, характерно для чепецких материалов.

Ключевые слова: археология, бассейн р. Чепца, средневековье, городище Иднакар, клады, украшения, изделия восточной торевтики, элементный состав металла.

Солдырское I городище Иднакар IX–XIII вв. является одним из наиболее крупных укрепленных поселений Волго-Камья и Приуралья эпохи Средневековья. Оно относится к кругу городищ, связанных с богатырским циклом преданий северных удмуртов, выступающих своеобразным эталоном удмуртских древностей, и является наиболее полно охваченным раскопками городищем финно-угорского Средневековья. Богатейшим материалам Иднакара посвящено немало публикаций. Особое место занимают обобщающие работы М.Г. Ивановой: монография по материалам внутренней части городища (1974–1993 гг.) (Иванова, 1998); публикация результатов исследований территории между валами 1989–1992 гг. (Иванова, 1995). Неизданным остался коллективный труд, обобщающий результаты междисциплинарных исследований на внешней площадке памятника 1994–2010 гг. (НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, личный фонд М.Г. Ивановой).

Многочисленные публикации автора раскопок и узких специалистов смежных отраслей вводят в научный оборот отдельные категории источников и результаты специальных анализов. Одной из наиболее интересных категорий находок являются вещевые клады, обнаруженные в культурном слое городища. Несмотря на их уникальность и значимость, до настоящего времени не существует обобщающей работы, посвященной комплексному анализу источника.

Для территории Прикамья эпохи Средневековья клады – не уникальное явление. Они выявлены на всей территории бассейна средней Чепцы, как возле крупных памятников, так и в верховьях правых и левых притоков в значительном отдалении от поселений. На карте чепецкой культуры отмечено 6 кладов и 35 местонахождений отдельных предметов. Наиболее крупными из монетных кладов являются Ягошурский клад, содержащий 1500 дирхемов VII–IX вв.; Лесагурт-

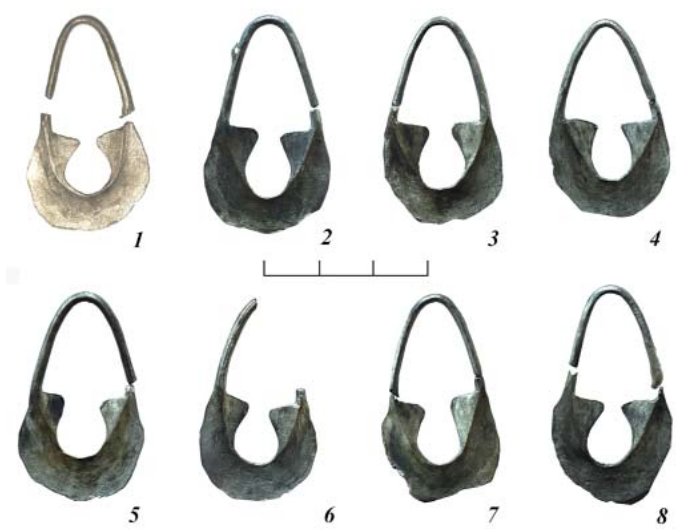

Рис. 1. Клад калачевидных серег. Городище Иднакар. Раскопки М.Г. Ивановой 1976 г. (Фото А.Ю. Емельяновой). 1–8 – серьги калачевидные. 1–8 – серебро

Fig. 1. Treasure of "kalach"-shaped earrings. Hillfort Idnakar. Excavation by M.G. Ivanova 1976 (Photo by A.Yu. Emelyanova). 1–8 – "kalach"-shaped earrings. 1–8 – silver

ский, включавший 139 монет VI – середины IX в.; Богдановский, имевший в составе 407 куфических монет конца IX – начала X в. (Иванов и др., 2004; Останина, 2015).

Первая находка клада на площадке городища Иднакар состоялась в 1976 г., когда был обнаружен **клад калачевидных серег** (рис. 1). Скопление украшений было зафиксировано на его средней части, в заполнении крупной ямы (№ 3 размерами 480×250–350 м, глубиной 160 см от поверхности). Четыре пары калачевидных серег из белого металла были завернуты в бересту, а в заполнении ямы помимо них найдены фрагменты тиглей, литейной формы, варган, привеска-колокольчик, бубенчик из цветного металла. Здесь же найдены каменные пряслица, кочедыки, заготовки наконечников стрел, фрагмент футляра расчески, железные предметы, скопления зерен, лепная керамика и кости животных. Все серьги из клада с городища Иднакар выполнены из серебра высокой пробы и имеют содержание серебра в сплаве от 65% до 90%.

Подобные украшения встречаются на северо-востоке Руси, на Урале и в Зауралье, но их прикамские истоки не вызывают сомнений (Макаров, 1989, с. 54–55; Руденко, 2015, с. 155). Серебряные калачевидные серьги широко встречаются на памятниках финно-угорского Средневековья в X–XII вв. (Голдина, Ютина, 2012, с. 453). Известны они в Огурдинском могильнике X–XI вв. (Белавин, Крыласова, 2012, рис. 54), в Агафоновском II могильнике (Голдина, Ютина, 2012, рис. 6, 73, 88), в марийских могильниках IX–XI вв. (Никитина, 2012, рис. 4, 5, 28, 98).

На Чепце они найдены в составе монетных кладов и в погребальных комплексах X в. В XI–XII вв. серьги получают дальнейшее развитие – на их поверхности появляется декор из зерни и скани, шатоны с вставленными камнями (Иванова, 1992, с. 39–40).

Выразителен **клад из бронзовых шумящих подвесок и металлической заготовки** (рис. 2), обнаруженный в 1988 г. Украшения с заготовкой были завернуты в холщовую

Рис. 2. Клад шумящих подвесок и заготовки. Городище Иднакар. Раскопки М.Г. Ивановой 1988 г. (Фото А.Ю. Емельяновой). 1–4 – шумящие подвески, 5 – слиток. 1–5 – медные сплавы

Fig. 2. Treasure of noisy pendants and ingots. Hillfort Idnakar. Excavation by M.G. Ivanova 1988 (Photo by A.Yu. Emelyanova). 1–4 – noisy pendants, 5 – ingot. 1–5 – copper alloys

ткань и зарыты за пределами рва средней линии укреплений на глубине 30 см. Одна пара имеет подтреугольную литую основу, к которой на двухзвеньевых щитковых цепочках прикреплены прорезные бубенчики (рис. 2: 2, 3). Основа другой пары также с прикрепленными на четырех петлях девятизвеньевыми цепочками с привесками-колокольчиками (рис. 2: 1, 4). Металлический слиток в виде стержня подтреугольного сечения длиной около 12 см с одного конца загнут, видимо, при отрезании необходимой для очередной отливки части (рис. 2: 5). Изделия этого клада выполнены преимущественно из латуни: двухкомпонентной (рис. 2: 5) и многокомпонентной (рис. 2: 1–3); одна из подвесок выполнена из свинцово-оловянистой бронзы (рис. 2 :4).

Подвески с треугольной основой с двумя-тремя привесками на щитковых цепочках найдены на многих погребальных памятниках бассейна р. Чепцы X–XIII вв.: Чемшай (Смирнов, 1952, табл. ЛП, 1), Кыпкинский (Семенов, 1979, табл. 1, 1), Весьякарский

(Генинг, 1979, табл. IV, 6, 7), Омутницкий (Семенов, 1985, рис. 4, 4), Качкашурский могильники (Иванов, 1991, рис. 7, 5, 6) и др. Встречаются они на территории лесной зоны Восточной Европы, но их принято считать одним из этноопределяющих украшений средневековых удмуртов.

Шумящие украшения с длинными многозвеньевыми цепочками из щитковых звеньев на чепецких памятниках встречаются крайне редко. Близкая по форме подвеска с двумя привесками-бубенчиками на многозвеньевых (15) щитковых цепочках приведена А.П. Смирновым в реконструкции головного убора по материалам Солдырского могильника Чемшай (Смирнов, 1952, табл. ЛП, 6). Такие же подвески с двумя и тремя петлями и цепочками из 17 и 20 звеньев найдены в марийском Починковском могильнике XII–XIII вв. в составе нагрудного украшения (Архипов, 1986, рис. 24, 5, 6).

Металлические заготовки, аналогичные слитку из клада, встречаются в материалах чепецких укрепленных

Рис. 3. Клад ритуальных сосудов. Городище Иднакар. Раскопки М.Г. Ивановой 1994 г. (Фото А.Ю. Емельяновой). 1–2 – чаши ритуальные. 1–2 – серебро

Fig. 3. Treasure of ritual vessels. Hillfort Idnakar. Excavation by M.G. Ivanova 1994 (Photo by A.Yu. Emelyanova). 1–2 – ritual cups. 1–2 – silver

поселений. В коллекции городища Иднакар представлены подобные пруты-литки полукруглого и подтреугольного сечения длиной от 22,5 до 42,0 см, а также найдены формы для их отливки (Иванова, 1998, рис. 53; Иванова, Куликов, 2000, рис. 249, 250). На Гурьякаре зафиксирована близкая по форме заготовка подтреугольного сечения длиной 22,5 см (Иванова, 1982, с. 17). Заготовки, обнаруженные на городище Учкакар, имеют форму стержня округлого сечения и значительно меньшие размеры (16 и 18 см) (Междисциплинарные ..., 2018, с. 117).

По залеганию в слое городища Иднакар и аналогиям шумящих подвесок клад можно датировать XII–XIII вв. (Иванова, 2012, с. 104–112). Л.А. Голубева включила аналогичные шумящие подвески в состав украшений XI–XII вв. и полагала, что после XII в. они уже неизвестны (Голубева, 1982, с. 121). Т.Б. Никитина по представительным находкам в марийских погребальных комплексах включила их в группу украшений XII–XIII вв. (Никитина, 2012, рис. 31, 86). На верхнекамских памятниках печочки со щитковыми звеньями по-

лучили распространение с середины XI в. и стали преобладающими вплоть до XIV в. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 130, 134). По-видимому, за основу для хронологического обоснования клада логично принять аналогии в средней части Иднакара в комплексе украшений XII–XIII вв.

Уникальной для Солдырского I городища является находка 1994 г. – **клад из двух чаш светлого металла** (рис. 3). Сложенные одна в другую, они залегали в слое рыхлой гумусированной супеси заполнения рва внутренней линии оборонительных сооружений на глубине 55 см. Одна из них гладкая, имеет полусферическую форму диаметром 13,5 см и высотой 3,5 см (рис. 3: 2). Стенки другой рельефные: 14 ложек окаймлены контуром из круглых углублений, выполненных чеканом снаружи; на выделенном медальоне дна чеканкой выполнены четыре пальметты из растительных мотивов. Диаметр ее 12,5 см, высота 4 см (рис. 3: 1). На стенках обеих чаш пробиты небольшие круглые отверстия, возможно, от прикрепленной рукояти. Судя по результатам полученных анализов, оба сосуда были выполнены

из чистого серебра с минимальными дополнительными включениями (88–94%). По залеганию в слое чаши могут быть датированы XII в. Следует иметь в виду, что прежние находки сосудов восточной торевтики на Чепце были сделаны за пределами памятников (в составе 6 кладов найдено 3 кувшина, 5 блюд, 1 кружка, 1 ведро). Их истоки исследователи обнаруживают в Византии и восточных районах Средней Азии. Иднакарские чаши, по всей видимости, были привезены из Волжской Булгарии.

По данным погребальной обрядности финно-угров эпохи Средневековья, в сосудах из глины, железа, бронзы, бересты размещали ритуальную пищу и жертвенные дары. По мнению ряда ученых, привозная серебряная утварь могла служить в качестве священной реликвии на культовых памятниках или использоваться в качестве посуды во время ритуального поедания жертвенной пищи (Шутова, 2001, с. 184–186). Небольшой объем сосудов с Иднакара позволяет предполагать их назначение для ритуальных напитков.

Большой интерес представляет **клад из женских украшений** (рис. 4), обнаруженный в 1999 г. под предполагаемым северо-восточным углом жилого сооружения на средней части площадки городища. Он представлял собой комплект, состоящий из бронзовых украшений женского убора и металлических заготовок, помещенных в берестяную коробочку прямоугольной формы. Комплект украшений характерен для памятников бассейна р. Чепцы и находит широкие аналогии в марийских и верхнекамских древностях конца I – начала II тыс. н. э.

Шумящие украшения представлены тремя разновидностями. *Коньковые подвески* (2 экз., рис. 4: 7) имеют привески на четырех проволочных звеньях овальной формы. На одной

из них привески конические, на другой – плоские лапчатые. Привески имеются не на всех цепочках, но в составе клада содержатся и отдельные привески-колокольчики (4 экз., рис. 4: 3). Полые *зооморфные подвески* имеют по две изогнутые привески-лапки на восьмеркообразных звеньях (2 экз., рис. 4: 8). По поверхности тулова одной из них наложен зигзагообразный валик с насечками, на другой – волнообразный с насечками. *Шумящий перстень* (рис. 4: 9) состоит из щитка овальной формы с тремя кольцами, к двум из которых прикреплены изогнутые лапчатые привески на щитковом звене. Близкий по форме перстень имеется в публикациях А.П. Смирнова (Смирнов, 1952, рис. LI, 8) и А.А. Спицына с Верхней Камы (Спицын, 1902, табл. XV, 3, с. 57). Аналогичные изделия встречены также в материалах марийского могильника Черемисское кладбище (Никитина, 2012, рис. 109).

Металлические бусины клада представлены бусинами-флакончиками (3 экз.), двойными флакончиками (2 экз.) и бусинами с рубчатыми манжетами (3 экз.) (рис. 4: 1). *Пластинчатый браслет* (рис. 4: 14) с несомкнутыми концами отличается утолщенной средней частью. Среди *бубенчиков* выделяются экземпляры грушевидной формы с рифленой поверхностью и шаровидные бубенчики (рис. 4: 4). Отдельной серией представлены шаровидные бубенчики с рубчиками по нижней половинке (рис. 4: 2).

К категории женских украшений относятся также *умбоновидные бляшки* с имитацией треугольников зерни по краям (2 экз., рис. 4: 10); *поврежденная поясная накладка* (рис. 4: 5) в форме трилистника и два пластинчатых кольца с несомкнутыми концами (рис. 4: 11). Также в кладах найдена одна стеклянная зонная бусина черного цвета (рис. 4: 6).

Рис. 4. Клад комплекса женских украшений. Городище Иднакар. Раскопки М.Г. Ивановой 1999 г. (Фото А.Ю. Емельяновой). 1 – бусы-пронизки; 2–4 – привески; 5 – накладка; 6 – буса; 7–8 – шумящие зооморфные подвески; 9 – перстень шумящий; 10 – бляшки умбонидные; 11 – кольца; 12 – слиток; 13 – заготовка; 14 – браслет. 1–5, 7–14 – медные сплавы; 6 – стекло заглушенное

Fig. 4. Treasure complex of female jewelry. Hillfort Idnakar. Excavation by M.G. Ivanova 1999 (Photo by A.Yu. Emelyanova). 1 – beads-piercing; 2–4 – pendants; 5 – overlay; 6 – beads; 7–8 – noisy zoomorphic pendants; 9 – ring noisy; 10 – umboniform plaques; 11 – rings; 12 – ingot; 13 – blank; 14 – bracelet. 1–5, 7–14 – copper alloys; 6 – damped glass

К группе предметов условно производственного цикла относятся незаконченные изделия и заготовки. Это нераскованная *заготовка кольца* подтреугольного сечения (рис. 4: 11), металлическая *трубочка* (1,7×1,5 см) (рис. 4: 13), проволочное *кольцо* (рис. 4: 11) и *слиток* металла подтреугольного сечения длиной 4,4 см со следами отрезания с одной стороны (рис. 4: 12).

Из всех предметов, обнаруженных в составеклада женских украшений, 17 выполнены из бронзы (оловянистая, свинцово-оловянистая, многокомпонентная); 27 изготовлены преимущественно из многокомпонентной латуни, реже встречаются двух- и трехкомпонентные латунные сплавы. Заготовка кольца (рис. 4: 13) выполнена из технически чистой меди, а фрагментированное коль-

цо (рис. 4: 11) – из 75% серебряного сплава.

Коньковые шумящие подвески, полые уточки, перстень с шумящими привесками, умбоновидные накладки с ложной зернью, привески-колокольчики и полые бубенчики позволяют датировать клад в пределах X–XI вв. К примеру, коньковая подвеска аналогичной формы и размеров имеется и в комплексе захоронения № 473 Варнинского могильника IX в. (Иванов, 1994). В захоронении № 207 Танкевского могильника подвеска снабжена коническими привесками на цепочках из 7 проволочных звеньев (Казаков, 1992, рис. 64, 11). Ряд предметов близких форм и размеров имеется в инвентаре могильника «Нижняя Стрелка» X в. (Никитина, 2012, рис. 112, 20), а также в комплексах XI в. на Верхней Каме (Голдина, Ютина, 2012, рис. 2, 55, 56, 77, 67, 101).

Аналогии поясной накладке в форме трилистника имеются в погребении № 57 Качкашурского I могильника IX–XIII вв. (Иванов, 1991, рис. 9, 17). Близкие типы встречаются в материалах болгарских памятников X–XI вв. (Казаков, 1992, рис. 102, 21, 24). Умбоновидные бляшки на Верхней Каме датируются X–XI в. (Голдина, Ютина, 2012, рис. 6, 77). В целом по залеганию в слое средней части городища и приведенным аналогиям клад может быть датирован X–XI в.

Следует отметить, что в составе клада не все предметы являются новыми. Некоторые из вещей, напротив, не были в употреблении. Эти детали,

а также наличие заготовок металла позволяет предполагать их принадлежность мастеру-ювелиру. По мнению М.Г. Ивановой, и изготовителем, и потребителем украшений из Иднакарского клада могло являться одно и то же лицо – женщина. Она считает, что косвенным подтверждением существования в обществе женщин-литейщиц является состав клада и место его обнаружения – жилое сооружение, что может свидетельствовать о домашнем характере женского ювелирного ремесла. Впрочем, М.Г. Иванова не исключала и связи этого клада со строительной жертвой.

Исследования Иднакара коренным образом изменили сложившиеся представления о финно-угорских памятниках в средневековой истории Урало-Поволжья и в целом Восточной Европы. Находки кладов на площадке этого крупного городища значительно расширяют познавательные возможности памятника. Хотя они относительно скромные по составу, если сравнивать их с сопредельными монетными кладами и находками многочисленных изделий восточной торевтики, но значимость их весьма существенна. Два из них, содержащие наряду с продукцией заготовки цветных металлов, предоставляют источники для исследования местного ювелирного ремесла, еще один подтверждает местное производство серебряных калачевидных подвесок, и еще один дополняет сведения о торговых и экономических связях местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 115 с.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГГПУ, 2008. 603 с.
3. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник. Пермь: ПГГПУ, 2012. 259 с.
4. *Генинг В.Ф.* Могильник чепецкой культуры у д. Весьякар // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1979. 151 с.

5. *Голдина Р.Д., Ютина Т.К.* О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафоновского могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция / МКВАЭ. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 447–472.

6. *Голубева Л.А.* К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 110–124.

7. *Журбин И.В., Антипина Е.Е., Иванова М.Г., Лебедева Е.Ю., Модин Р.Н., Сергеев А.Ю., Яворская Л.В.* Междисциплинарные исследования Кушманского городища Учкакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа. М.: ТАУС. 2018. 248 с.

8. *Иванов А.Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск, 1991. С. 140–180.

9. *Иванов А.Г.* Отчет об исследованиях средневековых могильников в бассейне р. Чепцы в 1994 г. // НОА УИИЯЛ УрО РАН, Ф. РФ Оп. 2-н. Д. 28.

10. *Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.

11. *Иванова М.Г.* Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ, 1995. С. 4–56.

12. *Иванова М.Г.* Городище Гурья-кар. Результаты исследований 1979 г. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 3–26.

13. *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.

14. *Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

15. *Иванова М.Г., Куликов К.И.* Древнее искусство Удмуртии. Альбом. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 216 с.

16. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

17. *Макаров Н.А.* О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и в Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмуртов / Ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1989. С. 51–64.

18. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

19. *Останина Т.И.* Лесагуртский клад IX в. в бассейне Чепцы: Каталог археологической коллекции. Ижевск: Монпоражен, 2015. 56 с.

20. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

21. *Семенов В.А.* Кыпчинский могильник X–XII вв. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1979. С. 69–86.

22. *Семенов В.А.* Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: УдНИИ, 1985. С. 92–118.

23. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

24. *Спицын А.А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. Вып. 26. СПб.: Типография Безобразова, 1902. 109 с.

25. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.+ вкл.

Информация об авторах:

Иванова Маргарита Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Ижевск, Россия);

Русских Елена Львовна, младший научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Ижевск, Россия); elenalar87@mail.ru

Сабирова Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Ижевск, Россия); lemelon@inbox.ru

TREASURES OF THE 10TH – 13TH CENTURIES FROM MATERIALS OF SOLDIRSKY I HILLFORT IDNAKAR

M.G. Ivanova, E.L. Russkikh, T.M. Sabirova

Treasures were discovered during archaeological research of the Idnakar hillfort in 1976–1999. Two treasures were found on the middle square of the hillfort. The third treasure was found on the territory of internal fortifications, another one – outside the middle line of fortifications. Patterns in the location of the treasures relative to the planning objects are not revealed. The nature of the complexes is diverse. In general, jewelry dominates. Two treasures contain metal ingots and unfinished products. This indicates their local production. A treasure containing imported vessels is an important source for the analysis of trade and economic relations of the medieval population of the Cheptsya River Basin. Jewelry from treasures is dated to the period of 10th–13th centuries. Similar products were found in the materials of medieval monuments of the Finno-Ugric population of Eastern Europe. Data on the elemental composition of metal products from treasures are published. Metal research was carried out by Bazhen Evgenievich Pushkarev, Candidate of Technical Sciences (Scientific Center for Metallurgical Physics and Materials Science, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences). Earrings and ritual bowls were made of silver. Pendants, jewelry items and metal ingots were made of copper alloys (pure copper, bronze, brass). Alloy formulations vary, which is typical of the medieval metal of the Cheptsya River Basin.

Keywords: archaeology, the Cheptsya river basin, Middle Ages, Idnakar hillfort, treasures, jewelry, eastern vessels, elemental composition of metal.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1986. *Mariitsy XII–XIII vv. (k etnokul'turnoi istorii Povetluzh'ia) (Mari People in 12th–13th Centuries: to the Ethno-Cultural History of the Vetluga River Basin)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
2. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
3. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2012. *Ogurdinskii mogil'nik (Ogurдино Burial Ground)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).
4. Gening, V. F. 1979. In *Severnnye udmurty v nachale II tysyacheletiya n. e. (Northern Udmurts at the Beginning of the 2nd Millennium AD)*. Izhevsk: Research institute of the Council of Ministers of the Udmurt SSR Publ. (in Russian).
5. Goldina, R. D., Yutina T. K. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama and Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 447–472 (in Russian).
6. Golubeva, L. A. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovyie pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsya River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 110–124 (in Russian).
7. Zhurbin, I. V., Antipina, E. E., Ivanova, M. G., Lebedeva, E. Yu., Modin, P. N., Sergeev, A. Yu., Yavorskaya, L. V. 2018. *Mezhdisciplinarnye issledovaniya Kushmanskogo gorodishcha Uchkakar IX–XIII vv.: metodika kompleksnogo analiza (Interdisciplinary Studies of Kushman hillfort Uchkakar of the 9th – 13th cc.: A Comprehensive Analysis Method)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).
8. Ivanov, A. G. 1991. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Materialy po pogrebal'nomu obriadu udmurtov (Materials of the Burial Rite of the Udmurts)*. Izhevsk, 140–180 (in Russian).
9. Ivanov, A. G. 1994. *Otchet ob issledovaniyakh srednevekovykh mogil'nikov v basseine r. Cheptsy v 1994 g. (Report on Studies of Medieval Burial Grounds in the Cheptsya River Basin in 1994)*. Izhevsk: Archive of Udmurt Federal Research Center, inventory № 2-28 (in Russian).

10. Ivanov, A. G., Ivanova, M. G., Ostanina, T. I., Shutova, N. I. 2004. *Arkheologicheskaya karta severnykh rayonov Udmurtii (Archaeological map of the northern regions of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature Publ. (in Russian).

11. Ivanova M. G. 1995. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy issledovaniya gorodishcha Idnakar IX–XIII vv. (Materials of the Study of Idnakar hillfort of 9th – 13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4–56 (in Russian).

12. Ivanova, M. G. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsy River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 3–26 (in Russian).

13. Ivanova, M. G. 1992. *Pogrebal'nye pamiatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv. (Burial Sites of the Northern Udmurts of the 11th – 13th cc.)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

14. Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtское gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th – 13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

15. Ivanova, M. G., Kulikov, K. I. 2000. *Drevnee iskusstvo Udmurtii. Al'bom (The ancient art of Udmurtia. Album)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature Publ. (in Russian).

16. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

17. Makarov, N. A. 1989. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Novye issledovaniya po etnogenezu udmurtov (New Studies on the Ethnic Genesis of the Udmurts)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 51–64 (in Russian).

18. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Veltuzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th – 11th Centuries in the Veltuga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

19. Ostanina, T. I. 2015. *Lesagurtskiy klad IX v. v basseine Cheptsy: Katalog arkheologicheskoy kolleksii (Lesagurt Hoard of the 9th Century in the Cheptsy River Basin: Archaeological Collection Catalogue)*. Izhevsk: «Monporazhyon» Publ. (in Russian).

20. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biliar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

21. Semenov, V. A. 1979. In *Severnye udmurty v nachale II tysyacheletiya n.e. (Northern Udmurts at the beginning of the 2nd millennium AD)*. Izhevsk: Research institute of the Council of Ministers of the Udmurt SSR Publ., 69–86 (in Russian).

22. Semenov, V. A. 1985. In *Materialy srednevekovykh pamiatnikov Udmurtii (Materials from the Medieval Sites of Udmurtia)*. Ustinov: Udmurtian Research Institute, 92–118 (in Russian).

23. Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1–274 (in Russian).

24. Spitsyn, A. A. 1902. *Drevnosti Kamskoy chudi po kolleksii Teploukhovykh (Antiquities of the Kama Chud' People from the Teplouhovs collection)*. Series Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 26. Saint Petersburg: Bezobrazov Tipografy (in Russian).

25. Shutova, N. I. 2001. *Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii (Pre-Christian Cult Monuments of the Udmurt Religious Tradition)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Ivanova Margarita G. Doctor of Historical Sciences, Professor. Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov St., 4, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation;

Russkikh Elena L. Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov St., 4, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; elenalar87@mail.ru

Sabirova Tatiana M. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov St., 4, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; lemelson@inbox.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

БУЛГАРСКИЕ МОНЕТЫ ХАНА ПУЛАДА ИЗМЕРСКОГО КЛАДА¹

© 2021 г. А.И. Бугарчев, П.Н. Петров, А.З. Сингатуллина,
А.Г. Ситдиков, Е.Ф. Шайхутдинова

В статье рассмотрены монеты болгарской чеканки золотоордынского хана Пулада (1407–1410), отложившиеся в Измерском кладе. Общее количество дирхамов с именем этого хана достигает 220 экземпляров. При изучении весовых характеристик монет было установлено, что мода соответствует значению $0,73 \pm 0,02$ г. Исследовав элементный состав поверхностного слоя монетного металла 50 дирхамов, авторы установили количество серебра, меди и других элементов: серебро – 80,8–82,7%; медь – 15,2–16,9%; золото – 0,5%, остальные составляющие – около 1,7%. Сравнение веса и элементного состава поверхностного слоя монет Пулада и предыдущего правителя – хана Шадибека, помогло установить незначительное понижение веса болгарских монет. Авторы делают вывод о том, что при Пуладе в Булгарском регионе изменений в монетном деле в виде реформ не производилось.

Ключевые слова: археология, Джучиды, Булгар, нумизматика, дирхам, клад, хан Пулад, XV в., метрология, монетный металл.

Одним из наиболее слабо изученных периодов истории Золотой Орды и ее распада на отдельные ханства является XV в. Несистематизированные сведения о политической истории и ее влиянии на товарно-денежные отношения в Среднем Поволжье не позволяют оценить экономическое состояние региона в XV в. и причины замещения золотоордынской монетной системы на русскую чеканную продукцию. Полноценная характеристика динамики товарно-денежных отношений невозможна без установления хронологии чеканки местной монеты, а также параметров монетной продукции Булгарского монетного производства, поскольку именно вес монет и проба серебра дирхама позволяют обнаружить и зафиксировать процессы реформирования в монетном деле. Актуальность темы обуславливается возможностью установления этапов денежного обращения серебряных монет собственной чеканки в Поволжье в XV в., что позволит выявить особенности товар-

но-денежных отношений в вилайате и оценить относительное экономическое состояние региона. Научная новизна нашего исследования состоит в использовании неразрушающего метода рентгено-флуоресцентного анализа значительного массива монет, подобранных по эмитентам и названиям монетных дворов. С помощью этого метода мы имеем возможность установить хронологию денежных реформ в монетном деле Поволжья в XV в. За основу был взят Измерский клад². Систематизация сведений о штемпельной принадлежности, весовом и химическом составе около 2000 кладовых экземпляров позволит создать базу для дальнейшего изучения особенностей ордынских монет XV в., а также для других исследований в области истории, археологии, нумизматики, аналитических изысканий.

В ходе изучения монет Измерского клада нами уже были рассмотрены метрологические параметры группы болгарских³ монет

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00485. А «Химический состав сплавов чеканной продукции монетных дворов XV века в Поволжье как индикатор состояния золотоордынской монетной системы в регионе».

Таблица 1

Описание монет Пулад хана по типам и вариантам

№	МД	Год, г.х.	Легенда Л.с.	Легенда О.с.	№ по В.П. Лебедеву-2007
П 1	Булгар	812 (иногда 712)	<i>Султан / справедливый / Пулад хан</i>	<i>Бито [в] / Булгаре да продлится / [его] правление</i>	Л.с. №1-6, литеры О.с. «а-е»
П 2	Булгар	810	<i>Султан справедливый / Пулад хан / да продлится [его] правление / 018 (= 810)</i>	<i>Бито [в] / Булгаре год / 810</i>	«12 м»
П 3	Сарай	806	<i>Султан справедливый / Пулад хан / да продлит Аллах...</i>	<i>Султан справедливый / Шадибик / бито [в] / Сарай 806</i>	«9 и»
П 4	«Раджан»	018 (=810)	<i>Султан справедливый / Пулад хан / да продлит Аллах... / 018</i>	<i>Бито [в] / «Раджане» / 018</i>	Л.с. №12-14, литеры О.с. «н-с».
П 5	Булгар	218 (=812)	<i>Султан справедливый / Пулад хан / да продлит Аллах...</i>	<i>Бито [в] / Булгаре Да продлится / [его] правление 218</i>	«9 з»
П 6	Булгар	82 (=812)	<i>Султан справедливый / Пулад хан / да продлит Аллах [его] правление</i>	<i>Да продлится [его] правление / бито [в] Булгаре (зеркально) / 82</i>	«10 к»
П 7 (вариант П 6)	Булгар	8	<i>Султан справедливый / Пулад хан / да продлит Аллах [его] правление</i>	<i>Да продлится [его] правление / бито [в] Булгаре / 8</i>	Л.с. №№10-11, О.с. литера «л»
П 8	Булгар ал-Джадида	Не указан	<i>Султан / Пу- / справедливый / да продлит- лад хан / [его] правление Аллах</i>	<i>Булгар / бито [в] / ал-Джадида</i>	Л.с. №I – III, О.с. литеры «А – Г»
П 9	Булгар	Не указан	<i>Султан (зеркально) / Пулад / хан (?)</i>	<i>Бито [в] / Булгаре (все зеркально) / ...</i>	Не выделен
П 10 (вариант П 6)	Булгар	8	<i>Султан / справедливый Пулад / ...хан</i>	<i>Да продлится [его] правление / бито [в] Булгаре / 8...</i>	«7 л»

хана Шадибека, а также выпуски хана Пулада, осуществленные на монетном дворе Булгар ал-Джадида (Aleksy Bugarchev etc, 2019; Бугарчев, Сингатуллина, 2019). Данная статья является продолжением работы по исследованию серебряных монет Измерского клада. Исследование имеет целью установить присутствие или отсутствие проведения в монетном деле Булгара при Пулад-хане монетной реформы или иных видов реформирования на статистически достаточном количестве образцов для таких исследований.

Рассмотрим монеты второго золотоордынского хана XV в. – Пулада (810–812/1407–1410 гг.), выпущенные на монетных дворах (далее – МД) с названиями Булгар, Булгар ал-Джадида и Булгар («Раджан»).

Первый исследователь Измерского клада А.Г. Мухамадиев распределил монеты с именем Пулада по номерам. Все кладовые экземпляры были нами пересмотрены и переатрибутированы заново без изменения нумерации А.Г. Мухамадиева. В таблице 1 учтены как монеты с номерами 1/х–12/х, так и с номерами н/х (из раздела «неопределенных»), отнесенные нами к чеканке Пулада на основании штемпельных совпадений. Кроме этого, в составе клада есть группа неатрибутированных и невзвешенных монет в количестве 104 штук, среди которых обнаружено 3 дирхама Пулада, также учтенных в таблице 2 под номерами 167–169. Таким образом, уточнено общее количество кладовых дирхамов булгарской чеканки с именем Пулада – 220 экземпляров десяти типов⁴, со-

Таблица 2

Монеты Пулада из Измерского клада

№ п/п	Номер по А.Г. Мухамадиеву	Тип	Вес, г	Кол-во. Примечание
1-4	6/1-6/4	П 1	0,71; 0,70; 0,76; 0,57	4 экз. 6/1-6/3 – вар. «1 а». 6/4 – вариант не ясен
5-29	1/5-1/8, 1/10-1/12, 1/15-1/17, 1/19-1/20, 1/21, 1/25, 1/27, 1/30-1/31, 1/38, 1/40, 1/42-1/43, 1/45, 1/49, 1/56, 10/1	П 1	0,75; 0,68; 0,66; 0,70; 0,65; 0,70; 0,68; 0,75; 0,65; 0,76; 0,70; 0,71; 0,73; 0,72; 0,76; 0,58; 0,70; 0,72; 0,65; 0,60; 0,69; 0,67; 0,72; 0,71; 0,75	25 экз. Вариант О.с. «в».
30-33	1/39, 1/41, 1/46, 1/55	П 1	0,74; 0,73; 0,72; 0,71	4 экз. Вариант Л.с. «1»
34-59	1/1, 1/3-1/4, 1/9, 1/13-1/14, 1/18, 1/24, 1/26, 1/29, 1/32-1/37, 1/44, 1/50-1/53, 1/54, н/3, н/13, н/14, н/17	П 1	0,74; 0,73; 0,69; 0,75; 0,69 (отв.); 0,61; 0,70; 0,79; 0,78; 0,72; 0,69; 0,72; 0,77; 0,75; 0,76; 0,73; 0,74; 0,70; 0,72; 0,69; 0,70; 0,70; 0,78; 0,74; 0,77; 0,74	26 экз. Варианты Л.с. и О.с. не определяются.
60-69	9/1-9/10	П 1	0,73; 0,71; 0,55; 0,74; 0,67; 0,75; 0,77; 0,71; 0,73; 0,73	10 экз. 9/2, 9/3, 9/4, 9/7, 9/10 – вариант написания года «617», 9/5 – вар. «618» (!), 9/1, 9/6 – вар. «17».
70-71	№167, №199	П 1	0,73; 0,73	2 экз. Из группы «104». Вар. «1 б», «1 а~е».
72-77	11/1-11/6	П 2	0,73; 0,82; 0,77; 0,74; 0,75; 0,68	6 экз. Вар. «12 М». 810 г.х.
78-85	12/1, 12/3-12/4, 12/6-12/10	П 3	0,69; 0,74; 0,74; 0,77; 0,70; 0,73; 0,76; 0,77	8 экз. Вар. «9 И». «Пулад-Шадибек», МД Сарай
86-117	5/1-5/28, 5/30-5/31, 5/34-5/35	П 4	0,71; 0,73; 0,73; 0,68; 0,74; 0,74; 0,63; 0,72; 0,71; 0,70; 0,71; 0,77; 0,81; 0,70; 0,69; 0,71; 0,76; 0,80; 0,82; 0,76; 0,75; 0,75; 0,81; 0,74; 0,72; 0,78; 0,77; 0,73; 0,76; 0,71; 0,67; 0,78	32 экз. МД Булгар («Раджан»)
118-121	3/1-3/4	П 5	0,76; 0,74; 0,78; 0,62	4 экз. 3/2 и 3/4 – вар. «9-з»; 3/1 и 3/3 – Л.с. вар. 9~11, О.с. стерта
122-123	10/4, н/10	П 5	0,79; 0,68	2 экз. Вар. «9 з»
124-160	2/1-2/10, 2/12-2/22, 2/24-2/39	П 8	0,71; 0,68; 0,73; 0,72; 0,71; 0,74; 0,70; 0,70; 0,69; 0,70; 0,72; 0,70; 0,72; 0,67; 0,62; 0,70; 0,64; 0,72; 0,71; 0,77; 0,74; 0,75; 0,72; 0,76; 0,67; 0,79; 0,71; 0,71; 0,71; 0,70; 0,70; 0,69; 0,74; 0,63; 0,69; 0,70; 0,72	37 экз. МД Булгар ал-Джадида. Без разделения по вариантам «I-III» и «A-Г»
161-166	8/4, 8/8, 8/15, 8/18, 8/23, н/1	П 8	0,75; 0,73; 0,75; 0,73; 0,67; 0,77	6 экз. МД Булгар ал-Джадида. Без разделения по вар. «I-III» и «A-Г»

167-169	4/4-4/6	П 3~П 5	0,71; 0,76; 0,73	3 экз. Лебедев, 2007 - №8-11 (О.с. стерта)
170-186	4/1-4/3, 4/7-4/20	П 6	0,68; 0,68; 0,71; 0,75; 0,61; 0,73; 0,76; 0,85; 0,67; 0,66; 0,62; 0,69; 0,75; 0,77; 0,72; 0,73; 0,74	17 экз. Вар. «10 к: 82»
187-195	7/1-7/10	П 7	0,74; 0,74; 0,74; 0,73; 0,65; 0,78; 0,81; 0,73; 0,74	10 экз. 7/1 – вар. «10 Л», 7/3-7/10 – вар. «11 Л».
196	7/2	П 10	0,76	1 экз. Вар. «7 Л»
197-203	Н/9, н/11, н/15, н/18, 5/29, 5/32, 5/33	П 2-П 5*	0,76; 0,73; 0,76; 0,73; 0,72; 0,74; 0,70	7 экз. Л.с. №№8-14
204	Н/6	П 2-П 5?*	0,75	О.с. вар. «к-л».
205-206	Н/2, н/5	П 2-П 5*	0,76; 0,76	2 экз. О.с. – вар. «а~з»
207	2/11	Не определяется	0,73	Пулад. О.с. стерта
Монеты из раздела «Неопределенные»				
208-209	1/34, 1/52	П 9	0,65; 0,62	2 экз.
210-220	104, 115, 138, 204, 207, 212, 277, 296, 305, 306, 325	П 9	0,59; 0,58; 0,63; 0,65; 0,64; 0,67; 0,63; 0,67; 0,62; 0,68; 0,60	11 экз.

Примечание: в столбце «Количество. Примечание» указаны: количество монет и варианты по статье В.П. Лебедева (2007). Монеты с номерами «н/4», «12/2», «12/5» в составе клада отсутствуют.

* У монет 197-206 надписи сохранились фрагментарно, поэтому их точная атрибуция невозможна и приведена в виде П 2 – П 5.

гласно составленной В.П. Лебедевым схеме (2007, с. 19–21).

Метрология с классификацией по типам и вариантам представлена в таблице 2.

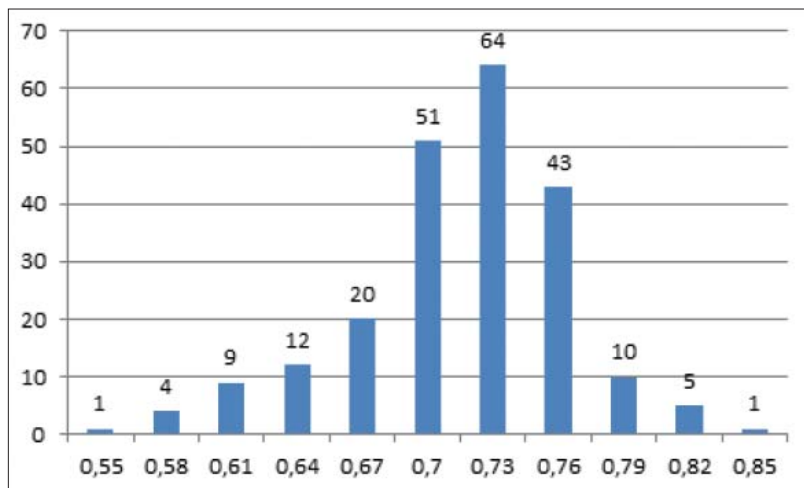
Отдельно хотелось бы остановиться на продукции МД Булгар ал-Джадида (табл. 1, П 8). Весовые характеристики этого типа были опубликованы ранее (Бугарчев, Сингатулина, 2019, с. 94–96). После построения гистограммы с шагом 0,03 г был выявлен модальный вес – 0,71±0,02 г (20 экземпляров из 43 учтенных монет П 8).

При разборе Измерского клада первый его публикатор А.Г. Мухамедиев выделил две группы монет Пулада в 29 и 39 экземпляров с названием МД «Булгар ал-Джадид». Но в 2019 году вышла статья Р.Ю. Ревы и Б.И. Леонова, где в описании вариантов монет хана Махмуда (812–813/1409–1411 гг.) указывалось, что

отдельные экземпляры этого эмитента чеканились штемпелем оборотной стороны монет Пулада с указанием монетного двора «Булгар ал-Джадида» (Рева, Леонов, 2019, с. 74, рис. 1). Это обстоятельство потребовало пересмотра всех монет упомянутых двух групп и уточнения их атрибуции. При этом были исключены из рассмотрения дирхамы с названием МД «Булгар ал-Джадида», но с утраченным именем эмитента (приложение, табл. 6).

Рассмотрим метрологию изучаемых типов серебряных монет Измерского клада. Для всех кладовых монет Пулада построена общая гистограмма. Возможность ее построения обусловлена неизменностью весовой нормы чеканки на монетных дворах Булгара (гистограмма 1). Учтено 220 экз. Измерского клада. Шаг 0,03 г.

Зафиксирована мода 0,73±0,02 г (65 экз., 29,4% от всех монет с именем

Гистограмма 1. Зависимость количества монет Пулада от значения их веса.
Histogram 1. The dependence of the number of coins of Pulad on the value of their weight.

Пулада). Диапазон колебаний значений веса – от 0,55 до 0,85 г. Средний вес 0,716 г.

Отдельно были рассмотрены метрологические особенности для монет П 1 (МД Булгар, учтено 72 экземпляра), П 4 (МД «Раджан», учтено 32 экз.) и П 8 (МД Булгар ал-Джадида, учтено 43 экз.; Бугарчев, Сингатуллина, 2019, с. 94–96). Получены следующие результаты (сами гистограммы не приводятся):

- П 1 – мода $0,73 \pm 0,02$ г, 23 экз. (31,9% от всех монет П 1);
- П 4 – мода $0,72 \pm 0,02$ г, 10 экз. (31,3%);
- П 8 – мода $0,71 \pm 0,02$ г, 20 экз. (46,5%).

Как видно из приведенных расчетов, величины мод для типов П 1, П 4 и П 8 расположены в диапазоне 0,71–0,73 г (с учетом математической ошибки – 0,69–0,75 г). Для остальных типов дирхамов Пулада строить гистограммы не позволяет малое количество экземпляров в кладе, недостаточное для статистических исследований.

Незначительные отклонения весового стандарта у дирхамов П 8 [$0,71 \pm 0,02$ г], скорее всего, связаны

с неточностями разновесов при контроле продукции на разных монетных дворах или с незначительными отличиями в технологической оснастке. Не исключено, что длительность обращения монет Пулада, находящихся в кладе, также сыграла свою роль в вопросе потери ими веса.

При этом ранее было установлено, что для монет Шадибека мода $0,76 \pm 0,02$ г (39 экз., 38,2%), а средний вес 0,740 г (А. Бугарчев и др., 2019). Тенденция к понижению указного веса болгарских монет джучидских эмитентов XV в. была замечена ранее, и теперь она имеет свое выражение в конкретных величинах. По результатам исследования А.Г. Мухамадиева, данная тенденция продолжалась до середины 1420-х гг. (Мухамадиев, 1983). Но можно ли называть тенденцией снижение веса на 0,03 г монет, находящихся практически в интервале математической ошибки метода? Представляется, что нет.

Метрологические исследования подразумевают, кроме изучения весовых характеристик, также и анализ состава монетного металла, и в первую очередь установление количества серебра в монете. Для выяснения эле-

ментного состава приповерхностного слоя монет Пулада были взяты 2 группы образцов по 25 экземпляров, битых в Булгаре («Раджан») и Булгаре ал-Джадида⁵.

Так как работы проводились с музейными экземплярами, то для исследования был выбран неразрушающий метод анализа приповерхностного слоя – метод рентгено-флуоресцентного анализа (РФА). Анализ элементного состава проводился на портативном рентгено-флуоресцентном анализаторе S1 Turbo SD LE (Vrucker, Германия), который позволяет с высокой скоростью и точностью определять химический состав без вакуумизации и гелиевой продувки в диапазоне от Mg до U, в том числе и легких химических элементов Mg,

Al, Si, S и P в сплавах на основах Fe, Ni, Ti, Cu, Al и т. д. Точность метода 0,01%, глубина анализируемого слоя 20 мкм для серебра и его сплавов, площадь измеряемой точки на поверхности – 10 мм² (табл. 3).

Средние значения химических элементов в приповерхностном слое монет Пулада (МД Булгар «Раджан»): серебро 80,8%; медь 16,9%; золото 0,65%. Остальные элементы в сумме дают менее 1,7%.

Но ~81% Ag в монетном металле – это среднее значение, на практике по количеству серебра данная группа разделяется на 2 подгруппы: менее 80% и более 80% серебра. Количество монет в каждой подгруппе примерно одинаковое – 11 и 14 экземпляров соответственно.

Таблица 3

Элементный состав поверхностного слоя монет Пулада (МД Булгар «Раджан») из Измерского клада, полученный методом РФА

Образец № п/п	Шифр в/к	Ag	Cu	Zn	Fe	Sn	Au	Pb	Bi
1	5/2	78,98	18,39	0,06	0,29	0,83	0,72	0,60	0,06
2	5/3	85,82	12,41	0,01	0,18	0,54	0,33	0,55	0,16
3	5/4	75,92	21,17	0,07	0,48	0,89	0,51	0,83	0,00
4	5/5	78,23	19,48	0,08	0,32	0,32	0,95	0,54	0,05
5	5/6	86,90	11,16	0,00	0,27	0,54	0,37	0,52	0,23
6	5/7	78,92	18,32	0,04	0,59	0,61	0,41	0,91	0,14
7	5/8	71,51	25,01	0,15	0,49	0,89	0,82	0,90	0,09
8	5/9	88,36	10,09	0,01	0,25	0,23	0,48	0,52	0,06
9	5/10	77,57	19,80	0,07	0,28	0,73	0,60	0,71	0,09
10	5/11	79,90	17,58	0,08	0,37	0,56	0,60	0,69	0,10
11	5/12	85,08	12,64	0,03	0,41	0,42	0,54	0,70	0,09
12	5/13	81,70	15,69	0,12	0,33	0,49	1,06	0,54	0,06
13	5/14	84,90	13,22	0,01	0,29	0,53	0,42	0,53	0,12
14	5/15	81,29	16,57	0,08	0,19	0,48	0,67	0,61	0,07
15	5/16	82,51	14,26	0,09	0,25	0,62	1,43	0,64	0,03
16	5/17	79,16	18,65	0,03	0,27	0,56	0,63	0,60	0,07
17	5/18	80,34	17,95	0,02	0,22	0,50	0,39	0,41	0,10
18	5/19	85,61	12,57	0,00	0,29	0,46	0,44	0,55	0,06
19	5/20	81,96	14,39	0,05	0,41	0,66	1,63	0,66	0,07
20	5/21	80,08	17,60	0,03	0,34	0,65	0,52	0,60	0,09
21	5/22	85,11	12,51	0,01	0,57	0,58	0,43	0,65	0,05
22	5/23	75,80	21,12	0,07	0,58	0,95	0,52	0,87	0,03
23	5/24	72,20	24,08	0,13	0,45	0,98	0,90	0,97	0,08
24	5/25	77,09	20,26	0,07	0,32	0,66	0,60	0,79	0,10
25	5/26	81,79	16,24	0,02	0,21	0,72	0,47	0,51	0,03

Таблица 4

Элементный состав поверхностного слоя монет Пулада (МД Булгар ал-Джадида) из Измерского клада

Образец № п/п	Шифр в/к	Ag	Cu	Zn	Fe	Sn	Au	Pb	Bi
1	2/1	86,26	11,54	0,02	0,29	0,84	0,49	0,50	0,05
2	2/2	80,97	16,68	0,03	0,39	0,60	0,41	0,67	0,10
3	2/3	82,44	15,33	0,01	0,39	0,50	0,40	0,72	0,11
4	2/4	83,02	14,86	0,01	0,36	0,34	0,45	0,65	0,07
5	2/5	82,36	15,87	0,02	0,26	0,41	0,46	0,54	0,08
6	2/6	79,33	18,16	0,03	0,35	0,69	0,44	0,80	0,09
7	2/7	78,60	19,12	0,02	0,35	0,70	0,41	0,61	0,08
8	2/8	80,90	16,74	0,02	0,41	0,40	0,44	0,90	0,09
9	2/9	80,81	16,94	0,01	0,40	0,51	0,43	0,72	0,09
10	2/10	82,78	15,06	0,03	0,42	0,64	0,50	0,49	0,07
11	2/12	85,27	12,84	0,01	0,41	0,37	0,51	0,50	0,02
12	2/13	81,01	16,85	0,02	0,23	0,68	0,46	0,67	0,07
13	2/14	82,08	15,80	0,02	0,39	0,49	0,47	0,67	0,06
14	2/15	79,68	18,29	0,02	0,32	0,60	0,46	0,49	0,07
15	2/16	84,11	13,95	0,01	0,49	0,29	0,43	0,62	0,10
16	2/17	81,66	16,04	0,02	0,34	0,65	0,47	0,59	0,07
17	2/18	82,54	15,39	0,01	0,40	0,50	0,46	0,62	0,08
18	2/19	85,18	12,94	0,01	0,30	0,33	0,47	0,66	0,04
19	2/20	85,26	12,68	0,01	0,43	0,38	0,50	0,66	0,07
20	2/21	86,77	10,82	0,05	0,52	0,31	0,76	0,57	0,06
21	2/22	84,84	13,41	0,01	0,38	0,37	0,44	0,48	0,07
22	2/24	80,99	16,73	0,02	0,40	0,52	0,49	0,74	0,09
23	2/25	84,46	13,38	0,03	0,44	0,41	0,52	0,67	0,06
24	2/26	81,97	15,97	0,01	0,28	0,61	0,48	0,60	0,08
25	2/27	82,51	15,38	0,01	0,31	0,55	0,49	0,52	0,07

Содержание меди на поверхности монет Пулада («Раджан») сильно различается от экземпляра к экземпляру и в среднем составляет примерно 15–16%. В основном колебание содержания меди по поверхности каждой отдельной монеты по данным трех измерений составляет менее 0,55% (18 монет из 25), что свидетельствует о возможном травлении монет и хорошем качестве плавления металла. Но на поверхности монет № 5/17, 5/5, 5/10, 5/25, 5/24, 5/8 качество металла хуже и содержание меди на поверхности колеблется в пределах 1,5% от среднего. В монетах 5/7 и 5/16 колебание более существенное – (3÷7)%.

В выборке из монет Пулада («Раджан») по содержанию золота в монетном серебре выявлено две группы

с содержанием золота до 1% (22 монеты) и от 1 до 2% (3 монеты). Такое относительно высокое содержание золота обнаруживалось и ранее в аналогичных монетах Пулада (Шайхутдинова, 2018, с. 107–108).

Аналогичным образом изучались монеты монетного двора Булгар ал-Джадида. В таблице 4 приведены результаты РФА анализа.

Средние значения основных химических элементов в поверхностном слое монет Пулада (МД Булгар ал-Джадида): серебро 82,7%; медь 15,2%; золото 0,48%. Остальные элементы дали в сумме около 1,7%.

Проба серебра в монетном металле на поверхности данной группы достаточно высока (более 80%) – 18 из 25 монет имеют пробу от 81 до 87% (№

Таблица 5

Количество химических элементов
в приповерхностном слое монет Шадибека и Пулада

Тип монет	Серебро	Медь	Другие элементы
Шадибек, МД Булгар, 805-806 гг.х.	84,9%	12,5%	2,2%
Пулад, МД Булгар «Раджан», 810 г.х.	80,8%	16,9%	2,3%
Пулад, МД Булгар ал-Джадид, 812 г.х.	82,7%	15,2%	2,1%

2/1, 2/3–2/5, 2/10, 2/12–2/14, 2/16–2/22, 2/25–2/27). При этом концентрация меди в среднем имеет небольшое отклонение, примерно 0,6–0,7%. А для остальных монет (№ 2/2, 2/6, 2/7, 2/8, 2/9, 2/15, 2/24) характерно более высокое отклонение от среднего содержания меди, около 1,2%. В выборке из монет МД Булгар ал-Джадида установлено, что концентрация золота на поверхности колеблется в пределах 0,40–0,55% (24 монеты).

Сопоставим результаты изучения элементного состава поверхностного слоя болгарских дирхамов Шадибека и Пулада по материалам Измерского клада (табл. 5).

Небольшое отличие количества серебра в монетном сплаве для монет Пулада (~81 и ~83%) связано с отсутствием возможности в Средневековье отслеживать столь малые изменения. Таким образом, наблюдается небольшое снижение количества серебра в поверхностном слое – с 85% в монетах Шадибека 805–806 гг. х. до 81% в монетах Пулада 810 г. х. Соответственно, несколько повышается доля меди – с 13% в монетах Шадибека до 17% в монетах Пулада. Доля золота и других элементов остается примерно на одном уровне. Безусловно, данные изменения никак не отражались на внешнем виде монет Шадибека и Пулада, и только современные методы исследования позволили уловить еле заметное ухудшение (возможно, непреднамеренное) состава металла.

Но следует учитывать, что количество серебра на поверхности монет всегда выше его количества в объеме металла. И реальное содержание се-

ребра в монетном сплаве примерно на 4–7% меньше, чем в приповерхностном слое. Возможно, при Пуладе действительно количество Ag в монетном металле было уменьшено на незначительную величину. Оценим количество серебра в монете Шадибека и Пулада с учетом меньшей его пробы в объеме металла. Для Шадибека при разбеге в 77–80% по пробе в объеме металла и значении моды от 0,74 до 0,78 г: вес серебра в монете **0,57–0,62 г**. У Пулада при разбеге в 74–77% по пробе в объеме металла и значении моды от 0,71 до 0,75 г: вес серебра в монете **0,53–0,58 г**. Чтобы установить более точные цифры, необходимо провести дополнительные исследования разрушающими методами, например, методом оптического атомно-эмиссионного спектрального анализа (ОЭСА).

Чем обусловлено такое снижение количества серебра в монете? Поставить отследить такие малые изменения пробы в те времена не могли, то такие изменения состава монетного металла могли быть как следствием денежной политики местной ханской администрации, так и результатом воровства на монетном дворе при ослаблении контролера за работой монетных производств. Кроме того, такие особенности могли быть связаны с поступлением разных «партий» серебра из разных источников. Различия между группами монет с МД Булгар («Раджан») и Булгар ал-Джадида могли быть связаны с функционированием двух разных монетных производств. Установить это доподлинно сейчас практически невозможно. Но

Монеты с ошибочной и неоднозначной атрибуцией,
отнесенные А.Г. Мухамадиевым к чеканке Пулад хана (41 экз.)

Номера по А.Г. Мухамадиеву	Вес, г	Примечание
1/50, н/7, н/8	0,68; 0,71; 0,73	3 экз. Л.с.и О.с. атрибуции не поддаются
2/23	0,69	1 экз. Л.с. стерта. Пулад? Махмуд?
8/1-8/3, 8/5-8/7, 8/9-8/14, 8/16- 8/17, 8/19-8/22, 8/24-8/29, н/16	0,73; 0,67; 0,74; 0,80; 0,70; 0,73; 0,72; 0,71; 0,70; 0,72; 0,70; 0,61; 0,70; 0,70; 0,60; 0,73; 0,66; 0,76; 0,72; 0,78; 0,71; 0,70; 0,67; 0,49; 0,73; 0,74	26 экз. МД Булгар ал-Джадида. Л.с. – имя утрачено. Пулад? Махмуд?
13/1	0,82	1 экз. Л.с. – Султан / ал-адил...О.с. как П 8.
н/12	0,73	1 экз. Махмуд?
1/23	0,71	1 экз. Махмуд
10/5	0,70	1 экз. Махмуд (Рева, Леонов, 2019, №3-4). Год - «618»
10/2, 10/7	0,80; 0,63	2 экз. Пулад? Махмуд? (Рева, Леонов, 2019, №2)
10/3, 10/6	0,78; 0,77	2 экз. Л.с. стерта. О.с. как П 5. Пулад? Махмуд?
1 /2, 1/28, 1/47	0,74; 0,81; 0,75 (отверстие)	3 экз. Неатрибутируемые монеты.

Монеты из данной таблицы в исследованиях не учитывались.

Номера в фототаблице соответствуют номерам из таблицы 2.

стоит иметь в виду, что зафиксировано два разных названия монетных дворов – *Булгар* и *Новый Булгар*. Практика изучения джучидских памятников нумизматики указывает, что эпитет *новый* связан именно с новым либо монетным двором, либо населенным пунктом, отличным от старого. Эта тема особого системного анализа и здесь рассматриваться не будет. Тем не менее факт снижения пробы монетного металла при Пулад-хане, а также снижение количества серебра в монете обнаруживается. Эти изменения незаметны для потребителя и

реформой или реформированием монетного дела признаны быть не могут.

Таким образом, проведенные метрологические исследования показали, что при хане Пуладе в Болгаре денежной реформы не проводилось. Какие-либо веские аргументы в пользу реформирования монетного дела не обнаружены. В то же время слабвыраженная тенденция к незначительному снижению метрологических характеристик монет наблюдается. Являлось ли это результатом местной денежной политики, в настоящее время неясно.

Примечания:

² Хранится в фондах Национального музея РТ, инв. № 34410.

³ В данном исследовании монетный двор пишется как Булгар, соответственно, так же называются регион и денежное обращение – Булгарское. Центр современного Спасского района РТ указан как город Болгар, так же как и другие термины – Болгарское городище, Болгарский музей и т. д.

⁴ За критерий типа принимается содержание легенды лицевой и оборотной сторон. Изменение расположения слов внутри легенды означает новый вариант. Наличие или отсутствие года выпуска является вариантным признаком. Изменение монетной легенды на одной или двух сторонах является изменением типа. Новый монетный двор также свидетельствует о смене типа.

⁵ По технологическим причинам другие группы дирхамов Пулада не исследовались.

Рис. 1. Монеты Пулада (Булата) из Измерского клада
 Fig. 1. Coins of Pulad (Bulat) from the Izmer treasure

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугарчев А.И., Сингатуллина А.З. Монеты хана Пулада, выпущенные на монетном дворе Булгар ал-Джадид (по материалам Измериевского клада из фондов Национального музея РТ) // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 94–98.
2. Лебедев В.П. Поштемпельный анализ новобулгарского чекана ханов Шадибека и Пулада (1400-1411 гг.) // Нумизматика. № 14, июль 2007. С. 19–21.
3. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.
4. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2010. С. 121–149.
5. Рева Р.Ю., Леонов Б.И. В поисках Махмудов (первые 30 лет XV в.) // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / Ред. П.Г. Гайдуков и др. М.: Возрождение, 2019. С. 73–75.
6. Шайхутдинова Е.Ф., Бугарчев А.И., Петров П.Н. О химическом составе поверхностного слоя булгарских монет XV в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года. / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2018. С. 104–110.
7. Aleksey Bugarchev, Eugenia Shaykhutdinova, Alfira Singatullina, Airat Sitdikov. About the Golden Horde Silver Coins of Khan Shadibek from the IzmeriTreashua (Russia) // 6th SWS International Scientific Conference on Arts and Humanities 2019. Conference Proceedings. Vol. 6, Issue 1. 2019. P. 159–166.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); abugar.61@rambler.ru

Петров Павел Николаевич, кандидат исторических наук, профессор РАЕ, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Академии наук Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан); ppnsainkhan@rambler.ru

Сингатуллина Альфира Закиulloвна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Национальный музей Республики Татарстан (Казань, Россия); singatullina@list.ru

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, профессор, декан Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Шайхутдинова Евгения Флюровна, кандидат технических наук, зав. Музеем археологии Республики Татарстан, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; доцент, Казанский Национальный Исследовательский Технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ; доцент, Казанский Федеральный университет (г. Казань, Россия); eugen.shaykhutdinova@gmail.com

BULGAR COINS OF KHAN PULAD OF IZMERY TREASURE

A.I. Bugarchev, P.N. Petrov, A.Z. Singatullina, A.G. Sitdikov, E.F. Shaykhutdinova

The article considers coins of the Bulgar minting of the Golden Horde Khan Pulad (1407–1410), deposited in the Izmeriy treasure. The total number of dirhams with the name of this khan reaches 220 copies. When studying the weight characteristics of coins, it was found that the mode corresponds to the value of 0.73 ± 0.02 g. Having studied the elemental composition of the surface layer of coin metal 50 dirhams, the authors established the amount of silver, copper and other elements: silver – 80.8–82.7%; copper – 15.2–16.9%; gold – 0.5%, the remaining components – about 1.7%. A comparison of the weight and elemental composition of the surface layer of the coins of Pulad and the previous ruler – Khan Shadibek, helped

The study was carried out with the financial support of RFFI in the framework of scientific project No. 19-09-00485. A "The chemical composition of alloys of minted products of mints of the 15th century in the Volga region as an indicator of the state of the Golden Horde coin system in the region".

establish a slight decrease in the weight of Bulgar coins. The authors conclude that under Pulad in the Bulgar region there were no changes in coinage in the form of reforms.

Keywords: archaeology, Juchids, Bulgar, numismatics, dirham, treasure, Khan Pulad, 15th century, metrology, coin metal.

REFERENCES

1. Bugarchev, A. I., Singatullina, A. Z. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 94–98 (in Russian).
2. Lebedev, V. P. 2007. In *Numizmatika (Numismatika)* 14, jule. 19–21 (in Russian).
3. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv. (The Bulgaro-Tatar monetary system of the 12th–15th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Petrov P.N. 2010. In Mirgaleev I.M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)*. Kazan: “Фдн” Publ., 121–149 (in Russian).
5. Reva, R. Yu., Leonov, B. I. 2019. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Dvadsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya (Twentieth All-Russian Numismatic Conference)*. Moscow: “Vozrozhdenie” Publ., 73–75 (in Russian).
6. Shaykhutdinova, E. F., Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2018 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2018)*. Moscow: State Historical Museum, 104–110 (in Russian).
7. Aleksey Bugarchev, Eugenia Shaykhutdinova, Alfira Singatullina, Airat Sitdikov. 2019. In *6th SWS International Scientific Conference on Arts and Humanities 2019*. Conference Proceedings. Vol. 6, Issue 1, 159–166.

About the Authors:

Bugarchev Alexey I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Petrov Pavel N. Candidate of Historical Sciences. Professor. Institute of Archaeology after A. H. Margulan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; ppn@zmail.ru

Singatullina Alfira Z. Candidate of Historical Sciences. The National Museum of the Republic of Tatarstan. Kremlevskaya St., 2, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; singatullina@list.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Shaykhutdinova Eugenia F. Candidate of Technical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Docent. Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI. K.Marx St., 10, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; eugen.shaykhutdinova@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕРЕВА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ У МОНГОЛОВ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ (XIII–XIV ВВ.)¹

© 2021 г. Н.Н. Крадин, С.Е. Бакшеева, О.В. Бондаренко,
Е.В. Ковычев, А.В. Харинский

В статье обобщены находки остатков конструкций, обнаруженных при раскопках средневековых монгольских памятников в восточном Забайкалье. Они были обнаружены при исследовании усадьбы Алестуй, на Хирхирином городище, а также Кондуйском городке. В качестве аналогий приводятся данные находок Сутайской усадьбы в Бурятии, городища Ден-терек в Туве, Каракорума, Шанду, городища Аврага в Монголии. Помимо традиционных археологических методов работы с материалом, в Федеральном научном центре биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН (г. Владивосток) было произведено анатомическое исследование древесины, которое показало, что некоторые из отобранных образцов на вышеуказанных памятниках принадлежат семейству Сосновые, а один из них является древесиной лиственницы Гмелина, или даурской, произрастающей в этом районе. Несмотря на редкость и фрагментарность данного вида источников на средневековых памятниках Центральной Азии и Дальнего Востока, установлено, что для строительства монументальных построек монголов применялась древесина местного происхождения. Данное исследование является частью работы по исследованию строительных материалов средневековой монгольской археологической культуры.

Ключевые слова: археология, Забайкалье, средневековые монгольские памятники, деревянные конструкции, XIII–XIV вв., анатомическое исследование дерева, лиственница.

Введение

Монгольская империя была второй по размеру империей в мировой истории. Она оказала большое влияние на направленность и ход исторического процесса разных народов Евразии, стимулировала многие процессы, которым впоследствии было суждено сыграть свою роль в судьбах различных государств континента. Ее создание способствовало формированию сети устойчивых информационных и культурных обменов между различными частями евразийского мира. Данное обстоятельство способствовало беспрецедентному расцвету градостроительства и торговли в различных частях мировой империи от Китая до Золотой Орды. Не случайно исследователи часто называют этот феномен «средневековой» или «монгольской

глобализацией» (Крадин, Скрынникова, 2006; Крадин, 2016).

Одной из важных сторон данной глобализации было масштабное развитие процессов градостроительства от Забайкалья и Внутренней Монголии до левобережья Волги и Причерноморья. Если не брать города завоеванных государств, то для Монгольской империи характерно строительство городов трех типов – имперских столичных мегаполисов (Каракорум, Шанду, Даду), городов – административных и/или ремесленных центров (Аврага, Хирхира, город Чинкая и др.), отдельно стоящих усадебных (Алестуй, Нарсатуй) и дворцовых (Кондуй) комплексов.

Восточное Забайкалье, несмотря на то, что здесь находилась прародина монголов, относилось к перифе-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-081 «Археология Дальнего Востока России»).

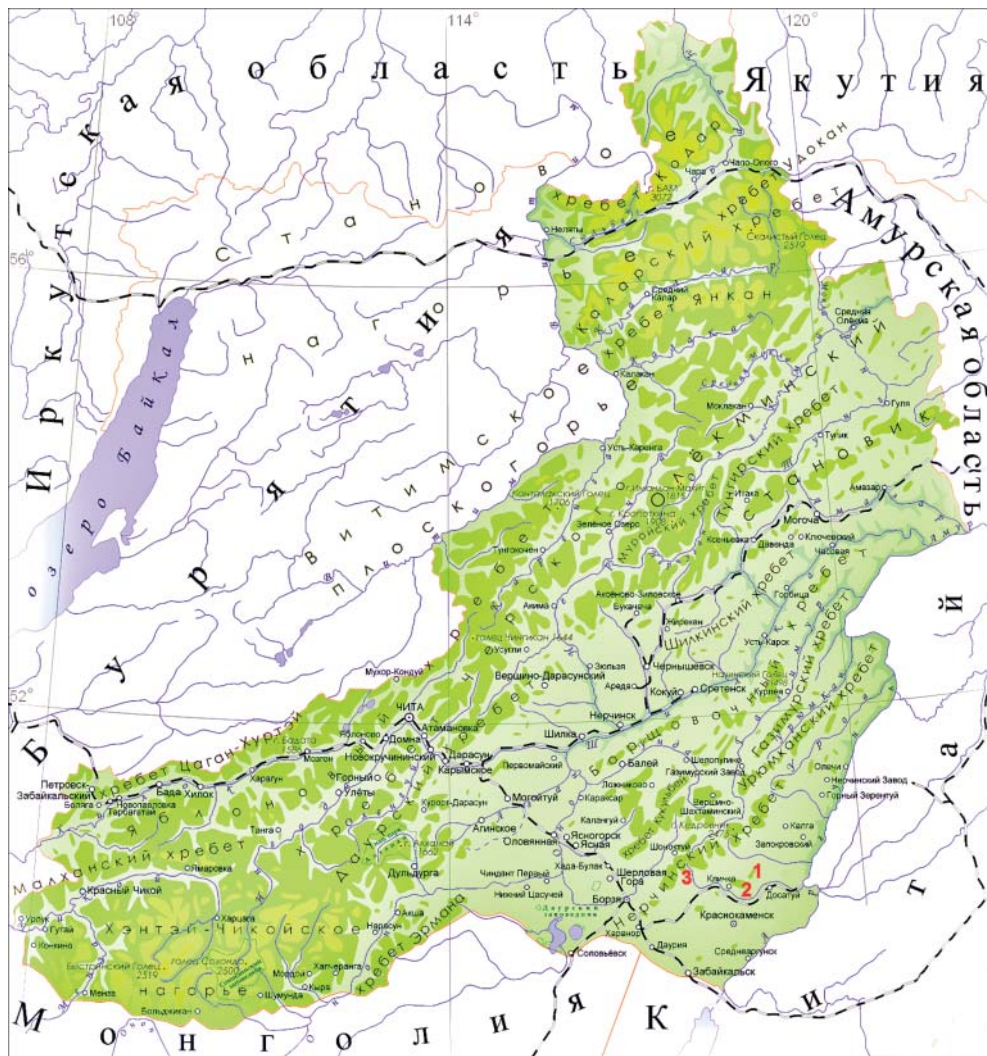

Рис. 1. Карта распространения памятников, рассматриваемых в статье.
1 – усадьба Алестуй; 2 – Хирхириное городище; 3 – Кондуйский городок

Fig. 1. Map of the distribution of the sites considered in the paper.
1 – Alestui Mansion; 2 – Khirkhira fortress; 3 – Konduy town site

рийным территориям Монгольской империи. На данной территории неизвестны большие города подобно имперским столицам (Каракорум, Шанду, Даду). Тем не менее здесь известны разные формы поселений – города, дворцовые комплексы, отдельные усадьбы (рис. 1). На всех перечисленных типах памятников зафиксировано наличие зданий с колоннами, крытых черепичной крышей.

Исследования средневековых памятников в юго-восточном Забайкалье обнаруживают большое количество различных архитектурных остатков, изготовленных прежде всего из долговечных материалов. Сюда, в первую очередь, относятся разнообразные изделия из камня и керамики: изваяния драконов, основания баз, черепица, кирпич, плиты, предназначенные для покрытия пола в постройках, кровельная скульптура, а также железные

кованные гвозди. Наряду с этими материалами, довольно частыми находками здесь являются и органические остатки в виде фрагментов различных деревянных конструкций.

Целью настоящей работы является изучение полученных в результате раскопок в Забайкалье фрагментов деревянных конструкций для рассмотрения вопроса, как дерево использовалось в строительстве в Монгольской империи. Несмотря на то, что дерево хрупкий и относительно недолговечный материал, в сухом климате Забайкалья оно более или менее неплохо сохраняется, что дает возможность в той или иной степени судить о его применении в архитектуре и строительстве средневековых монгольских городов. К сожалению, сохранность фрагментов дерева такова, что не позволяет использовать его для дендрохронологических исследований.

Материалы

В данной статье использованы материалы из трех памятников монгольского времени с территории Восточного Забайкалья. Первый из них, усадьба Алестуй, находится в Приаргунском районе Забайкальского края в 9 км к северо-востоку от всемирно известного Хирхиринаского городища (рис. 1). Усадьба включает здание на платформе размером примерно 17×28–32 м, вытянутое по линии север – юг. С южной стороны склон имеется пологий спуск – пандус. Платформа окружена невысоким валом (0,3 м) близкой к квадрату формы размером примерно 71×71 м, окружена невысоким валом. К северному валу пристроен еще один обвалованный участок подпрямоугольной формы, величина которого около 64×33 м. В процессе раскопок в 2009–2011 гг. нами были изучены северная и западная часть усадьбы, прилегающая к ней северная часть двора (Крадин, Бессонова, Саранцева, Харинский, Ковычев, 2014). Тщательное обследование памятника с помощью

Рис. 2. Усадьба Алестуй.
Остатки деревянной колонны,
стоящей на каменной базе

Fig. 2. Alestui Mansion. The remains
of a wooden pillar standing on a stone base

беспилотного летательного аппарата в мае 2018 г. позволило зафиксировать на распаханной поверхности жилища и улицы, расположенные к северу от усадьбы. По всей видимости, это были жилища лиц, обеспечивавших потребности обитателей усадьбы.

Платформа дворцового здания была сложена из плотной глины серого цвета. Ее крыша была черепичной. Здесь найдены шесть образцов древесины в виде остатков столбов (рис. 2). Основанием для установки двух из них являлись небольшие уплощенные необработанные камни-базы. Сохранившиеся образцы имеют темно-коричневый, ближе к бордовому, цвет; они сухие и достаточно плотные, трещиноватые. Внешняя часть столбов гладкая – кора дерева снята, боковая поверхность ничем не обработана. Диаметр столбов неодинаков – от 16 до 20 см (табл. 1). Те из них, что располагались на камнях, плотно установлены: их нижние части имели следы спила, верхние – неровный расколотый и сгнивший край (рис. 3).

Следующий памятник, Хирхиринаское городище, находится на юге Забайкальского края, в Приаргунском

Таблица 1

Сохранившиеся остатки деревянных столбов

П. п.	Место обнаружения, кв.	Диаметр столба, см	Условия обнаружения
Усадьба Алестуй. Сектор 100			
1.	H6	20	Без опоры
2.	E8	20	Без опоры
3.	A5	16-17,5	Без опоры
4.	D1	16,5	Установлен на каменной базе
5.	A6	–	Без опоры
6.	D8	19	Установлен на каменной базе
Хирхиринское городище. Раскоп 9			
7.	B/C 2	21	Установлен на каменной базе
8.	B/C 4	18,5	Без опоры
9.	C/D1	18,7	Установлен на каменной базе
10.	I/J10	23	Установлен на каменной базе
11.	D/E8	16,6	Без опоры
12.	H2	21	Без опоры
13.	H6	23	Без опоры
14.	E7	18,7	Без опоры
15.	H/I 12	14,5	Установлен на каменной базе
16.	E8	19	Без опоры

районе в 9 км к юго-западу от усадьбы Алестуй (рис. 1). Фактически это настоящий город, состоящий из нескольких дворцовых усадеб и порядка ста отдельных жилищ, объединенных в несколько кустов, только без фортификационных укреплений. Памятник вытянут по линии запад-восток почти на два километра и примерно на 700 м по линии север-юг. Площадь памятника составляет около 118 га. В юго-восточной части городища в 350 м от берега Хирхиры располагалась ставка монгольского хана, окруженная валом (110×100 м) с воротами и рвом. Внутри находился дворец (15×30 м), возведенный на искусственной платформе с пандусом. Считается, что этот город был резиденцией Есункэ – племянника Чингис-хана (Киселев, 1965, с. 23–58). К северу от Хирхиринского городища на ближайшей возвышенности находится могильник Окошки монгольского времени (Киселев, 1961; Харинский, Номоконова, Ковычев, Крадин, 2014). В 2014 г. здесь была частично раскопана половина большого здания

на платформе. Как и на предыдущем памятнике, усадьбе Алестуй, обнаружены небольшие фрагменты деревянных колонн. Половина из них покоилась на небольших необработанных каменных базах неправильной формы (рис. 4). Находки кровельной черепицы отсутствовали, таким образом, вероятно, крыша постройки была крыта соломой или камышом. Деревянные столбы сохранились частично, диаметр их составил 14,5–23 см (табл. 1).

В этой же постройке частично сохранились и остатки кана – отопительного устройства, располагавшегося внутри помещения. Впервые здесь была прослежена необычная деревянная конструкция, уходящая вглубь каналов кана, очевидно, являвшаяся их каркасом. Кан в этом здании имел сложную разветвленную форму. Кирпичей или камней от перекрытия дымоходных каналов не сохранилось. Они, очевидно, были разобраны еще в древности. Однако зафиксированы очертания каналов, вглубь которых по краям были «вбиты» длинные деревянные бруски, заостренные с одной

Рис. 3. Усадьба Алестуй.
Деревянная колонна со следами спила,
установленная на каменной базе

Fig. 3. Alestui Mansion.
Wooden pillar with traces of sawn wood,
mounted on a stone base

стороны и со следами ровных спилов с другой, в верхней части обгоревшие. По причине воздействия огня бруски относительно хорошо сохранились (рис. 5).

Фрагменты дерева встречались на Хирхирином городище и ранее. Так, при исследовании Главного здания на платформе в конце 50-х гг. прошлого столетия были найдены столбы, стоящие без опор, в специально выкопанных ямах; лежащее бревно диаметром до 20 см, «укреплявшее предтопочное возвышение» (Киселев, 1965, с. 29, 31; рис. 3), а также остатки плетеного забора. По мнению С.В. Киселева, постройка была деревянной (Киселев, 1965, с. 31).

Большое количество хорошо сохранившихся деревянных конструкций было найдено А.Р. Артемьевым в раскопе 4 при исследовании усадьбы 2 в 2003 г. в виде деревянных плах от каркасно-столбовой конструкции восточной стены постройки, некоторые длиной около 3 м, бревно с пазом, остатки деревянных колонн, стоящих на каменных базах, а также, как и в предыдущем случае, – часть участка плетня. Некоторые фрагменты определены как лиственница (Артемьев,

2003, с. 10–17; рис. 24–25, 27, 38–42, 53–59).

Третий памятник, Кондуйский городок, располагается в Борзинском районе Забайкальского края, в 6 км южнее одноименного села, в долинах р. Кондуй и Барун-Кондуй, являющихся притоками р. Урулунгуй (рис. 1). Памятник является дворцовой резиденцией одного из монгольских ханов, возможно, младшего брата Чингис-хана – Темуге-отчигина (Kradin, 2018). Комплекс был возведен в синкретичной монгольско-китайской традиции. Здесь в разное время производились раскопки нескольких монументальных построек (Киселев, 1965, с. 325–369; Крадин, Бакшеева, Ковычев, Прокопец, 2017). В частности, были проведены раскопки Центрального дворцового здания, южных ворот, беседки, а также павильона в северо-западной части памятника. Все конструкции имели тяжелую черепичную крышу, опирающуюся на деревянные колонны и каменные базы.

Рис. 4. Хирхириное городище.
Деревянная колонна,
стоящая на каменной базе

Fig. 4. Khirkhira fortress. Wooden pillar
mounted on a stone base

Рис. 5. Хирхинское городище.

Деревянные бруски, укреплявшие канал кана отопительного устройства

Fig. 5. Khirkhira fortress.

Wooden bars that strengthened the channel of the warming construction of the building

В литературе имеются упоминания о том, что местные жители, вывозившие в начале XIX в. отсюда строительные материалы для постройки Цугольского дацана, при разборке кирпичных стен в углах Центрального здания памятника находили «деревянные столбы, завернутые как будто дабой («даба», или «далемба» – грубая материя китайского производства), обмазанные замазкой и обложенные со всех сторон глиняными кружками с изображением зверей» (Кузнецов, 1925, с. 26).

При исследовании Кондуйского дворца экспедицией под руководством С.В. Киселева в конце 50-х гг. прошлого столетия были найдены 37 каменных баз, а также установлено, что на его верхней террасе располагалась балюстрада в виде деревянных колонн, покрытых красным лаком.

В разных частях дворцового комплекса на его дневной поверхности зафиксировано большое количество обработанных гранитных баз различной формы и размеров, являвшихся основанием для деревянных колонн. При исследовании дворца найдено

несколько их разновидностей. Один из видов – самый массивный, представляет собой цельный гранитный блок составной формы, в нижней части прямоугольный в виде параллелепипеда, в верхней – невысокого цилиндра, образующего круглое основание для установки деревянной колонны (рис. 6). Верхние плоскости баз покрыты насечками радиальными и в виде концентрических окружностей глубиной до 1 см, вероятно, нанесенными для увеличения силы трения между колонной и базой, что предохраняло колонну от сдвига.

Остальные виды баз, обнаруженные на Кондуйском городке, размером меньше, хотя форма их также близка к квадрату, однако внешняя поверхность оформлена по-иному. Вид 2 – простая фигура в форме прямоугольного параллелепипеда. Еще одна из разновидностей (вид 3), обозначенная С.В. Киселевым при раскопках дворца как колонна «под балюстрадный столб», представляет собой прямоугольный параллелепипед со сквозным квадратным отверстием в центре блока. Четвертый вид зафиксирован толь-

Рис. 6. Кондуйский городок.
Центральный дворец. Гранитная база –
основание для колонны

Fig. 6. Konduy town site. Central building.
Granite base for the column

ко на Центральном дворцовом здании: это также прямоугольный параллелепипед с бортом, который держал, возможно, угловые колонны. Количество колонн, их толщина и диаметр зависели от назначения и размеров каждой конкретной постройки.

Каменные базы встроены в кирпичные стены северо-западного павильона, исследованного в 2015–2016 гг. (рис. 7). Хорошо сохранившихся деревянных колонн здесь, к сожалению, обнаружено не было. Вероятно, это обусловлено прежде всего тем, что культурный слой городка был поврежден: еще в начале XIX в. «выбраны» каменные и керамические строительные материалы для строительства церкви Рождества Пресвятой Богородицы и Святых Мучеников Кирика и Улиты с. Кондуй (Крадин Н.П., 2002), а также Цугольского дацана (Кузнецов, 1925, с. 26). Позднее, в 60-е гг. прошлого столетия памятник неоднократно распахивался, однако, несмотря на это, находки деревянных конструкций здесь имеются. Весьма незначительные по своим размерам и не отличающиеся целостностью фрагменты обнаружены преимущественно во внутренней части павильона. В раскопе они

локализованы на кирпичном полу и относились к центральной части постройки. Найдено около 50 небольших образцов хорошо сохранившейся древесины. Практически все находки деревянных столбов, в отличие от образцов Хирхиринаского городища и усадьбы Алестуй, здесь обнаружены не поставленными вертикально, а рассыпавшимися и лежавшими на боку. Найденные фрагменты дерева рыхлые, имеют темно-коричневый цвет, разломались на отдельные куски; на наиболее хорошо сохранившихся образцах можно проследить, что внешняя поверхность их гладкая.

Таким образом, несмотря на относительную сохранность, образцы столбов из трех памятников сильно высохшие и имеют следы деградации древесины в виде высокой степени расслаивания, продольных и поперечных разрывов своей структуры. Визуально определяется, что все они принадлежат к смолистым породам деревьев.

Методы и результаты

Предварительная обработка образцов древесины для анатомического анализа (размягчение и уплотнение) с последующим изготовлением из нее прозрачных срезов в трех взаимно перпендикулярных направлениях: поперечном, радиальном и тангентальном выполнены по методике, детально описанной в работах Н.И. Блохиной и О.В. Бондаренко (2016а, б). Срезы были изготовлены при помощи санного микротомы Leica SM2010R; всего был изготовлен и микроскопически исследован 61 срез. Микроскопическое изучение и микрофотографирование анатомических структур проводились с помощью световых биологических микроскопов серий МИКМЕД (ЛОМО, Россия) и Axioskop 40 (Carl Zeiss, Германия). При описании анатомического строения древесины использовалась терминология, изложенная

Рис. 7. Кондуйский городок.
Северо-западный павильон.
Каменная база – основание для колонны
Fig. 7. Konduy town site. Northwest building.
Stone base for the column

в работе А.А. Яценко-Хмелевского (1954) и адаптированная к руководству «IAWA List of Microscopic Features for Hardwood Identification» (1989).

Анатомическое исследование древесины показало, что все образцы сильно лигнитизированы и изменены в процессе фоссилизации, деформированы и имеют фрагментарную сохранность анатомической структуры. Тем не менее сочетание таких признаков, как отчетливые годовичные кольца, многоугольные вытянутые радиально трахеиды ранней древесины, абиетовидная поровость горизонтальных и тангентальных стенок клеток лучей, а также скудная осевая паренхима, позволяет отнести изученную древесину к хвойным породам семейства Сосновых (*Pinaceae Lindl.*). Фрагменты дерева из Хирхиринского городища плохой сохранности, но по таким признакам, как толстостенные трахеиды, нормальные вертикальные и горизонтальные смоляные ходы с толстостенными клетками эпителия, обильные двурядные и однорядные овальные округлые поры на радиальных стенках трахеид, могут быть отнесены к

роду *Larix Mill.* Образцы деревянных колонн, обнаруженные при исследовании усадьбы Алестуй, по таким признакам, как 2-рядные и 3-рядные лучи с горизонтальными смоляными ходами, 1–6 (7) пицеоидных и таксоидоидных пор на полях перекреста, а также количество клеток эпителия, выстилающих вертикальные и горизонтальные смоляные ходы, диаметр пор на радиальных и тангентальных стенках трахеид, высота однорядных лучей, определены как лиственница Гмелина, или даурская (*Larix gmelinii (Rupr.) Rupr.*) (рис. 8).

Выбор лиственницы для использования в архитектуре и строительстве не случаен и обусловлен в первую очередь ее доступностью. Ареал природного распространения лиственницы достаточно широк. Южная граница произрастания совпадает с Восточным Забайкальем. Выше обозначенные археологические памятники находятся в степи, их окружают смешанные леса. Лиственница – ценнейший строительный материал, особенностью которой является высокая устойчивость к гниению, долговечность и огнестойкость. Она обладает высокими показателями смолистости, отчего чрезвычайно устойчива к влажности и к перепаду температур. Перечисленные свойства древесины лиственничных пород обуславливают высокие показатели сроков ее эксплуатации. Трудно найти более подходящее по своим свойствам дерево для изготовления колонн, выдерживающих большую нагрузку. Лиственница произрастает на высоту 35–40 м, диаметр ствола достигает 80 см. Деревья выдерживают сильный шквалистый ветер, очень выносливы, адаптируются к тяжелым условиям: выживают в пониженных местах, на болотах, на каменистых склонах. В Забайкалье даурская лиственница произрастает даже в сухих степях (Капнер, 1954, с. 142).

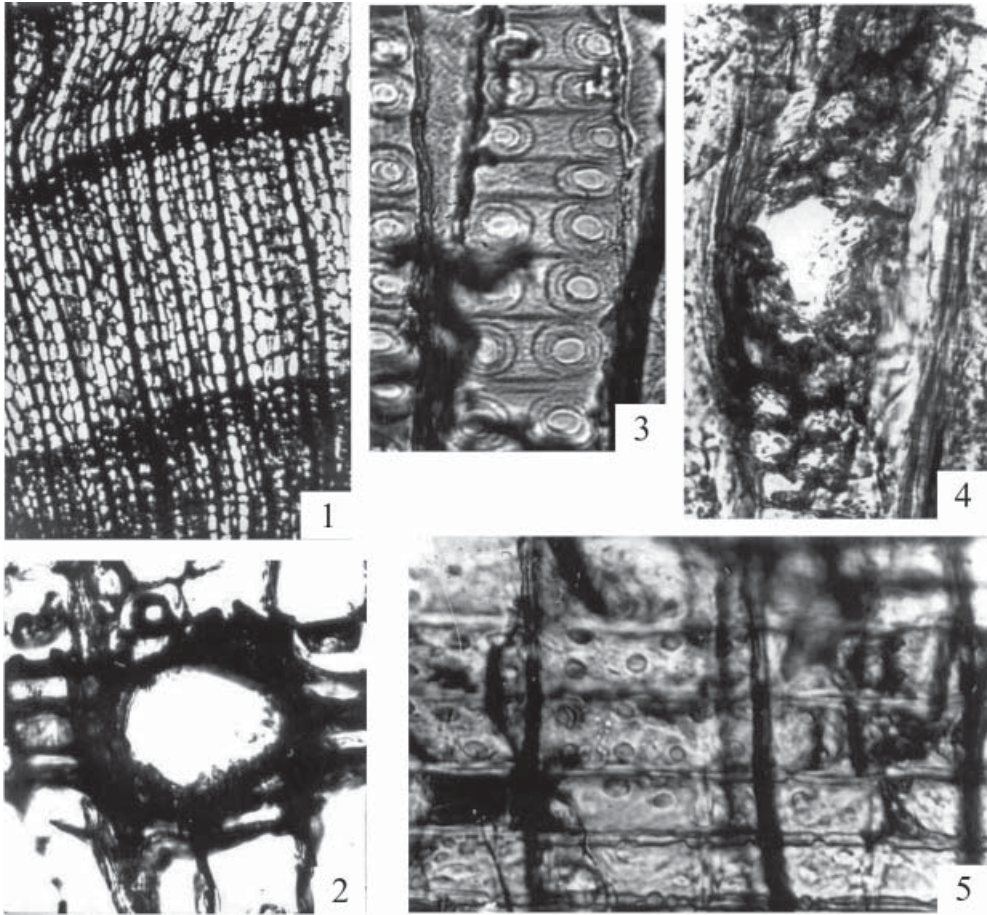

Рис. 8. Усадьба Алестуй. Анатомическое исследование древесины.

Лиственница Гмелина *Larix gmelinii* (Rupr.) Rupr.

- 1 – поперечный срез, годичное кольцо, переход от ранней древесины к поздней; 2 – поперечный срез, нормальный вертикальный смоляной ход; 3 – радиальный срез, двурядная поровость стенок трахеид ранней древесины, краcсулы; 4 – радиальный срез, поровость полей перекреста, пичеоидные поры; 5 – тангентальный срез, трехрядный луч с горизонтальным смоляным ходом

Fig. 8. Alestui Mansion. Anatomical study of wood. *Larix gmelinii* (Rupr.) Rupr.

- 1 – cross section, growth ring, early – to latewood transition gradual; 2 – cross section, normal vertical resin canal; 3 – radial section, biseriate pitting of the tracheid walls of earlywood, crassulae; 4 – radial section, the pits size of the intersection fields, piceoid pits; 5 – tangential cut, triseriate ray with horizontal resin canal

Приведенные данные не ограничивают возможности применения дерева лишь в качестве деревянных колонн или столбов. Несомненно, оно использовалось и в устройстве других важных частей строительных конструкций: например, таких как стены, обрешетка крыши, балки, перекрытия, двери, для внутренней отделки и

прочих элементов, остатки которых, к сожалению, не сохранились.

Обсуждение

Находки фрагментов конструкций имеются не только в Забайкалье, но и на других средневековых памятниках монголов XIII–XIV вв. К сожалению, их описания, приводимые в литературе, не всегда отличаются полнотой.

Фрагменты деревянных конструкций особенно хорошо сохранились в Каракоруме – столице Монгольской империи. Здесь зафиксировано применение дерева в устройстве пола, столбов и колонн разных построек (Киселев, 1965, с. 145, 159, 161–163). Деревянные колонны диаметром до 80 см устанавливались на каменные базы; помимо этого, дерево в Каракоруме широко применялось как строительный материал для жилищ, в дорожном строительстве для разграничения отдельных участков и устройства дренажных каналов. Основная порода дерева, применявшаяся в строительстве, определена как лиственница сибирская (*Larix sibirica*) (Pohl, 2010, fig. 26–28, 48–49; Pohl et al., 2017, p. 240–244; Bemmann et al., 2011, p. 102; Heidemann et al., 2006, p. 97). В Шанду – Верхней столице монголов использование дерева также отмечено при устройстве колонн в стенах храма (Yuan Shangdu, 2008, fig. 149). Китайские исследователи, занимавшиеся изучением деревянных архитектурных остатков средневековых исторических построек, располагающихся на территории провинции Шаньси, особенно отмечают важность применения древесины *Larix* для постройки колонн храмовых зданий (Mengyu Dong et al., 2017, p. 196).

На городище Аврага, которое японские исследователи соотносят с первой ставкой Чингис-хана, также найдены деревянные колонны, стоящие внутри здания на базах из камня. Диаметр колонн составил 10 см (The Avraga Site, 2011). Хорошо сохранившиеся столбы из дерева, поставленные в глубокие ямы, обнаружены С.В. Даниловым при исследовании Сутайской усадьбы в Бурятии (Данилов, 1988, с. 4, 5, рис. 7–9). Один из них, диаметром 17–18 см, сохранился на высоту 43 см; низ столба обтесан в виде восьмигранника. Второй столб несколько меньше – его диаметр 15–

16 см, высотой 50 см. В нижней части столб имел уплощенную поверхность и немного расширился. Кроме этого, упоминаются находки нескольких «колов», нижние части которых были обтесаны. Большое количество деревянных остатков различной степени сохранности обнаружено и при исследовании построек на городище Дентерек в Туве (Кызласов, 1965, с. 71, 73–74, 76, 88, 104, 106–107).

Заключение

Таким образом, судя по данным археологических исследований, дерево широко использовалось в строительстве в Монгольской империи. Несмотря на фрагментарность и плохую сохранность данного вида источников для идентификации, удалось определить, что для строительства различных сооружений применялась древесина местного происхождения. Особенно следует отметить, что целые стволы определенных выше деревьев хвойных пород использовались для строительства зданий с колоннами. Последние, образуя каркас здания, тем самым поддерживая кровлю, равномерно распределили нагрузку. Не вызывает сомнений, что деревообработка в период средневековья являлась важной отраслью ремесла. Открытие в районе Кондуйского городка двух каменоломен и производственного центра по изготовлению строительной керамики позволяют высказать предположение о существовании специальной инфраструктуры, созданной для возведения и, возможно, дальнейшего обслуживания дворцового комплекса, использовавшей местные природные ресурсы (Крадин, Бакшеева, Ковычев, Прокопец, 2017, с. 170; Крадин, Бакшеева, Бакшеев, Прокопец, Буравлев, 2018, с. 5). Изучение образцов найденных деревянных фрагментов построек служит подтверждением данной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемьев А.Р.* Отчет об исследованиях Амурской археологической экспедиции в 2003 г. (Амурская и Читинская область). Владивосток, 2004 / Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф.1. Оп. 2. Д. 555.
2. *Блохина Н.И., Бондаренко О.В.* Ископаемая древесина *Larici oxylon erkovetskiensis* sp. nov. (Pinaceae) из миоценовых отложений Ерковецкого бурогоугольного месторождения (Приамурье) // Палеонтологический журнал. 2016а. № 4. С. 98–106. DOI: 10.7868/S0031031X16040048.
3. *Блохина Н.И., Бондаренко О.В.* Ископаемая древесина *Pinus priamurensis* sp. nov. (Pinaceae) из миоценовых отложений Ерковецкого бурогоугольного месторождения (Приамурье) // Палеонтологический журнал. 2016б. № 3. С. 101–108. DOI: 10.7868/S0031031X16030053.
4. *Данилов С.В.* Отчет об исследованиях средневековых сооружений в Мухомобирском районе Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1988 / Архив ИА РАН. Р.1. Д. 12211.
5. *Капнер О.Г.* Хвойные породы. Лесоводственная характеристика. М.-Л.: Гослесбуиздат, 1954. 304 с.
6. *Киселев С.В.* Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // СА. 1961. № 4. С. 103–127.
7. *Киселев С.В.* Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 23–58.
8. *Киселев С.В.* Дворец в Кондуде // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 325–269.
9. *Киселев С.В.* Дворец Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 138–166.
10. *Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Бакшеев С.А., Прокопец С.Д., Буравлев И.Ю.* Начальный этап исследований производства строительных материалов Кондудского дворца // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 1. С. 3–39.
11. *Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д.* Новые исследования Кондудского городка // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука. 2017. С. 167–171.
12. *Крадин Н.Н., Бессонова Е.А., Саранцева С.Е., Ковычев Е.В., Харинский А.В.* Результаты геофизических исследований усадьбы Алестуй в Забайкалье // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. №4 (30). С. 25–33.
13. *Крадин Н.Н., Саранцева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В.* Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы III Междунар. научн. конф. Т. 2. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 381–387.
14. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
15. *Крадин Н.П.* Архитектурные памятники Кондуды // Археология и культурная антропология Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 233–244.
16. *Кузнецов А.К.* Развалины Кондудского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное издательство, 1925. 61 с.
17. *Кызласов Л.Р.* Городище Ден-Терек // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 59–122.
18. *Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н.* Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // РА. 2014. № 2. С. 62–75.
19. *Яценко-Хмелевский А.А.* Основы и методы анатомического исследования древесины. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 337 с.
20. *Bemman J., Hollmann T., Ahrens B., Mueller S.* A stone Quarry on the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. 2011. Vol. 6. P. 101–136.
21. *Heidemann S., Kelzenberg H., Erdenebat U., Pohl E.* The First Documentary Evidence for Qara Qorum from the Year 635/1237–8 // Zeitschrift für Archäologie Außereuropäischer Kulturen. 2006. Vol. 1. Wiesbaden: Reichert. P. 93–102.

22. IAWA List of Microscopic Features for Hardwood Identification / E. Wheeler, P. Baas, P.E. Gasson(Eds.) // IAWA Bull. n.s. 1989. V. 10. No. 3. P. 1–219.

23. Kradin N.N. Who Was the Builder of Mongol Towns in Transbaikalia? // Golden Horde Review. 2018. No 2. P. 224–237.

24. Mengyu Dong, Haibin Zhou, Xiaomei Jiang, Yun Lu, Weibin Wang, Yafang Yin. Wood used in ancient timber architecture in Shanxi Province, China // IAWA Journal / International Association of Wood Anatomists. March 2017. 38 (2). P. 182–200. DOI: 10.1163/22941932-20170167.

25. Pohl E. The Excavations in the Craftsmen-Quarter of Karakorum (KAR-2) between 2000 and 2005 – Stratigraphy and Architecture // Mongolian-German Karakorum Expedition: Vol. 1: Excavations in the Craftsman Quarter at the Main Road. Vol. 8. Wiesbaden: Reichert, 2010. P. 63–136.

26. Pohl E., Reichert S., Block J., Heußner K.-U., Treter U. Dendrochronological data from Karakorum and ErdeneZuu, Mongolia // Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Kontrapunkte, Festschrift für Manfred Rösch. Vol. 300 / Jutta Lechterbeck and Elske Fischer (Eds.). Bonn: Habelt, 2017. P. 231–249.

27. The Avraga Site: Preliminary Report on Japan-Mongolia Joint Archaeological Expedition «New Century Project». 2009. 2010 / N. Shiraiishi (Ed.). Niigata: Niigata University, Mongolian Academy of Sciences, 2011. 14 p.

28. Yuan Shangdu (The Upper Capital of Yuan). Vol. 2 / Wei Jian (Ed.). Beijing: Zhongguo Dabaike Chuanshu, 2008. 355 pl. (на кит. яз.).

Информация об авторах:

Крадин Николай Николаевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); kradin@mail.ru

Бакшеева Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); sarantseva@mail.ru

Бондаренко Олеся Владимировна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научный Центр биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); laricioxylon@gmail.com

Ковычев Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия); kovychevgeniy@mail.ru

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, Иркутский национальный исследовательский технический университет (г. Иркутск, Россия); kharinsky@mail.ru

EVIDENCES OF WOODEN MATERIALS UTILIZATION IN CONSTRUCTION OF MEDIEVAL MONGOLIAN TOWNS IN EASTERN TRANS-BAIKAL REGION (13TH – 14TH CC.)

N.N. Kradin, S.E. Baksheeva, O.V. Bondarenko, E.V. Kovychev, A.V. Kharinskiy

Findings of structures remains discovered during excavations on Medieval Mongolian Sites in Eastern Trans-Baikal Region were summarized in the article. They were excavated during exploration of Alestui Mansion, at Khirkhira fortress, as well as at Konduy town site. The similar findings at Sutaï Mansion in Buryatia, at Den-Terek fortress in Tuva, Karakorum, Shangdu, at Avraga fortress in Mongolia can be drawn on for comparison. In addition to traditional archaeological methods of the material investigation, an anatomical study of wood has been accomplished at Federal Scientific Center of the East Asia Terrestrial Biodiversity FEBRAS (Vladivostok). The study results evidence that some of samples collected belongs to Pinaceae, and one of them is the wood of *Larix gmelinii* or Dahurian Larch, vegetated in this region. Despite of rarity and fragmentariness of this kind of sources on Medieval sites of Central Asia and Far East, it was found out that the wood of local origin was utilized by the Mongols for monumental objects construction. This research is only a part of work on construction materials investigation of Medieval Mongolian Archaeological Culture.

This study was financially supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-081 "Archaeology of Russian the Far East").

Keywords: archaeology, Trans-Baikal Region, Medieval Mongolian sites, wooden structures, 13th–14th cc., anatomical study of wood, Larch.

REFERENCES

1. Artem'ev, A. R. 2004. *Otchet ob issledovaniyakh Amurskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2003 g. (Amurskaya i Chitinskaya oblast') (Report on the Studies by the Amur Archaeological Expedition in 2003 (Amur and Chita Oblasts))*. Vladivostok. Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, F.1. Op. 2. D. 555 (in Russian).
2. Blokhina, N. I., Bondarenko, O. V. 2016. In *Paleontologicheskij zhurnal (Paleontological journal)* (4), 98–106 (in Russian).
3. Blokhina, N. I., Bondarenko, O. V. 2016. In *Paleontologicheskij zhurnal (Paleontological journal)* (3), 101–108 (in Russian).
4. Danilov, S. V. 1988. *Otchet ob issledovaniyakh srednevekovykh sooruzheniy v Mukhoshibirskom rayone Buryatskoy ASSR (Report on the Studies of Medieval Structures in the Mukhoshibirsky District of the Buryat ASSR)*. Ulan-Ude, Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1. No. 12211 (in Russian).
5. Kapner, O. G. 1954. *Khvoynye porody. Lesovodstvennaya kharakteristika (Conifers. Forestry Characteristics)*. Moscow-Leningrad: "Goslesbumizdat" Publ. (in Russian).
6. Kiselev, S. V. 1961. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 103–127 (in Russian).
7. Kiselev, S. V. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 23–58 (in Russian).
8. Kiselev, S. V. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 325–269 (in Russian).
9. Kiselev, S. V. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 138–166 (in Russian).
10. Kradin, N. N., Baksheeva, S. E., Baksheev, S. A., Prokopets, S. D., Buravlev, I. Yu. 2018. In *Mul'tidisciplinarnye issledovaniya v arkheologii (Multidisciplinary Research in Archaeology)* 1. 3–39 (in Russian).
11. Kradin, N. N., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V., Prokopets, S. D. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoï arkheologii evraziiskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 167–171 (in Russian).
12. Kradin, N. N., Bessonova, E. A., Sarantseva, S. E., Kovychev, E. V., Kharinskii, A. V. 2014. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke (Humanities Researches in the Russian Far East)* 4 (30). 25–33 (in Russian).
13. Kradin, N. N., Sarantseva, S. E., Kharinskii, A. V., Kovychev, E. V. 2012. In (ed.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)* 3. Ulan-Bator: Mongolian State University Publ., 381–387 (in Russian).
14. Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. 2006. *Imperiya Chingis-khana (The Empire of Genghis Khan)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
15. Kradin, N. P. 2002. In Kradin, N. N. (ed.). *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka (Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East)*. Vladivostok: "DVO RAN" Publ., 233–244 (in Russian).
16. Kuznetsov, A. K. 1925. *Razvaliny Konduyskogo gorodka i ego okrestnosti (Ruins of Konduisky Town and its Surrounding Area)*. Vladivostok: "Knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
17. Kyzlasov, L. R. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 59–122 (in Russian).
18. Kharinskii, A. V., Nomokonova, T. Yu., Kovychev, E. V., Kradin, N. N. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 62–75 (in Russian).
19. Yatsenko-Khmelevskiy, A. A. 1954. *Osnovy i metody anatomicheskogo issledovaniya drevesiny (Basics and Methods of Anatomical Study of Wood)*. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).
20. Bemman, J., Hollmann, T., Ahrens, B., Mueller, S. 2011. In *Journal of Inner Asian Art and Archaeology* (6). 101–136 (in English).
21. Heidemann, S., Kelzenberg, H., Erdenebat, U., Pohl, E. 2006. In *Zeitschrift für Archäologie Außereuropäischer Kulturen*. 2006. Vol. 1. Wiesbaden: Reichert, 93–102 (in English).

22. In Wheeler, E., Baas, P., Gasson, P. E. (eds.). 1989. *IAWA Bull. n.s. 1989*. V. 10. No. 3. 1–219 (in English).
23. Kradin, N. N. 2018. In *Golden Horde Review* (2). 224–237 (in English).
24. Mengyu, Dong, Haibin, Zhou, Xiaomei, Jiang, Yun, Lu, Weibin, Wang, Yafang, Yin. 2017. In *IAWA Journal. International Association of Wood Anatomists. March* (2). 182–200. DOI: 10.1163/22941932-20170167 (in English).
25. Pohl, E. 2010. In *Mongolian-German Karakorum Expedition: Vol. 1: Excavations in the Craftsman Quarter at the Main Road*. Vol. 8. Wiesbaden: Reichert. 63–136 (in English).
26. Pohl, E., Reichert, S., Block, J., Heußner, K.-U., Treter, U. 2017. In Lechterbeck, Jutta and Fischer, Elske (eds.). *Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Kontrapunkte, Festschrift für Manfred Rösch. Vol. 300*. Bonn: Habelt, 231–249 (in English).
27. In N. Shiraishi (ed.). 2011. *The Avraga Site: Preliminary Report on Japan-Mongolia Joint Archaeological Expedition «New Century Project»*. 2009. 2010. Niigata: Niigata University, Mongolian Academy of Sciences (in English).
28. Yuan, Shangdu 2008. *The Upper Capital of Yuan*. Vol. 2. Beijing: Zhongguo Dabaike Chuanshu (in Cina).

About the Authors:

Kradin Nikolay N. Doctor of of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Director. Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (FEBRAS). Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; kradin@mail.ru

Baksheeva Svetlana E. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (FEBRAS). Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; sarantceva@mail.ru

Bondarenko Olesya V. Candidate of biological sciences. Federal Scientific Center for Biodiversity of Terrestrial Biota of East Asia, Russian Academy of Sciences (FEBRAS). 100th Anniversary of Vladivostok Ave, 159, Vladivostok, 690022, Russian Federation; laricioxylon@gmail.com

Kovychev Evgeny V. Candidate of Historical Sciences. Transbaikal State University. Chkalova St., 140, Chita, 672000, Russian Federation; kovychevevgenyi@mail.ru

Kharinsky Artur V. Doctor of Historical Sciences. Irkutsk National Research Technical University. Lermontov St., 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation; kharinsky@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

ТЕХНИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ГОНЧАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ САРАЯ АЛ-ДЖЕДИД – ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА¹

© 2021 г. С.И. Валиулина, А.Р. Нуретдинова

Техническая керамика – печной припас – специальные приспособления для обжига глазурованной посуды являются необходимой составляющей высокотехнологичного гончарного производства. Анализ этих изделий в контексте всех материалов комплекса позволяет установить специализацию мастерской и решать вопросы реконструкции ремесла, выявления истоков ремесленной традиции, организации работы мастерской. Все эти возможности технической керамики имеют особое значение в изучении стремительно возникшего, и за короткий период времени (неполный XIV век) достигшего высокого уровня развития, гончарного ремесла Золотой Орды. Статья представляет комплекс приспособлений для обеспечения обжига глазурованной посуды из гончарной мастерской усадьбы III в восточном пригороде Сарая ал-Джедид – Царевского городища. Кроме печного припаса в состав технической керамики включены калыпы-формы-матрицы и глиняные штампики для нанесения рельефного декора на поверхности сосудов.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Царевское городище, XIV век, гончарное производство, глазурь, техническая керамика, Археологический музей Казанского Федерального Университета.

Глазурованная керамика – посуда и архитектурные изразцы Золотой Орды – яркое художественное и техническое явление синкретичной культуры, рожденной на традициях ремесла Центральной Азии, Закавказья и Ближнего Востока. Глазурованная керамика не только в золотоордынских городах, но и на поселениях является массовым археологическим материалом, что говорит о ее доступности и широком использовании в быту не только состоятельными горожанами, но и рядовым населением.

Потребность в глазурованной продукции обеспечивалась мастерскими, работавшими почти во всех городах Золотой Орды. В Крыму обнаружена и сельская мастерская по производству глазурованной посуды на поселении Бокаташ II в пригороде Солхата (Крамаровский, Гукин, 2004).

Стационарные раскопки на Царевском городище начались в 1959 г. археологической экспедицией Москов-

ского и Казанского университетов под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. В первые годы раскопок были открыты ремесленные комплексы в разных районах города, наиболее выразительными оказались гончарные мастерские по производству архитектурных изразцов и детских игрушек в северной части города и глазурованной посуды в восточном пригороде. Предварительные результаты раскопок были опубликованы (Федоров-Давыдов, 1964; Федоров-Давыдов и др., 1970; Федоров-Давыдов и др., 1974; Гусева, 1974), но обширная коллекция материалов гончарной мастерской на усадьбе III восточного пригорода раскопок 1961–1968 гг. до сих пор не была исследована. Все материалы комплекса входят в собрание Археологического музея Казанского университета, инв. № АКУ–193–194, 351–358). По данным стратиграфии и нумизматическим находкам, усадьба и мастер-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-09-00240 «Царевское городище: изучение материалов раскопок 1961–1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского федерального университета и Государственного исторического музея».

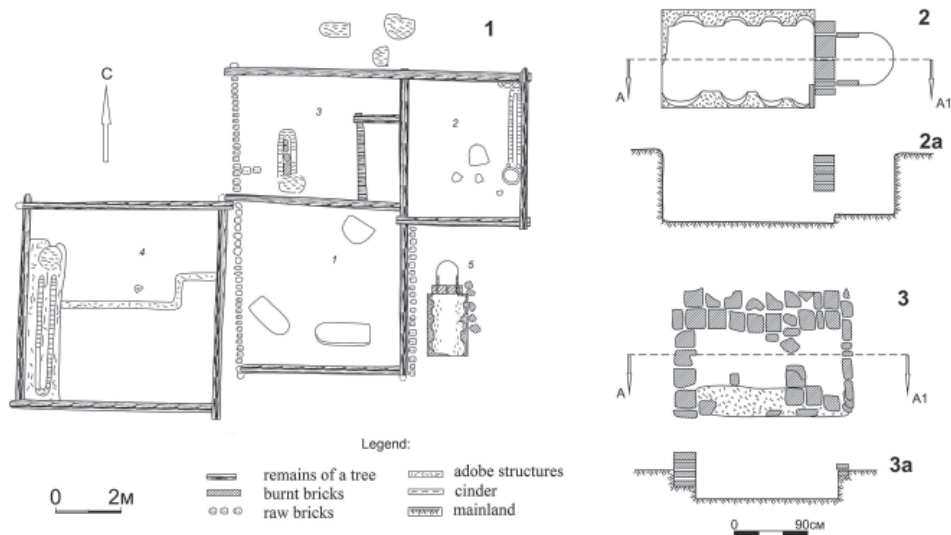

Рис. 1. Планы керамической мастерской – 1 и горнов – 2, 3 Царевского городища (Гусева, 1974)

Fig. 1. Plans of a ceramic workshop – 1 and furnaces – 2, 3 of Tsarevskoe settlement (Guseva, 1974)

ская датируются 1360–1370 годами, в запущенном состоянии усадьба доживает до 1395 г. (Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 113).

В производственный комплекс мастерской на усадьбе III восточного пригорода входил жилой дом с четырьмя комнатами, две из них не имели отопления и являлись рабочими (рис. 1: 1). В полах этих комнат были вырыты ямы различных размеров, одно из помещений имело отдельный выход к горну. Вероятно, здесь производилась формовка и сушка изделий перед обжигом (Гусева, 1974, с. 134).

На усадьбе обнаружено два горна прямоугольной формы 115×210 см и 120×220 см (рис. 1: 2, 3), сохранившиеся фрагменты конструкций позволяют установить, что оба горна были двухкамерные, сложены из обожженного кирпича. В одном горне удалось определить размеры устья топочной камеры: ширина составляла 24 см, высота – 28 см. Топочные камеры сохранили основания арочных сводов, на которые опиралась плита в виде плоской глиняной подушки

с округлыми отверстиями-продухами (Федоров-Давыдов и др., 1974, с. 111, рис. 12). Очевидно, горны были рассчитаны на одновременную работу, выполняя обжиг неглазурованных полуфабрикатов, приспособлений для обеспечения обжига глазурованной посуды и конечной продукции. Видимо, первый обжиг был самой сложной операцией: добиться нужного температурного режима не всегда удавалось. Основная масса брака связана с обжигом полуфабрикатов. Второй обжиг с глазурью не требовал такой высокой температуры, как первый. Брак после него не встречено почти совсем (Гусева, 1974).

После первого обжига посуда покрывалась изнутри глазурью зеленого, желтого, коричневого цветов. Мастера применяли прозрачную свинцовую глазурь, температура плавления которой могла составлять 700–760°C (Валиулина, Бочаров, 2020, с. 134). Установка в печи для второго обжига покрытой глазурью посуды требовала большого умения: мастеру нужно было максимально использовать объ-

Рис. 2. Штыри Царевского городища (Федоров-Давыдов, 1963)

Fig. 2. Pins from Tsarevsky settlement (Fedorov-Davydov, 1963)

ем обжигательной камеры, но при этом избежать соприкосновения глазурованных поверхностей, это условие обеспечивал правильный подбор печного припаса.

В мастерской изготавливались посуда определенных форм: глазурованные блюда и чаши на кольцевом поддоне с гравировкой по ангобу, техническая керамика – приспособления для обжига, калыпы. Узкая специализация, стандартизация форм сосудов и значительный объем производства, судя по объему отходов, свидетельствуют о том, что ремесленник работал на рынок. Печной припас мастерской является отражением специализации и представляет узкий набор технических приспособлений: штыри, подставки-сепай, раструбы-конусы, матрицы – калыпы и штампик.

Штыри.

В мастерской найден только один обломок штыря, причем с каплями бирюзовой щелочной глазури на поверх-

ности. В мастерской на III усадьбе производилась посуда только с монокромной зеленой, желтой или коричневой свинцово-кремнеземной глазурью, на что указывает керамический брак, разбитые сосуды и капли глазури соответственно зеленого, желтого и коричневого цвета на всех предметах для обжига. Но в северной части города в торгово-ремесленном квартале в 1962 году была открыта мастерская по производству изразцов (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989). В круглом горне изразцы укреплялись на керамических штырях, вставлявшихся в стенку обжигательной камеры. Несколько сотен фрагментов таких штырей (рис. 2) были найдены в завалах горна и ямах для отбросов (Федоров-Давыдов 1963; Федоров-Давыдов и др., 1974). В обжигательной камере продукция раскладывалась на специальных керамических пластинах, которые лежали, в свою очередь, на керамических штырях. В этой мастерской по производству изразцов гончары работали со щелочной полихромной глазурью, где преобладали синие и бирюзовые цвета и, очевидно, один штырь случайно попал в посудную мастерскую. Исследователи обращали внимание, что отдельные находки предметов для обжига глазурованной посуды встречаются повсеместно на площади городища, но концентрация этих изделий отмечена у горнов в соответствии с контекстом (Федоров-Давыдов и др., 1974).

Самая ранняя, широкая и дифференцированная номенклатура печного припаса сформировалась в раннем Средневековье в гончарных мастерских Китая (Dashu Qin, 1997, с. 394–398, 772–782). Сохранность гончарных печей дает наглядный пример использования штырей уже в VII в. (Dashu Qin, 1997, с. 626, 669, 782, СХІХ: 1–6).

В Средней Азии штыри обнаружены в гончарных мастерских

IX–X вв.; в Афрасиабе, по мнению Г.А. Шишкиной, они использовались преимущественно для подвески сосудов при помощи крючков, либо изделия развешивались на тонком стержне. В XI–XII вв. в гончарных мастерских Согда на выступающие из стенок обжигательной камеры штыри клали плоскую керамическую пластину, образуя полки шириной от 30 до 50 см в зависимости от длины штырей. На полках размещалась глазурованная посуда, но не исключается возможность загрузки и других видов продукции (Шишкина, 1986).

Автор кашанского керамического трактата 1301 года Абулкасим Абдаллах ибн Али ибн Мухаммед ибн ат-Тарих при описании печи для обжига глазурованных изделий обращает внимание на два важных момента: 1 – на температуру и определенную среду в печи и 2 – на правильную расстановку изделий в камере печи, в частности за счет специальных приспособлений. Так, указывается, что печь должна иметь в стенках камеры специальные штыри для установки изделий (Ritter et al., 1935).

Печи с системой специальных приспособлений хорошо известны по археологическим материалам в Хульбуке, Афрасиабе, Мерве X–XII вв., в Гиссаре, где была обнаружена печь конца XII – начала XIII в. (Сайко, 1969). На поселении Ханабад в Узбекистане в слое XI – первой половины XII века в развале горна найдены конусообразные штыри с поперечными глубокими насечками, очевидно, для более надежного держания сосудов (Брусенко, 1986, с. 19–20, табл. 6: 12–14). Штыри известны в Ахсикете (Henshaw, 2010, p. 169, fig. 5, 23), на городище Ханабад в Узбекистане в слое XI – первой половины XII века. Использование глиняных штырей в печах в Средней Азии подтверждено этнографически (Джаббаров, 1971, рис. 10б). Располагаясь по всей вну-

тренней поверхности камеры обжига, глиняные стержни могли образовывать несколько ярусов (Сайко, 1969, с. 126), как например, в Миздахкане (Кдырниязов, Кдырниязов, 2018). В стене обжигательной камеры горна № 20 в гончарном центре на Селитренном городище отмечено четыре яруса круглых отверстий под штыри для крепления сосудов (Федоров-Давыдов, 1963; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 155–160, рис. 16–20). В керамической печи XIII в., исследованной в Тбилиси, сохранилось пять ярусов таких штырей (Джапаридзе, 1956). В Закавказье, кроме Грузии, находки штырей известны в мастерских X–XIII вв. в Азербайджане, в частности в Байлакане – Оренкале (Якобсон, 1959), и в Кабале (Ахмедов, 2003, с. 378, табл. 178: 8), и в Армении в Двине в слое XII–XIII вв. (Калантарян, 2009, с. 115–116, рис. 34).

В Волжской Булгарии в домонгольское время штырями для обжига глазурованной посуды пользовались гончары Биляра в гончарной слободе на юго-западной окраине (Кокорина, 1986, рис. 3: 6, 7) и в самом центре внутреннего города в комплексе ханского ремесла в мастерской по производству художественной глазурованной посуды (Valiulina, 2014, fig. 2: 8–11; Valiulina, 2020, fig. 2).

Среднюю Азию и Закавказье нужно рассматривать как регионы раннего восприятия дальневосточной технологической традиции исламским ремеслом. Закавказье в XI–XIII вв. являлось одним из центров, где традиция организации обжига глазурованной посуды могла быть передана византийскому ремеслу.

В Византии первые свидетельства производства глазурованных сосудов относятся к XI в. (Morgan, 1942; Raptis, 2020).

В наборе специальных приспособлений для обжига штыри были едва ли не первыми инструментами уста-

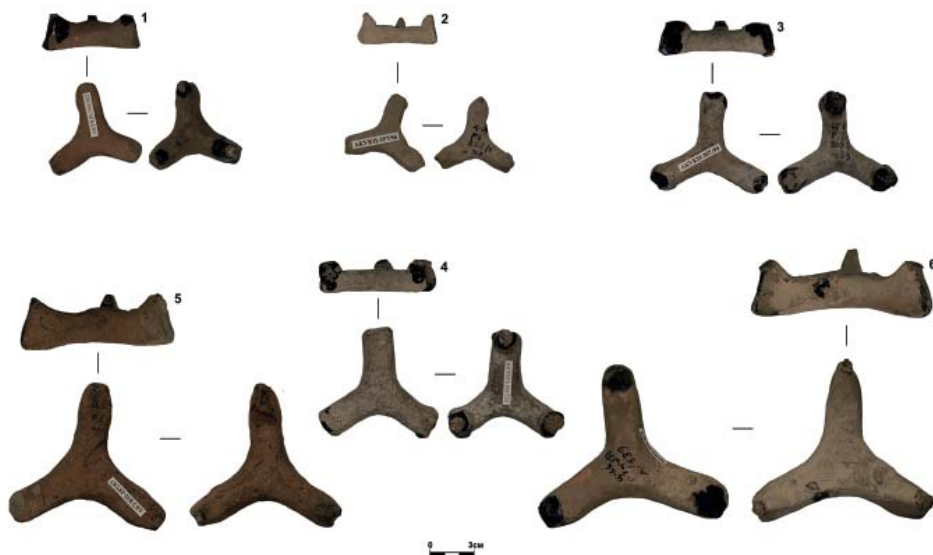

Рис. 3. Подставки-сепай из мастерской Царевского городища

Fig. 3. Sepai stands from the workshop of Tsarevskoe settlement

новки продукции и рациональной организации пространства в обжигательной камере (Raptis, 2020, fig. 1–3 (и библиография)). В ряде случаев они позволяют в какой-то мере реконструировать несохранившееся тепло-техническое сооружение – установить диаметр горна (Morgan, 1942, fig. 17: j–m; Athanassopoulos, 2017, с. 83–84, fig. 14, 15).

То есть штыри являются неотъемлемой частью начального этапа производства глазурованной керамики. По мере развития ремесла развивался и расширялся набор гончарных приспособлений, мастера выбирали тот или иной вид креплений и подставок или их сочетания в зависимости от формы и размеров продукции.

Обзор материалов широкой географии позволяет заключить, что штыри в гончарном производстве использовались как при обжиге глазурованной посуды, преимущественно закрытых форм, так и для глазурованных плиток. Для размещения посуды в обжигательной камере дополнительно применялись «С»- или «S»-видные крючки (Шишкина, 1986, 43, рис. 16:

1–3), насечки на штырях ханабадской мастерской делали конструкцию особенно надежной (Брусенко, 1986, с. 19–20, табл. 6: 12–14, 13). В мастерской восточного пригорода Царевского городища найдено два обломка таких керамических крючков, и они тоже, очевидно, как и ранее упомянутый штырь с каплями бирюзовой глазури, здесь случайные находки.

Подставки-сепай.

Для обжига сосудов открытых форм (блюда, чаши) использовались подставки-сепай, которые служили прокладками между посудой при загрузке в печь (рис. 3–4). Такие подставки найдены в большом количестве. Изготавливались они из глины вручную на плоской поверхности, имели разные размеры. Независимо от размеров подставки имеют стандартную форму: три одинаковые плоские ножки, отходящие от центра по радиусу, находятся на одинаковом расстоянии друг от друга. Концы ножек сужаются и загибаются кверху на высоту не более 1–1,5 см. На большинстве изделий отмечены капли прозрачной глазури зеленого,

Рис. 4. Подставки-сепай из мастерской Царевского городища

Fig. 4. Sepai stands from the workshop of Tsarevskoe settlement

коричневого и желтого цветов. Почти всегда глазурь присутствует на ножках – этот факт, а также найденные одним монолитом фрагменты сосудов с прилипшими подставками внутри (рис. 4) позволяют заключить, что сосуды в горне устанавливались стопками вверх дном. Такие подставки в Китае были известны еще в первые века новой эры (Dashu Qin, 1997, с. 472, 781, табл. CXVIII: 1–4). Позднее, благодаря мусульманским купцам, сепай проникают на Ближний Восток (Morgan, 1942, р. 22) и становятся неотъемлемой частью исламского гончарного ремесла.

Плоские керамические подставки с тремя шипами употреблялись повсюду, где производились глазурованные сосуды: в Средней Азии (Лунина, 1962, с. 230, рис. 10; Шишкина, 1986, с. 42; Брусенко, 1986, с. 19–20, рис. 16), в Закавказье (Якобсон, 1959, с. 287–288; Ахмедов, 2003, с. 378, табл. 178: 6, 7), в домонгольской Волжской Булгарии (Кокорина, 1986; Валиулина, 1990; Valiulina, 2020) и в Золотой Орде (Федоров-Давыдов и др., 1974; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989; Гусева, 1974; Крамаровский, Гукин, 2004; Тесленко, 2005, рис. 2, 9). В ма-

стерской на поселении Бокаташ II на XXIII раскопе вместе с характерным браком, подтеками и каплями зеленой глазури найдено более 350 подставок-сепай (Крамаровский, 2005, с. 139).

В коллекции Царевской гончарной мастерской насчитывается 356 экземпляров треножных подставок, по размерам их можно разделить на три группы: малые: $5 \times 5,4 \times 2,35 - 5,85 \times 6,1 \times 2,35$ см; средние: $6 \times 6 \times 2,25 - 9,8 \times 9,85 \times 3,2$ см; большие: $10 \times 10,5 \times 1,8$ см, что, видимо, можно соотнести с основными размерами продукции. Несмотря на разницу размеров, все они достаточно стандартны по форме и не только в пределах одного города, но с небольшими вариациями в масштабах всего средневекового производства глазурованной посуды. Но при этом во многих мастерских в разных регионах кроме таких стандартных единично присутствуют треножки другой формы – с округлой плоской, не очень аккуратной площадкой и высокими расходящимися от центра ножками, например, в Афрасиабе XII в. (Шишкина, 1986, с. 43, рис. 16: 19), в крепости Алустон в Крыму в мастерской XIII–XIV вв. (Тесленко, 2005,

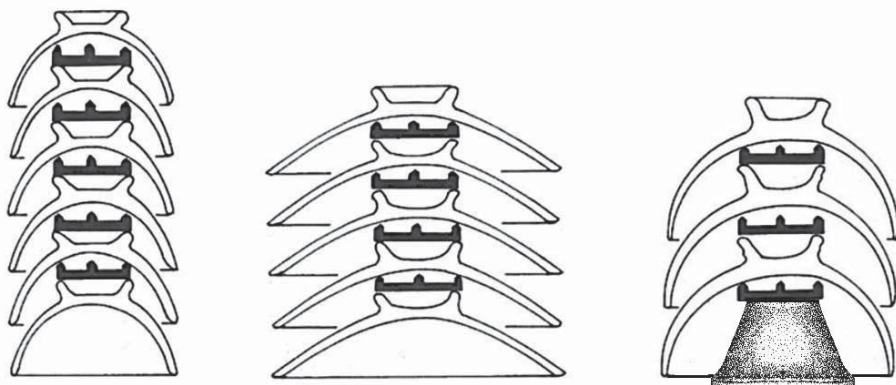

Рис. 5. Схема расстановки глазурованных чаш в обжигательной камере (Raptis, 2020)

Fig. 5. Arrangement of glazed bowls in the firing chamber (Raptis, 2020)

с. 325–326, рис. 2: 3, рис. 9), в гончарной слободе домонгольского Биляра на Средней Волге (Кокорина, 1986, рис. 2: 2, 10). Исследователи объясняют использование нового типа сепай в качестве нижней подставки. Но главной причиной появления высоких трехножек на округлом основании являлись приоритетные, относительно высокие формы обжигаемых сосудов, так, как это было в мастерской в центре Биляра. Там все сепай были «рогатые», а в номенклатуре продукции не было блюд и чаш, горшковидные сосуды полностью покрывались глазурью и устанавливались в печи вверх отверстием, дном на сепай (Валиулина, 1990; 2014, рис. 2: 1–6; Valiulina, 2020). В Царевской мастерской, когда нужно было увеличить высоту установки сосуда в обжигательной камере, низкие треугольные подставки могли поставить одну на другую (рис. 4: 2; 6), такой прием известен и в китайских (Dashu Qin, 1997, p. 472), и в византийских (Zekos, 2003, p. 459, fig. 8b; Raptis, 2020) мастерских.

Раструбы.

Однако в основном в качестве высокой нижней подставки гончары Сарая ал-Джедид использовали керамические конусы или цилиндрические подставки-раструбы с горизонтально

отогнутыми краями (рис. 6–7). Самая нижняя чаша ставилась не на под – плиту с продухами, а на такой раструб, поверх которого лежала подставка-сепая. Благодаря раструбу края чаш не соприкасались с плитой. Характерно, что в целом печной набор царевской мастерской очень однообразен. Раструбов встречено чуть более 30 экземпляров, видимо, они использовались только как подставки под нижние чаши в стопе. Подобные изделия известны повсеместно в гончарных мастерских, специализировавшихся на производстве глазурованных изделий (Dashu Qin, 1997, p. 772, CXIV: 3–5; Шишкина, 1986, с. 43, рис. 16: 17, 18, 20; Крамаровский, 2005, с. 231, рис. 593; Zekos, 2003, с. 458, fig. 7).

Любопытно, что две такие подставки были обнаружены рядом с горном, где обжигалась высококачественная художественная, но неглазурованная посуда, в одном из ранних монгольских городов в Восточной Европе – в Золотоордынском Биляре второй половины XIII – начала XIV в. (Валиулина, 2019, с. 399–400, рис. 18: 1–3).

Штампы-матрицы.

Штампы-матрицы или формы – полусферические емкости, выполненные из красной глины с мелким и чет-

Рис. 6. Раструбы из мастерской Царевского городища
 Fig. 6. Flares from the workshop of Tsarevskoe settlement

ким резным орнаментом с внутренней стороны (рис. 8: 2–4).

В первых публикациях итогов раскопок гончарной мастерской в восточном пригороде Царевского городища был сделан вывод, что мастерская производила два вида продукции – глазурованную посуду и посуду, штампованную красноглиняную и сероглиняную с рельефным орнаментом, без глазури (Гусева, 1974; Федоров-Давыдов, Булатов, 1989). Первый вид продукции – поливная посуда имеет полный перечень доказательств местного производства, в том числе химический состав глиняной основы и глазури посуды и печного припаса с каплями глазури (Валиулина, Бочаров, 2020, табл. 1). В то же время производство штампованных сосудов обосновывалось только наличием 13 археологически целых и большого числа фрагментов и осколков красноглиняных форм-матриц (рис. 8: 2–4). Однако анализ материалов мастерской показал полное отсутствие самих

штампованных сосудов, выполненных по этим матрицам, из чего можно сделать вывод, что в мастерской кроме главной продукции делали и штампы-матрицы, как и приспособления для обжига глазурованной посуды, но сами штампованные сосуды, возможно, выполняли в других мастерских. Такое сочетание производства глазурованной посуды и технической керамики, в том числе форм-матриц, обнаружено на поселении Бокаташ II на XXIII раскопе гончарного района в округе Солхата (Крамаровский, Гукин, 2004).

В царевской мастерской найден 1 экземпляр миниатюрного штампа – пуансона с цветочным рельефом для многократного повторения узора на поверхности сосуда (рис. 8: 1). На штампе вырезано изображение цветка лотоса – один из часто повторяющихся в искусстве Золотой Орды элементов растительного орнамента на художественных изделиях из разных материалов: кроме поливной ке-

Рис. 7. Раструбы из мастерской Царевского городища
 Fig. 7. Flares from the workshop of Tsarevskoe settlement

рамики и на бронзовых зеркалах. В форме лотоса выполняли стеклянные подвески, и такие украшения есть в коллекции из восточного пригорода Сарая ал-Джедид.

По способу организации гончарного ремесла Золотой Орды Г.А. Федоров-Давыдов выделил 3 типа мастерских (Федоров-Давыдов, 1994, с. 168). По предложенной классификации гончарное производство в восточном пригороде Царевского городища соответствует мастерским первого типа – с индивидуальным трудом, основанном на узкой специализации выпускаемой продукции. Два горна находились в собственности одной семьи, о чем говорит планировка усадьбы, жилой дом, два помещения в котором, без отопления, были производственными. Хозяева мастерской занимались гончарным ремеслом, сбывая свою продукцию на рынках города и его округи. Весь технологический процесс представляет узкую специализацию ремесла и стандартизацию всех этапов производственного цикла от подбора и обработки

надежных и ограниченных сырьевых материалов и приспособлений, использования одной строгой рецептуры глазури до готовой продукции.

Техническая керамика – важный показатель в определении технологической, художественной преемственности и влияния ремесла разных регионов на рождение нового производственного центра. Для ремесла Золотой Орды должна быть названа широкая «питающая» география покоренных монголами земель – Средняя Азия, Закавказье, Ближний Восток, прежде всего Иран. В этот перечень не может быть включена Волжская Булгария: производство глазурованной керамики в этом государстве возникло в столичном Биляре в конце XII – начале XIII в. Наиболее полно изучена мастерская в составе единого комплекса с алхимической мастерской, где, очевидно, работали выходцы из Закавказья (Valiulina, 2020), примеры сочетания таких занятий известны в других регионах. На момент монгольского нашествия и образования Золотой Орды произ-

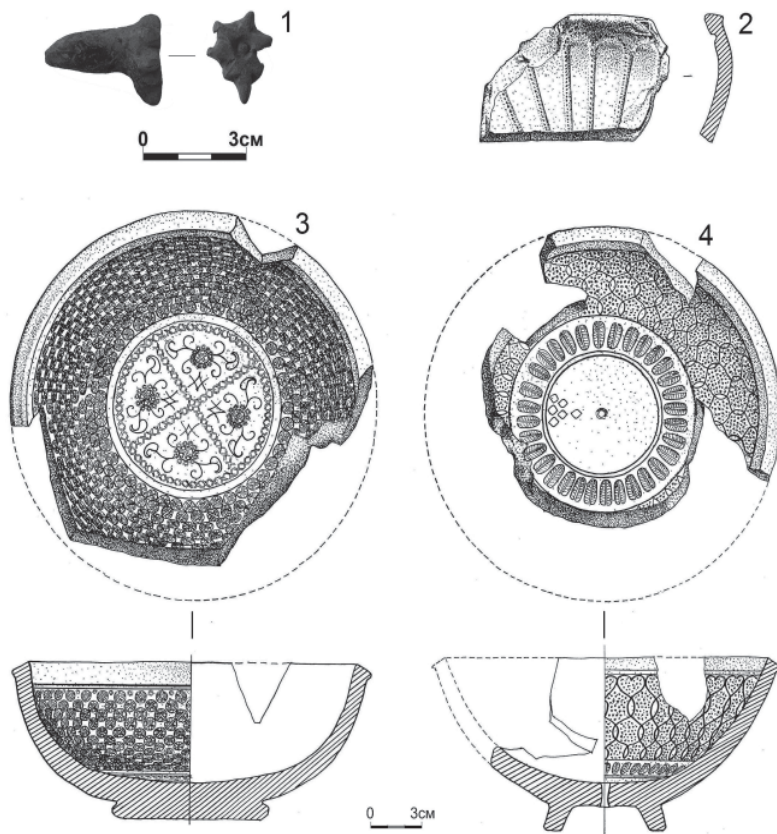

Рис. 8. Приспособления для нанесения рельефного орнамента на стенки сосудов из мастерской Царевского городища: 1 – штампик, 2–4 – калыпы

Fig. 8. Means for applying relief ornament on the vessel walls from the workshop of Tsarevskoe settlement: 1 – stamp, 2–4 – kalyps

водство глазурованной керамики в Волжской Булгарии еще не сложилось в полной мере, было уничтожено и не возникло в золотоордынский период. Даже в Болгаре, который после завоевания был выбран первой ставкой золотоордынских ханов и местом чеканки их первых монет, такое ремесло не обнаружено.

В ремесле Золотой Орды не было «периода ученичества», она взяла уже готовыми культурные и технические достижения покоренных народов в лице массово переселенных ремесленников и, как показывает пример гончарства, рационально распорядилась приобретенным. Специализация ремесла и стандартизация всех этапов произ-

водственного цикла имели результатом высокое качество продукции – посуды, изразцов и других изделий.

В этом отношении гончарные мастерские Царевского городища очень показательны, они демонстрируют прежде всего четкую специализацию производства: в северной части города мастерская производила архитектурную керамику – глазурованные изразцы и игрушки, основными инструментами были штыри, а небольшая семейная мастерская в восточном пригороде выпускала узкий ассортимент продукции – чаши и блюда. И в этой мастерской главными приспособлениями в обжигательной камере были сепай.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов Г.М. Азербайджан в IX–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Археология / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 367–388.
2. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент: Фан, 1986. 89 с.
3. Булатов М.Н. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 73–107.
4. Валиулина С.И. Отчет о полевых исследованиях на XL раскопе Билярского городища. 1989 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1, Д. 13872. Казань, 1990.
5. Валиулина С.И. Золотоордынский Биляр // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 379–412.
6. Валиулина С.И., Бочаров С.Г. Химико-технологическая характеристика глазурованной керамики Царевского городища // Геоархеология и археологическая минералогия-2020. Миасс-Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2020. С. 130–135.
7. Гусева Т.В. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая // СА. 1974. № 3. С. 125–141.
8. Джаббаров И.М. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX – начала XX вв.: (Историко-этнографический очерк) // Занятия и быт народов Средней Азии / Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. III / Отв. ред. Н.А. Кисляков. Л.: Наука, 1971. С. 147–167.
9. Джапаридзе В.В. Грузинская керамика XI–XIII вв. Тбилиси: [б.и.], 1956.
10. Кдырнязов М.Ш., Кдырнязов О.Ш. Миздахкан – керамический центр Южного Приаралья в эпоху Золотой Орды // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 66–72.
11. Кокорина Н.А. О технике билярского гончарства // Посуда Биляра // Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1986. С. 61–72.
12. Крамаровский М.Г. Городские ремесла. Гончарство как ремесло и искусство // Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. С. 137–151.
13. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II (Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001–2003 гг.). Вып. II. СПб.: ГЭ, 2004. 382 с.
14. Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. XI / Отв. ред. М.Е. Массон. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1962. С. 217–417.
15. Сайко Э.В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв. Душанбе: Дошиш, 1969. 188 с.
16. Тесленко И.Б. Производство поливной керамики в крепости Алустан (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Сталос, 2005. Т. I. С. 324–348.
17. Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках 1962 г. на городище Сарай-Берке – столицы Золотой Орды / Архив Волгоградского областного краеведческого музея, 1963. Дело № 12.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. 1964. № 1. С. 248–271.
19. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.
20. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов М.Н. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.
21. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–131.
22. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68–171.

23. Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент: Фан, 1986. 178 с.

24. Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции / МИА. № 67 / Отв. ред. А.А. Иессен 1959. М.-Л.: Изд-во АН СССР. С. 228–302.

25. Athanassopoulos E.F. Medieval Glazed Pottery: Archaeological Evidence from Rural Greece // Бочаров С., Франсуа В., Ситдилов А. (Ред.) Глазурованная керамика Средиземноморья и Черного моря, X–XVIII вв. Вып. 2. Казань, Кишинев, 2017. С. 71–90.

26. Dashu Qin. Pechi Tsichzhou v Guantane. Peking. Izdatelstvo kulturnykh relikvii, 1997. 791 s. (на кит. яз.).

27. Henshaw Ch.M. 2010. Early Islamic Ceramics and Glazes of Akhsiket, Uzbekistan. 2010. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/19688/1/19688.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).

28. Kalantaryan A., Karakhanyan G., Melkonyan N., Petrosyan N., Hakobyan N., Babayan F., Zhamkochyan A., Nawasardyan K., Hayrapetyan A. Armenia in the cultural context of east and west. Ceramics and Glass (4th–14th centuries). Yerevan, 2009. 191 p.

29. Morgan Ch. II. The Byzantin pottery / Corinth, Vol. 11. Cambridge, Massachussets, 1942. 394 p.

30. Raptis K.T. Firing glazed wares in Byzantine kilns: Continuities and changes in the technology of glazed pottery production (11th-15th c.) // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 29. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.102131> (дата обращения: 31.03.2021).

31. Ritter H., Rusca J., Winderlich R. Persische Beschreibung der Kashan-Fayence-Technik von Yare 700 h / 1300 d. // Ritter H., Rusca J., Sarre F., Winderlich R. Orientalische Steinbücher und die Technologie der persischen Fayence / Istanbul Mitteilungen, herausgegeben von der Istanbul Abteilung des Archäologischen Instituts des Deutschen Reiches. Buch 3. Istanbul, 1935. P. 16–48.

32. Valiulina S. Glazed Ceramics from a Pottery Workshop in the Center of Bilyar // “Ostrakon” Ceramics and Glass in interdisciplinary research. The 3rd International Symposium on Pottery and Glass. Wrocław, 27-29 September 2017. Wrocław, 2020. p. 173–193.

33. Valiulina S.I. Comprehensive Investigation of a Pottery Workshop Used for Production of Glazed Ceramics in Bilyar City Excavation // Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry, Leuven (2012). Leuven, 2014. P. 285–290.

34. Zekos N. A Glazed Pottery Workshop in Thrace, in Actes du VIIe Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée. Thessalonique. 1999. Athènes, 2003. P. 455–466.

Информация об авторах:

Валиулина Светлана Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); svaliulina@inbox.ru

Нуретдинова Алсу Ренатовна, главный хранитель музейных предметов Археологического музея, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); alsu_nuretdinova@inbox.ru

TECHNICAL CERAMICS FROM THE POTTERY WORKSHOP AT SARAI-AL-JEDID – TSAREVSKOYE SETTLEMENT

S.I. Valiulina, A.R. Nuretdinova

Technical ceramics – special devices for firing glazed ware – is a necessary component of highly technological pottery production. Analysis of the wares in the context of all the materials of the complex let the authors establish the specialization of the workshop and solve the issues of the craft reconstruction, identifying the origins of the technological tradition and organization of the workshop. All these possibilities of technical ceramics are of particular importance in the study of the rapidly emerged pottery of the Golden Horde, which reached

The paper was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-09-00240 “Tsarevskoe settlement: Study of Materials from Excavations in 1961-1968 from the Funds of the Archaeological Museum of the Kazan Federal University and the State Historical Museum”.

a high level of development in a short period of time (not full the 14th century). The article is the first to present a set of devices for firing glazed ware from a pottery workshop III in the south-eastern suburb of the second capital of the Golden Horde, Sarai-al-Jedid, known as Tsarevskoye settlement as well. In addition to the furnace supply, the technical ceramics include the “kalyps”– matrix forms and clay stamps for applying relief decoration on the surface of vessels.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Tsarevskoye settlement, 14th century, pottery, glazed ware, technical ceramics, Archaeological Museum of the Kazan Federal University.

REFERENCES

1. Akhmedov, G. M. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka (Archaeology. Crimea, North-Eastern Black Sea Region and Trans-Caucasia in the Middle Ages. 4th–13th Centuries)*. Series: Archaeology. Moscow: “Nauka” Publ., 367–388 (in Russian).
2. Brusenko, L. G. 1986. *Glazurovannaya keramika Chacha IX–XII vekov (Glazed Ceramics from Chach of the 9th–12th Centuries)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
3. Bulatov, M. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovyye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 73–107 (in Russian).
4. Valiulina, S. I. 1990. *Otchet o polevykh issledovaniyakh na XL raskope Bilyarskogo gorodishcha. 1989 g. (Report on Field Studies at Excavation XL of Bilyar Fortified 1989)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 13872 (in Russian).
5. Valiulina, S. I. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde) 2*. Kazan, Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 379–412 (in Russian).
6. Valiulina, S. I., Bocharov, S. G. 2020. In *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya – 2020 (Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2020)*. Miass–Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 130–135 (in Russian).
7. Guseva, T. V. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 125–141 (in Russian).
8. Dzhabbarov, I. M. 1971. In Kislyakov, N. A. (ed.). *Zanyatiya i byt narodov Sredney Azii (Activities and Everyday Life of the Peoples of Central Asia)*. Series: Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik (Central Asian Ethnographical Collection) 3. Leningrad: “Nauka” Publ., 147–167 (in Russian).
9. Dzhabaridze, V. V. 1956. *Gruzinskaya keramika XI–XIII vv. (Georgian Ceramics of the 11th–13th cc.)*. Tbilisi (in Russian).
10. Kdyrniyazov, M. Sh., Kdyrniyazov, O. Sh. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 66–72 (in Russian).
11. Kokorina, N. A. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara (Dishware of Bilyar)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 61–72 (in Russian).
12. Kramarovskii, M. G. 2005. In *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (The Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: “Slaviia” Publ., 137–151 (in Russian).
13. Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2004. *Poselenie Bokatah II (Rezultaty polevykh issledovaniy Zolotoordynskoi arheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001–2003 gg.). Vyp. II (Bokatah II Settlement (Results of Field Studies of the Golden Horde Archaeological Expedition of the State Hermitage in 2001–2003). Issue II)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).
14. Lunina, S. B. 1962. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* XI. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR. 217–417 (in Russian).
15. Saiko, E. V. 1969. *Sredneaziatskaya glazurovannaya keramika XII–XV vv. (Central Asian Glazed Ceramics of the 12th–15th cc.)*. Dushanbe: “Donish” Publ. (in Russian).
16. Teslenko, I. B. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kiev: “Stilos” Publ., 324–348 (in Russian).
17. Fedorov-Davydov, G. A. 1963. *Nauchnyy otchet o raskopkakh 1962 g. na gorodishche Saray-Berke – stolitsy Zolotoy Ordy (Scientific Report on Excavations at Sarai-Berke Settlement – the Capital of the Golden Horde - in 1962)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Lore. Dossier 12 (in Russian).
18. Fedorov-Davydov, G. A. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 248–271 (in Russian).

19. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
20. Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, M. N. 1989. In Smirnov, K. A. (ed.). *Sokrovishcha samarskikh vozhdai i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Samara Leaders and the Ancient Towns of the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133–248 (in Russian).
21. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Guseva, T. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 89–131 (in Russian).
22. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Mukhamadiev, A. G. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 68–171 (in Russian).
23. Shishkina, G. V. 1986. *Remeslennaya produktsiya srednevekovogo Sogda (Hand-Crafted Products of Medieval Sogdia)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
24. Yakobson, A. L. 1959. In Iessen, A. A. (ed.). *Trudy Azerbaydzhanskoj (Oren-Kalinskoy) arkeologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition)* Series: Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 67. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 228–302 (in Russian).
25. Athanassopoulos, E. F. 2017. In S. Bocharov, V. Francois, A. Sitdikov. (eds.). *Glazurovannaja keramika Sredizemnomoria I Chernogo moria (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea, 10th – 18th cc.) 2*. Kazan, Kishinai, 71–90.
26. Dashu, Qin. 1997. *Furnaces of Tsichzhou in Guantane*. Beijing: Cultural Relics Publishing House (in Chinese).
27. Henshaw, Ch. M. 2010. Early Islamic Ceramics and Glazes of Akhsiket, Uzbekistan. 2010. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/19688/1/19688.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).
28. Kalantaryan, A., Karakhanyan, G., Melkonyan, N., Petrosyan, N., Hakobyan, N., Babayan, F., Zhamkochyan, A., Nawasardyan, K., Hayrapetyan, A. 2009. *Armenia in the cultural context of east and west. Ceramics and Glass (4th–14th centuries)*. Yerevan.
29. Morgan Ch. II. 1942. *The Byzantin pottery. Corinth, Vol. II*. Cambridge, Massachussets
30. Raptis, K. T. 2020. In *Jornal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 29. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.102131> (accessed on: 31.03.2021).
31. Ritter, H., Rusca, J., Winderlich, R. 1935. In Ritter H., Ruska J., Sarre F., Winderlich R. *Orientalische Steinbücher und die Technologie der persischen Fayence / Istanbul Mitteilungen, herausgegeben von der Istanbul Abteilung des Archäologischen Instituts des Deutschen Reiches*. Buch 3. Istanbul, 16–48 (in German).
32. Valiulina, S. 2020. In "Ostrakon" *Ceramics and Glass in interdisciplinary research. The 3rd International Symposium on Pottery and Glass*. Wroclaw, 27-29 September 2017. Wroclaw, 173–193.
33. Valiulina, S. I. 2014. In *Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry*, Leuven (2012). Leuven, 285–290.
34. Zekos, N. 2003. In *Actes du VIIe Congrès International sur la Céramique Médiévale en Méditerranée. Thessalonique. 1999*. Athènes, 455–466.

About the Authors:

Valiulina Svetlana I. Candidate of Historical Sciences. Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; svaliulina@inbox.ru

Nuretdinova Alsou R. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; alsu.nuretdinova@rambler.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

КАШИННАЯ КЕРАМИКА ИЗ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА В ХРАНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ¹

© 2021 г. Е.М. Болдырева

Статья посвящена анализу кашинной посуды и изразцов, происходящих из раскопок и сборов из Царевского городища, находящихся в хранении фонда Золотой Орды Государственного исторического музея. Накопление материалов происходило со 2-й половины XIX века до 2-й половины XX века. В коллекции присутствуют дары местных жителей, покупки известных коллекционеров того времени, предметы из раскопок А.В. Терещенко и материалы Поволжской археологической экспедиции. Главная цель данной работы собрать воедино всю кашинную керамику из разновременных коллекций и проанализировать с позиции технологических, морфологических и декоративных особенностей ее изготовления. Необходимо рассмотреть, как состав кашинного теста влиял на декоративное оформление поверхности и на форму сосуда, выявить наиболее устойчивые сочетания между составом теста, типом и цветом кроющей глазури и дополнительным декором. Проследить частоту использования прозрачной и заглащенной поливы, их соотношение с надглазурным или подглазурным декором или отсутствие такового, выявить наиболее характерные для памятника цвета глазурей и способы их нанесения. Для этой цели все предметы были собраны в единую базу данных, куда были занесены все признаки и произведен ступенчатый анализ каждого фрагмента не менее чем с восьми позиций.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Царевское городище, кашинная керамика, Государственный исторический музей.

Царевское городище – один из трех крупнейших золотоордынских столбчатых центров Нижнего Поволжья. Памятник расположен у села Царев в Ленинском районе Волгоградской области. В XVII–XVIII вв. о нем оставили сведения В.Н. Татищев, С. Гмелин, П. Паллас, П. Рычков. Хорошая сохранность построек городища на тот момент побудила саратовского краеведа А.Ф. Леопольдова обратиться к его изучению в 1-й половине XIX века, а в 1840-х гг. здесь проводил раскопки А.В. Терещенко. В 1893 году памятник посетил А.А. Спицын. Следующий этап в археологическом изучении городища наступил в 20-е гг. XX века, когда Ф.В. Баллоду, несмотря на тяжелые условия, удалось провести ряд раскопок на памятнике (Глухов, 2014, с. 92–111). С 1959 года до 1971 года здесь проводила масштабные раскопки Поволжская археологическая экс-

педиция под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. В составе экспедиции работал отряд Казанского государственного университета (руководитель И.С. Вайнер) (Федоров-Давыдов, 1964, с. 248–249; Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, с. 89–90). После 1971 года экспедиция стала работать преимущественно на Селитренном городище, а на Царевском активные раскопки продолжились лишь в 1994 году. Руководителями этих исследований были В.В. Дворниченко, Ю.А. Зеленева, Е.П. Мыськов, В.Г. Блохин, Н.А. Воронцов, А.А. Глухов, Е.Н. Магилин (Глухов, 2015, с. 33–35).

Результатами самых ранних работ на памятнике стала коллекция предметов из Царевского городища, находящаяся в хранении Государственного исторического музея. Наиболее ранние по хронологии

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00240 «Царевское городище: исследование материалов раскопок 1961–1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского университета и Государственного исторического музея».

поступления – это предметы из собрания П.И. Шукина, известного коллекционера 2-й половины XIX века и создателя Шукинского музея. В одном хронологическом ряду с ними стоят несколько предметов, переданных из расформированного в ранние годы советской власти Румянцевского музея. В конце XIX века на памятник отправился А.А. Спицын, и небольшая часть его коллекции попала в ГИМ. В середине XX века Государственным Эрмитажем были переданы в ГИМ некоторые предметы из раскопок А.В. Терещенко в 1840-х гг. После 1959 года в музее сформировалась небольшая коллекция, переданная Г.А. Федоровым-Давыдовым. В фонде Золотой Орды присутствуют материалы из раскопок I и II, а также подъемный материал, собранный в ходе первых лет исследований Поволжской археологической экспедиции на этом памятнике.

Большую часть этих коллекций составляет керамика, среди которой наибольший интерес для данного исследования представляет кашинная керамика. Основная задача работы – собрать вместе всю кашинную керамику из разновременных коллекций, поступавших в фонды Исторического музея еще с XIX века, систематизировать и поэтапно классифицировать для наибольшего извлечения информации о технологии, морфологии и декоре поливной кашинной керамики Царевского городища.

В классификации керамики Царевского городища следует выделить восемь ступеней. Эти этапы анализа уже были апробированы в диссертационном исследовании автора статьи и в ряде публикаций (Болдырева, 2016). Всю кашинную керамику следует разделить на два больших **отдела** – это кашинная посуда и изразцы. На втором этапе анализируется состав формовочной массы (**подотделы**). Разработка исследований по выявлению

примесей в составе кашинной формовочной массы осложняется тем, что дополнительные примеси, входящие в этот силикатный состав, добавляются в растворенном виде и сплавляются в единый массив или выгорают при обжиге сосудов. Поэтому определения кашина, которые делаются в работе, основаны на анализе его визуальных характеристик: твердости и цвета, а также частично сохранившихся примесей, которые можно выявить без нанесения вреда музейному предмету. Весь золотоордынский кашин, в отличие от домонгольского, имеет довольно рыхлую структуру формовочной массы, тем не менее подробный визуальный анализ состава кашина дал возможность выделить четыре подотдела кашинного теста (рис. 1: А–Г). На третьем этапе выделяются **серии**. Эта классификационная единица основана на использовании или отсутствии ангобной подгрунтовки поверхности перед нанесением поливы. Использование ангоба является не только декоративной составляющей обработки сосуда, но и несет особую технологическую нагрузку. Слои жидкой глины заполняли поры сосуда, придавая ему большую водонепроницаемость и прочность. В средневековой восточной поливной керамике в основном использовались более светлые по сравнению с цветом основы сосуда ангобы, чаще даже белые. Белая глина, в отличие от красной, почти повсеместно была большей редкостью, об этом могут свидетельствовать статистические подсчеты, произведенные Н.М. Булатовым на материалах золотоордынских городищ (Булатов, 1976, табл. 1), а использование светлого ангоба позволяло создавать имитации белоглиняных сосудов. В случае с кашинным тестом использование ангоба не всегда являлось необходимостью, так как кашинное тесто почти всегда имеет светлый оттенок. На следующем этапе необходимо перейти к

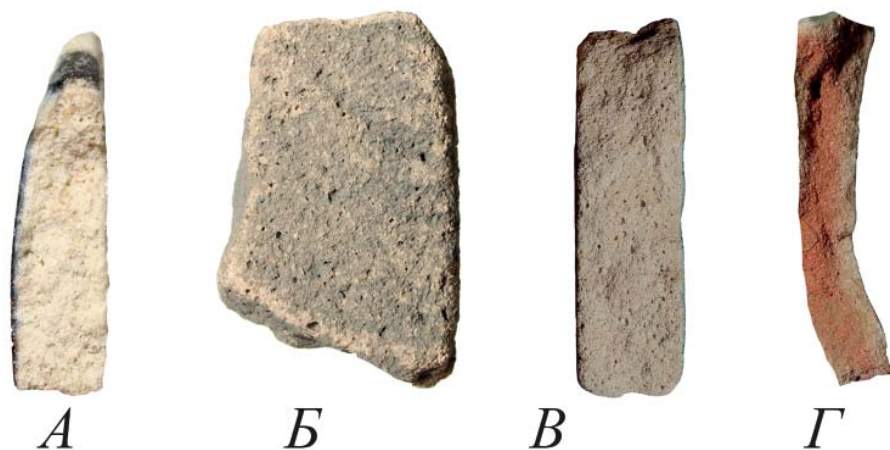

Рис. 1. Изломы фрагментов с разным составом формовочных масс. А – Подотдел 1. Бежевый, серый или белый кашин средней плотности; Б – Подотдел 2. Очень рыхлый пористый бежевый кашин; В – Подотдел 3. Рыхлый белый кашин; Г – Подотдел 4.

Рыхлый розовый кашин

Fig.1. The texture of the fragments with the different compositions of the dough. А – Subdivision 1. Medium beige, grey or white frit; Б – Subdivision 2. Very friable porous beige frit; В – Subdivision 3. Friable white frit; Г – Subdivision 4. Friable pinkish frit

анализу глазурного покрытия. Здесь в технологическом плане на первое место выдвигаются свойства глазури, а разрядом являются **классы**. По степени прозрачности глазури выделяются два основных класса поливной керамики: с прозрачной глазурью и с непрозрачной глазурью. Особняком стоит перегоревшая при обжиге глазурь. Ее визуальные свойства не дают возможности выявить степень прозрачности, поэтому она выделяется в обособленный класс. Далее керамика разделяется на **группы** в зависимости от места расположения декора на поверхности изделий: надглазурный, подглазурный или без дополнительного декора. **Подгруппы** выделяются по цвету кроющей поливы, и **типы** обусловлены технологией нанесения дополнительного декора. Последней единицей классификации являются **варианты**. Варианты определяются в зависимости от возможности выделения морфологических особенностей предмета.

Для написания статьи все предметы были занесены в базу данных,

где каждый предмет был проанализирован со всех позиций. На основе материалов этой базы данных и была построена классификация. Суммарно в выборке участвует 88 экземпляров кашинной посуды и изразцов.

ОТДЕЛ 1. КАШИННАЯ ПОСУДА (57 ЭКЗ. – 64,8%)

Подотдел 1. Посуда из бежевого, серого или белого кашина средней плотности (27 экз.). Кашин с такими свойствами использовался преимущественно при изготовлении именно посуды. Его применение в изразцах зафиксировано всего в 5 случаях из рассмотренных. Для этого состава теста характерна мелкопористая структура с единичными случайными включениями известкового облика. При изготовлении данной посуды ангоб не использовался (**серия 2** – 27 экз.). Глазурь преимущественно прозрачная (**класс 1** – 17 экз.). Все сосуды с прозрачной глазурью украшены с применением подглазурного способа нанесения декора (**группа 2** – 17 экз.). В декорировании использовалась бесцветная, голубая, бирюзовая или

светло-зеленая глазурь (**подгруппы 2, 3, 4, 6, 8**). В 13 случаях – это обломки кашинных чаш (**вариант 2**) (рис. 2: 1–9), расписанных красителями, а в четырех случаях роспись красителями дополнялась ангобом, которым создавался дополнительный рельеф для выделения деталей рисунка на поверхности. Также в хранении присутствуют две чернильницы (**вариант 6**) (рис. 2: 10–11) и два альбарелло (**вариант 7**) (рис. 2: 12–13). Находки альбарелло на всей территории Золотой Орды многочисленны. Они также встречаются в Закавказье, Крыму, Египте и на Ближнем Востоке (Федоров-Давыдов, 1994, с. 136), но большая часть их сосредоточена на территории Нижнего Поволжья. Сосуды имеют специальную форму горла и венчика. Узкое высокое горло и расширяющийся венчик необходимы для того, чтобы закрыть сосуд, накрыть его бумагой, тканью или кожей и перевязать шнурком. Таким образом сосуд плотно запечатывается, предотвращая потерю дорогостоящих жидкостей или сухих лекарственных смесей. Развитие форм этих аптечных сосудов происходит с Ближнего Востока, где были распространены подобные бамбуковые сосуды, использовавшиеся аналогичным образом. После XIV века данная посуда получила распространение по всей Европе, в особенности в Италии и Франции (Курочкина, 2012, с. 78–93). В золотоордынских нижневолжских городах преобладают красноглиняные альбарелло, но и кашинные тоже иногда встречаются. Особенностью альбарелло из Царевского городища является отсутствие сложного дополнительного декора, кроме рельефных ребер в средней части тулова, которые подчеркивали зауженную форму. Второй особенностью является очень густой слой глазури, стекающей к основанию сосуда, которая тем не менее осталась прозрачной. Альбарелло по-

крыто глазурью с обеих сторон за исключением основания ножки с внешней стороны сосуда.

Класс 2. Непрозрачная глазурь (9 экз.) В случае использования заглушенной поливы дополнительный подглазурный декор не применялся в 7 случаях (**группа 3** – 7 экз.) (рис. 3: 3–9), но в двух случаях был зафиксирован надглазурный (**группа 1** – 2 экз.) (рис. 3: 1–2). Сосуды без дополнительного декора представлены обломками чаш с белой заглушенной поливой и одной чернильницей, покрытой голубой непрозрачной поливой. Группа 1 состоит из двух обломков сосудов с надглазурным декором, выполненным в технике минаи. Сам термин «минаи» происходит из круга коллекционеров XIX столетия и применяется к посуде с заглушенной поливой и надглазурной росписью многоцветными эмалевыми красками и золотой фольгой. Э.К. Кверфельдт ставил в один ряд кашинную посуду с росписью минаи и сирийскую и египетскую стеклянную посуду с росписью разноцветными эмалями и позолотой (Кверфельдт, 1947, с. 69–70). Начало производства минаи исследователи относят к домонгольскому Ирану. Самый ранний сосуд типа минаи с написанной на нем датой производства расшифровывается 576 г. х., или 1180 г. н. э. (Watson, 2005, p. 363). В золотоордынских городах Нижнего Поволжья такая керамика единична, но все же иногда встречается. Вариацией минаи является ладжвардина, она имеет схожую колористическую гамму росписи, выполненную также поверх глазурного покрытия, но фон всегда темного ультрамариново-синего оттенка. Одним из самых известных предметов в историографии золотоордынской керамики типа ладжвардина является бутылка без ручки, происходящая из Царевского городища, из раскопок А.В. Терещенко в 1843 году (Федоров-Давыдов, 1976,

Рис. 2. 1–11 – Отдел 1. Подотдел 1. Класс 1. Посуда из бежевого, серого или белого кашина средней плотности с прозрачной глазурью
 Fig. 2. 1–11 – Division 1. Subdivision 1. Class 1. Frit ceramic made of medium beige, grey or white dough with the transparent glaze

цв. вкл. с. 104, илл. 102–103; Федоров-Давыдов, 1994, с. 123; Золотая Орда..., 2001, с. 229, кат. 573). Наиболее близок по стилистическому исполнению декора рассматриваемый фрагмент (рис. 3: 1) именно к бутылки из Царевского городища, а также к керамике Сарайчика (Самашев и др., 2008, с. 222–225). Здесь изображена шестиконечная розетка, выполненная красным красителем в окружении белых точек и подводки, позолота не

сохранилась. В последующие годы исследований Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище также находилась керамика, украшенная в технике ладжвардина (Федоров-Давыдов, 1966, рис. 5, 1). Фрагмент, украшенный в технике минаи, довольно стандартный (рис. 3: 2). Обращает на себя внимание тот факт, что внутренняя поверхность этого сосуда покрыта совсем другой, мутно-зеленой полупрозрачной поливой.

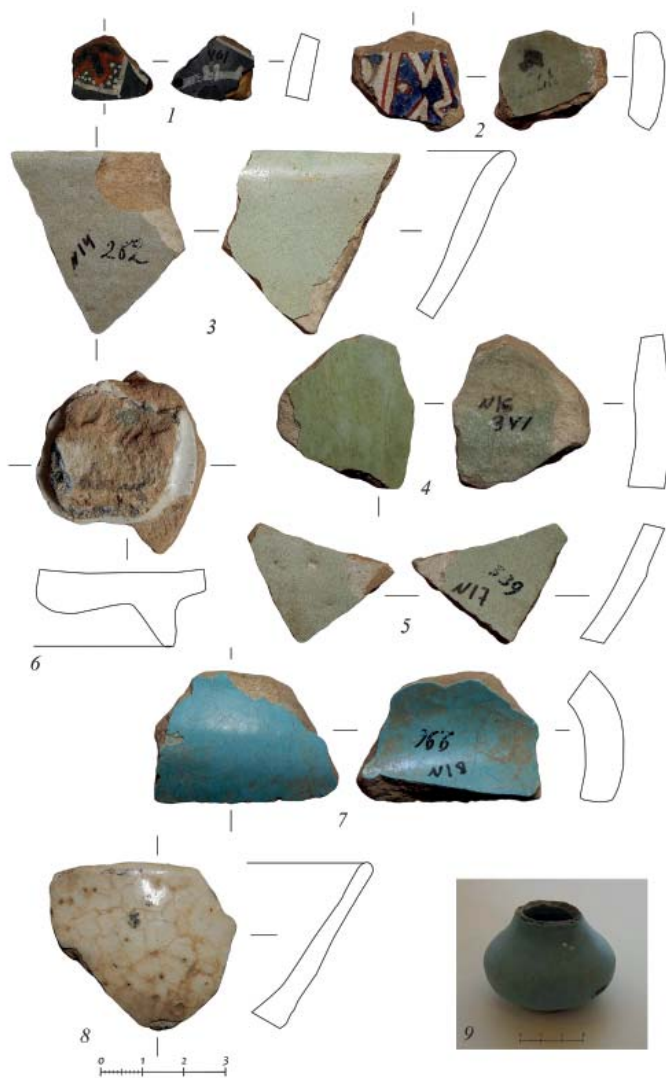

Рис. 3. Отдел 1. Подотдел 1. Класс 2. Посуда из бежевого, серого или белого кашина средней плотности с непрозрачной глазурью. 1, 2 – Группа 1. Сосуды с надглазурным декором, 3–9 – Группа 3. Сосуды без дополнительного декора

Fig. 3. Division 1. Subdivision 1. Class 2. Frit ceramic made of medium beige, grey or white dough with the untransparent glaze. 1, 2 – Group 1. Vessels with overglaze decor, 3–9 – Group 3. Vessels without additional decor

Класс 3. Сгоревшая глазурь (1 экз.). Был зафиксирован один обломок стенки чаши с перегоревшей при обжиге глазурью. Этот факт не дает возможности с полной уверенностью говорить о применении прозрачной или заглушенной поливы на поверхности изделия, поэтому такие предметы выделяются в отдельный класс находок.

Подотдел 2. Посуда из очень рыхлого пористого бежевого кашина (3 экз.). (рис. 4: 1) Для этого кашина характерны очень крупные поры от выгоревших органических включений, редкие известковые вкрапления, видны крупные частицы окатанного кварцита и единичные включения перемолотого кашина вторичного ис-

пользования. Кашинное тесто такой структуры чаще всего используется для изразцов, но при изготовлении керамики оно иногда фиксируется. В основном такой тип теста зафиксирован на толстостенных кашинных чашах с голубой (бирюзовой) поливой и без дополнительного декора (**группа 3, подгруппа 3**).

Подотдел 3. Посуда из рыхлого белого кашина (18 экз.). Рыхлый кашин белого оттенка был наиболее распространенным среди всех вариантов теста, зафиксированных в выборке. Он имеет характерную для всех золотоордынских кашинов рыхлую песчанистую структуру, рассыпающуюся от легкого прикосновения. В примерах прослеживаются более мелкие частицы окатанного кварцита и поры от выгоревших органических включений. Вся посуда, изготовленная из этого кашина, без ангоба (**серия 2 – 18 экз.**). Глазурь всегда прозрачная (**класс 1 – 18 экз.**). В 17 случаях (**группа 2**) в качестве дополнительного способа декорирования использовался подглазурный декор на бесцветном или голубом (бирюзовом) фоне. Сосуды, изготовленные из такого теста в 11 случаях, состоят из обломков чаш, украшенных подглазурной росписью в сине-черно-зеленой гамме под бесцветной поливой, орнамент иногда дополнен рельефом из ангоба, или в сине-черной гамме под голубой (бирюзовой) поливой (рис. 4: 2–10). В такой же цветовой гамме украшены и обломки гюльабданов (рис. 4: 11–12): растительные завитки, цветочные бутоны в обрамлении множества точек. Для другого варианта гюльабданов использовалась рельефная моделировка поверхности стенок (рис. 4: 13). В одном случае (**группа 3**) фрагмент был изготовлен без дополнительного декорирования (рис. 4: 14).

Подотдел 4. Посуда из рыхлого кашина розового оттенка (9 экз.) (рис. 5: 1–9). Кашинное тесто такой

структуры и цвета, насколько мне известно по обработанным материалам, встречается только на золотоордынских памятниках. Доподлинно не установлены причины приобретения кашинном такого оттенка. По одной из версий, это могли быть примеси из красной глины, добавленные в состав теста (Булатов, 1968, с. 95). Существует еще одна экспериментальная версия, согласно которой определяющую роль играет температура обжига. При обжиге 700–850° кашинное тесто окрашивается в красный цвет, а при повышении температуры до 1000° оно вновь обесцвечивается (Кубанкин, Кашникова, Локис, Шелепов, 2018, с. 95). Изучение кашинной керамики Царевского городища свидетельствует о том, что такое явление носило скорее случайный, чем преднамеренный характер. Такой тип теста выявлен на абсолютно разных вариантах сосудов: это и обломки чаш, и альбарелло, и сосуды закрытого типа. В большинстве случаев ангоб не использовался, но на двух фрагментах выявлены следы светлого ангоба (рис. 5: 7–8). Несмотря на розовый оттенок теста, полива на таких сосудах почти всегда прозрачная, за исключением одной стенки чаши с глазурью светло-зеленого оттенка (рис. 5: 9). В качестве кроющей глазури для таких сосудов использовалась бесцветная, голубая, бирюзовая или ультрамариново-синяя полива.

ОТДЕЛ 2. КАШИННЫЕ ИЗРАЗЦЫ (31 ЭКЗ. – 35,2%)

Выборка кашинных изразцов почти на треть меньше, чем посуды, но она не уступает ей в своей информативности. При изготовлении таких изразцов зафиксировано использование всех четырех видов кашинного теста, что и на керамике, но в других пропорциях. При изучении изразцов будет произведен тот же ступенчатый анализ всех вышеописанных признаков в сочетании с элементами классифика-

Рис. 4. Отдел 1. 1 – Подотдел 2. Посуда из очень рыхлого пористого бежевого кашина; 2–14 – Подотдел 3. Посуда из рыхлого белого кашина

Fig. 4. Division 1. 1 – Subdivision 2. Frit ceramic made of very friable porous beige dough; 2–14 – Subdivision 3. Frit ceramic made of friable white dough

ции, выработанными Л.М. Носковой на основе материалов Селитренного городища, описанных в публикации 1972 года (Носкова, 1972, с. 171–184).

Подотдел 1. Изразцы из бежевого, серого или белого кашина средней плотности (4 экз.) (рис. 5: 10–12). Ангоб на таких изразцах не применялся (**серия 2** – 4 экз.). Использование ангоба не было зафиксировано ни на одном из рассмотренных ниже изразцов, поэтому все они относятся к серии 2. С данным составом

теста в половине случаев была зафиксирована перегоревшая при обжиге полива (**класс 3**) или же применялась заглушенная (**класс 2**). Дополнительный декор также не использовался (**группа 3** – 3 экз.). Рассмотренные экземпляры являются мелкими обломками мозаик, из которых составлялись архитектурные панно с голубой (бирюзовой) или ультрамариново-синей поливой. Такие мозаики покрывали большие плоскости наружных поверхностей зданий. Они

Рис. 5. 1–9 – Отдел 1. Подотдел 4. Посуда из рыхлого кашина розового оттенка; 10–12 – Отдел 2. Подотдел 1. Изразцы из бежевого, серого или белого кашина средней плотности; 13–16 – Подотдел 2. Изразцы из очень рыхлого пористого бежевого кашина

Fig. 5. 1–9 – Division 1. Subdivision 4. Frit ceramic made of friable pinkish dough; 10–12 – Division 2. Subdivision 1. Frit tiles made of medium beige, grey or white dough; 13–16 – Subdivision 2. Frit tiles made of very friable porous beige dough

могли являться частью внутреннего убранства сооружений. Из элементов мозаик составлялись большие панно, фризы, карнизы, арки и т. д. В основе мозаик лежат вырезанные из отдельных частей геометрические фигуры, покрытые поливой, которые соединялись вместе и образовывали части большого панно. Мозаики изготовлялись из элементов, вырезанных из больших одноцветных майоликовых

плит. Из таких плит выпиливались различные элементы орнамента. Выпиленные и тщательно подогнанные друг к другу элементы собирались на гладких досках лицом вниз уже более или менее значительными кусками.

Подотдел 2. Изразцы из очень рыхлого пористого бежевого кашина (9 экз.). Все изразцы этой классификационной единицы изготовлены без применения ангоба (**серия 2**). В

Рис. 6. Отдел 2. 1–7 – Подотдел 3. Изразцы из рыхлого белого кашина;
8–10 – Подотдел 4. Изразцы из рыхлого розового кашина
Fig. 6. Division 2. 1–7 – Subdivision 3. Frit tiles made of friable white dough;
8–10 – Subdivision 4. Frit tiles made of friable pinkish dough

трех случаях использовалась прозрачная (**класс 1**) голубая или ультрамариново-синяя глазурь без дополнительного декорирования поверхности (рис. 5: 13–14). В шести – заглушенная (**класс 2**) голубого или белого оттенка также без дополнительного декора (рис. 5: 15–16). Все обломки являются частью наборных мозаик кашинных архитектурных панно.

Подотдел 3. Изразцы из рыхлого белого кашина (15 экз.). Ангоб не применялся (**серия 2**). В 10 случаях

зафиксировано использование прозрачной голубой глазури без дополнительного декора (**класс 1, группа 3, подгруппа 3**), а в пяти – заглушенной (**класс 2**). Прозрачная голубая глазурь применялась и зафиксирована на поверхностях кашинных мозаик (рис. 6: 4–6). Видовой состав изразцов с применением заглушенной поливы более разнообразен. В трех случаях из пяти зафиксирован надглазурный декор (рис. 6: 1–3). Один фрагмент от монохромного изразца с непрозрач-

ной белой глазурью и позолотой на поверхности (рис. 6: 3). Такие изразцы довольно редкое явление для золотоордынских памятников, но известен еще один подобный изразец из раскопок Поволжской археологической экспедиции на Селитренном городище в 1969 году (Носкова, 1972, с. 181). Ко второму типу оформления поверхности относятся изразцы, украшенные в технике минаи или ее вариации ладжвардина. В технике минаи украшен небольшой изразец в виде восьмиконечной звезды; на нем красная, синяя, бирюзовая роспись на белом фоне сочетается с позолотой (рис. 6: 1). Колористическая гамма изразцов, расписанных в технике ладжвардина, схожа с аналогичной росписью на сосудах, однако следы позолоты либо утрачены полностью, либо отсутствуют. Роспись состоит из сложной орнаментальной композиции растительно-геометрического характера красной и белой красками на ультрамариновом фоне (рис. 6: 2).

В состав этой группы находок входит также фрагмент архитектурного панно, собранного из мозаичных деталей с растительным цветочным орнаментом (рис. 6: 7). Глазурь матовая непрозрачная: на ультрамариново-синем фоне изображены белые и желтые цветы с красной или синей сердцевинной на голубых ветках в обрамлении белых или голубых бордюров.

Подотдел 4. Изразцы из рыхлого кашина розового оттенка (3 экз.). На таких изразцах ангоб не использовался, применялась заглушенная полива (**серия 2, класс 2**). Подотдел состоит из двух фрагментов мозаик с голубой поливой (**группа 3, подгруппа 3**) (рис. 6: 9–10) и фрагмента одного массивного изразца с эпиграфическим орнаментом, собранным из мозаичных деталей в бело-красно-синих тонах (рис. 6: 8).

Изучение кашинной керамики Царевского городища дает возмож-

ность получить ряд выводов о технологических, морфологических и декоративных ее особенностях. В ходе исследования было собрано и проанализировано 88 экземпляров кашинной керамики и изразцов, происходящих из Царевского городища и образовавшихся в коллекции со второй половины XIX века до второй половины XX века. Кашинная посуда (57 экз.) составляет 64,8% выборки, на изразцы приходится 35,2% (31 экз.). Было выделено 4 варианта состава кашинного теста, применявшегося как для изготовления изразцов, так и для керамики. Ангобирование поверхности за единичным исключением не было зафиксировано для оформления поверхности. Только если это являлось частью орнаментальной идеи композиции рисунка. Использование ангоба было выявлено только в двух случаях, в обоих кашинное тесто имело розовый оттенок.

В 58 случаях использовалась прозрачная глазурь, в 28 – заглушенная. Использование дополнительного подглазурного декора встречается в том же объеме, что и отсутствие такового. В пяти случаях был выявлен надглазурный декор. В ходе исследования было прослежено восемь цветовых гамм глазурей, применявшихся для декорирования поверхности. На первом месте по степени распространения находится голубая (бирюзовая) глазурь, на втором – бесцветная. Также зафиксировано использование бледно-желтой, белой, синей (ультрамариновой), красной и светло-зеленой глазури. В качестве техники декорирования наиболее часто использовалась подглазурная роспись красителями, иногда в сочетании с росписью ангобом. В единичных случаях использовалась рельефная моделировка поверхности. В морфологическом отношении выборка представлена обломками мозаик от изразцов, частично собранными мозаичными панно и отдельными из-

разцами, украшенными в технике ладжвардина. Кашинная посуда состоит преимущественно из обломков чаш, нескольких фрагментов гюльабданов, чернильниц и альбарелло.

Бежевый или серый кашин средней плотности зафиксирован преимущественно на кашинной посуде. Для изготовления изразцов чаще применялся очень рыхлый кашин гораздо более пористой структуры с примесями крупных фракций. Розовый кашин использовался реже. Возможное объяснение этому – применение розового кашина на изразцах и посуде, изготовленных в мастерских Селитренного городища. Такое мнение высказывала Л.М. Носкова в публикации 1972 года (Носкова, 1972, с. 173). Также следует выдвинуть предположение о

том, что кашинная посуда и изразцы Селитренного городища чаще других имеют красный оттенок, так как там технология еще только отрабатывалась, ставилось множество проб и экспериментов, а на Царевском городище мы имеем дело с уже отлаженным производственным процессом. О том, что Селитренное городище было местом формирования и отрабатывания технологических процессов производства кашинной керамики, свидетельствуют керамические пробы разных видов поливной керамики, обнаруженные там в годы исследований Поволжской археологической экспедиции (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 236; Болдырева, 2017, с. 135–136).

Благодарности. Приношу благодарность сотрудникам Волгоградского областного краеведческого музея за устную консультацию по фондам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Дисс... канд. ист. наук. М., 2016. 250 с.
2. Болдырева Е.М. Инвентарь золотоордынских горнов в керамических мастерских городов Нижнего Поволжья (по материалам Исторического музея) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. С. 135–136.
3. Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (По материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 1968. № 4. С. 95–109.
4. Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 73–107.
5. Глухов А.А. Историческая топография Царевского городища // Поволжская археология. 2014. № 2(8). С. 92–111.
6. Глухов А.А. Царевское городище: история изучения: историческая топография, хронология. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. 101 с.
7. Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
8. Кверфельдт Э.К. Керамика Ближнего Востока. Руководство по распознаванию и определению керамических изделий. Л.: Из-во Государственный Эрмитаж, 1947. 145 с.
9. Кубанкин Д.А., Кашникова А.Л., Локис А.В., Шелепов Д.А. К вопросу о технологии производства кашинной посуды и специфике ее изготовления на Селитренном городище // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 93–96.
10. Курочкина С.А. Альбарелло нижеволжских столиц Улуса Джучи // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 78–93.
11. Носкова Л.М. Поливной архитектурный декор из Сарая-Бату (Селитренное городище) // СА. 1972. № 1. С. 171–184.
12. Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика (на казахском, русском и английском языках). Алматы: ZUR advertizing, 2008. 264 с.

13. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. // СА. 1964. № 1. С. 248–271.

14. Федоров-Давыдов Г.А. Новый Сарай по раскопкам 1963–1964 гг. // СА. 1966. № 2. С. 233–248.

15. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

16. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

17. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов М.Н. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища самарских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.

18. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89–125.

19. Watson O. Ceramics from Islamic lands. Kuwait national museum. The al-Saban collection. London: Pub. by Thames & Hudson, 2005. 512 p.

Информация об авторе:

Болдырева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Государственный исторический музей (г. Москва, Россия); embold@mail.ru

THE FRIT CERAMIC FROM THE TSAREVSKOYE SETTLEMENT IN STORAGE OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

E.M. Boldyreva

The article contains the results of analysis of frit ceramic and tiles, originating from the excavation and collections from the Tsarevskoye settlement, which are stored in the Golden Horde stock of the State Historical Museum. The accumulation of the materials occurred from the second half of 19th century until the second half of 20th century. There are gifts of local residents, purchases of the famous collectors of that time, items from the excavations of A.V. Tereshchenko and the materials of the Volga archaeological expedition. The main idea of this work is to bring together all frit ceramic of different time collections and analyze from the point of view of technological, morphological and decorative features of its production. It is necessary to consider how the composition of the frit dough affected the decorative design of the surface and the shape of the vessel, to identify the most stable combinations between the composition of the dough, the type and color of the covering glaze and decor. It is necessary to track the frequency of use of transparent and opaque glazes, their correlation with overglaze or underglaze decor or lack of it, to identify the most characteristic colors of glazes for the monument and ways to apply them. For this goal, all items were collected in a common database, where all the features were entered and a step-by-step analysis of each fragment was performed from at least eight positions.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Tsarevskoye settlement, frit pottery, the State Historical Museum.

REFERENCES

1. Boldyreva, E. M. 2016. *Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X – I-y pol. XIV vv. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha) (Glazed pottery of the Lower Volga region in the 10th – 1st half of the 14th centuries)* PhD Diss. Moscow (in Russian).

2. Boldyreva, E. M. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronniy resurs] (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource])*. Barnaul: Altai State University, 135–136 (in Russian). <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/3896>

3. Bulatov, N. M. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 95–109 (in Russian).

RFFI, project №20-09-00240 "Tsarevskoye settlement: study of excavated materials from 1961–1968 ss. from the funds of the Archaeological Museum of Kazan Federal University and the State Historical Museum

4. Bulatov, N. M. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 73–107 (in Russian).
5. Glukhov, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2(8), 92–111 (in Russian).
6. Glukhov, A. A. 2015. *Tsarevskoe gorodishche: istoriia izuchenii: istoricheskaiia topografiia, khronologiia (Tsarevskoye settlement: study history: historical topography, chronology)*. Volgograd: "Volgogradskoe nauchnoe izdatelstvo" Publ. (in Russian).
7. 2005. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (The Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).
8. Kverfel'dt, E. K. 1947. *Keramika Blizhnego Vostoka. Rukovodstvo po raspoznavaniyu i opredeleniyu keramicheskikh izdeliy (Near East Pottery. Guide on Identification and Definition of Ceramic Ware)*. Leningrad: State Hermitage Publ. (in Russian).
9. Kubankin, D. A., Kashnikova, A. L., Lokis, A. V., Shelepov, D. A. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 93–96 (in Russian).
10. Kurochkina, S. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1, 78–93 (in Russian).
11. Noskova, L. M. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 171–184 (in Russian).
12. Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Saraychika (na kazakhskom, russkom i angliyskom yazykakh) (Ceramics of Saraichik hillfort)*. Almaty: "ZUR advertising" Publ. (in Kazakh, Russian and English)..
13. Fedorov-Davydov, G. A. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 1, 248–271 (in Russian).
14. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 2, 233–248 (in Russian).
15. Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
16. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Cities in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
17. Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, M. N. 1989. In Smirnov, K. A. (ed.). *Sokrovishcha samarskikh vozheidi i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Samara Leaders and the Ancient Cities of the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133–248 (in Russian).
18. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Guseva, T. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176–182 (in Russian).
19. Watson, O. 2005. *Ceramics from Islamic lands. Kuwait national museum. The al-Saban collection*. London: Pub. by Thames & Hudson (in English)

About the Author:

Boldyreva Ekaterina M. Candidate of Historical Sciences. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; embold@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ ДЮРБЕ МУХАММЕД-ШАХ-БЕЯ В Г. БАХЧИСАРАЙ

© 2021 г. В.П. Кирилко

Согласно недатированной памятной надписи над входом, дюрбе приказал построить некий Мухаммед-Шах-бей для своей матери Бей-Юде-Султан. Традиционно оно считается одним из наиболее ранних мусульманских мемориальных зданий Крыма, обычно относится к XIV–XV вв. и постоянно привлекается в качестве ближайшей аналогии при рассмотрении целой группы золотоордынских памятников – Восточного и Северного мавзолеев Болгара, мавзолея Тура-хана в Башкирии. По результатам раскопок 1991 г. строение было датировано концом XVIII в. (около 1778 г.). Выводы основываются на нумизматическом материале, ряде характерных признаков и, главным образом, стратиграфии. Отложения строительного горизонта и перекрывший их пласт разрушенного кладочного раствора, связанный с разрушением и восстановлением дюрбе, между собой разделены всего лишь тонкой коркой нагиптанного грунта. Это дает основание считать, что мавзолеем был сооружен незадолго до повреждения, повлекшего за собой утрату кладок верхней части главного фасада и крыши. В противном случае, если относить строение к XIV–XV вв., то в течение последующих трех-четырёх столетий у его стен, над фундаментом, непременно должен был бы накопиться мощный культурный слой, наличие которого раскопками не выявлено.

Ключевые слова: археология, Крым, Эски-Юрт, архитектура Золотой Орды, культовое зодчество, мусульманский мавзолеев.

Бахчисарайский мавзолеев Мухаммед-Шах-бея, известный также как гробница Бей-Юде Султан и реже Старинное дюрбе, – один из самых дискуссионных архитектурно-археологических объектов в истории мусульманского зодчества средневекового Крыма. Строение находится в западной части современного города, между двумя бывшими его предместьями Азис и Эски-Юрт (Боданинский, 1927, с. 199; Карлов, 2010, рис. 1). Первое из них прежде использовалось в качестве элитного кладбища, на месте второго «в древние времена был большой город» (Книга путешествий..., 1999, с. 59), появление которого связано с оседанием золотоордынского (в широком смысле – восточного) населения на крымских землях и может быть датировано концом XIII – началом XIV вв. (Карлов, 2010, с. 35–77; Бочаров, Кирилко, 2016, с. 373–375; Волошинов и др., 2019, с. 215–229). По отношению к основным монументальным сооружениям Азиса, представленным сейчас тремя компактно расположенными

мавзолееми XV–XVII вв. (Засыпкин, 1927, с. 116–120; Гайворонский, 2006, с. 47), дюрбе Мухаммед-Шах-бея находится обособленно и на значительном удалении (рис. 1). Расстояние между ними составляет около 340 м. Рядом с постройкой проходит старая дорога из Симферополя в Севастополь (ныне ул. Фрунзе), совпадающая с караванным путем, в Средние века соединявшим центральную часть полуострова с портами юго-западного побережья – Херсона, а позднее Чамбало и Каламиты.

Дюрбе Мухаммед-Шах-бея представляет собой квадратное в плане двухъярусное каменное здание с порталом сельджукского типа (Кирилко, 2005–2009, с. 452–463). Вход в наземное помещение вел с юга, доступ в погребальную камеру осуществлялся с востока. Окна расположены в боковых стенах. Перекрытия обоих компартиментов купольные. Основной объем здания имеет вид куба, верхняя часть которого посредством усечения углов превращена в низкую октагональную призму. Завершение по-

Рис. 1. Гейслер Г. «Вид Эски-Юрта и древних гробниц близ деревни того же имени, ниже Бахчисарая». 1793–1794. Гравюра, акварель (по Voyages..., 1805, pl. 3): 1 – дюрбе Ахмед-бея, 2 – дюрбе Мухаммед-бея («Малый восьмигранник»), 3 – дюрбе Мухаммед II Герая («Большой восьмигранник»), 4 – дюрбе Мухаммед-Шах-бея (Бей-Юде-Султан)

Fig. 1. Geisler, G. "View of Eski-Yurt and ancient tombs near the village of the same name, below of the Bahchisaray". 1793–1794. Engraving, watercolor (after Voyages..., 1805, pl. 3): 1 – turbe of Ahmed-bey, 2 – turbe of Muhammad-bey ("Small octahedron"), 3 – turbe of Muhammad II Geray ("Big octahedron"), 4 – turbe of Mohammed Shah Bey (Bey Yude Sultan)

стройки в настоящее время полностью утрачено, но поддается достоверной реконструкции. Оно было пирамидальным с восьмигранным основанием. По крайней мере именно таким в 1793–1794 гг. его изобразил Г. Гейслер (рис. 1: 4), успевший застать сооружение до разрушения крыши. Подобным образом мавзолей представлен и в путевом дневнике Ф. Дюбуа де Монпере на карандашном рисунке 1832 г. (рис. 2), спустя одиннадцать лет опубликованном в виде литографии (СПбФ АРАН, ф. 86, оп. 1, д. 3, л. 58 об.; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 276–277). Шатровая форма несохранившегося завершения здания подтверждается также конструктивными особенностями кладки купола, отмеченными при натурном изучении памятника (Кирилко, 2005–2009, с. 464, рис. 17).

Для идентификации и датировки строения обычно привлекается рельефная надпись на арабском языке, расположенная *in situ* над входом в

дюрбе (Кирилко, 2005–2009, с. 462–463, рис. 13, 19). В 1832 г. Ф. Дюбуа де Монпере выполнил детальную ее зарисовку (рис. 3), которую затем ввел в научный оборот вместе с остальными материалами путешествия (Dubois de Montpéreux, 1843, p. 335; Atlas, IVe série, pl. 29b). Содержание самого посвящения ему осталось неизвестным (Дюбуа де Монпере, 2009, с. 277, прим. 85). Вскоре, в конце 40-х годов, текст надписи был прочтен А.Ф. Негри: «Этот приют приказал построить Мухаммед-шах-бей для своей матери Биведе-султаны, дочери Аджаган-бея» (Бахчисарайские..., 1848, с. 527–528, прим. 65).

Новый перевод, немного уточняющий предшествующий вариант, принадлежит У.Э. Боданинскому, выполнен в 20-х годах прошлого века. Он сообщает: «Эту гробницу приказал построить Мухаммед-Шах-бей, сын Мухаммед-бея, для своей матери Бей-Юде-Султан, дочери Аджаган-бея»

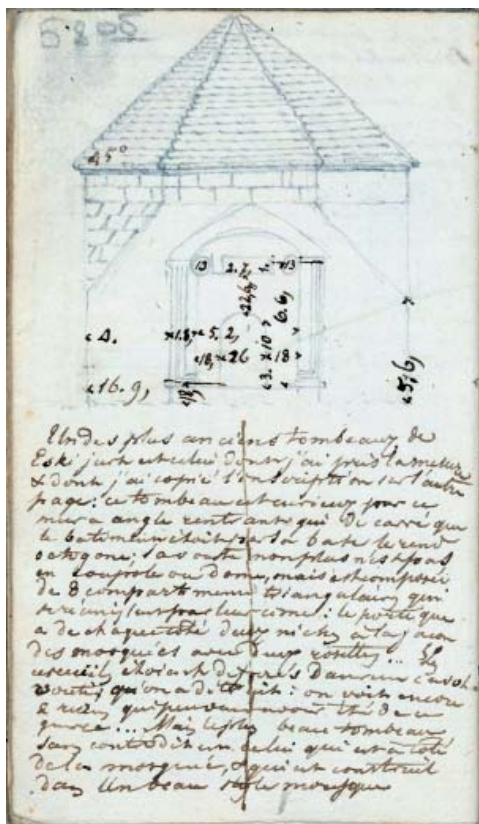

Рис. 2. Дюбуа де Монпере Ф.
Кроки и описание дюрбе
в путевом дневнике. 1832. Рисунок
карандашом, чернила (СПбФ АРАН.
Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. Л. 58 об.).

Fig. 2. Dubois de Montpéroux, F. Sketch and the description of turbe in a travel diary. 1832. Pencil drawing, ink. (St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS. Fund 86. Inv. 1. Dossier 3. Sheet 58v.).

(Засыпкин, 1927, с. 117). По мнению ученого, «стиль надписи золотоордынский, но более поздней эпохи; вместо сочных, несколько утолщенных букв “сулюс” надгробных памятников XIV в. Эски-Крыма и Эски-Юрта, здесь появляется несколько удлиненная изысканная пропорция букв, также хорошо вкомпанованных в плоскость плиты; среди букв заметны орнаментальные мотивы с закругленными, несколько витиеватыми линиями» (Боданинский, 1927, с. 199). Отметим, что «памятник воздвигнут неизвестно

в каком веке», У.Э. Боданинский тем не менее был склонен считать строение древним, косвенным свидетельством чему служит ссылка на выводы В.Д. Смирнова, которые, однако, цитируются им в усеченном виде¹: «Надпись, найденная на гробнице в Эски-Юрте, не имеет даты, но характерным признаком ее древности служит то, что упоминаемые в ней собственные имена лиц сопровождаются титулом бей, которым величалась старо-татарская знать. На ханском же кладбище с этим титулом являются лишь позднейшие покойники османского происхождения, все сыновья разных турецких пашей» (Смирнов, 2005, с. 125). Как следствие, вне контекста остались важные наблюдения авторитетного специалиста, допускающие возможность достаточно позднего происхождения постройки. Вполне вероятно, что последнее могло обусловить и само местонахождение усыпальницы – вдали от остальных мавзолеев Азиза, располагавшихся относительно компактно (Кирилко, 2005–2009, с. 451–452, 463, прим. 6).

Основная часть исследователей считает дюрбе Мухаммед-Шах-бея одним из самых ранних мусульманских мемориальных строений региона и полагает, что оно могло появиться в XIV–XV вв. (Кирилко, 2005–2009, с. 452; Зиливинская, 2019, с. 21; Османов, 2019, с. 36).

В 1991 г. Горно-Крымская археологическая экспедиция КФ ИА НАНУ под руководством В.Л. Мыца, провела раскопки и обмер руины (Мыца, Кирилко, 1992, с. 16–20, рис. 42–56). В результате комплексного изучения строительных остатков удалось получить практически исчерпывающую характеристику архитектоники здания и установить, что мавзолеем был возведен в последней четверти XVIII в., около 1778 г. Корректировка даты стала возможной благодаря

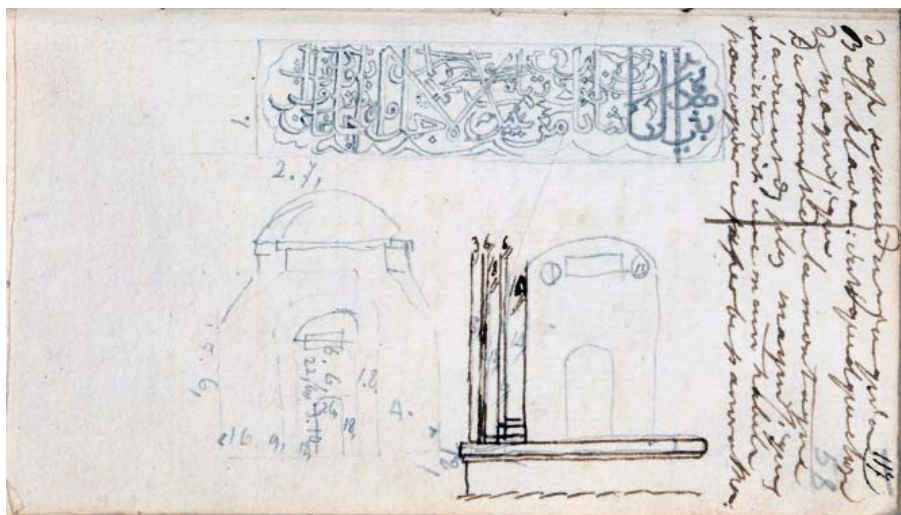

Рис. 3. Дюбуа де Монпере Ф. Кроки отдельных деталей дюрбе в путевом дневнике. 1832. Рисунок карандашом, чернила (СПбФ АРАН. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. Л. 58)

Fig. 3. Dubois de Montpéreux, F. Sketch of individual details of the turbe in the travel diary. 1832. Pencil drawing, ink (St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS. Fund 86. Inv. 1. Dossier 3. Sheet 58)

целому ряду факторов, прежде всего обнаружению в нижней части отложений строительного горизонта двух бронзовых монет, одна из которых имела исключительную сохранность, была чеканена Шахин-Гиреем (1746–1787) и относилась ко второму году его правления – 1192 г. х. (Кирилко, 2005–2009, с. 451–464, рис. 27).

Появление сведений, противоречащих устоявшемуся представлению о памятнике, не могло не вызвать вполне оправданного недоверия к ним со стороны ряда специалистов (Кирилко, 2019, с. 728–730). В частности, предельно критически их оценила Э.Д. Зиливинская, полагающая, «что эти выводы несколько поспешны», а следовательно, «вопрос с датой строительства дюрбе Мухаммед-Шах-бея в настоящее время однозначно решен быть не может» (Зиливинская, 2014, с. 134–135). Полную солидарность с ней проявил Э.Э. Османов, дополнив мнение исследовательницы собственным наблюдением. Привлекая в качестве хронологического эталона бахчисарайскую усыпальницу Диля-

ры-Бикеч (1764 г.), существенно отличающуюся своей архитектурой от гробницы Бей-Юде-Султан, он также считает невозможным согласиться с опубликованными мной выводами (Османов, 2016, с. 151; 2019, с. 42–43).

Итак, насколько обоснованной является интерпретация результатов археологического изучения данного памятника?

Раскоп прямоугольный, примыкал к южной стене мавзолея снаружи и охватывал портал, имел размеры 2,50×6,50 м (рис. 4–7). В его границах культурный слой первоначально был снят на глубину 0,75 м, до уровня отчетливо выраженной дневной поверхности (рис. 5–6). Затем в западной части вскрытия, занимавшей треть всей площади, посредством шурфа исследование отложений доведено до материка – наскальных напластований известнякового щебня. Общая толщина культурного слоя в этом месте составляет 1,25 м.

Стратиграфия четкая, перекопами и кротовинами не повреждена (рис. 4–7). Сверху находится слой

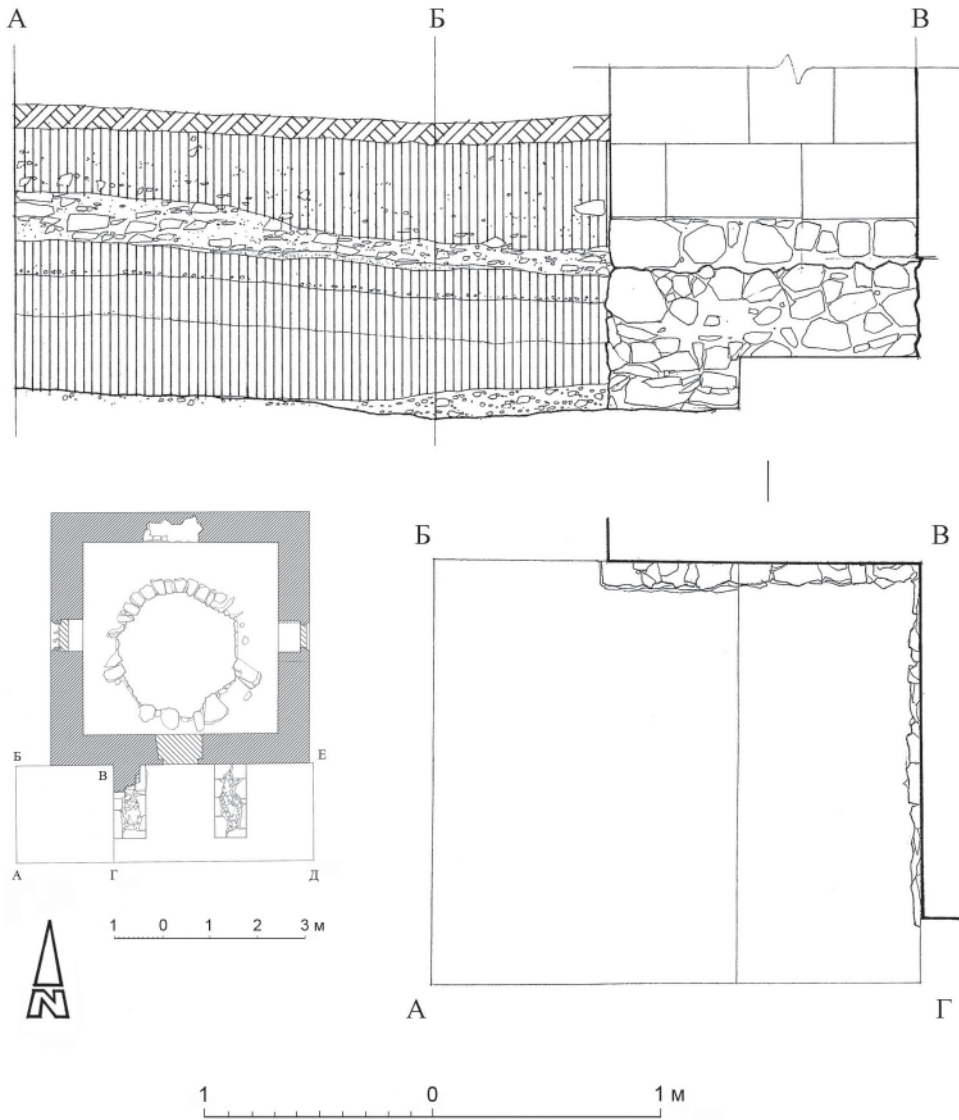

Рис. 4. Раскоп у передней стены дюрбе. План и стратиграфия, совмещенная с видом кладок фундамента и стены. Чертеж автора

Fig. 4. Excavation at the front wall of the turbe. Plan and stratigraphy combined with basement and wall views. Author's drawing

рыхлого светло-серого грунта с мощным растительным покровом, насыщенный современным бытовым мусором. Он содержит небольшое количество деструктированного известкового раствора и мелкого бутового камня. Его верхний и нижний уровни хорошо прослеживаются в бортах раскопа, а их контуры повсеместно отпе-

чатались на поверхности стен (рис. 5, 6). Находки отсутствуют. Толщина слоя составляет 0,25–0,50 м, причем около дверного проема она резко уменьшается и практически сходит на нет, вследствие чего между кладками пилонов обнажилось мощное скопленое деструктированного известкового раствора с камнем, которое, судя по

Рис. 5. Восточный пилон портала. Вид с запада. 1991. Фото автора
 Fig. 5. Eastern portal pylon. View from the west. 1991. Photo by the author

архивным фотографиям (рис. 8) (Мирас – Наследие..., 2016, рис. 13–17; 2017, рис. 618), образовалось в результате частичного разрушения здания еще до 20-х годов прошлого века.

В заполнении внутреннего пространства портала обнаружено десять крупных фрагментов от различных архитектурно-конструктивных деталей из нуммулитового известняка. Два из них, с характерным профилированным обрамлением лицевой стороны, однозначно принадлежали пилонам. Остальные представляют собой обломки пяти прямоугольных блоков разной величины и трех изделий в виде многогранных призм со скошенными плоскостями, точное предназначение которых пока установить не удалось (Полевой дневник..., 1992, № 23–32).

Каменный завал перед входом в здание и примыкавшие к нему задернованные отложения рыхлого светло-серого грунта перекрывали тщательно выровненный слой де-

структурированного известкового раствора, содержащий большое количество мелких кусков, крошки и пыли известняка (Мыц, Кирилко, 1992, рис. 55). Тот, в свою очередь, залегал на четко выраженной дневной поверхности, которая была рельефной: в западной части раскопа и между пилонами – слегка бугристой, на остальных местах – плоской (рис. 5, 6). Толщина слоя у стены составляет около 0,12 м, по мере удаления от здания она увеличивается до 0,25 м. Обращает на себя внимание находка архитектурно-конструктивной детали, представлявшей собой большой известняковый блок, который имел форму низкой призмы с трапециевидным основанием и относительно небрежно обработанными гранями (Кирилко, 2005–2009, с. 461, рис. 25: 4). В слое изделие было тщательно выставлено. Оно располагалось горизонтально, примыкая широким торцом к западному пилону с внешней стороны, сбоку. Его дополняли несколько необра-

Рис. 6. Западный пилон портала. Вид с востока. 1991. Фото автора
 Fig. 6. Western portal pylon. View from the east. 1991. Photo by the author

ботанных кусков известняка, образуя вместе с ним небольшую каменную площадку, находившуюся на одном уровне с поверхностью остальной части отложений (Полевой дневник..., 1992, л. 16, 16 об., № 22). Упомянутые ранее монеты были обнаружены рядом с этой конструкцией (Полевой дневник..., 1992, л. 4–5).

Керамический материал слоя невыразителен. Найдено 19 фрагментов желобчатой черепицы и 4 небольших обломка от разных красноглиняных сосудов, из которых только один – крохотный скол ребристого выступа диаметром 4 см, покрытого снаружи зеленой поливой по белому ангобу и принадлежавшего горлу кувшина (возможно, подсвечнику), в ходе раскопок был отнесен к золотоордынскому времени. Остальные изделия не датированы (Полевой дневник..., 1992, л. 16, № 17–21).

Непосредственно под слоем де-

структурированного кладочного раствора находились отложения строительного горизонта, представлявшие собой пятна и потеки извести, а также скопившиеся в нескольких местах продукты обработки камня – мелкие куски, крошку и пыль известняка (рис. 4–6). Именно они придали бугри-стость дневной поверхности, которая изначально была относительно ровной. Наиболее мощное из них расположено между пилонами. Его толщина перед входом в здание составляла 0,14 м. По направлению к внешнему краю портала она уменьшается до 0,04 м, а затем сходит на нет (Полевой дневник..., 1992, л. 5 об.).

Эти отложения сверху загрязнены натоптанным грунтом (рис. 5, 6). Тонкая корка последнего – единственное, что отделяло их от расположенного выше пласта де-

структурированного кладочного раствора находились отложения строительного горизонта находится на одном уровне с краем фундамента, частично выступавшего наружу по отноше-

Рис. 7. Фундаменты здания. Вид с юго-запада. 1991. Фото автора.

Fig. 7. Foundations of the building. View from the southwest. 1991. Photo by the author

нию к стене (рис. 4, 7). Основой для нее является залегающий на материке слой светло-серого грунта с редкими включениями известнякового щебня. Его мощность – 0,50–0,70 м. Немного выделяется верхний пласт отложений толщиной 0,12–0,15 м. Он такого же цвета, но отличается более рыхлой структурой. Между ним и остальной частью слоя имеется тонкая, местами едва различимая, прослойка из мелких обломков и крошки известняка (рис. 4), вероятнее всего, перемещенных при проведении поблизости земляных работ (например, рытье котлована или копке обычных могильных ям), во время которых могли быть затронуты наскальные напластования материка.

Находки, полученные при археологическом изучении слоя, представлены всего 29 мелкими обломками различных гончарных изделий, в большинстве своем недатированных. В основном они не имели четко выраженных хронологических призна-

ков и принадлежали обычным красноглиняным сосудам, бытовавшим длительное время: 11 – кухонным плоскодонным, 3 – тарным, 1 – санитарно-гигиеническому (туваку). Часть керамического материала, а именно два фрагмента чаши с росписью белым ангобом под желтой глазурью и один обломок кувшина с тонким врезным растительным орнаментом, покрытого поливой приглушенного зеленого цвета, может быть отнесена к XIV в. Крохотные остатки еще нескольких красноглиняных поливных изделий – двух чаш и кумана в ходе полевых исследований были датированы XIV–XV вв. (Полевой дневник..., 1992, л. 17, 17 об., № 33–44).

Наряду с культурным слоем не менее информативными являются сохранившиеся остатки самого дюрбе (рис. 8). Они наглядно свидетельствуют о двух строительных периодах здания, каждый из которых имеет четко выраженные отличительные признаки. Кладка фасадов первоначального

Рис. 8. Эски-Юрт, Азиз. Дюрбе (мавзолей) Мухаммед-Шах-бея. Вид с юго-запада. 1924 (по *Мирас-Наследие...*, 2016, рис. 17)

Fig. 8. Eski-Yurt, Aziz. Turbe (mausoleum) of Mohammed Shah Bey. View from the southwest. 1924 (after *Miras-Heritage...*, 2016, fig. 17)

сооружения практически везде, исключая лишь обрамление оконных проемов, велась строго выдержанными на всем протяжении и замкнутыми по периметру рядами, что достигалось применением блоков одинаковой высоты. Ремонтные участки строения выделяются меньшими размерами используемого камня и повсеместным нарушением существующей порядовки, ставшими причиной появления многочисленных уступов на горизонтальных швах, несвойственных прежней конструкции. Несколько ухудшилось также качество новой кладки, равно как изменился характер чистовой обработки лицевых плоскостей некоторых деталей, а отдельные сполли, ранее принадлежавшие первоначальной постройке, подверглись пригонке.

Ремонт затронул главный фасад и крышу здания. Ему предшествовало

разрушение перевязанных между собой кладок портала, передней стены, обеих смежных с ними граней восьмерика и части купола, находившихся выше строительной надписи. Произошла также почти полная утрата облицовки юго-восточного углового скоса основного объема строения, причем бутовая конструкция соответствующего ему паруса уцелела (Кирилко, 2005–2009, рис. 16–17). Какие повреждения получило первоначальное завершение дюрбе, неизвестно, но при ремонте наружная сторона перекрытия была сглажена каменной обкладкой и приобрела форму полушария, поверхность которого стала использоваться в качестве кровли (рис. 8).

Оба события: и разрушение мавзолея, и последовавшее затем возобновление постройки – имеют непосредственное отношение к плоскому

в верхней части слою, содержащему деформированный кладочный раствор, бут, одну архитектурную деталь, использованную для вымостки, и продукты обработки камня – мелкие куски, крошку и пыль известняка. Первое обусловило его появление. Второе привело к разравниванию отложений. Поскольку слою, образуемому при повреждении здания, свойственно накапливаться в основном у подножия стен и, удаляясь от них, уменьшаться, а в данной ситуации он наоборот утолщается по направлению к краям раскопа, вертикальная планировка участка, вероятнее всего, была осуществлена во время приведения территории памятника в порядок после завершения ремонтных работ. Его *terminus post quem* определяется находкой монеты Шахин-Гирея (1746–1787), которая датирована вторым годом правления хана – 1192 г. х. (=1778 г.) (Кирилко, 2005–2009, с. 462, рис. 27, прим. 2; 2019, с. 729).

Судя по гравюре Г. Гейслера, запечатлевшего еще шатровую крышу строения (рис. 1: 4), разрушение дюрбе произошло не ранее 1793–1794 гг. и не позднее 1832 г., когда Ф. Дюбуа де Монпере в своем полевом дневнике изобразил верхнюю часть здания в виде полушария (рис. 3), появившегося уже после ремонта. Достаточно большой представляется вероятность того, что мавзолей был восстановлен в первые десятилетия XIX в., возможно, в самом его начале. По крайней мере, в рапорте 1821 г., направленном Э. Паскалем из Эски-Юрта в Императорскую Академию наук, среди всего трех, требующих незамедлительной починки, дюрбе это сооружение не упоминается (О сохранении..., 1872, с. 393–394), причиной чему, видимо, было удовлетворительное состояние строения, не вызывающего тревогу за его дальнейшую судьбу.

В свою очередь, дата полученной при археологическом изучении па-

мятника монеты – 1778 г. – является важным хронологическим репером, позволяющим также определить время возведения здания. Поскольку отложения строительного горизонта и перекрывший их пласт деформированного кладочного раствора, связанный с разрушением и восстановлением дюрбе, между собой разделены всего лишь тонкой коркой натоптанного грунта, есть основание считать, что мавзолей был сооружен незадолго до повреждения, повлекшего за собой утрату верхней части главного фасада и крыши. В противном случае, если относить строение к XIV–XV вв., то в течение последующих трех-четырёх столетий у его стен, над фундаментом, непременно должен был бы накопиться мощный культурный слой. Чего нет, того нет.

Выводу о столь позднем появлении дюрбе Мухаммед-Шах-бея безусловно противоречат палеографические особенности строительной надписи и отсутствие синхронных ему аналогий. Тем не менее, несмотря на общие архитектурные формы здания, действительно характерные для зодчества Малой Азии времени сельджукских эмиратов, само сооружение выделяется рядом прежде уже рассматривавшихся (Кирилко, 2005–2009, с. 459, 463–464, прим. 4, 6; 2019, с. 730) отличительных черт, которые свидетельствуют о его происхождении, хронологически соотносимом с завершающим этапом существования Крымского ханства. Дополнительным, ранее не отмечавшимся признаком последнего служит также использование в конструкции перекрытия парусов и особенно деревянного пояса в основании купола, располагавшегося заподлицо с поверхностью кладки. Среди других монументальных сооружений Бахчисарая подобная обвязка применяется лишь на Эски-Дюрбе (Мирас – Наследие..., 2016, рис. 39, 40; 2017, рис. 686), постро-

енном в XVII–XVIII вв. (Сейдалиев, 2014, с. 69).

Вероятность поздней даты возведения дюрбе Мухаммед-Шах-бея косвенно подтверждается и информацией, которая содержится в достаточно подробном рассказе Э. Челеби о посещении Эски-Юрта в 1666 г. На территории кладбища путешественник отметил всего три мавзолея, представив их как здания с «куполами, крытыми свинцом». Причем, старательно перечисляя остальные захоронения и зияреты некрополя, он счел необходимым подчеркнуть, что над теми «нет куполов», а также «нет и следа ку-

пола тюрбе или высокой постройки» (Книга путешествий..., 1999, с. 60, 67). Поскольку среди монументальных сооружений Азиза гробница Бей-Юде-Султан ощутимо выделялась необычными и изящными формами (неизвестными на других крымских памятниках), имела строительную надпись (особо интересовавших турецкого автора) и более того находилась у самой дороги (неоднократно им использовавшейся), Э. Челеби не мог не обратить внимание на эту усыпальницу, если бы она тогда уже существовала. Путешественник не упоминает ее даже вскользь.

Примечания

¹ Фрагмент оригинального текста, использованный У.Э. Боданинским в качестве цитаты, мной выделен курсивом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахчесарайския турецкия и арабския надписи // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). 1848. № 2. С. 489–528.
2. Боданинский У. Татарские «Дурбе»-мавзолеи в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ). № 1(58) / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1927. С. 195–201.
3. Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 6. С. 371–392.
4. Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Резниченко И.А., Юнкин Ж.А., Брызгалов В.В. Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2008 г. // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров М.: ИА РАН, 2019. С. 211–237.
5. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6 / Перевод, предисловие и примечания Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
6. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. № 2(4). М.-Л.: Госиздат, 1927. С. 113–168.
7. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.
8. Зиливинская Э.Д. Дюрбе Мухаммед-Шах бея в Азизе, история изучения // VI Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна / Ред.-сост. О.М. Стойкова, А.А. Берсенева Бахчисарай: Типография изд-ва ИП Корниенко А. А., 2019. С. 20–21.
9. Карлов С.В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровения древнего Солхата / Под ред. А.Г. Герцена. Керчь, 2012. С. 35–77.
10. Кирилко В.П. Археологическое изучение мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // STRATUM plus. 2005–2009. № 6. С. 439–466.
11. Кирилко В.П. Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э.Д. Зиливинской // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 691–739.
12. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Под ред. Е.В. Бахревского. Симферополь: Дар, 1999. 144 с.
13. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах. Т. 2 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань: Издат-Принт, 2016. 572 с.
14. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах. Т. 3 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров,

А.Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2017. 720 с.

15. *Мыц В.Л., Кирилко В.П.* Отчет об археологическом исследовании мечети в с. Пионерском Симферопольского р-на, мавзолеев Мухаммед-Шах-Бея и Хаджи-Гирея в г. Бахчисарае в 1991 г. Симферополь, 1992 / НА ИАК РАН. Инв. № 1514.

16. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. № 8. С. 363–403.

17. *Османов Э.Э.* Дюрбе Бей-Юде-Султан (Бивиде султан, дочери Аджаган-бея) // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. I / Ред.-сост. Ш.С. Сейтумеров. Бахчисарай; Симферополь: ФОРМА, 2016. С. 149–151.

18. *Османов Э.Э.* Бахчисарай в середине XVIII – начале XXI вв. М.: НИИ ИЭП, 2019. 321 с.

19. Полевой дневник археологов В.П. Кирилко и В.Л. Мыца по археологической разведке в Бахчисарайском и Алуштинском районах в 1991 г. Полевая опись находок. Симферополь, 1992 / НА ИАК РАН. Инв. № 1514/1.

20. *Сейдалиев Э.И.* Мусульманские культовые памятники Крыма периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия в Крыму / Ред. А. Исмаилов, Э. Муратова, С. Эминова. Симферополь: СПД Музафаров Г.Н., 2014. С. 65–71.

21. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в 2-х томах. Т. I. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. М.: ИД Рубежи XXI, 2005. 542 с.

22. Dubois de Montpéroux F. Voyage autour Caucase, ches les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchide, end Géorgie en Armenie, et en Crimée. Vol. VI. Paris: Librairie de Gide, 1843. 461 p.

23. Voyages entrepris dans les governemens méridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794, par M. le professeur Pallas. Planches de l'imprimerie de Jacob. Paris, Deterville, 1805. 55 pl.

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); kir.vlad33@gmail.com

CHRONOLOGICAL PARADOXES OF MOHAMMED SHAH BEY' TURBE IN THE BAHCHISARAY TOWN

V. P. Kirilko

According to the memorial inscription without date, which is above the entrance, someone Muhammad Shah Bey ordered to build a turbe for his mother – Bey Yude Sultan. Traditionally, it is considered one of the earliest Muslim memorial buildings in Crimea and usually dates back to the 14th–15th centuries. The building is constantly cited as an example as the closest analogy during considering a some group of Golden Horde monuments – the Eastern and Northern mausoleums of Bolgar, the mausoleum of Tura Khan in Bashkiria. According to the results of excavations in 1991, the building was dated to the end of the 18th century (near 1778). These conclusions are based on numismatic material, a number of specifically signs and, mainly, stratigraphy. Scurf of the building horizon was overlapped by a layer of destroyed build mortar. This top layer is associated with the destruction and restoration of the turbe. Between themselves, these two stratigraphic periods are separated only by thin crust of trampled soil. This gives reason to think that the mausoleum was built shortly before the damage, which caused the loss of the masonry of the upper part of the main facade and roof. Otherwise, if dated the building by the 14th–15th centuries, then during the next three or four centuries a wide cultural layer would have to accumulate near its walls, above the foundation. But archaeological excavations have not revealed such layer.

Keywords: archaeology, Crimea, Eski-Yurt, architecture of the Golden Horde, cult architecture, Muslim mausoleum.

REFERENCES

1. 1848. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 2. Odessa, 489–528 (in Russian).

2. Bodaninskiy, U. 1927. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)*. 1(58), 195–201 (in Russian).
3. Bocharov, S. G., Kirilko, V. P. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 371–392 (in Russian).
4. Voloshinov, A. A., Men'shikov, M. Yu., Reznichenko, I. A., Yunkin, Zh. A., Bryzgalov, V. V. 2019. In Vnukov, S. Yu., Sharov, O. V. (eds.). *Krym-Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. (Crimea-Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018)* 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 211–237 (in Russian).
5. Dyubua de Monpere, F. 2009. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiyu, Armeniyu i v Krym. V 6 tomakh. Parizh, 1843. (Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée)*. In 6 vol. Paris, 1843) 5, 6. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).
6. Zasyplin, B. N. 1927. In *Krym (Crimea)* 2(4). Moscow; Leningrad: “Gosizdat” Publ., 113–168 (in Russian).
7. Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) 1. Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
8. Zilivinskaya, E. D. 2019. In Stoykova, O. M., Bersenev, A. A. (eds.). *VI Bahchisarajskie nauchnye chteniya pamjati E. V. Vejmarna (VI Bakhchisaray Scientific Readings in memory of E. V. Weimarn)*. Bahchisaraj: “Tipografija izdatel'stva IP Kornienko A. A.” Publ., 20–21 (in Russian).
9. Karlov, S. V. 2012. In Gertsen, A. G. (ed.). *Otkrovenie drevnego Solkhata (Revelations of the Ancient Solkhat)*. Kerch, 35–77 (in Russian).
10. Kirilko, V. P. 2005–2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 439–466 (in Russian).
11. Kirilko, V. P. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaja Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 691–739 (in Russian).
12. In Bakhrevsky, E. V. (ed.). 1999. «Kniga puteshestviia». *Turetskii avtor Evliia Chelebi o Kryme (1666–1667 gg.) (Book of Travel. Turkish author Evliya Celebi about the Crimea (1666–1667))*. Simferopol: “Dar” Publ. (in Russian).
13. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). 2016. *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar Town and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 2. Kazan: “Izdat-Print” Publ. (in Russian).
14. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). 2016. *Miras–Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar Town and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 3. Kazan: “Aster Plyus” Publ. (in Russian).
15. Myts, V. L., Kirilko, V. P. 1992. *Otchet ob arheologicheskom issledovanii mecheti v s. Pionerskom Simferopol'skogo r-na, mavzoleev Muhammed-Shah-Beja i Hadzhi-Gireja v g. Bahchisaray v 1991 g. (Report on the Archaeological Study of a Mosque in Pionerskoe Village, Simferopol District, Mausoleums of Mohammed-Shah-Bey and Haji-Girei in Bahchisaray in 1991)*. Simferopol'. Scientific archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. Inv. No 1514/1 (in Russian).
16. 1872. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 8. Odessa, 363–403 (in Russian).
17. Osmanov, E. E. 2016. In Seytumerov, Sh. S. (erd.). *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars)* I. Bahchisaray; Simferopol: “FORMA” Publ., 149–151 (in Russian).
18. Osmanov, E. E. 2019. *Bakhchisaray v seredine XVIII – nachale XXI vv. (Bahchisaray in the middle of the 18th – early 21st centuries)*. Moscow: “NII IEP” Publ. (in Russian).
19. 1992. *Polevoy dnevnik arheologov V.P. Kirilko i V.L. Mytsa po arheologicheskoy razvedke v Bahchisarayskom i Alushtinskom rayonakh v 1991 g. Polevaya opis' nakhodok (Field Diary of Archaeologists V.P. Kirilko and V.L. Myts on Archaeological Exploration in Bahchisaray and Alushta Regions in 1991. Field Inventory of Finds)*. Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the RAS. Inv. No 1514/1 (in Russian).
20. Seidaliev, E. I. 2014. In Ismailov, A., Muratova, E., Eminova, S. (eds.). *Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo nasledii v Krymu (Current Issues of Study and Conservation of Islamic Heritage in Crimea)*. Simferopol: “SPD Muzafarov G. N.” Publ., 65–71 (in Russian).

21. Smirnov, V. D. 2005. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Ottomanskoi Porty (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire)* Vol. I. Moscow: "Rubezhi XXI" Publ. (in Russian).

22. Dubois de Montpéreux, F. *Voyage autour Caucase, ches les Teherkessus et les Abkhases, en Colchide, end Géorgie en Armenie, et en Crimée.* Vol. VI. Paris: Librairie de Gide, 1843.

23. Voyages entrepris dans les governemens méridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794, par M. le professeur Pallas. Planches de l'imprimerie de Jacob. Paris, Deterville, 1805.

About the Author:

Kirilko Vladimir P. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; kir.vlad33@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

ЭСКИ-КРЫМ: ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ТОПОГРАФИЮ ГОРОДА КРЫМСКОГО ХАНСТВА

© 2021 г. С.Г. Бочаров

В статье рассмотрены основные моменты градостроительной истории города Крымского ханства – Эски-Крым (Старый Крым), выполнена графическая реконструкция его генерального плана для последней четверти XVIII века, финального этапа существования этого государства. Реконструкция исторической топографии позднесредневекового города выполнена на основании трёх массивов источников - письменных, картографических и археологических. Воссозданы все основные элементы исторической топографии позднесредневекового города. Реконструирован план квартальной застройки и сети улиц. Локализованы городские мечети, баня, фонтаны, снабжавшие горожан водой, гостиницы – караван-сарай, торговые ряды. Определено положение городского рынка и ранней мечети, построенной в 1263 г. Выдвинута гипотеза, что территория вокруг них маркирует ранний район, откуда город начал свое развитие и где возможно нахождение наиболее ранних культурных напластований, связанных с возникновением города. К финальному этапу существования Крымского ханства площадь городской застройки Эски-Крыма составляла около 29 га.

Ключевые слова: археология, Крымское ханство, Османская империя, Золотая Орда, Крымский полуостров, города Крымского ханства, Эски-Крым, Старый Крым, Солхат, историческая топография, картография, генеральный план, градостроительная традиция.

Статья о городе Эски-Крым – четвертая в серии публикаций по исторической топографии городов Крымского ханства, три предыдущие публикации были посвящены Ак-Мечети (Бочаров, 2015), Бахчисараю (Бочаров, Сейтумеров, 2017) и Карасубазару (Vochagov, 2021). Готовятся к изданию материалы, иллюстрирующие городские пейзажи двух оставшихся региональных центров – Ор-Капу (Перекопа) и Гезлева (рис. 1).

В качестве отдельного предмета изучения историческая топография города Крымского ханства Эски-Крым (Старый Крым) в XVI–XVIII вв. в научной литературе ранее не рассматривалась. Исследователей в первую очередь привлекал более ранний (золотоордынский) этап в развитии этого города, называемого тогда Солхат или Крым (Крамаровский, 1989, с. 142). При этом данные источников, иллюстрирующих ханский период, привлекаются для обоснования реконструкций, связанных с золотоордынским городом. Собственно изучению исторической топографии

Солхата посвящена одна статья, в ней же впервые была опубликована план-схема для городской территории XIV–XV вв. (Крамаровский, 1989, рис. 2), при этом различные составляющие топографии ордынского Солхата-Крыма рассматриваются в целом ряде публикаций (Крамаровский, 1997; 2009; 2010; 2012; 2018; 2019; Крамаровский, Теплякова, 2016а; Кирилко, 2008; 2013; 2016; Гаврилов, Майко, 2014; Ломакин, 2015а).

Для решения вопросов, связанных с изучением исторической топографии крымских средневековых городов уже стало нормой привлекать три крупные группы источников: три крупные группы источников: письменные, картографические и археологические (Бочаров, 2000, с. 4). На базе сопоставления различных картографических источников был реконструирован генеральный план города Эски-Крым (рис. 2) последней четверти XVIII в., времени присоединения Крымского ханства к Российской империи. На позднесредневековой городской территории локализова-

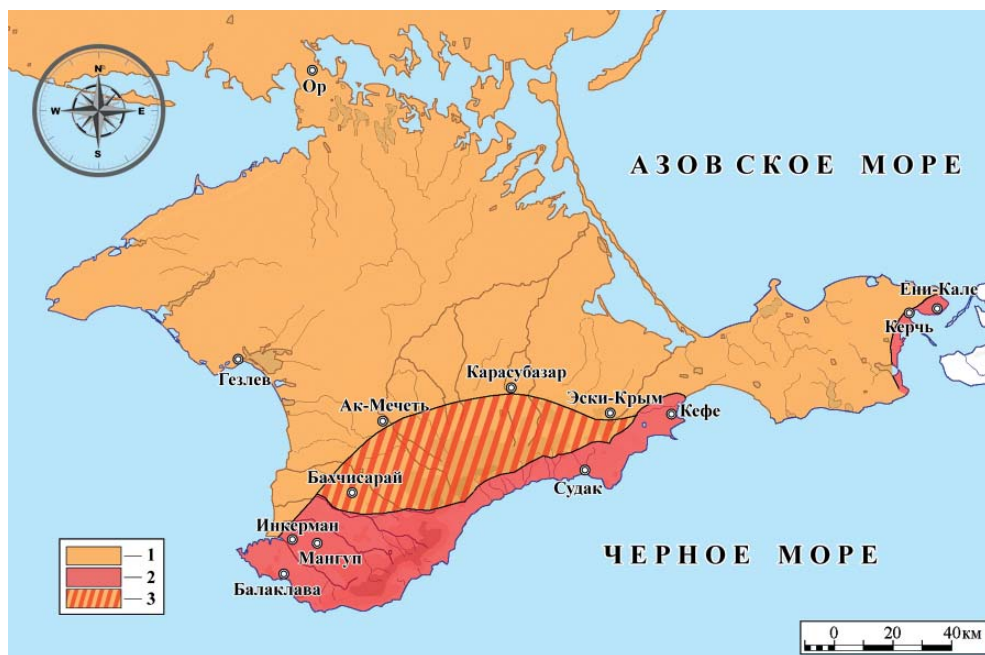

Рис. 1. Политическая карта Крымского полуострова с расположением городов, 1475–1774 гг. 1 – Крымское ханство, 2 – Османская империя, 3 – территории Крымского ханства, занятые христианским населением

Fig. 1. Political map of the Crimean Peninsula with the location of towns, 1475–1774. 1 – Crimean Khanate, 2 – Ottoman Empire, 3 – territories of the Crimean Khanate inhabited by the Christian population

ны остатки крепостного рва (рис. 2: 42), не используемое оборонительное кольцо с каменными крепостными сооружениями и сохранившимися 27 башнями (рис. 2: 40), отдельным фортификационным узлом с четырьмя башнями, примыкающим к оборонительному кольцу в его западной части (рис. 2: 41), девять мечетей (рис. 2: 1–8, 25), медресе (рис. 2: 9), теккие (рис. 2: 24), восемь армянских церквей (рис. 2: 10–17), иудаистский храм (рис. 2: 18), ханская резиденция в городе «первой ханской дом» (рис. 2: 19), руины городской бани (рис. 2: 23), четырнадцать фонтанов, снабжавших городское население водой (рис. 2: 26–39), четырнадцать городских кладбищ (рис. 2: 43–56), каменный мост (рис. 2: 59). Предложено возможное расположение для трех постоянных домов (караван-сараяв) (рис. 2: 20–22), а также реконструиро-

ван план городской застройки с сетью улиц и кварталов (в последней четверти XVIII в. жилая и хозяйственная застройка не была сплошной, основные площади этих кварталов использовались под сады), размещением городской рыночной территории (рис. 2: 57), отдельных торговых рядов и лавок (рис. 2: 58).

План-схема, опубликованная М.Г. Крамаровским (1989, рис. 2), иллюстрирующая топографию золотоордынского Солхата, основана на данных, включенных в «План Старого Крыма» (1783 г.), который «снял и чертил дивизионный квартирмейстер Иван Лютов» (рис. 3: 1), этот план многократно опубликован (Крамаровский, 1989, рис. 1; Гаврилов, Майко, 2014, с. 22; Ломакин, 2015, рис. 1; Кирилко, 2016, рис. 352), кроме того опубликованы девять менее информативных планов города конца

XVIII – первой половины XX вв. (Гаврилов, Майко, 2014, с. 14–23; Ломакин, 2015б, рис. 3; 5–8). Определенные изменения в сравнении с планом-схемой 1989 г. нашли отражение в схеме «размещения водных источников и сооружений средневекового Солхата» (Крамаровский, Теплякова, 2016а, с. 113). На этой схеме с «плана Лютова» точно перенесены рвы и крепостные сооружения с башнями, прочерчены несколько городских кварталов и улиц в юго-западной части городской территории (рис. 4). Добавлены пять фонтанов и дворец в центральной части города, в качестве источника этой информации в таблице у схемы указана «карта конца XVIII в.», также нанесена еще одна мечеть и один христианский храм со ссылкой на «опорный план 2013» (Крамаровский, Теплякова, 2016а, с. 113). Во второй одноименной публикации приведена информация: «наблюдения о совмещении современного топографического плана города с картами конца XVIII в., в точках совмещения, погрешностях и выделенных объектов проведены А.Н. Тепляковой» (Крамаровский, Теплякова, 2016б, с. 122). За графическую основу нашей реконструкции генерального плана города Эски-Крым (рис. 2) времени присоединения Крымского ханства к Российской империи также был взят план, составленный Иваном Лютовым. Дополнительно использованы: «План Старого Крыма с поназванием строений, садов и ближайшей ситуацией» (1790 г.) (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 5540); «План Старого Крыма, с показанием строения, садов и около лежащей ситуации. Сочинен октября дня 1790 года» с подписью «Василий Куликов» (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 5541); «План Старого Крыма» (без даты, предположительно конец XVIII в.) (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 5542); «План генерального межевания Старого Крыма» (без даты, предпо-

ложительно 1805 г.) (РГАДА, ф. 1354, оп. 497, ч.1, д. 194); «План Старого Крыма созначением литер владельческих земель кому имянно оные принадлежат, мечети и церкви армянские» (без даты, предположительно конец XVIII в.) (архив Старо-Крымского литературно-художественного музея, без номера).

Что новое появилось в нашей реконструкции генерального плана Эски-Крыма (рис. 2) финального этапа существования Крымского ханства в сравнении с план-схемой золотоордынского Солхата (рис. 3). От момента первой публикации в 1989 г. (Крамаровский 1989, рис. 2) (рис. 3: 1) до последнего времени план-схема золотоордынского Солхата не изменялась (Крамаровский, 2009, рис. 1; 2012, рис. 23), не считая ее усиления цветом (Крамаровский, 2019, илл. 13) (рис. 3: 2). На реконструкции генерального плана Эски-Крыма (рис.2) реконструирована городская уличная сеть и сеть квартальной застройки, прорисованы объекты фортификации – земляной ров (рис. 2: 42) и каменные крепостные стены с тремя предполагаемыми воротами (рис. 2: 60–62), а также отдельный замкнутый фортификационный объект (рис. 2: 41). На городской территории дополнительно размещены три мечети (рис. 2: 3, 4, 25), теккие (рис. 2: 24), два армянских храма (рис. 2: 15, 17), два фонтана (рис. 2: 34, 39), одна баня (рис. 2: 23), караван-сарай (рис. 2: 20–22), городские кладбища (рис. 2: 43–56). Локализован городской рынок (рис. 2: 57) и отдельные торговые ряды (рис. 2: 58).

Во всех статьях, посвященных исторической топографии городов Крымского ханства (Бочаров, 2015; Бочаров, Сейтумеров, 2017; Vocharov, 2021) и городов полуострова, принадлежавших туркам и входивших в османскую провинцию Кефе (Бочаров, 2000, 2005; 2008; 2019), делалось сравнение как реконструируемые пла-

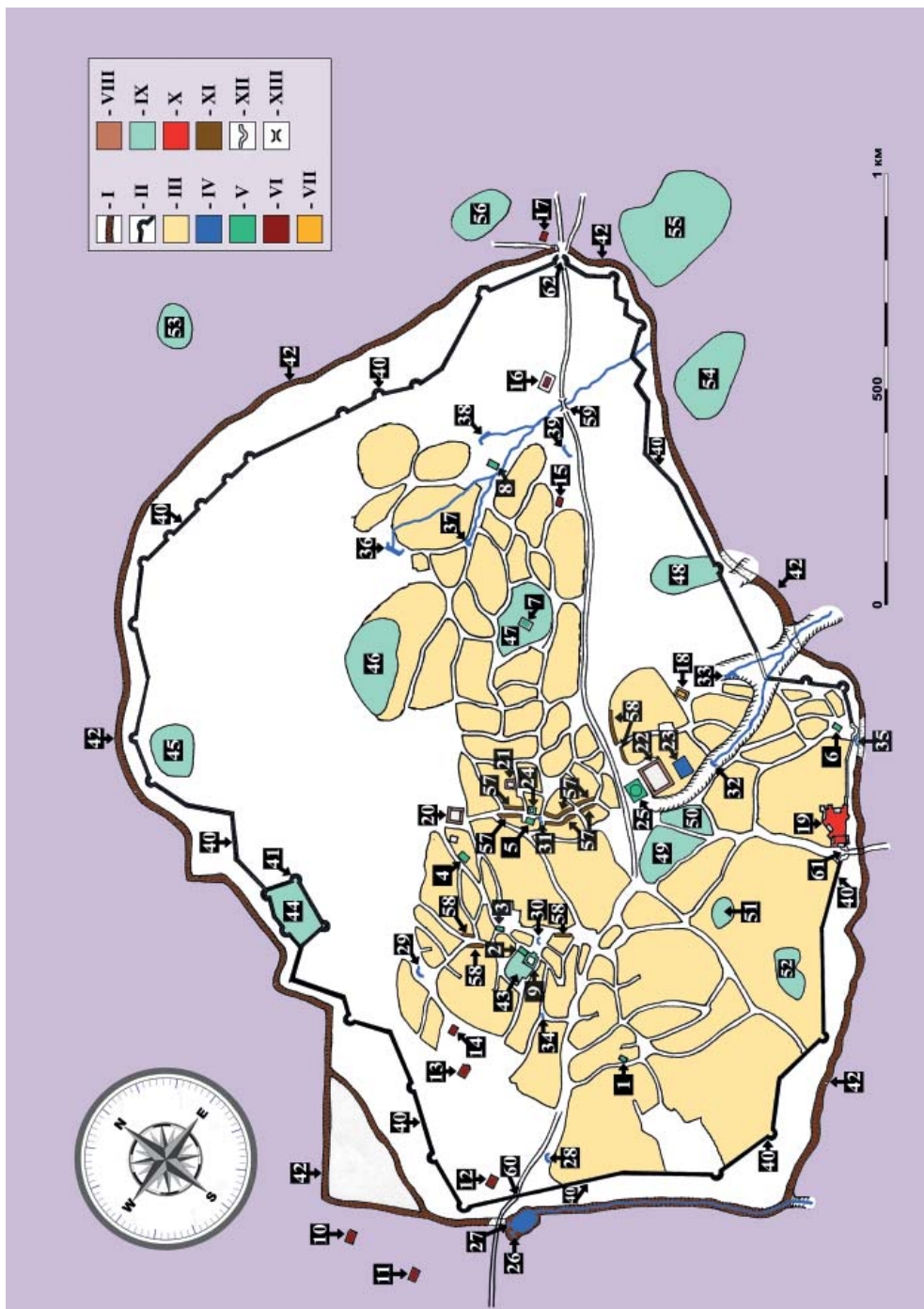

Рис. 2. Реконструкция генерального плана города Эски-Крым (Старый Крым) последней четверти XVIII в. Цветовые значения. I – крепостные рвы, II – каменные крепостные сооружения, III – городские кварталы, IV – баня, фонтаны, водотоки, ручьи, V – мечети, медресе, VI – армянские храмы, VII – иудаистский храм, VIII – каравансараи, IX – кладбища, X – ханская резиденция в городе, XI – городской рынок, торговые ряды, лавки, XII – реконструируемые участки крепостных сооружений, XIII – мост. Городские объекты: 1–8, 25 – мечети; 9 – медресе; 24 – предполагаемое текке; 10–17 – армянские храмы; 18 – иудаистский храм; 19 – ханская резиденция в городе; 20–22 – предполагаемое расположение каравансарая; 23 – баня; 26–39 – фонтаны; 40 – каменные крепостные сооружения; 41 – предполагаемые руины генуэзского замка; 42 – крепостные рвы; 43–56 – кладбища; 57 – городской рынок; 58 – торговые ряды, лавки; 59 – мост;

60–62 – предполагаемое расположение крепостных ворот

Fig. 2. Reconstruction of the General plan of the town of Eski-Krym on the third quarter of the 18th century. Color explanation: I – fortification fosses, II – stone fortifications, III – town quarters, IV – bathhouse, fountains, watercourses, streams, V – mosques, madrasahs, VI – Armenian temples, VII – Jewish temple, VIII – caravanserais, IX – cemeteries, X – Khan's residence in the town, XI – town market, shopping arcades, shops, XII – reconstructed sections of fortifications, XIII – bridge. Town objects: 1–8, 25 – mosques; 9 – madrasah; 24 – supposed dervish lodge; 10–17 – Armenian temples; 18 – Jewish temple; 19 – Khan's residence in the town; 20–22 – estimated location of caravanserais; 23 – bathhouse; 26–39 – fountains; 40 – stone fortifications; 41 – alleged ruins of a Genoese castle; 42 – fortification fosses; 43–56 – cemeteries; 57 – town market; 58 – shopping arcade, shops; 59 – bridge; 60–62 – supposed location of the fortress gate

ны города соотносятся со сведениями письменных источников для XVII в. на примере записок турецкого путешественника Эвлия Челеби, посетившего Крым в 1666–1667 гг., и для конца XVIII в. на материалах путевых заметок П.С. Палласа. Проведем такое сравнение и на примере реконструкции генерального плана города Эски-Крым.

Эвлия-эфенди начинает описание города с неиспользуемых и разрушающихся крепостных сооружений (рис. 2: 40): «Нет ни начальника крепости, ни воинов. Потому что она – во внутреннем иле Крымского острова и не является пограничной. Крепость эта... стоит на ровном широком месте, среди невысоких гор, у нее обширные окрестности. Окружность крепости составляет 17 тысяч шагов. Она квадратная по форме. Это была крепость, сложенная из отесанного и отполированного камня. Теперь в некоторых местах видны разрушенные стены» (Челеби, 2008, с. 162).

По его описанию Эски-Крым «великий город пребывает в разрушении... Теперь много сот тысяч

огромных зданий являются крепкими и стоят, как новые, будто они только что вышли из-под руки мастера. Но они стали гнездовьями сов, воронов... и летучих мышей. Этот великий город – город развалин.... И всего 500 домов тут и там, с верхним и нижним этажами, каменной кладки и крытых черепицей. Они стоят редко, и соседям приходится идти от одного дома к другому. Кроме того, внутри города Кырыма есть сады и виноградники, луга и поля» (Челеби, 2008, с. 166–167). Это сообщение полностью подтверждает данные картографических источников о наличии в городских кварталах значительных площадей, занятых под сады и огороды.

Путешественник уточняет, что в городе «имеется всего 1 старая баня... 4 мусульманских квартала, 1 иудейский квартал, 5 кварталов греческих и армянских неверных». Расположение бани локализовано в центральной части городской территории (рис. 2: 25). Расположение мусульманских, иудейского и армянских кварталов маркируют храмы этих общин (рис. 2: V–VII) (Крамаровский, 2019, с. 38–42). В настоящий момент грече-

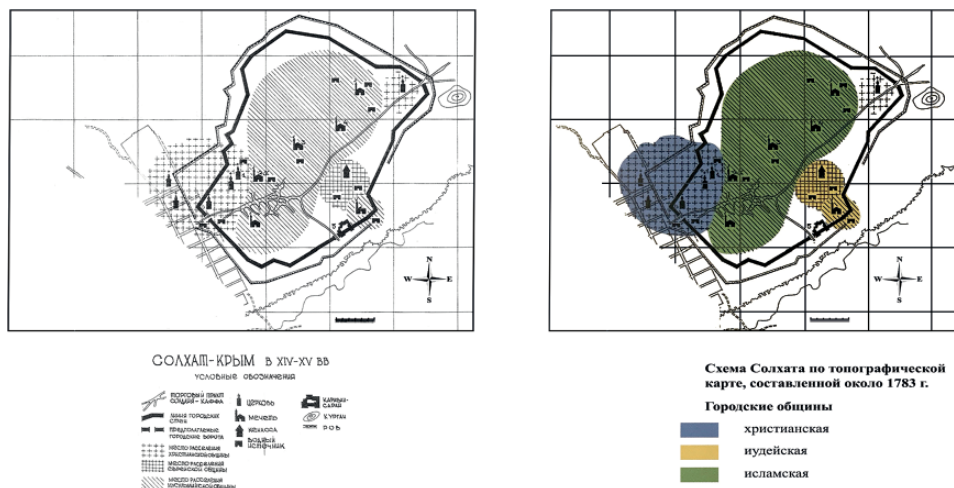

Рис. 3. План-схема Солхат-Крым в XIV–XV вв. 1 – издание 1989 года (по Крамаровский, 1989, рис. 2); 2 – издание 2019 года (по Крамаровский, 2019, илл. 13)
Fig. 3. Schematic plan of Solkhat-Crimea in the 14th–15th cc. 1 – edition of 1989 (after Kramarovsky, 1989, fig. 2); 2 – edition of 2019 (after Kramarovsky, 2019, ill. 13)

ский храм, а следовательно, и размещение городских кварталов, занятых греческим населением, окончательно не определены. Кроме того, Эвлия Челеби замечает: «Есть 2 дервишеских текке и 2 медресе для ученых, 1 школа для мальчиков, 1 хан и 20 черепичных и гончарных лавок. И еще 20 других лавок на базаре. Внутри этого древнего города 2 высохших русла реки» (Челеби, 2008, с. 164–165). На реконструкции генерального плана Эски-Крыма показаны одно из двух упомянутых путешественником теккие (рис. 2: 24), одно медресе (рис. 2: 9), городской рынок (рис. 2: 57), три караван-сарая (рис. 2: 20–22), какой из этих объектов принимал торговцев при Эвлии Челеби, определить нельзя, отдельные торговые ряды находились не только на рынке, но и у центральной улицы, а также в юго-восточных кварталах (рис. 2: 58). Возможно, под руслами рек имеются в виду водотоки от фонтанов (рис. 2: 32, 33; 36–38) в восточной части города.

В описании мечетей Эски-Крыма Эвлия-эфенди замечает: «там всего 5 михрабов. Два из них – соборные

мечети, а остальные – квартальные мечети». Одна мечеть названа Улу-Джами, или мечеть Мегли-Гирей хана (рис. 2: 2). «Далее, перед михрабом этой мечети, над дверью медресе Инджи-бей-хатун написан следующий тарих: "Приказала построить это благословенное медресе во время султана справедливого Мухаммед Геррай-хана, да продлится его счастливое правление, о, Благий, Повелитель мира здешнего и Податель благополучия, Инджи-бей-хатун, дочь бей Кыл-Буруна, эмира эмиров, покойного, да освятит Бог его могилу, в году 733" (733 г. х. = 1332/33 г.). Эти огромные двери разукрашены и отделаны», в этом пункте путешественник описывает медресе, к которому пристроена мечеть Улу-Джами (рис. 2: 9). Следующее в описании здание сегодня не локализовано: «Далее, над сводом двери текке Тахир-бея, такой тарих: "Во имя Бога, Всемилостивого, Всемилосердного! Построила это здание с именем султана, величайшего из султанов арабов и неарабов ...-хана, сына Тахир-бей-хана, да будет его правление благословенно и увеличено

карта 1783 г.	карта конца XVIII в.	Опорный план 2013	Заключение 2013	СКАЭГЭ-14	
					Линия крепостной стены и рва
					Мечети
					Церкви
					Караван-сарай
					Дворец
					Фонтаны, источники и колодцы
					Вертикальные колодцы и линия кяриза
					Улицы
					Линия современной ул. Ленина
					Провал в районе средневекового рва
					Речки (балки)

Рис. 4. Схема размещения водных источников и сооружений средневекового Солхата (по Крамаровский, Теплякова, 2016а, с. 113)

Fig. 4. Scheme of water sources and structures of medieval Solkhat (after Kramarovsky, Tepliyakova, 2016a, p. 113)

в мирах, Бай Буглы-хатун, величественная особа и ничтожная рабыня Бога, дочь Тонкатая, сына Кутлуга, сына Тимура, сына Буга Бая» (Челеби, 2008, с. 167). «После этого текке следует квартальная мечеть, и вплотную к вышеупомянутому тариху на квадратной [плите] белого мрамора тонким почерком мустасими написан следующий тарих: "Построил здание этого храма с Божией помощью шейх по имени Али, Али эль-Бекри, да освятит Бог покровительствующее ему созвездие. Было это в году восемьсот двадцать пятом (825 г. х. = 1421/22 г.), в дни месяца джумада уль-ахыра". Она достойна стать большой соборной мечетью. Эта большая мечеть крыта рубиново-красной черепицей, выложена из камня и обладает огромным куполом». По-нашему мнению, в этом пункте приведено описание мечети, отмеченной на реконструкции номером 4 (рис. 2: 4). «Затем, около Кефинских ворот, над дверями мечети Эль-Хаджи Мухаммеда, следующий тарих: "Построил эту благословенную мечеть в дни правления великого султана и щедрого хакана Шади Герай-хана, да продлит Бог его правление в семи мирах, слабый, нуждающийся и просящий милости Господней раб Мухаммед, сын Эль-Хаджи Байрам Ходжи, в месяце реджебе года 807» (807 г. х. = 1404/05 г.). Ближайшая к Кефийским воротам (рис. 2: 62) мечеть, уцелевшая к последней четверти XVIII в., отмечена цифрой 8 (рис. 2), но сказать однозначно, к ней ли относится приведенное выше описание, пока невозможно. «Далее, рядом с рынком, над дверью мечети Эль-Хаджи Умара, следующий тарих: "Приказал построить эту мечеть слабый раб Бей-Хаджи Умар эль-Бухари, в месяце зюль-када в году 661» (661 г. х. = 1262/63 г.). По нашему мнению, самая древняя мечеть города, расположенная рядом с рынком, отмечена на реконструкции

генерального плана Эски-Крыма под номером 5 (рис. 2: 5). «Затем, на рынке, над высоким сводом мечети Паша-хатун, такой тарих: "Это здание – творение благочестивого шехида и покойной прощенной Паша-хатун, высшее вращение луны» (Челеби, 2008, с. 167–168), вторую мечеть на городском рынке мы связываем со зданием, отмеченным цифрой 25 (рис. 2: 25). Если наши предположения получают подтверждение в дальнейших исследованиях, то можно с осторожностью заметить, что описание городской территории, которое приводит Эвлия Челеби, в большинстве моментов совпадает с реконструируемым нами генеральным планом Эски-Крыма и реалии XVII в. во многом сохранились в веке восемнадцатом.

Как изменилась ситуация в городе к последней четверти XVIII в., можно проследить по описанию П.С. Палласа (1999, с. 115–116). «Так называемый Старый Крым – Эски-Крым находится в плодородной долине, спускающейся понемногу с высоты хребта... Первые развалины, лежащие у дороги, – две татарские мечети. Сейчас за ними следует обновленное здание фонтана с сильным и великолепным источником... затем следует армянская церковь, представляющая собой род параллелепипеда, над которым возвышается восьмиугольный купол; внутри, с восточной стороны, – выдающаяся вперед ниша для алтаря, а с западного конца – притвор, состоящий из двух отделений». Вероятно, в дальнейшем тексте приводится описание центральной части Эски-Крыма: «Небольшие и почти уничтоженные остатки этого города состоят из развалин татарской бани» (рис. 2: 23); «двух мечетей» (возможно, рис. 2: 2, 25), греческой церкви, и близ ручья Серен-су, текущего в южной стороне города, – старый не очень большой дворец крымских ханов, имевших прежде здесь пребывание, еще довольно

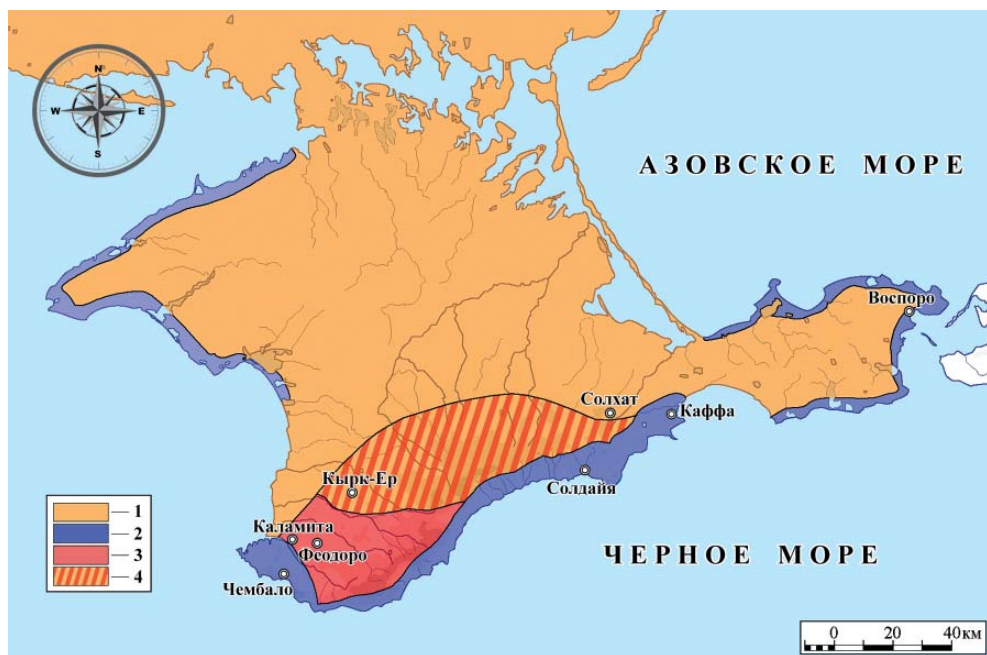

Рис. 5. Политическая карта Крымского полуострова с расположением городов, третья четверть XV в. 1 – Крымское ханство, 2 – Генуэзская Газария, 3 – княжество Феодоро, 4 – территории Крымского ханства, занятые христианским населением

Fig. 5. Political map of the Crimean Peninsula with the location of towns, middle of the 15th century. 1 – Crimean Khanate, 2 – Genoese Gazaria, 3 – Principality of Theodoro, 4 – territories of the Crimean Khanate inhabited by the Christian population

хорошо сохранившийся. Русский епископ, живший в нем до 1800 года, перешел во вновь отстроенное здание» (Паллас, 1999, с. 115–116). В этом фрагменте важно, что крупный комплекс в восточной части города (рис. 2: 19) упомянут, как и на экспликациях к «плану Лютова», не в качестве караван-сарая, а именно как дворец крымских ханов. Второй важный момент, что греческий храм (точное положение которого на известных сегодня исторических генеральных планах города не отмечено) локализован в центральной части города. Можно отметить, что по сравнению со второй половиной XVII в. количество действующих мечетей и, как следствие, городского населения уменьшается.

В случае если предложенная локализация городского рынка (рис. 2: 57) и мечети, построенной в 1263 г. на средства Умара ель-Бухари (рис. 2: 5)

верны, то ближайшая территория вокруг рынка и у этой мечети маркирует первый, самый ранний район, с которого собственно город и начинается, и затем от этого участка происходит рост золотоордынского города Солхат-Крым, и где могут залежать наиболее раннее культурные напластования, связанные с возникновением города. Появление регионального центра именно в этом месте не случайно, и вызвано, по нашему мнению, двумя основными причинами – политической и историко-географической. При ханах Берке (1257–1266 гг.) и Менгу-Тимуре (1266–1282 гг.) ведется целенаправленная политика по основанию городов как административных и экономических центров нового развивающегося государства. Большинство золотоордынских городов, развивавшихся в качестве региональных центров, возникают именно в 60–70-е гг.

XIII в. В 1263 г. в Солхате уже находился ханский наместник кипчак – Табук (Тизенгаузен, 1884, с. 54, 63). К началу XIII в. территорию Горного Крыма занимало оседлое греческое (ромейское, византийское) население. На востоке и западе этой территории было два основных городских центра: для Юго-Западного Крыма – Херсонес (Херсон), для Юго-Восточного Крыма – Сугдея (Судак) (рис. 5). Место для нового золотоордынского административного центра было выбрано у границы степи и на расстоянии одного дневного перехода (около 20 км) от одного из двух главных византийских городов полуострова Сугдеи.

В тезисной форме хотелось бы обозначить два момента, связанных с возможными истоками возникновения городской фортификации. Первый момент связан с строительством каменной крепости Солхата, которое относится к 1375–1380 гг. и связывается с противостоянием с генуэзской Каффой (Крамаровский, 2012, с. 226–227). В Северном Причерноморье на начальном этапе строительства фортификационных сооружений генуэзские архитекторы использовали практику первичного строительства земляных валов с деревянными палисадами и рвов, под прикрытием которых возводились каменные стены. Такая практика отмечена во всех основных генуэзских пунктах: в Каффе, Солдае, Чембало, Тане. В случае с Чембало площадь, занятая каменной крепостью в итоге, была значительно меньше территории, огороженной рвом и валом. Если принять за отправную точку крепостного строительства Солхата не противостояние с Каффой, а внутренние усобицы в Золотой Орде, то становится возможна ситуация, при которой строительство фортификационных сооружений в городе происходит при поддержке генуэзцев и латинским архитектором по

уже выработанной для региона строительной схеме. Этим можно объяснить частые несоответствия в начертании линий крепостного рва (длина около 6740 м) и каменной крепости (длина около 6380 м) и значительные расстояния между ними (рис. 2: 40, 42): при ведении столь масштабного крепостного строительства не удалось полностью включить в оборонительный периметр площадь, охваченную рвом. Второй момент – в западной части оборонительного кольца к крепостной стене примыкает отдельный фортификационный узел, состоящий из четырех башен и пяти куртин (рис. 2: 41). Если в городе существовало генуэзское «подворье» с каменным укреплением (Крамаровский, 2019, с. 40), можно выдвинуть предположение, что этот фортификационный узел мог быть латинским замком, который генуэзский архитектор, благодаря его расположению на господствующей высоте, включил в общую оборонительную линию города.

Градостроительная история Старого Крыма имеет значительные отличия от других ханских городов в нескольких ключевых аспектах. Для понимания истоков этого отличия нам кратко придется рассмотреть ситуацию с градообразованием на полуострове в период становления Крымского ханства. В третьей четверти XV в. на территории региона сосуществуют три государства: постзолотоордынское Крымское ханство, поздневизантийское княжество Феодоро и Генуэзская Газария (рис. 5). В рамках этих государств на полуострове соседствуют три различные градостроительные традиции: условно назовем их византийской, генуэзской (северо-итальянской) и золотоордынской (восточной). Ситуация радикально изменится в 1475 г. с османским завоеванием земель и городов феодоритов и генуэзцев, которые будут включены в созданную провинцию Кефе Осман-

ской Империи (Veinstein, 1990, p. 587), Крымское ханство станет частично зависимым от Порты государством.

Если в османском Крыму продолжают существовать города, сформированные генуэзцами и византийцами, несколько изменяя свои названия: Каффа становится Кефе, Воспоро – Керчю, Солдайя – Судаком, Чембало – Балаклавой, Феодоро – Мангуп-Кале, Каламита превратится в Инкерман – и приобретя лишь незначительные новые восточные черты, то в это же время (конец XV – первая половина XVI вв.) на территории Крымского ханства, помимо двух существующих центров Солхат-Крым и Кырк-Ер (рис. 5), появились пять новых городов (рис. 1). В той степени, насколько пять новых крымских городов обязаны своим возникновением и быстрым ростом третьему хану Менгли-Гирею (1478–1515 гг.), Солхат-Крым обязан утратой статуса областной столицы и превращением в периферийный и постепенно угасающий региональный центр основателю династии крымских ханов Хаджи-Гирею (1441–1466 гг.), который переведет столицу в город Кырк-Ер из Восточного в Юго-Западный Крым.

Ранее уже ставился акцент на моменте, что все новые города Крымского ханства (Бахчисарай, Карасубазар, Ак-Мечеть, Гезлёв, Ор-Капу) не связаны с предшествующей многовековой традицией крымских византийских или генуэзских городов, возникают на ранее незанятых местах, на которых в лучшем случае располагались золотоордынские поселения (Бочаров, 2013,

с. 17). При этом приоритет в развитии получают именно эти пять новых городов, в то же время города «старые», что отразится даже в смене названия одного из них, Старый Крым и Кырк-Ер потеряют свое административное значение и экономическое лидерство. Исходные градостроительные основы новых пяти городов следует искать в золотоордынской (в широком смысле – восточной) градостроительной традиции (Bocharov, 2019, p. 37), как раз город Крым (Солхат) был первым и долгое время единственным проводником этой традиции на полуострове. Градостроительная история Эски-Крыма на два века древнее любого другого города ханства. В отличие от Кырк-Ера Эски-Крым доживает до XVIII в., и именно Старый Крым был прямым наследником золотоордынской градостроительной традиции, которая получит свое дальнейшее развитие во всех городах Крымского ханства. Однако доживать он будет с потерями – в XIV в. площадь городской территории только внутри крепостного кольца составляла около 230 га, в конце XVIII в. площадь, занятая городскими кварталами с садами и огородами, приблизительно 101 га, совокупная территория, занятая городскими некрополями – 18,7 га. Если же выделять именно жилую и хозяйственную застройку, ее площадь составит около 29 га. При общем уменьшении городской территории Эски-Крым не прекратит своего существования и сохранит за собой статус регионального центра восточных земель Крымского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы, конец XIII в. – 1774 г. (фортификация, культовые памятники, система водоснабжения). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2000. 21 с.
2. Бочаров С.Г. Топография османской Керчи XVI–XVIII вв. // Археологические записки. Вып. 4 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2005. С. 145–151.

3. Бочаров С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Т. 3 / Отв. ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Антиква, 2008. С. 191–212.
4. Бочаров С.Г. Историческая топография городов Крымского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)». Тез. Докладов / Отв. ред. С.Г. Бочаров. Симферополь: Крокус, 2013. С. 15–17.
5. Бочаров С.Г. Ак-Мечеть: историческая топография города Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Т. 7 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ЦИН, 2015. С. 5–10.
6. Бочаров С.Г. Балаклава – введение в историческую топографию османского города 1475–1774 годов на Крымском полуострове // Stratum plus, 2019. № 6. С. 321–328.
7. Бочаров С.Г., Сейтумеров Ш.С. Бахчисарай – введение в историческую топографию столицы Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 21–30.
8. Гаврилов А.В., Майко В.В., Средневековое городище Солхат-Крым (Материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: «Бизнес-Информ», 2014. 212 с.
9. Кирилко В.П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1 / Ред. Т.А. Авакян. Симферополь: Феникс, 2008. С. 37–43.
10. Кирилко В.П. Золотоордынская архитектура Крыма (общее и особенное) // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Археология Евразийских степей. Вып. 17 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 84–99.
11. Кирилко В.П. Архитектура золотоордынского Крыма // Мирас-Наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. Т. 1 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань: Астер Плюс, 2016. С. 420–496.
12. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Отв. ред. Г.И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж, 1989. С. 141–157.
13. Крамаровский М.Г. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. 1997. № 1. С. 101–106.
14. Крамаровский М.Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // Archaeologia Abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред.-сост. Л.А. Беляев. М.: «Индрик», 2009. С. 395–433.
15. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым, XIII–XIV вв. // Откровения древнего Солхата. Материалы Международной научно-практической конференции «Сохранение культурного и исторического наследия Крыма» / Ред. А.Г. Герцен. Харьков: Прага, 2010. С. 21–26.
16. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. Спб.: Евразия, 2012. 496 с.
17. Крамаровский М.Г. Солхат: от яма к городу (этапы роста и векторы культуры) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Боспорские чтения. Вып. XIX / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, Керчь: Прондо, 2018. С. 245–250.
18. Крамаровский М.Г. Рах Mondolica и чингисидская глобализация // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки. Фонд Марджани. М., 2019. С. 15–57.
19. Крамаровский М.Г., Теплякова А.Н. Вода в средневековом Солхате // Крым в золотоордынский период. Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Отв. ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Тарпан, 2016а. С. 107–214.
20. Крамаровский М.Г., Теплякова А.Н. Вода в средневековом Солхате // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопас-

ности / Ред. Н.О. Ковалева, С.К. Костовска, Е.А. Борисова. М.: Макс Пресс, 2016б. С. 110–126.

21. Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь: Соло-Рич, 2015а. 240 с.

22. Ломакин Д.А. Топографические источники конца XVIII-начала XX вв. по истории архитектурно-археологических объектов периода Золотой Орды г. Старый Крым // Крымское историческое обозрение. 2015б. № 3. С. 100–130.

23. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах // Научное наследство. Т. 27. М.: Наука, 1999. 246 с.

24. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.

25. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер., вступ. стат. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 270 с.

26. Bocharov S. Heritage of Golden Horde: the Genesis of Crimean Khanat Towns // Altin Orda ve Merasi. Uluslararası Sempozyum. Istanbul 25-26 Kasım 2019. Istanbul: Istanbul Universitesi, 2019. P. 37

27. Bocharov S. Karasubazar – historical topography of the town of the Crimean Khanate in the 16–18 centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14. Issue 1. P. 4-16. DOI: 10.17516/1997-1370-0567

28. Veinstein G. Realites et problèmes de l'implantation Ottomane au Nord de la mer Noire (XVIe siècle) // İkinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres. Samsun, 1990. P. 584–606.

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», доцент кафедры История, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

ESKI-CRIMEA: INTRODUCTION TO THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF THE CITY OF THE CRIMEAN KHANATE

S.G. Bocharov

The paper addresses the main points of the development history of a Crimean Khanate town of Eski-Crimea (Old Crimea), and a graphic reconstruction of its general plan for the last quarter of the 18th century – the final stage of the state's existence. The reconstruction of the historical topography of the late medieval town was carried out on the basis of three arrays of sources – written, cartographic and archaeological. All essential elements of the historical topography of the late medieval town were recreated. The plan of the quarter development and the street network was reconstructed. Town mosques, a bathhouse, fountains which supplied the townspeople with water, hotels – caravanserais, and shopping arcades were localized. The location of the town market and an early mosque built in 1263 was determined. It is suggested that the area around them marks the early region from where the town began to expand and where it is possible to find the earliest cultural layers associated with the emergence of the town. By the final stage of the existence of Crimean Khanate, the area of urban development in Eski-Crimea was about 29 hectares.

Keywords: archaeology, Crimean Khanate, Ottoman Empire, Golden Horde, Crimean peninsula, towns of Crimean Khanate, Eski-Crimea, Old Crimea, Solkhat, historical topography, cartography, general plan, urban development tradition.

REFERENCES

1. Bocharov, S. G. 2000. *Istoricheskaia topografiia Kaffy; konets XIII v. – 1774 g. (fortifikatsiia, kul'tovye pamiatniki, sistema vodosnabzheniia) (Historical Topography of Caffa in Late 13th Century – 1774 (Fortification, Cult Sites, Water-Supply System))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

2. Bocharov, S. G. 2005. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 4. Rostov-on-Don: "Don archaeological society" Publ., 145–151 (in Russian).

3. Bocharov, S. G. 2008. In Mogarichev, Yu. M. (ed.). *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Works)* 3. Simferopol: "Antikva" Publ., 191–212 (in Russian).
4. Bocharov, S. G. 2013. In Bocharov, S. G. (ed.). *V Mezhdunarodnyy Bolgarskiy forum «Politicheskoe i etnokul'turnoe vzaimodeystvie gosudarstv i narodov v postzolotoordynskom prostranstve (XV–XVI vv.)» (The Vth International Bolgar's Forum "Political and Ethno-Cultural Interaction of States and Nations in the Post-Golden Horde Space (15th–16th centuries)"))*. Simferopol: "Krokus" Publ., 15–17 (in Russian).
5. Bocharov, S. G. 2015. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Srednevekovye tyursko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 7. Kazan: "TsIN" Publ., 5–10 (in Russian).
6. Bocharov, S. G. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 321–328 (in Russian).
7. Bocharov, S. G., Seytumerov, Sh. S. 2017. In *Srednevekovye tyursko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 7, 5–10 (in Russian).
8. Gavrilov, A. V., Maiko, V. V. 2014. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (Materialy k arkheologicheskoi karte goroda Staryi Krym) (Medieval Fortified Site of Solkhat-Krym: Materials to the Archaeological Map of the Staryi Krym Town)*. Simferopol: "Business-Inform" Publ. (in Russian).
9. Kirilko, V. P. 2008. In *Issledovaniya po armenistike v Ukraine (Armenian studies in Ukraine)* 1. Simferopol: "Feniks" Publ., 37–43 (in Russian).
10. Kirilko, V. P. 2013. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaya Evraziia: simbioz gorodov i stepi (Medieval Eurasia: Symbiosis of Towns and Steppe)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 17. Kazan: "Otechestvo" Publ., 84–99 (in Russian).
11. Kirilko, V. P. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Miras – Nasledie. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoy kultury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 gg.: v 3 t. (MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea. Bolgar City and the Study of the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: "Aster Plyus" Publ., 420–496 (in Russian).
12. Kramarovskii, M. G. 1989. In Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Activities by the Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141–157 (in Russian).
13. Kramarovskii, M. G. 1997. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* (1), 101–106 (in Russian).
14. Kramarovskii, M. G. 2009. In Beliaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 395–433 (in Russian).
15. Kramarovskii, M. G. 2010. In Gertsen, A. G. (ed.). *Otkrovenie drevnego Solkhata (Revelations of the Ancient Solkhat)*. Khar'kov: "Praga" Publ., 21–26 (in Russian).
16. Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya (Man from Medieval Streets. The Golden Horde. Byzantium. Italy)*. Saint Petersburg: "Evraziya" Publ. (in Russian).
17. Kramarovskii, M. G. 2018. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii. Bosporskie chteniya (Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Traditions and innovations. Bosporan Readings)* XIX. Simferopol, Kerch: "Prondo" Publ., 245–250 (in Russian).
18. Kramarovskii, M. G. 2019. In *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii. Katalog vystavki (The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons of the Genghisid empire. Exhibition catalog)*. Moscow: "Fond Mardzhani" Publ., 15–57 (in Russian).
19. Kramarovskii, M. G., Teplyakova, A. N. 2016. In Seidaliev, E. I. (ed.). *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ord'y: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki (Crimea in the Golden Horde Period. Crimean Yurt of the Golden Horde: Legacy of a Vanished Empire: Exhibition Catalog)*. Simferopol: "Tarpan" Publ., 107–214 (in Russian).
20. Kramarovskii, M. G., Teplyakova, A. N. 2016. In Kovaleva, N. O., Kostovska, S. K., Borisova, E. A. (eds.). *Priroda i obshchestvo: tekhnologii obespecheniya prodovol'stvennoy i ekologicheskoy bezopasnosti (Nature and Society: Food and Environmental Security Technologies)*. Moscow: "Maks Press" Publ., 110–126 (in Russian).
21. Lomakin, D. A. 2015. *Musul'manskie pamiatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istoriya izucheniia, sovremennoe sostoianie (Muslim Monuments of Stary Krym of the 13th–15th cc.: the History of Studying and the Contemporary State)*. Simferopol: "Solo-Rich" Publ. (in Russian).

22. Lomakin, D. A. 2015. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean historical review)* 3. 100–130 (in Russian).

23. Pallas, P. S. 1999. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh (Observations made during a Journey to the Southern Governorships of the Russian State in 1793–1794)*. Series: Nauchnoe nasledstvo (Scientific Legacy). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

24. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy*. T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Published by dependent earl S.G. Stroganov (in Russian).

25. Chelebi, E. 2008. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)*. (*Book of Travel. Crimea and the Neighbouring Regions. (Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler)*). Simferopol: “Dolya” Publ. (in Russian).

26. Bocharov, S. 2019. In *Altin Orda ve Merasi. Uhuslararasi Sempozyum*. Istanbul 25-26 Kasim 2019. Istanbul: Istanbul Universitesi, 37 (in English).

27. Bocharov, S. 2021. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences* vol. 14, issue 1, 4-16. DOI: 10.17516/1997-1370-0567

28. Veinstein, G. 1990. In *Ikinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres*. Samsun, 584–606 (in French).

About the Author:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences, Head of Archaeological Laboratory. Associated Professor. Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

Изучение сельских округ городов Восточной Европы

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.136.147>

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ¹

© 2021 г. Л.В. Яворская

В исследовании поставлен вопрос – кочевая степь или сельские поселения обеспечивали города Золотой Орды мясной пищей. В мясном потреблении всех изученных городов наиболее важное место занимала говядина – продукция преимущественно сельских поселений, баранина и конина – продукция степного скотоводства, играли вспомогательную роль. В городах, вокруг которых располагались неограниченные пространства для выпаса крупного рогатого скота доля говядины в рационе была существенно, на 10–20 % выше, чем в степных и полупустынных городах, вдоль нижнего течения Волги и Ахтубы, где устье полосы аazonальных ландшафтов существенно ограничивала выпас. В городах, которые функционировали в XIII и XIV веках заметно увеличивается доля говядины в XIV веке. Это связано с формированием к XIV веку сельских округ и налаживанием регулярных поставок основного мясного продукта из них. Изучение археозоологических коллекций из пяти сельских поселений Поволжья и Крыма выявило высокую – 80–85%, долю говядины и в их мясном рационе. Это означает очень высокую численность поголовья крупного рогатого скота, содержащегося на сельских поселениях, по отношению к другим видам домашних копытных. Сельские жители Золотой Орды занимались специализированным разведением крупного рогатого скота и были основными поставщиками мясной продукции в золотоордынские города, а также важными участниками экспорта животной шкуры в экономической системе государства.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, города, сельские поселения, мясные продукты, говядина, специализированное разведение крупного рогатого скота, ресурсные зоны.

Для золотоордынского культурного пространства, сочетающего в себе обширные степные просторы, освоенные скотоводческим кочевым населением, и развитые города с высокой степенью урбанизации, неясным остается вопрос – кто снабжал города мясными продуктами, поскольку сами горожане не имели возможности придомно разводить домашний скот в необходимом количестве. Наиболее простой ответ лежит на поверхности – конечно, степные кочевники, будучи специализированными скотоводами, должны были обеспечивать горожан белковой пищей. Однако, помимо кочевых хо-

зяйств, в государстве существовали оседлые поселения, в которых могли не просто содержать, а разводить домашний скот. Для решения этого вопроса возможно привлечь результаты археозоологических исследований коллекций, полученных из раскопок как в городах, так и на сельских памятниках Золотой Орды. Выполненные на современном уровне, такие исследования позволяют выстроить верифицированную экономическую модель жизнеобеспечения городов, взаимоотношений их с кочевой степью и сельскими поселениями в государстве. Этому вопросу и посвящена данная работа.

¹ Грант РФФИ № 20-09-00310 "Археозоологические материалы как источник для реконструкции палеоэкономических процессов в лесной и степной зонах Восточной Европы в XII–XVI вв."

По методической схеме, разработанной в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН (Антипина, 2004; 2009), исследованы представительные коллекции с девяти золотоордынских городов. Семь из них расположены от среднего до нижнего течения Волги: Болгар (Болгарское городище, Спасский район, Республика Татарстан) – 10 коллекций из пяти районов города, Увекское городище (город Увек, южная окраина современного города Саратова) – девять коллекций из четырех районов, Водянское городище (Дубовский район, Волгоградская область) – три коллекции, все в разных районах города, Царевское городище (Ленинский район, Волгоградская область) – пять коллекций из раскопок жилых усадеб, отдаленных друг от друга, Селитренное городище (Харабалинский район, Астраханская область) – три коллекции с трех раскопов. На домонгольских городищах Самосдельское и Мошаик, расположенных в Волжской дельте (Астраханская область), на каждом из памятников слои золотоордынского времени исследованы лишь на одном раскопе. Из археологических исследований города Маджар (Буденновский район, Ставропольский край) археозоологические коллекции изучены для четырех раскопов и одного шурфа, расположенных в разных частях торгово-ремесленного квартала. В городе Азак (современный город Азов, Ростовская область) изучены коллекции семи раскопов из четырех городских районов. Задачи изучения мясного потребления горожан ставятся для всех памятников, но возможности интерпретации результатов исследований ограничены количеством и объемом изучаемых коллекций.

Для нескольких коллекций с одного памятника спектры мясного потребления выстраиваются усредненные, полученные для жилых кварталов с обычным бытовым накоплением

костей животных. На настоящий момент хорошо известно, что в ряде крупных городов в ремесленных кварталах происходили массовые забои скота для нужд ремесленных производств, обрабатывающих шкуры домашних копытных. При археозоологических исследованиях материалов из раскопок на таких участках городов выясняется, что доля остатков мелкого рогатого скота существенно завышена (Яворская, 2018а; 2018б; 2018в; 2019а; 2019б), и данные из них не используются в исследовании. Материалы из городов, где изучены археозоологические коллекции лишь с одного раскопа, используются с осторожностью и указанием на неполные сведения о мясном потреблении.

Численность костных остатков, не относящихся к классу млекопитающих – птиц и рыб, в золотоордынских городах невелика, в среднем составляя по птицам 1,5%, по рыбам – около 5% от всего объема костей с раскопа. Количество костных остатков млекопитающих, кроме домашних «мясных» копытных, весьма небольшое: доля собак и кошек редко превышает 1%, кости транспортных животных – верблюдов и ослов, единичны, доля остатков диких животных не достигает в городских коллекциях даже 1%. Основой археозоологических коллекций городов являются «кухонные» остатки домашних «мясных» копытных – крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней, доля которых совокупно составляет не менее 80% от всего объема костей животных. Osteологические спектры остатков этих животных становятся основой для выяснения белковой диеты горожан.

Расчет объемов потребления мяса домашних копытных по кратности их весовых показателей проводится по методике, применяемой в ИА РАН (Антипина, 2005, с. 186). Доля костных остатков каждого вида в общем

остеологическом спектре умножается на соответствующий коэффициент кратности их весовых показателей. За эталон традиционно выбирается условный вес одной овцы (50 кг) и для золотоордынских коров коэффициент составил 6, для лошадей – 5,5, для свиней – 1. Результатом расчетов становятся относительные объемы потребления мяса каждого вида, выраженные в условных единицах. Перевод этих показателей в процентное соотношение показывает долю каждого вида в мясной диете (Антипина, 2005, с. 186).

Основным мясным продуктом во всех изученных золотоордынских городах во второй половине XIII и в XIV веке является говядина. Ее доля составляет в поволжских городах 50–69%, а на отдельных раскопах, датирующихся XIV веком, эта цифра превышает 70%. В городах, расположенных на Нижнем Дону и Северном Кавказе, доля говядины еще выше – 76–79% (табл. 1). Следующую «позицию» в мясном потреблении городов занимает баранина – 5,5–41% (табл. 1). Доля конины варьирует от 2 до 22%, свинина с долей 0,1–0,7% (табл. 1) существенного значения в мясном потреблении городов не имеет.

Если взять к сравнению мясной рацион древнерусских городов, то в нем тоже принципиально важную роль играет говядина, но доля ее в усредненном спектре существенно выше, чем в Золотой Орде – 87,4% (Антипина, 2005, с. 187, табл. 2). Второе «место» в городском спектре Руси занимает конина (7,0%), далее – свинина (3,7%), баранина/козлятина замыкают эту иерархию (1,9%) (там же). В рамках древнерусского городского спектра мясного потребления хорошо видно, что в хозяйствах, обеспечивающих города мясными продуктами, не задействован «кочевой» компонент, иначе более существенным был

бы вклад баранины. Доля свинины в русских городах не слишком высока, зато на сельских поселениях достигает 16% (там же), хорошо видно, что этот мясной продукт маркирует иную диету и иной, более оседлый, тип скотоводческого хозяйства, чем ордынский.

Как показывает наш анализ спектров мясного потребления, в золотоордынских городах типичная продукция степного скотоводства – баранина и конина, оказываются далеко не на первых местах. К причинам крайне низкого наполнения культурных напластований ордынских городов костными остатками свиньи традиционно относят этнорелигиозные пищевые предпочтения большинства населения, по преимуществу мусульманизированного. Письменные источники сообщают, что ордынскими кочевниками это животное не разводится, но оно присутствует в хозяйстве у некоторых оседлых народов государства и христианизированной аристократии (Яворская, 2017, с. 314). Современные археозоологические исследования показывают, что к важнейшим факторам этнических пищевых предпочтений и религиозных пищевых запретов мусульманских народов на свинину может быть добавлен фактор экономической, связанный с активным экспортом шкур крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей (Яворская, 2019, с. 579). Мясо забитых на шкуры копытных было важной частью структуры мясного обеспечения золотоордынских городов (Яворская, 2019, с. 579). При этом о вывозе какой-либо продукции свиноводства письменные источники не упоминают. Не подтверждают такой экспорт и археозоологические исследования скоплений «производственных» костных остатков в городах, где фиксируются почти исключительно головные и подиальные кости крупного и мелкого рогатого скота, а остатков свиньи

не зафиксировано вовсе (Яворская, 2019, с. 579). Возможно, именно эта, сугубо экономическая, причина вынудила те небольшие этнические группы горожан немусульманского вероисповедания, которые традиционно употребляли свинину, довольствоваться более распространенными в Золотой Орде мясными продуктами – говядиной и бараниной, а свинина даже на их столах была большой редкостью (Яворская, 2016, с. 287). В золотоордынском культурном пространстве свиное мясо могло быть востребовано лишь отдельными немногочисленными этническими анклавами в составе городского или сельского населения, экономической необходимости в шкуре этого копытного в государстве не было. Таким образом, зафиксированная археозоологическими исследованиями единичность находок костей этого животного вполне согласуется как с современными знаниями об этнорелигиозной принадлежности большей части городского населения страны, так и с данными письменных источников и наших палеоэкономических реконструкций.

В густонаселенных золотоордынских городах практически невозможно содержать большое количество животных для мясной пищи, лишь совсем немного молочного скота. Откуда поставлялся в города крупный рогатый скот – из кочевой степи или из ближайшей сельской округи? В стадах степных кочевников золотоордынского времени письменными источниками упоминается содержание крупного рогатого скота, но преимущественно как тягловой силы (Яворская, 2017, с. 315). Составить представление о его численности в стаде кочевников по текстам невозможно, известно только, что его существенно меньше, чем баранов (Яворская, 2017, с. 315). Однако те же источники фиксируют длительные и протяженные сезонные перекочевки ханской став-

ки со стадами вдоль Волги, конечным пунктом которых в летний период является округа Болгара. Пастбища в районе нижеволжских столиц остаются для поздней осени и зимы, когда ставка возвращается на Нижнюю Волгу. Получается, что даже для крупных городов Нижнего Поволжья кочевники не могут осуществлять регулярные поставки больших партий крупного рогатого скота на убой, поскольку кочуют довольно далеко от этих мест. Скорее всего, основной мясной продукт поставлялся в города из сельских поселений округи, где оседлое население содержало и разводило крупный рогатый скот (Яворская, 2017, с. 316). Важно отметить, что для всех городов, где исследовались коллекции с материалами как XIII, так и XIV веков, отмечается повышение доли говядины в мясном рационе жителей в XIV веке (табл. 1). По нашему убеждению, поставки говядины активно начинают осуществляться лишь при окончательном формировании сельских округ городов, то есть именно в XIV веке. Именно тогда доля говядины становится в некоторых районах поволжских городов наивысшей.

О роли сельских округ в поставках говядины косвенные данные дает анализ спектров мясного потребления городов в сопоставлении со специфической природных возможностей территории. Доля говядины в городах Нижней Волги XIV века, особенно на дельтовых памятниках (57–61%), несколько ниже, чем на Нижнем Дону и Северном Кавказе (76–79%) (табл. 1). В свою очередь, совокупная доля баранины и конины на Нижней Волге 35–49%, а в Азаке и Маджаре не превышает 23% (табл. 1). Наше предположение по этому факту состоит в том, что существенную роль играют природные условия, возможности ресурсной зоны «прокормить» большое количество крупного рогатого скота (Яворская, Антипина, 2016).

Таблица 1

Мясное потребление в городах Золотой Орды (%)

Городские поселения	Природные зоны	Мясные продукты			
		Говядина	Конина	Баранина	Свинина
Поволжье					
Болгар (XIII в.)	<i>Лесостепь</i>	62,1	10,1	27,4	0,4
Болгар (XIV в.)	<i>Лесостепь</i>	69,2	7,4	23,0	0,4
Укек (XIII в.)	<i>Степь-лесостепь</i>	56,3	2,2	41,0	0,5
Укек (XIV в.)	<i>Степь-лесостепь</i>	79,3	9,1	11,4	0,1
Водянское (XIV в.)	<i>Степь</i>	63,7	12,8	22,8	0,7
Царевское (XIV в.)	<i>Степь-полупустыня</i>	59,3	18,2	22,4	0,1
Селитренное (XIV в.)	<i>Степь-полупустыня</i>	56,4	18,2	25,0	0,4
Мошаик (XIII в.)*	<i>Полупустыня (дельта)</i>	50,5	22,5	26,8	0,2
Мошаик (XIV в.)*	<i>Полупустыня (дельта)</i>	57,4	9,2	33,1	0,3
Самосдельское (XIII в.)*	<i>Полупустыня (дельта)</i>	56,7	20,1	23	0,2
Самосдельское (XIV в.)*	<i>Полупустыня (дельта)</i>	61,3	14,2	24,2	0,3
Нижний Дон и Предкавказье					
Азак (XIV в) Центр	<i>Степь</i>	76,4	5,2	18,3	0,1
Азак (XIV в) Восточный	<i>Степь</i>	76,0	18,3	5,5	0,2
Маджар (XIV в)	<i>Степь</i>	79,7	8,8	11,4	0,1

* Звездочкой отмечены случаи, когда данные по памятнику получены только с одного раскопа.

Возможности разведения крупного рогатого скота в суровой степной и полупустынной зоне были существенно ограничены неширокой полосой аazonальных ландшафтов, пригодных для содержания и выпаса, вдоль берегов Волги и впадающих в нее речушек (рис. 1). Исходя из полученных археозоологами данных по мясному потреблению, на всех памятниках Нижнего Поволжья, расположенных в степной и полупустынной зонах (Водянское, Царевское, Селитренное городища, памятники дельты – Самосдельское и Мошаик), продукция степного скотоводства – баранина и конина, восполняли недостаток говядины. В лесостепной округе Болгара свободные угодья для выпаса есть, и доля говядины приближается к 70%. В Азаке и Маджаре нет никакой проблемы с ресурсной зоной, выпасы ничем не ограничены, доля говядины здесь приближается к 80% (рис. 1). Этот анализ показывает, что наиболее важным фактором в поставках основного мясного продукта – говядины – в города Золотой Орды становятся раз-

меры и возможности ресурсной зоны для выпаса крупного рогатого скота, который содержат и разводят в сельской округе городов.

Остается выяснить, остатки каких мясных продуктов и ресурсов отражают культурные напластования самих сельских поселений. Селища Золотой Орды исследуются археологически чрезвычайно редко, потому важной является каждая археозоологическая коллекция, полученная из раскопок этих памятников. По той же методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, на настоящий момент имеется несколько исследованных коллекций костных остатков из двух поселений в Нижнем Поволжье и трех – в Крыму.

Нижневолжские памятники находятся на правом берегу р. Волги в природных условиях степных балочных перелесков. Селище Багаевское принадлежит к округе золотоордынского города Укек (Увекское городище, южная окраина современного Саратова), датируется синхронно городу второй

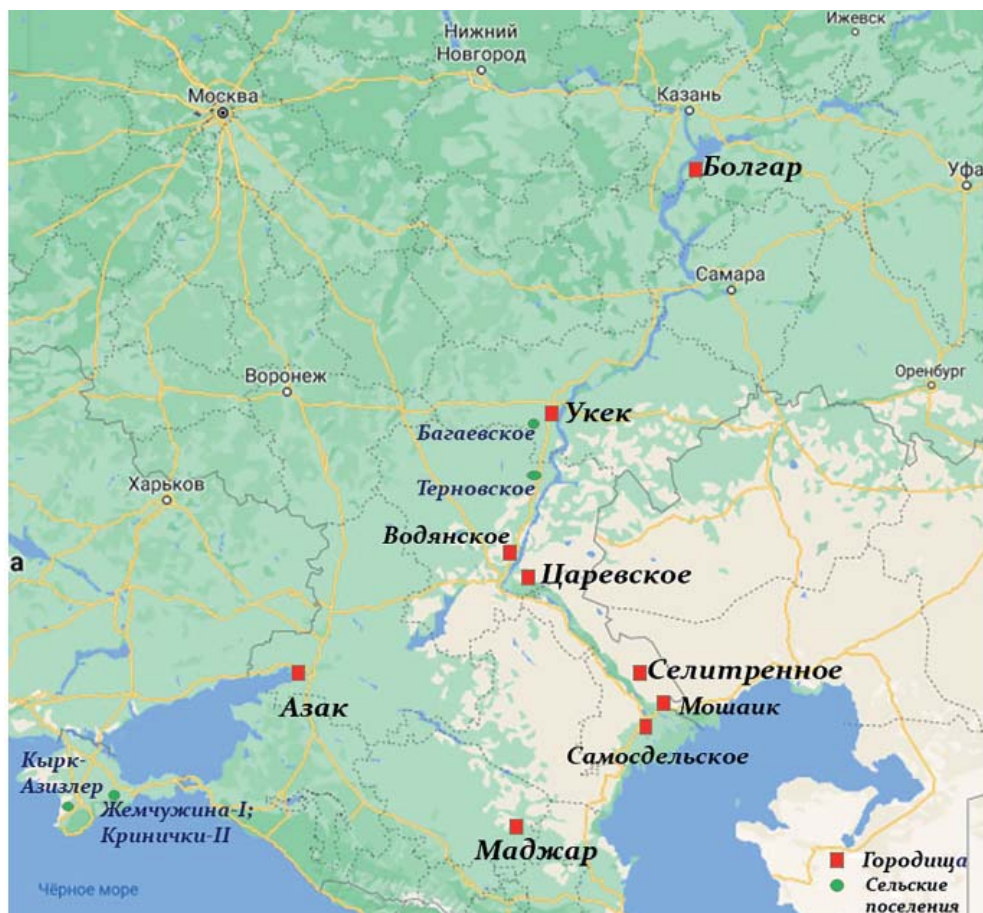

Рис. 1. Золотоордынские города и сельские поселения с изученными археозоологическими коллекциями

Fig. 1. Golden Horde cities and rural settlements with studied archaeozoological collections

половиной XIII–XIV вв. Это довольно крупное сельское поселение с развитыми ремеслом и торговлей, хорошо подтверждаются находками остатков колосовых земледельческие занятия жителей. В составе населения вычлняются русский и мордовский этнические компоненты (Недашковский, 2013). Селище Терновское – небольшое поселение в Камышинском районе Волгоградской области, датируется XIV веком, золотоордынского города вблизи не зафиксировано. Материальная культура, изученная раскопками 2005–2006 гг., обычна для поселений золотоордынского времени, в составе населения вычлняется мордовский

компонент (Блохин, Яворская, 2006, с. 129).

Коллекция Багаевского – самая крупная из всех изученных сельских поселений – около 13 тыс. костных фрагментов, из них определяемые остатки домашних «мясных» копытных – 5481 фрагмент (Яворская, Недашковский, 2020). Доля говядины в мясном потреблении жителей Багаевского селища составляла 80,4%, баранины – 13,1%, конины – 6%, свинины – 0,5% (табл. 2). Коллекции костных остатков из двух других селищ округа Укека – Болдыревского и Песочного, исследованные по методической схеме ИА РАН, оказались очень невели-

Таблица 2

Остеологические спектры и мясное потребление сельских поселений Золотой Орды (%).

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	ВСЕГО
Поволжье					
Багаевское	47,7	3,9	46,5	1,9	100,0
Терновское	49,0	25,3	17,5	8,2	100,0
Крым					
Жемчужина-1	64,5	6,9	28,4	0,2	100,0
Кринички-II	63,6	2,1	34,0	0,3	100,0
Кырк-Азизлер, Р-III	66,9	6,2	26,7	0,2	100,0
Кратность веса мясных туш	6	5,5	1	1	
Мясные продукты	Говядина	Конина	Баранина	Свинина	ВСЕГО
Поволжье					
Багаевское	80,4	6,0	13,1	0,5	100,0
Терновское	64,1	30,3	3,8	1,8	100,0
Крым					
Жемчужина-I	85,3	8,4	6,3	0,04	100,0
Кринички-II	89,3	2,6	8,0	0,08	100,0
Кырк-Азизлер, Р-III	86,8	7,4	5,8	0,04	100,0

ки (порядка 200–300 фрагментов), и было бы неверным высчитывать для них как остеологические спектры, так и спектры мясного потребления. Укажем, что в этих коллекциях представлены остатки тех же видов домашних копытных и в тех же пропорциях, что на Багаевском селище.

Археозоологическая коллекция из работ 2006 года на Терновском поселении составила 1515 фрагментов, из них определимым домашним копытным принадлежит 696. На Терновском поселении доля говядины ниже, чем на Багаевском – 64,1%, но следующую позицию в иерархии занимает конина – 30,3%, баранина составила 3,8%, свинина – 1,8% (табл. 2). Такие объемы употребления конины крайне редко встречаются в памятниках Золотой Орды, и, по-видимому, на этом основании можно предполагать какой-то специфичный хозяйственный и/или этнокультурный компонент. В керамическом комплексе данного поселения существенную долю занимает мордовская керамика, есть одна находка сьюльгамы. Не исключено, что высокая доля конины

в данном случае маркирует диету и хозяйственные занятия мордовского населения в составе данного поселка. Доля свинины здесь немного выше, чем на Багаевском селище. Но с Терновского поселения археозоологом исследована лишь одна небольшая коллекция, и в настоящий момент трудно утверждать, устойчива ли эта тенденция, будут ли такие же объемы находок костных остатков свиньи фиксироваться на других раскопах памятника. В городах и, в частности, в Укеке доля костей свиньи существенно ниже, чем на селищах Поволжья, и по-видимому, это мясное животное целенаправленно, но понемногу разводилось именно на сельских поселениях для гастрономических нужд отдельных этнических групп в составе горожан и селян.

Высокие, выше, чем в городах, объемы говядины на селищах округа Укека и Терновского поселения предполагают особую роль и невероятно высокую численность поголовья крупного рогатого скота в хозяйстве по отношению к другим видам домашних копытных. По-видимому,

сельские жители занимались специализированным разведением крупного рогатого скота (Яворская, Недашковский, 2020). На Терновском, возможно, дополнительно разводили лошадей. Напомню, что, по информации письменных источников, степные лошади и их шкуры были важной экспортной продукцией (Яворская, 2017, с. 315). Изучение археозоологических коллекций в отдельных районах города Укека, датирующихся XIV веком, выявило очень высокие показатели потребления говядины, сопоставимые с данными, полученными по Багаевскому селищу. Кроме этого, в ремесленном квартале Укека обнаружены остатки «производственных» скоплений костей домашних копытных, а также костные остатки крупного и мелкого рогатого скота, использовавшиеся в качестве инструментария в кожевенном производстве (Яворская, 2020б). Из всего вышеизложенного можно предположить, что одним из важнейших хозяйственных занятий жителей сельских поселений Нижнего Поволжья было скотоводство и, в частности, специализированное разведение крупного рогатого скота, а иногда и лошадей, на мясо и шкуры. Забои и разделка животных, а также обработка шкурной продукции происходили, по-видимому, в ремесленных кварталах городов.

Археозоологическое изучение средневековых сельских поселений степной зоны Крымского полуострова представляет немалый научный интерес – оно может прояснить хозяйственные занятия жителей и существенно дополнить сведения письменных источников к реконструкции экономической системы (Яворская, 2020а). Два крымских поселения Жемчужина-I и Кринички-II расположены в Кировском районе в юго-восточной части Крымского полуострова в предгорной степи и в Средние века входили в сельскую округу золото-

ордынского улусного центра города Солхат (ныне Старый Крым). На поселениях выявлены остатки углубленных в землю жилищ, серия хозяйственных ям и ям-хранилищ разной формы. Обильные находки обломков керамики, в том числе поливной и тарной, монетные комплексы, позволяют датировать оба поселения в рамках XIV века, Кринички-II прекратило существование в первой четверти XV века (Крамаровский, Гукин, 1999). Археозоологические коллекции представительны: на Жемчужине-I она составила 5795 фрагментов, домашних копытных 3281 фрагмент, в Криничках-II объем коллекции 1264 фрагмента, «мясные» домашние копытные составили 585 фрагментов. Третий из крымских памятников, поселение Кырк-Азизлер, расположен в Бахчисарайском районе, в предгорной степной части. Археологическим исследованием выявлены остатки хозяйственных построек поселения XIV века. Археозоологическая коллекция с раскопа № III (3) объемом 3473 фрагмента, остатков домашних копытных – 2067.

На всех трех крымских поселениях оказались удивительно сходны остеологические спектры. Наиболее высокая доля у крупного рогатого скота – 63–67%, вторая позиция у МРС – 26–34%, остатки лошади малочисленны – 2–7% и совсем немного остатков свиньи 0,2–0,3%. (табл. 2). Расчет потребления мяса разных видов домашних копытных проведен на основе остеологических спектров по традиционной схеме через коэффициенты кратности веса мясных туш (Антипина, 2005, с. 186). Установлено, что на всех поселениях основным мясным продуктом была говядина, доля которой от 85 до 89% (табл. 2). Остальные мясные продукты – баранина и конина, доли которых составили от 2,6 до 8,4%, существенно «уступали» говядине (табл. 2). Роль

свинины в рационе жителей степных крымских поселений оказалась незначительной (0,04–0,08%) (табл. 2).

Столь явное, свыше 85%, превалирование говядины в мясном рационе жителей сельского памятника весьма необычно. Например, для сельских поселений Древней Руси при преобладании говядины остальные мясные продукты в совокупности составляют около 40% белкового рациона, а в исследуемых поселениях – лишь 15%. Очень высокие доли говядины (свыше 85%) характерны для городов Древней Руси (Антипина, 2005), но не для сельских памятников. Из золотоордынских городов наиболее высокие доли говядины (порядка 70–80%) зафиксированы в южных городах, таких как Азак на Нижнем Дону и Маджар на Северном Кавказе. В настоящее время нет данных по мясному потреблению городов степной зоны Крымского полуострова золотоордынского времени, но, скорее всего, их мясной рацион был сходен с Азакским и Маджарским.

Решающая роль говядины в мясном потреблении косвенно указывает на очень высокую численность крупного рогатого скота, содержавшегося на сельских поселениях, что возможно только при специализированном его разведении. Природные условия – обширные степные выпасы – вполне соответствуют отгонному характеру скотоводства, практикуемому для разведения этого вида животных. Расположенные недалеко от крупных городов, эти поселения могли осуществлять регулярные поставки животных на мясо. Кости из мясных туш должны были откладываться преимущественно в культурных напластованиях городов, однако очень много остатков обнаружено и на самих поселениях. Раздробленность костей на всех изученных крымских сельских памятниках невысокая, разделка производилась крупными

фрагментами туш, как в городах. Несколько неожиданно было обнаружить на специализированном скотоводческом поселении Жемчужина-I большие скопления раковин морских моллюсков, употреблявшихся в пищу, а также «кухонные» костные остатки зайцев и домашней птицы (Яворская, 2020а, с. 173–174). По всей видимости, забои крупного рогатого скота были сезонными, в их результате образовывалось огромное количество мяса, которое разделяли крупными кусками и заготавливали, используя многочисленные ямы-хранилища, зафиксированные при археологических исследованиях. Когда заготовленное мясо заканчивалось, а время нового забоя еще не наступало, необходимость в белковой пище восполнялась бараниной, кониной, моллюсками, зайчатчиной, мясом домашней птицы (Яворская, 2020а, с. 174–175).

Поскольку хорошо документирован итальянскими средневековыми источниками большой объем экспорта бычьих шкур, вывозимых из портов Северного Причерноморья (Бочаров, Масловский, 2015; Еманов, 2018), можно утверждать, что разведение крупного рогатого скота было важнейшей отраслью экономики Крыма. Археозологическое исследование позволило дополнить имеющуюся информацию и установило, что этим занимались не только кочевники, но и жители специализированных поселений. В контексте экспорта становятся понятны сезонные забои скота, поскольку городу требовалось мясо достаточно регулярно, а вот загрузка обрабатывающих шкуры мастерских и погрузка товаров на суда – операции нерегулярные, приуроченные к срокам навигации. По-видимому, именно в периоды массового забоя животных и обработки их шкур образовывалось очень много коровьих туш, разделанных крупными кусками, что и фиксирует археозологическое исследование.

Высокая численность крупного рогатого скота на поволжском Багаевском селище и одновременно фиксация в ремесленном квартале Укека производств, обрабатывающих шкуры животных, заставляет признать, что и в Поволжье сельские поселения активно развивали разведение крупного рогатого скота для получения шкур, и именно поэтому в XIV веке резко выросло потребление говядины в городе.

Таким образом, анализ археозоологических коллекций из раскопок городских и сельских памятников Золотой Орды позволил установить, что именно сельские поселения играли центральную роль в обеспечении городов основным мясным продуктом – говядиной, и не исключено, что важной была их роль в получении одного из главных экспортных товаров государства – животной шкуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антипина Е.Е.* Археозоологические материалы (глава 7) // Каргалы. Т. III / Ред и сост. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–248.
2. *Антипина Е.Е.* Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / Ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 181–190.
3. *Антипина Е.Е.* Ростиславльское городище дьяковского времени: археозоологические материалы из раскопок 2002–2006 годов // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1 / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2009. С. 146–171.
4. *Блохин В.Г., Яворская Л.В.* Археология Золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: ВолГУ, 2006. 268 с.
5. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 157. Кн. 3. Казань: изд-во КГУ, 2015. С. 7–11.
6. *Еманов А.Г.* Между полярной звездой и полуденным солнцем. Кафа в мировой торговле XIII–XV веков. Санкт-Петербург: Алетей, 2018. 368 с.
7. *Крамаровский М.Г., Гукин В.Д.* Золотоордынское поселение Кринички-II (результаты полевых исследований). СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. 183 с.
8. *Недашковский Л.Ф.* Исследования Багаевского селища // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. Казань: изд-во КГУ, 2013. С. 7–19.
9. *Яворская Л.В.* Особенности заполнения костями животных культурных напластований золотоордынских городов Нижнего Поволжья на участках проживания древнерусского населения // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: V Международная Нижневолжская археологическая конференция. 15–18 ноября 2016 г. Материалы / Редкол.: П.М. Кольцов и др. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2016. С. 282–287.
10. *Яворская Л.В.* Домашние животные в быту и экономической системе Золотой Орды: письменные свидетельства и археозоологические реалии // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдинов. Владивосток: Дальнаука. 2017. С. 313–318.
11. *Яворская Л.В.* Общее и особенное в заполнении костями животных культурных напластований центральной части средневекового Болгара // Археология евразийских степей. 2018в. № 5 (30). С. 256–261.
12. *Яворская Л.В.* Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология евразийских степей. 2018б. № 5 (30). С. 68–73.
13. *Яворская Л.В.* К вопросу об обеспечении мясными продуктами средневекового города Болгар // Поволжская археология. 2018а. № 2(24). С. 307–318.
14. *Яворская Л.В.* Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда.

Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019a. С. 553–567.

15. Яворская Л.В. Продукция скотоводства в золотоордынском Азаке: мясные продукты и ремесленные производства // Азак и мир вокруг него: Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника. 2019б. С.294–298.

16. Яворская Л.В. Археозоологическое исследование поселения Жемчужина-I и вопросы экономики юго-восточного Крыма в золотоордынский период // Поволжская археология. 2020а. № 2(32). С. 171–181.

17. Яворская Л.В. Ремесленные производства из животного сырья в золотоордынском Укеке: новые данные // Волго-Уральский регион от древности до средневековья. Материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конференции / Отв. ред А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020б. С. 222–228.

18. Яворская Л.В., Антипина Е.Е. География и особенности жизнеобеспечения городов Золотой Орды по археозоологическим данным // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 204–210.

19. Яворская Л.В., Недашковский Л.Ф. Археозоологические материалы Багаевского селища // КСИА. 2020. № 261. С. 393–402.

Информация об авторе:

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lv.yavorskaya@gmail.com

TO THE QUESTION ABOUT THE FUNCTIONS OF RURAL SETTLEMENTS IN THE ECONOMIC SYSTEM OF THE GOLDEN HORDE

L.V. Yavorskaya

The study posed a question – nomadic steppe or rural settlements provided the cities of the Golden Horde with meat food. In the meat consumption of all the studied cities, the most important place was occupied by beef – the products of mainly rural settlements, lamb and horse meat – the products of steppe cattle breeding, played an auxiliary role. In the cities around which there were unlimited areas for grazing cattle, the proportion of beef in the diet was significantly, 10–20% higher than in steppe and semi-desert cities along the lower reaches of the Volga and Akhtuba, where a narrow strip of azonal landscapes significantly limited grazing. In cities that functioned in the 13th and 14th centuries, the proportion of beef increased significantly in the 14th century. This is due to the formation of rural districts by the 14th century and the establishment of regular supplies of the main meat product from them. The study of archaeozoological collections from five rural settlements of the Volga region and the Crimea revealed a high – 80–85%, the proportion of beef in their meat diet. This means a very high number of cattle kept in rural settlements in relation to other types of domestic ungulates. The villagers of the Golden Horde were engaged in specialized cattle breeding and were the main suppliers of meat products to the Golden Horde cities. In addition, they were important participants in the export of animal skins in the economic system of the state.

Keywords: archaeology, Golden Horde, cities, rural settlements, meat products, beef, specialized cattle breeding, resource zones.

REFERENCES

1. Antipina, E. E. 2004. In Chernykh, E. N. (ed.). *Kargaly (Kargaly)* III. Moscow: “Yazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 182–248 (in Russian).
2. Antipina, E. E. 2005. In Chernykh, E. N., Zav'yalov, V. I. (eds.). *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody (Archaeology and Natural Science Methods)*. Moscow: “Yazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 181–190 (in Russian).

Russian Foundation for Basic Research: "Archaeozoological materials as a source for the reconstruction of paleo-economic processes in the forest and steppe zones of Eastern Europe in the 12th–16th centuries". №20-09-00310

3. Antipina, E. E. 2009. In Chernykh, E. N. (ed.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of the Natural Science Methods)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 146–171 (in Russian).
4. Blokhin, V. G., Yavorskaya, L. V. 2006. *Arkheologiya Zolotordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia (Archaeology of the Golden Horde Towns of the Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
5. Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2015. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 157. Book 3. Kazan: Kazan State University, 7–11 (in Russian).
6. Emanov, A. G. 2018. *Mezhdru polyarnoy zvezdoy i poludennym solntsem. Kafa v mirovoy trgovle XIII–XV vekov (Between the Polar Star and Midday Sun. Cafa in the World Trade of 13th – 15th Centuries)*. Saint Petersburg: “Aleteya” Publ. (in Russian).
7. Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2002. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki-II (rezul'taty polevykh issledovaniĭ) (Golden Horde Settlement Krinichki-II (Field Study Results))*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).
8. Nedashkovskii, L. F. 2013. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 155. Book 3. Part 1. Kazan: Kazan State University, 7–191 (in Russian).
9. Yavorskaya, L. V. 2016. In Kol'tsov, P. M. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya (Issues of the Archaeology of the Lower Volga Region)*. Elista: Kalmyk State University Publ., 282–287 (in Russian).
10. Yavorskaya, L. V. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: “Dal'nauka” Publ., 313–318 (in Russian).
11. Yavorskaya, L. V. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 256–261 (in Russian).
12. Yavorskaya, L. V. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 68–73 (in Russian).
13. Yavorskaya, L. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 307–318 (in Russian).
14. Yavorskaya, L. V. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 553–567 (in Russian).
15. Yavorskaya, L. V. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego (Azak and the World Around It)*. Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 294–298 (in Russian).
16. Yavorskaya, L. V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 171–181 (in Russian).
17. Yavorskaya, L. V. 2020. In Skripkin, A. S. (ed.). *Volgo-Ural'skii region ot drevnosti do srednevekov'ya (Volga-Ural Region from Antiquity to the Middle Ages)*. Volgograd: Volgograd State University, 222–228 (in Russian).
18. Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy (Dialog of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 204–210 (in Russian).
19. Yavorskaya, L. V., Nedashkovskii, L. F. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 261. 393–402 (in Russian).

About the Author:

Yavorskaya Liliya V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology RAS. Dm. Ulianova st., 19, Moscow, 420012, Russian Federation; lv.yavorskaya@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.148.163>

СЕЛА СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV–XV ВВ.

© 2021 г. С.В. Шполянский

В статье обосновывается локализация средневекового села Ясенье в Суздальском Ополье, упомянутого в источниках под 1417 г., которое ранее отождествлялось с селом Торки Суздальского Спасо-Ефимиева монастыря. Ясенье существовало на водоразделе, у одноименного родника во второй пол. XII – первой пол. XV вв. Причиной исчезновения села и еще одного синхронного ему крупного поселения, становится расширение монастырских владений в микрорегионе. Это подтверждается документами XVI–XVII в., которые фиксируют продолжение споров за землю у родника, на которую претендуют монастырь и крестьяне окрестных сел. Небольшой сюжет истории Ополья хорошо сочетается с общей картиной уменьшения количества сел в регионе в XV в., полученной в результате работ Суздальской экспедиции (рук. Н.А. Макаров). Это позволяет считать развитие монастырского землевладения значимым фактором трансформации систем расселения в Ополье в конце средневековья.

Ключевые слова: археология, Суздальское Ополье, система расселения, село, селище, водораздел, позднее средневековье, письменные источники, монастырское землевладение.

Монастырскими актами и Духовными грамотами, преимущественно с середины XV в. (АСЭИ, т. 1–3, 1952, 1958, 1964; ДДГ, 1950), в окрестностях Суздаля фиксируется абсолютное доминирование крупных сел как основной единицы расселения, что значительно отличается от сетевой поселенческой структуры древнерусского времени, когда плотность расположения поселений достигает своего естественного предела (Макаров и др., 2019, с. 7–28). В.А. Кучкиным в границах реконструируемой территории Суздальского княжества называются 34 владельческих села, известных по актовому материалу в XIV–XV вв. (Кучкин, 1984, с. 199–206, 224, рис. 7). Небольшое количество населенных пунктов, фигурирующих в актах, объясняется ограниченным объемом корпуса источников. С.З. Черновым учтено всего 46 документов, содержащих информацию о землях Суздальского уезда, датированных ранее 1505 г. (Чернов, 1998, с. 12, таблица 1).

Очевидно, что в сохранившихся актах содержится неполная информация о количестве сел, системе расселения, характере землепользования

и владельческой принадлежности большинства поселений и «тянувших» к ним угодий. Учитывая, что земли центральной части княжества в значительной мере попадают в зону сплошного археологического обследования, проводившегося Суздальской экспедицией ИА РАН под руководством Н.А. Макарова, совмещение результатов полевых работ с данными письменных источников позволяет достоверно соотносить открывающиеся археологические реалии с контекстом документальных свидетельств жизни сел Ополья.

Подавляющее большинство названных в источниках населенных пунктов – это существующие до настоящего времени или сравнительно недавно запустевшие села, известные как урочища с сохранившимися названиями. Исследование исторических поселений – отдельная важная задача: это большие памятники с многовековой историей, сложной планировкой, с мощным культурным слоем. При изучении таких селищ без проведения стационарных раскопок, как правило, бывает невозможна детализация хронологии собираемого материала, что

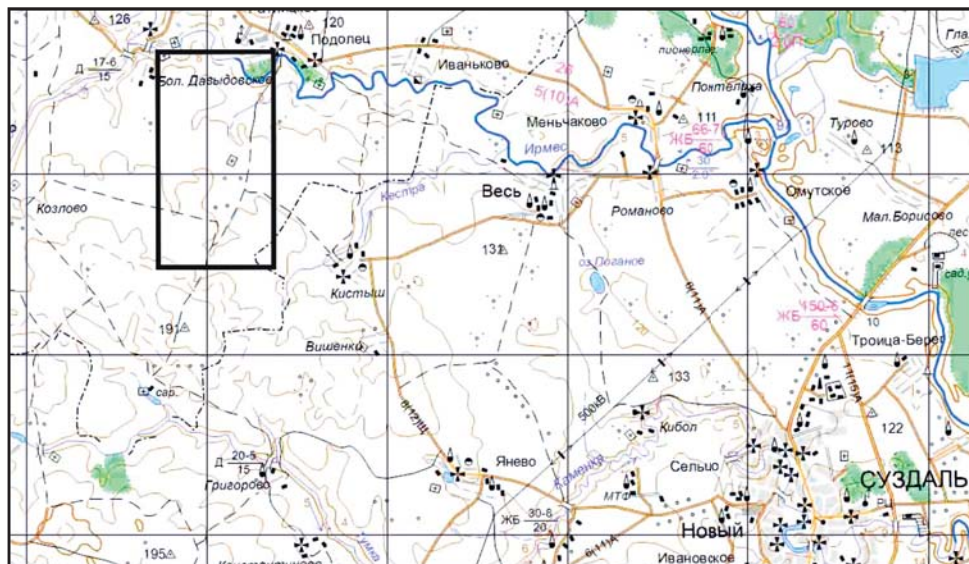

Рис. 1. Размещение на территории Суздальского Ополя овражной системы Варги-Ясенье

Fig. 1. Location of the Vargi-Yasenye gully system in the territory of Suzdal Opole

позволяет рассматривать динамику их развития только в рамках достаточно широких временных диапазонов.

Из всех населенных пунктов, помещенных В.А. Кучкиным на карту Суздальского княжества XIV в., можно назвать только два села, не переживающих рубеж Средневековья и Нового времени. Результаты обследования этих поселений имеют большое значение для верификации материалов второй пол. XIV – сер. XV вв. в Ополе, поиска причин изменений системы расселения при переходе региона под власть московских князей и развития церковного землевладения.

И только одно из них фиксируется в документах как существующий населенный пункт, а не как запустевшее селище. Это **село Ясенье**, которое фигурирует в одной из ранних (1417 г.) грамот суздальского Спасо-Ефимиевского монастыря. Согласно документу («данной грамоте»), некий Даниил Павлович, в иночестве Давыд, отдает свое село Ясенье «великому Спасу в дом... души на поминок, да и за долг» (АСЭИ, т. 2, № 434, с. 478). Судьба

бывшего владельца может быть прослежена благодаря, по-видимому, его духовной, датируемой около 1424 г., где он назван Данилой (в монастыре Давыдом) Климентьевым (АСЭИ, т. 3, № 484, с. 467), но Ясенье больше в актах монастыря не упоминается.

В существующей историографической традиции Ясенье обычно отождествлялось с одним из крупных монастырских сел, появляющемся в источниках с сер. XV в. – Торками. О том, что топоним Ясенье – древнейшее название села Торки, без лишних оговорок пишет В. Березин в описании церквей и приходов Владимирской епархии (Березин, 1896, с. 154), в академическом издании монастырских актов Ясенье также отождествляется с Торками со ссылкой на копийную рукопись актов XIX в., хранящуюся в ГИМе (АСЭИ, т. 2, с. 11, 478). В.А. Кучкин вместе с тем осторожно считал такую локализацию Ясенья не доказанной (Кучкин, 1984, с. 224, рис. 7).

Окрестности пустующего сейчас урочища Торки (13–15 км к северо-за-

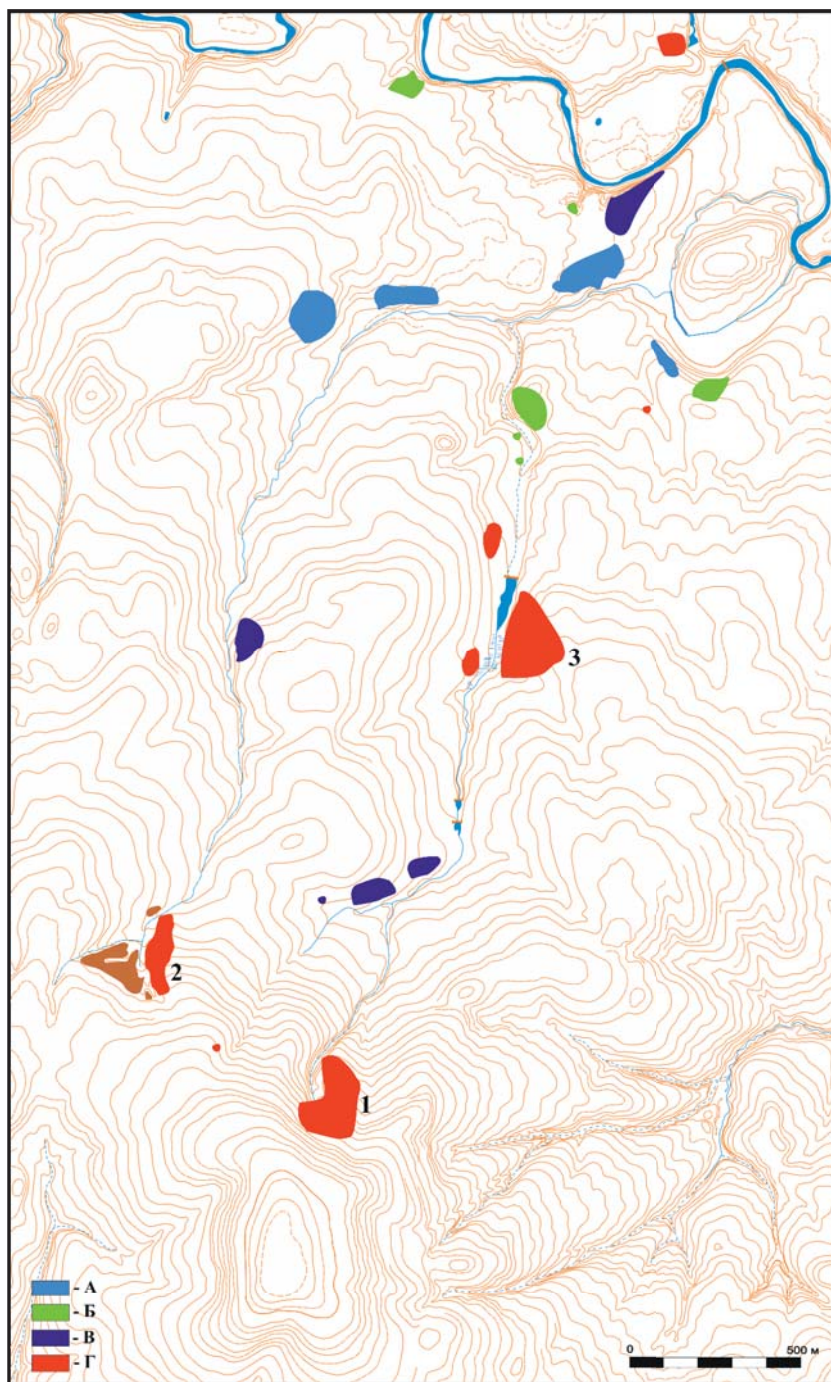

Рис. 2. Расположение поселений X–XV вв. в окрестностях урочища Торки.

А – конец I тыс. н.э.; Б – вторая половина X – первая половина XII вв.;
 В – вторая половина XII–XIII вв.; XII–XV вв. 1 – Селище Гостево 1 (Ясень);
 2 – Селище Гостево 3; 3 – Селище Торки 1

Fig. 2. Location of 10th–15th century settlements in the vicinity of Torki area. A – late 1st Millennium AD; B – second half of 10th – first half of 12th cc.; B – second half of 12th – 13th cc.; 12th – 15th cc.
 1 – Gostevo 1 (Yaseny) village; 2 – Gostevo 3 village; 3 – Torki 1 village

паду от Суздаля) обследовались Суздальской экспедицией с перерывами с 2007 по 2017 гг. (рис. 1). Село размещалось на обоих берегах водотока длиной около 5 км правого притока р. Ирмес, в среднем его течении. Овражная сеть, к которой приурочено поселение, образована двумя крупными проточными оврагами, примерно равной протяженности, сливающимися в низовьях, на берегах которых было открыто 19 памятников, датирующихся X–XV вв. (рис. 2).

Кроме поселения на территории урочища, отождествляемого с селом монастырских актов, в которых за XV столетие оно упоминается четырежды – 1445–46, 1451–62, 1482 и 1484 гг. (АСЭИ, т. 2, № 448, 454, 476, 479, с. 488, 493–494, 515–516, 517), в верховьях оврагов найдены еще два селища, сопоставимых с Торками размеров и длительности существования. Все три поселения, судя по составу подъемного материала, появляются во второй пол. XII – нач. XIII вв. и существуют в течение нескольких столетий.

Важным для корректного сопоставления одного из памятников с селом начала XV в. «данной» Даниила Павловича представляется фиксация названия ручья – Ясень, в среднем течении которого стояли Торки, на землеустроительной карте масштаба 1:10000 съемки 1942 г. Правда, ни на одной из более ранних карт или в других документах этого названия ручья найти не удалось.

Однако это не может служить решающим аргументом в пользу отождествления двух сел, поскольку в дожившей до современности устной традиции топоним Ясень прочно локализуется в самых верховьях оврага, в 2,7 км к югу от руин церкви св. Дмитрия Солунского в Торках. Так до сих пор называется крупный родник, являющийся источником ручья.

При обследовании верховьев оврага в 2007 г. на его правом берегу было открыто селище, названное Гостево 1, по находящемуся в 1,6–2 км к югу урочищу, в котором до второй половины XX в. располагалось одноименное село. Площадь памятника составляет около 6,2 га, культурный слой распространяется по склону водораздела, тяготея к небольшому холму с отметкой вершины 168,4. Поселение располагается в непосредственной близости от родника, занимая пространство к северу, востоку и юго-востоку от обширной котловины, которую промыли родниковые воды в склоне водораздельного плато. Глубина котловины 4–5 м, диаметр достигает 20–25 м. Исходя из местоположения селища, размеров и датировки, наиболее вероятным представляется отождествление села Ясень именно с ним.

Впоследствии обследование памятника проводилось в 2011, 2014 и 2017 гг. В 2011 г. на нем был проведен комплекс геофизических исследований, а в 2014 заложен шурф площадью 20 кв. м.

Центральная часть селища не пахивается (и, видимо, никогда регулярно не пахалась), в культурном слое присутствует большое количество печного камня, поверхность небольшого холма, где зафиксирована наибольшая плотность подъемного материала, покрыта неровностями, которые весной, при отсутствии растительности, читаются как западины разной формы, частично перекрывающие друг друга, глубиной до 0,5 м. Проведение поверхностных сборов на селище возможно только сразу после схода снега, керамика концентрируется в углублениях западин, выбрасывается в кротовины. За все годы работ на селище Гостево 1 (Ясень) было собрано более 600 определимых фрагментов керамики, в том числе более 400 венчиков. При осмотре памятника в 2017 г. было обнаружено, что его

Рис. 3. Селище Гостево 1 (Ясень). Находки из сборов и шурфа:
 1–4, 10 – цветной металл; 5, 7–8, 11–15, 19 – железо; 6, 17, 20 – глина;
 9, 16 – кость, 18 – стекло.

Fig. 3. Gostevo 1 (Yasene) village. Finds from collections and pits: 1–4, 10 – non-ferrous metal; 5, 7–8, 11–15, 19 – iron; 6, 17, 20 – clay; 9, 16 – bone; 18 – glass.

Рис. 4. Селище Гостево 1 (Ясень). Шурф 2014 г. на уровне зачистки материка. Вид с севера

Fig. 4. Gostevo 1 (Yasenye) village. Pit of 2014 at the level of cleaning up the cultural layer bottom. View from the north

территория сильно нарушена грабительскими вкопами при сборе находок с применением металлоискателей.

Из грабительских отвалов, кротовин и обнажений в западинах собрано 17 находок. Большинство из них – это изделия из железа: обломки черешковых ножей, пружина от цилиндрического замка, фрагмент лезвия топора (рис. 3: 7), косы горбуши, два разделительных кольца и булавка с рельефным орнаментом в верхней части стержня, с обломанным завершением (рис. 3: 5). Двумя оселками и фрагментом рукояти с циркульным орнаментом ограничен перечень предметов из камня и кости.

Изделия из цветных металлов представлены 2-мя находками: перстнем с прямоугольным щитком и крупной ажурной накладкой асимметрично-ромбической формы (рис. 3: 1, 2). Последняя из находок относит-

ся к числу редких, сумочная накладка таких очертаний и размера известна в материалах литовских позднесредневековых инвентарных кладбищ (Svetikas, 2003, p. 241–266), где подобные предметы датируются второй пол. – концом XIV–XV вв.

Шурф 2014 г. располагался на юго-западном склоне холма, обращенного в сторону родника, в западной части селища. В начале разборки культурного слоя, мощность которого достигала 0,65 м, под дерном были найдены следы конной распашки. Пахалось селище, вероятно, недолго, поскольку на глубине около 0,1 м в слое были встречены крупные обломки керамики, не задетые пахотой. В составе слоя хорошо выделяются два стратиграфических горизонта, разделенных прослойкой светло-серой супеси, прослеженной практически по всей площади шурфа на глубине 0,26–0,37 м от поверхности.

В числе индивидуальных находок, собранных выше прослойки, преимущественно вещи, имеющие широкую датировку, но есть и небольшая группа предметов второй пол. XII–XIII вв. (полая привеска-уточка, фрагмент амфоры, ложновитой литой перстень) (рис. 3: 3, 4, 6). При этом заметно отсутствие среди находок серийных категорий предметов, характерных для древнерусской материальной культуры второй пол. XII–XIII вв. – шиферных пряслиц и стеклянных браслетов.

На глубине 0,3–0,4 м от поверхности были открыты частично попавшие в пределы раскопа две крупные ямы, которые можно определить как подпольные. Заполнение одной из них (яма 1) формировалось одновременно с прослойкой светло-серой супеси (была ей заполнена). Другое подполье (яма 2) было засыпано за некоторое время до того, как произошло формирование прослойки. Кроме того, в раскопе были открыты частокольные

Рис. 5. Селище Гостево 1 (Ясень). Шурф 2014 г.
Керамика из заполнения ямы 1.

Fig. 5. Gostevo 1 (Yaseny) village. Exploration pit of 2014.
Ceramics from the filling material of pit 1.

канавки, остатки летнего очага и легких столбовых конструкций (рис. 4).

Происходящие из ямы 1 датирующие находки представлены железной накладкой с двумя шестилепестковы-

ми розетками, пряжкой с треугольным приемником, коротким овальным кресалом (рис. 3: 11–13), что позволяет отнести формирование комплекса постройки к концу XIII–XIV вв. (Шпо-

Рис. 6. Селище Гостево 3. Находки из сборов: 1–3, 5–14, 16 – железо; 4 – цветной металл; 15 – стекло.

Fig. 6. Gostevo 3 village. Finds from collections: 1–3, 5–14, 16 – iron; 4 – non-ferrous metal; 15 – glass.

лянский, 2019, с. 233–235). Этой датировке соответствует и керамическая серия, сопоставимая с материалами, полученными при раскопках в суз-

дальских селах: Кидекше (Шполянский, 2011, с. 43), Киболе и Гнездилове. Основные признаки керамических типов, доминирующих в регионе во

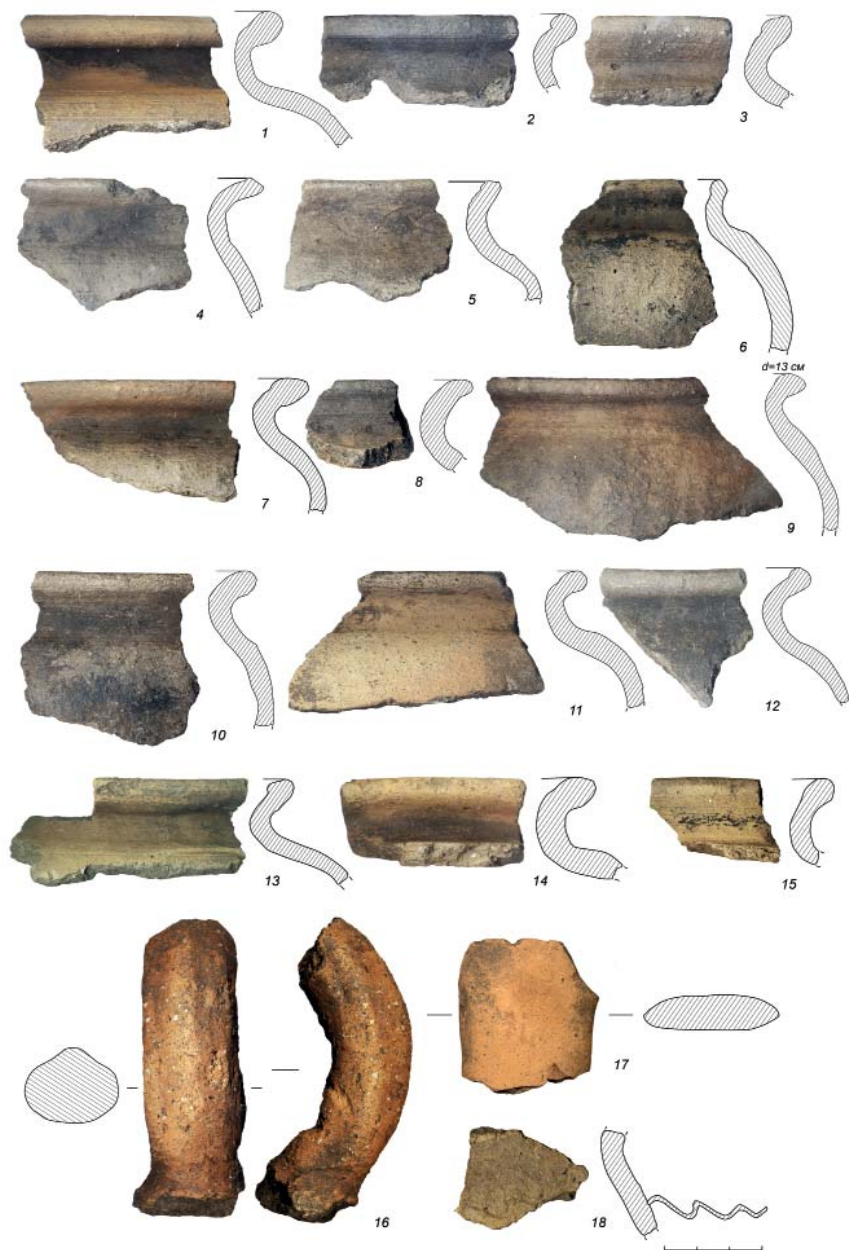

Рис. 7. Селище Гостево 3. Керамика из сборов
 Fig. 7. Gostevo 3 village. Ceramics from collected materials

второй пол. XIII–XIV вв., с учетом наблюдений предшественников, были рассмотрены Е.В. Майоровой (Гакель) на материалах исследований в Печерном городе Владимира (в 13-м квартале), дополненные наблюдени-

ями за древнерусской керамикой из раскопок на месте Ивановского вала (Майорова, 2011, с. 142–153; Гакель (Майорова), 2016, с. 88–101).

Среди признаков керамических комплексов этого времени: уменьше-

(рис. 3: 10), позволяет отнести время за- сыпки ямы ко второй пол. XII–XIII вв.

Итогом небольших по объемам работ, проведенных на селище Гостево 1, при сопоставлении с материалами многолетних разведок в микрорегионе является следующее:

Можно считать доказанным существование крупного средневекового поселения у родника Ясенье в течение второй пол. XII – первой половины XV столетия. Поздняя дата, кроме прочего, устанавливается по наличию в составе подъемного материала и в верхнем стратиграфическом горизонте шурфа 2014 г. отдельных фрагментов краснолощенной керамики (отличающихся от болгарского импорта цветом – имеют более яркий, светлый оттенок поверхности) при отсутствии форм, появляющихся во второй половине XV столетия.

Можно также констатировать длительное сосуществование на берегах проточного оврага Ясенье двух крупных поселений. Характер размещения (в 2,5 км друг от друга), их размеры (6,2 и 6,7 га), позволяют говорить о селищах как о двух равновеликих центрах расселения со сложившимися ресурсными зонами.

И когда одно из сел – у родника (по-видимому, Ясенье) – прекращает свое существование, это значительно меняет ситуацию землепользования в пользу крестьян «великого Спаса» – жителей Торок, поскольку все угодья села Ясенье по «данной» Даниила Павловича переходят в «в дом архимандрита Авраамия с братией».

Сочетание разных источников – актового материала, результатов археологических изысканий и устной топонимической традиции, позволило получить довольно ясную картину поглощения монастырским хозяйством одного из светских владений региона. На первый взгляд, это выглядит выразительным, но частным случаем. Картина несколько меняется, если исполь-

зовать весь объем данных, полученных в процессе полевых работ.

Третье селище, сходное по топографической приуроченности, размерам и длительности существования, располагалось совсем рядом от села при роднике, в верховьях малой реки Варги, образующей с ручьем, вытекающим из Ясенья, общую овражную систему (рис. 2).

Памятник обследовался в 2016–2017 гг. Суздальской экспедицией, приурочен к истокам реки. Наибольшей насыщенности слой достигает на правом берегу овражной системы, спускаясь вдоль серповидно выгнувшегося к востоку ответвления почти на 350 м. Зона распространения культурного слоя простирается на запад до правобережья Варги, охватывая берега и верховья мелких оврагов, расходящихся веерообразно от основного русла, по дну которых текут ручьи, питаемые, по всей видимости, родниками.

В 2 километрах к юго-востоку от поселения размещается урочище Гостево, в 2 км к северо-востоку – урочище Торки, а в 2,2 км к западу находится окраина с. Козлово, известного с начала XVI в. Расстояние от родника Ясенье до восточной границы селища, получившего обозначение Гостево 3, составляет около 800 м. Памятник имеет внушительные размеры, занимая пространство внутри неправильного треугольника со сторонами 480×340×260 м, – около 8 га. С учетом того, что его площадка разделена оврагами, размеры поселения в верховьях Варги сопоставимы с территориями Торок и Ясенья.

На пашне при обследовании селища было собрано 826 фрагментов керамики, в том числе 586 обломков венчиков. На момент обнаружения памятника его территория была вся изрыта грабителями. Коллекция вещей, происходящих с поселения, включает 53 находки, представлен-

ные почти исключительно изделиями из железа.

Возникновение памятника во второй пол. XII–XIII вв. документировано находкой ключа типа Б (Колчин, 1982, с. 162) (рис. 6: 9) и присутствием в материалах сборов венчиков с характерной профилировкой (типы VIII А–Б, по В.А. Лапшину) (Лапшин, 1992, с. 100), однако в составе керамической коллекции преобладает керамика XIV – первой пол. XV вв. – с короткой шейкой, с венчиком без следов заворота чернового края (рис. 7).

Находки этого времени представлены ключами типа В-2, обломками корпуса и дужек цилиндрических замков, обоймицей и заглушкой рукоятей ножей с высоким бортиком (Двуреченский, 2004, с. 41, рис. 75: 12–14), сердцевидной накладкой с центральным круглым отверстием под пробой (Двуреченский, 2004, с. 46, рис. 93: 15–18), железной булавкой с рельефным орнаментом, подобной происходящей из Ясеня, обломком железного пинцета, зонной бусиной из непрозрачного стекла молочно-голубого цвета (рис. 6).

Предметом, важным для характеристики материальной культуры населения селища, представляется фрагмент прорезной железной накладки, крепившейся, судя по расположению штифтов, на твердую основу (рис. 6: 1). Накладка, вероятно, имела прямоугольную форму, но от нее сохранился фрагмент только с одним ровным краем. В центре накладки, внутри шестиугольной рамки, располагалась фигура в виде стилизованного цветка лотоса (Шполянский, 2019, с. 240).

Единственное изделие из цветного металла представлено крестовидной бронзовой накладкой – держателем с поперечным отверстием в навершии и шпеньком сверху (рис. 6: 4). Этот предмет надежно определяется как парная деталь крепежа сумки. Такие находки часто встречаются на рус-

ских позднесредневековых памятниках, однако их атрибуция возможна благодаря большой серии подобных вещей, происходящих из литовских могильников второй пол. XIV–XV вв. (Svetikas, 2003, p. 241–266).

Очевидно, что совсем рядом с селом Ясенье на протяжении минимум двух веков в сходных топографических условиях (на водоразделе у истоков небольшого водотока) существовало сравнимое по размерам поселение, прекращающее свое существование приблизительно в то же самое время (до середины XV в.). Перед нами одно из поселений Ополья, неизвестное письменным источникам, обладающее всеми признаками села – крупного, долгоживущего населенного пункта со сложившейся сельскохозяйственной округой. Длительное стабильное сосуществование двух сел предполагает тесное хозяйственное взаимодействие их населения, неизбежное совместное использование угодий. Следует особо отметить, селища находились менее чем в километре друг от друга, что примерно в два раза меньше, чем от Ясеня до Торок и любого другого известного сейчас синхронного им крупного поселения.

Поэтому очень вероятной кажется взаимосвязь между переходом в монастырское владение Ясеня «со всем, что к нему потагло» и прекращением жизни обоих сел. Гипотетически можно предполагать, что оба селища – у родника и в истоках р. Варги, представляли собой одну сельскую общину. Оставляя такое предположение как возможное, стоит обратить внимание на небольшую серию документов, проясняющих ситуацию с использованием угодий, «тянувших» к бывшему селу Ясенье, крестьянами близлежащих сел в более позднее время.

В датированной 8 июня 1508 г. грамоте Василия Челядина посельскому Прокофию Якимову (АССЕМ, 1998,

№ 2, с. 14) сообщается о жалобе спасского архимандрита Константина на гостевских и козловских крестьян. Согласно жалобе, крестьяне этих сел «у их села монастырского, у Торок, между старую подарывают, и ямы межные закопывают». Основания для таких действий крестьян неясны, но понятно, что речь идет о споре по размежеванию полей.

Оба села – ближайшие соседи Торок: Козлово располагается в 5 км к юго-западу, на правом берегу р. Урды (правый приток Ирмеса), Гостево примерно на таком же расстоянии – через водораздел к югу, на левом берегу р. Тумки, притока р. Каменки, на которой стоит Суздаль. Родник Ясенья находится точно посередине между Торками и Гостево, к Козлову ближе истоки Варги, где найдено селище Гостево 3 (рис. 8). Исходя из размещения сел, понятно, что спорные земли лежат как раз на водоразделах вокруг селищ, прекративших свое существование за несколько десятилетий до появления жалобы архимандрита Константина.

Характер взаимоотношений между крестьянами Торок и Гостево становится яснее, если принять во внимание еще один документ: докладной судный список суда Василия Бобкова и Григория Нарбекова к старосте великокняжеского с. Гастева (*Гостево – С.Ш.*) Федосию Ульянову из архива другого крупного вотчинника Ополя – Троице-Сергиева монастыря (АРГ, 1975, № 230, с. 232–234). Судный список датирован 11 августа 1524 г., через 16 лет после спора тех же гостевских крестьян с «великим Спасом» за поля у родника. В документе решается вопрос принадлежности угодий крестьян великокняжеского села Гостево и монастырского села Тума на «Буженинском враге» (правобережье р. Тумки), на западном краю гостевских земель. Учитывая, что между церквями Тумы и Гостево всего 2,7 км, а рас-

стояние от Тумы до Ясеня напрямую составляет меньше 5 км, становится ясно, что земли великокняжеских крестьян оказываются окружены владениями двух крупнейших церковных феодалов страны. И если Троицкий монастырь решает земельные споры путем судебных разбирательств, то Спасская братия таких судов, по видимому, не ведет. И действия гостевских крестьян в окрестностях родника выглядят скорее не как разбой, а как борьба за землю (которую они, очевидно, считают своей), когда других способов у них, наверное, не осталось.

Зато настоящим разбоем кажется продолжение этого спора, длящегося к тому времени более двухсот (!) лет, описанное в челобитной 1641 г. спасского архимандрита Иосифа и келаря Тихона Тургенева царю Михаилу Федоровичу. В ней сообщается, что крестьяне из Гостева, принадлежащие Нехорошему Ивану сыну Волохову с братьями, напали на крестьян села Торки, когда те шли крестным ходом святить воду «в колодези при часовне св. Параскевы-Пятницы... Не смотря, на то, что и колодезь, и часовня находятся на монастырской земле... ограбили...взяли с них украшений и одежды (серьги, перстни, кресты) на 156 р. с полтиной» Еще в челобитной сообщается, что гостевские крестьяне «насильством» производят покосы на монастырской земле, а в посевах монастырских крестьян, «подходящих к их селу», прокладывают дороги и травят покосы скотом (Описание актов, 1905, № 424, с. 277–278).

Во-первых, интересна привязка событий к месту, где располагается «колодезь при часовне». Крестный ход шел из села до него, где и случилось нападение на процессию, возглавляемую дмитриевским попом (т. е. церкви Дмитрия Солунского в Торках) Иваном. Вполне вероятно, что речь идет о роднике в истоках ру-

чья, тем более что в грамоте упоминаются посева монастырских крестьян, подходящие к селу Гостеву, расположенные, видимо, к югу от Ясеня.

Во-вторых, упорство, с которым продолжается борьба за земли вокруг родника, позволяет предположить, что переход земель села Ясень в монастырское владение в начале XV в. не был принят как законный крестьянами окрестных поселений, наверное, потому что они потеряли часть своих угодий. Невозможно выяснить, куда ушли жители сел с водоразделов, но вероятным кажется переселение их на соседние водотоки, поблизости от старых полей. Поскольку разведочных работ в районе Гостево и Козлово не велось, картину нельзя считать полной, но развитие крупного монастырского землевладения как один из значимых факторов формирования системы расселения в этом небольшом сюжете из истории Ополья проявляется отчетливо.

Благодаря разведочным работам последних десятилетий все яснее вид-

на картина уменьшения количества сел в течение XV столетия. Если в предшествующее время сеть поселений, привязанная к овражным системам, продолжала существовать, хоть и с определенными потерями, то вторая половина XV в. становится временем перемен, исчезают памятники, которые были основой поселенческой структуры в регионе в течение 200–300 лет (Макаров и др., 2019, с. 27). Тем не менее это не означает потери населения, которое концентрируется в крупных селах, к концу столетия формируется система расселения, которая с незначительными изменениями доживает до современности.

Размеры сел продолжают расти, достигая нескольких десятков дворов, они, по образному выражению М.С. Черкасовой, представляют собой мощные хозяйственные «бастионы», которым по плечу были все испытания опричнины, кризиса 1560–1580-х гг., а затем и Смутного времени (Черкасова, 2001, с. 143).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты русского государства 1505–1526 г. М.: Наука. 1975. 434 с.
2. Акты Социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV – нач. XVI в. Т. 1. Издательство АН СССР. М. 1952. 804 с.
3. Акты Социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV – нач. XVI в. Т. 2. Издательство АН СССР. М. 1958. 727 с.
4. Акты Социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV – нач. XVI в. Т. 3. Издательство АН СССР. М. 1964. 687 с.
5. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506–1608 гг. 1998. М. 638 с.
6. Березин В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 3. Суздальский и Юрьевский уезды. Владимир, 1896. 526 с.
7. Гакель (Майорова) Е.В. Новые данные о керамике Владимира-на-Клязьме (из раскопок на территории Ивановского вала в 2010–2011 гг.) // РА. 2016. № 2. С. 88–101.
8. Двуреченский О.В. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино / Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2 / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 40–47.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.-Л.: АН СССР, 1950. 587 с.
10. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
11. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М. 1984. 348 с.
12. Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.
13. Майорова Е.В. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок во Владимире в 13-м квартале в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздаль-

ской земли: Материалы научного семинара. Вып. 3 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 142–153.

14. Макаров Н.А., Шполянский С.В., Федорина А.Н., Угулва Н.Д. К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 9 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 7–29.

15. Описание актов собрания графа А.С. Уварова. Акты исторические. М., 1905. 667 с.

16. Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). Дисс. ... докт. ист. наук. Вологда, 2001 г. 396 с.

17. Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование служилой корпорации // Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. Т. 1. М.: ИА РАН, 1998. 544 с.

18. Шполянский С.В. Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздалем // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 3 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 34–48

19. Шполянский С.В. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополья // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 15 / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2019. С. 227–245.

20. Svetikas E. Treinininkų odiniai kapseliai: jų apkalq tipologija, chronologija ir simbolika // Lietuvos archeologija. 2003, T. 24, p. 241–266.

Информация об авторе:

Шполянский Сергей Владимирович, научный сотрудник, Государственный исторический музей (г. Москва, Россия); shpol@yandex.ru

THE VILLAGE OF SUZDAL OPOLYE AND CHANGES IN THE SYSTEM RESETTLEMENT IN THE SECOND HALF OF THE 14TH – 15TH CENTURIES

S.V. Shpolyanskiy

The article substantiates the localization of the medieval village of Yasenye in the Suzdal Opolye, mentioned in sources under 1417, which was previously identified with the village of Torki of the Suzdal Spaso-Evfimiev Monastery. Yasenye existed on the watershed, near the spring of the same name in the second half of the 12th – first half of the 15th centuries. The reason for the disappearance of the village and another large settlement synchronized to it, is the expansion of monastic possessions in the microregion. This is confirmed by documents of the 16th–17th centuries, which record the continuation of disputes over the land near the spring, which is claimed by the monastery and the peasants of the surrounding villages. A small plot of the history of Opolye is well combined with the general picture of the decrease in the number of villages in the region in the 15th century, obtained as a result of the work of the Suzdal expedition (leader N. A. Makarov). This allows us to consider the development of monastic land ownership as a significant factor in the transformation of settlement systems in Opolye at the end of the Middle Ages.

Keywords: archaeology, Suzdal Opolye, system of resettlement, village, settlement, watershed, late Middle Ages, written sources, monastic land ownership

REFERENCES

1. 1975. *Akty russkogo gosudarstva 1505–1526 g. (Acts of the Russian State, 1505–1526)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

2. 1964. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. (Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus of Late 14th – Early 16th cc.)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

3. 1964. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. (Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus of Late 14th – Early 16th cc.)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

4. 1964. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. (Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus of Late 14th – Early 16th cc.)* 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

5. 1998. *Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrya, 1506–1608 gg. (Acts of the Suzdal Monastery of Saint Euthymius, 1506–1608.)*. Moscow: “Pamyatniki ist. Mysli” Publ. (in Russian).
6. Berezin, V. 1896. *Istoriko-statisticheskoe opisanie tserkvey i prikhodov Vladimirskoy eparkhii. Вып. 3. Suzdal'skiy i Yur'evskiy uyezdy (Historical and Statistical Description of Churches and Parishes of the Eparchy of Vladimir. Issue 3. Suzdal and Yuryevsky Districts)*. Vladimir (in Russian).
7. Gakel' (Mayorova), E. V. 2016. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 88–101 (in Russian).
8. Dvurechenskii, O. V. 2004. In Engovatova, A. V. (ed.). *Srednevekovoe poselenie Nastas'ino (The Medieval Dwelling Site Nastas'ino)*. Series: Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii IA RAN. (Proceedings of the Moscow Regional Expedition of the Institute of Archaeology, RAS) 2. Moscow: Institute of Archaeology RAS. 40–47 (in Russian).
9. Bakhrushin, S. V. (ed.). 1950. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazey XIV–XVI vv. (Wills and Contracts of the Great and Feudal Knyazes in 14th–16th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
10. Kolchin, B. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: “Nauka” Publ., 156–177 (in Russian).
11. Kuchkin, V. A. 1984. *Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. (Formation of the State Territory of North-Eastern Russia in the 10th–14th cc.)*. Moscow (in Russian).
12. Lapshin, V. A. 1992. In Pletneva, S. A. (ed.). *Drevnerusskaya keramika (Old Russian Ceramics)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 90–102 (in Russian).
13. Mayorova, E. V. 2011. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of Vladimir-Suzdal Land)* 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 142–153 (in Russian).
14. Makarov, N. A., Shpolyanskiy, S. V., Fedorina, A. N., Ugulva, N. D. 2019. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of Vladimir-Suzdal Land)* 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 7–29 (in Russian).
15. 1905. *Opisanie aktov sobraniya grafa A.S. Uvarova. Akty istoricheskie (Description of the Acts of Assembly of Count A.S. Uvarov. Historical Acts)*. Moscow (in Russian).
16. Cherkasova, M. S. 2001. *Krupnaya feodal'naya votchina v Rossii (po arkhivu Troitse-Sergievoy Lavry) (Large Feudal Estate in Russia (According to the Archives of the Trinity Lavra of St. Sergius))*. Doct. Diss. Moscow (in Russian).
17. Chernov, S. Z. 1998. *Volok Lamskiy v XIV – pervoy polovine XVI v. Struktury zemlevladieniya i formirovanie sluzhiloy korporatsii (Volokolamsk in the 14th – first half of the 16th c. Land Tenure Structures and Formation of Service Corporation)*. Akty Moskovskoy Rusi: mikroregional'nye issledovaniya (Acts of Muscovy: Microregional Studies) 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
18. Shpolyanskiy, S. V. 2011. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli (Archaeology of Vladimir-Suzdal Land)* 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 34–48 (in Russian).
19. Shpolyanskiy, S. V. 2019. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 227–245 (in Russian).
20. Svetikas, E. 2003. In Lietuvos archeologija. Vol. (24). 241–266 (in Lithuanian).

About the Author:

Shpolyanskiy Sergey V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; shpol@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

УДК902.26+913(470)(075.8)+911.372.2 <https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.164.177>

СЕЛЬСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ РУССКОГО ГОРОДА ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ОКРУГИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА)

© 2021 г. Н.Н. Грибов

Статья посвящена выяснению характерных особенностей сельской округи русского города эпохи Золотой Орды. Объектом исследования является сельское окружение г. Нижнего Новгорода. Цель работы – обобщение результатов изучения сельского окружения средневекового Нижнего Новгорода, полученных за последние десятилетия. Нижегородские селища картированы, систематизированы по положению в рельефе, с привлечением методов экономической географии разработана их классификация по размерам, сделана оценка вероятной доли городских жителей в демографическом потенциале региона. Предложена социально-экономическая интерпретация поселений, составляющих каркас расселения. Дана историческая интерпретация формы ареала и географической приуроченности Нижегородской округи, обосновано разделение ее на два района – центральный и периферийный. Намечены черты сходства и различия сельских округ русских городов и городов Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, сельская округа русского средневекового города, Нижний Новгород, Нижегородская округа, владельческие села, сельское расселение, эпоха Золотой Орды.

Для изучения сельского окружения русских городов XIII – начала XV вв. округа Нижнего Новгорода имеет особое значение. В отличие от Москвы, Твери и других городских центров, заселение окрестностей которых началось еще в домонгольский период, нижегородские селища датируются эпохой Золотой Орды. Это избавляет от непростой процедуры выделения древностей интересующего времени (Захаров, 2004, с. 39).

Нижний Новгород – первый русский город на Приволжской возвышенности, заложенный здесь, за пределами староосвоенных территорий, в 1221 г. Его значение заметно возросло в середине – второй половине XIV в., когда он вместе с г. Городцом-на-Волге был передан во владение суздальским князьям. Около 1350 г. Нижний Новгород становится столицей одного из крупнейших политических образований Северо-Восточной Руси – Нижегородско-Суздальского княжества. Краткий полустолетний период «столичности» стал временем расцвета средневекового города в окском устье. Его размеры в это время

достигают 90 га. Первый удар по благосостоянию Нижнего Новгорода был нанесен в 1377 г. конницей Мамая и мордвой, разорившими город после Пьянского побоища. После похода Тимура на Волгу и смещения основных торговых маршрутов в морские акватории Нижний Новгород, как и другие городские центры Поволжья, чья экономика поддерживалась участием в транзитной торговле, испытывал кризис. Археологические исследования выявили запустение города и его окрестностей в течение большей части XV в. Таким образом, начало формирования сельской округи Нижнего Новгорода приблизительно соответствует второй четверти – середине XIII в., а исчезновение значительного числа ее поселений – первой половине – середине XV в. Указанные хронологические рамки делают нижегородские памятники весьма интересными в плане изучения аграрной территории восточноевропейского города XIII–XIV вв. Результаты их исследования позволяют проверить на «универсальность» характерные признаки структуры сельского расселения этого

времени, наметить черты сходства и различия сельских округ русских городов и городских центров Золотой Орды.

Целью настоящей статьи является краткое обобщение результатов, полученных за последние десятилетия.

В словаре древнерусских книжников не было слова, обозначающего сельскую округу как географически связанную с городом освоенную территорию, образующую вместе с ним единую хозяйственно-экономическую систему, пронизанную широким спектром разнообразных связей – административных, фискальных, культурных и многих других. «Тяготение» к городу той или иной волости или села определялось их административной принадлежностью.

К рубежу XIV–XV вв. территория административного подчинения Нижнего Новгорода начиналась вблизи устья р. Лух на западе и заканчивалась на правом берегу р. Суры на востоке (Кучкин, 1984, с. 215–217, 228, 229). Основной массив нижегородских земель занимал северо-западную периферию Приволжской возвышенности в междуречье рек Волги, Оки и Суры (рис. 1). Ограничимся рассмотрением именно этой обширной области, связанной с тремя нижегородскими наместничествами – нижегородским, лысковским и курмышским. Ее протяженность в широтном направлении около 200 км – от устья р. Кишмы на западе до устья р. Суры на востоке. С северной стороны вдоль долин Оки и Волги она обрамлена высоким уступом Мстерско-Козьмодемьяновской гряды высотой 70–100 м над уровнем воды в реках. Южнее уступа поверхность нагорного плато представляет собой волнисто-холмистую равнину, расчлененную балками и долинами малых рек на отдельные останцы.

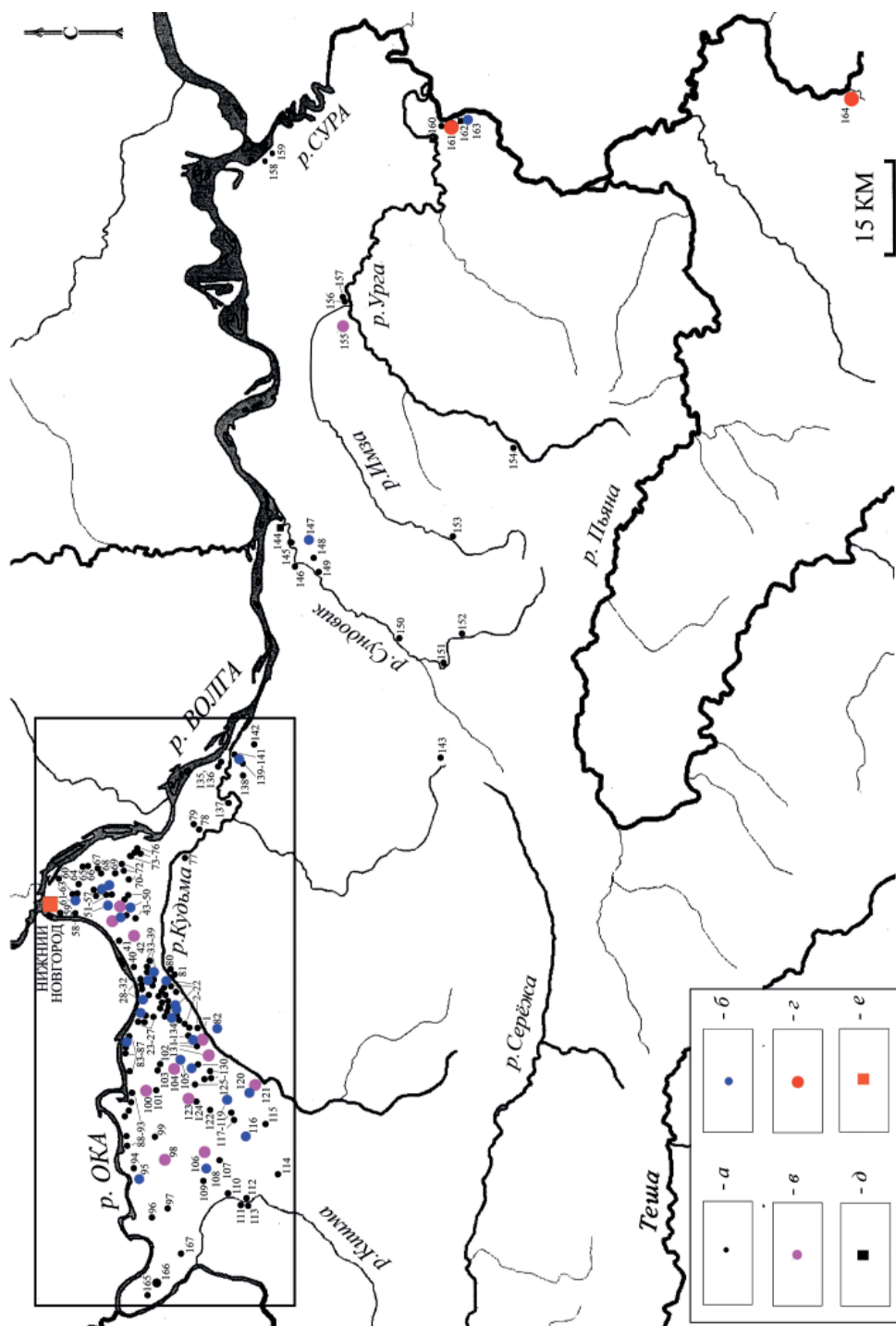
Ландшафтный район Березова Поля в междуречье рек Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы – наиболее плотно

заселенный в средневековое время и включающий в себя территорию самого Нижнего Новгорода – перекрыт малопродуктивными светло-серыми лесными почвами. Более гумусированные серые лесные почвы распространены в 40–50 км к востоку от него в бассейне р. Сундовик. Компактные черноземные участки встречаются только на восточной периферии владений нижегородских князей, в Посурье. В целом освоенные в XIII–XIV вв. нижегородские земли нельзя отнести к плодородным: по материалам губернской статистики второй половины XIX в. население Нижегородского края даже в урожайный год не было способно прокормить себя собственным выращенным хлебом (Действия..., 1903, с. 74).

Главные ресурсы региона были сосредоточены в реках. Заметное место в разных структурных единицах местной экономики занимал рыболовный промысел (Грибов, Цепкин, 2004, с. 85). Особую роль в благосостоянии земель Нижнего Новгорода, очевидно, играла их приуроченность к одному из важнейших узлов Волжского пути – транспортно-торговой магистрали, связывающей окраинное княжество как с отдаленными русскими землями, так и с восточными странами через посредничество Золотой Орды – вплоть до Китая и Византии.

В настоящее время на нижегородских землях Волго-Окского Правобережья известен 191 памятник XIII – начала XV вв. Среди них – два грунтовых могильника, два городища. Большинство памятников – селища, на 52 проведена шурфовка, на десяти – раскопки.

По положению в рельефе нижегородские селища разделяются на три группы: *пойменные* – на останцах первой надпойменной террасы или на всхолмлениях древних прирусловых валов в высокой пойме; *придолинные*, тяготеющие к речным террасам или

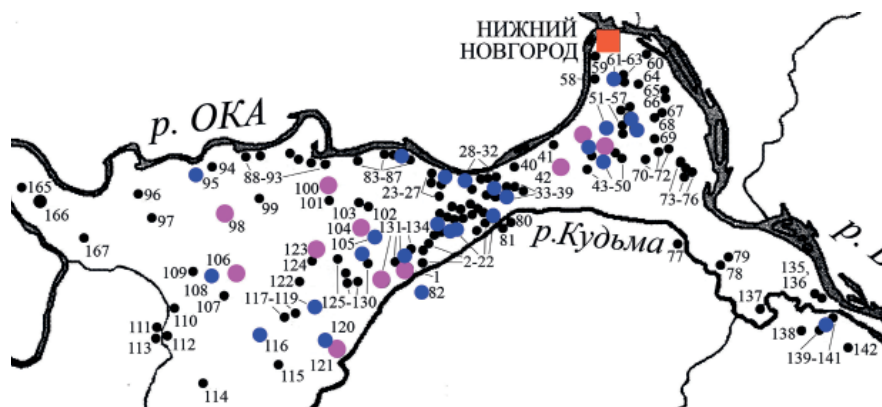

Рис. 1 Карта поселений Нижегородской округи XIII – начала XV вв. Селища с размерами: а – до 0,7 га и с неопределимой площадью; б – 0,74–2,1 га; в – 2,3–6,3 га; г – 16,5–19,3 га. Городища: д. Город: е.

- 1 – Ефимьево-1,-2; 2 – Копнино-5; 3 – Бурцево-7; 4 – Бурцево-6; 5 – Бурцево-8; 6 – Бурцево-9; 7 – Бурцево-2; 8 – Бурцево-10; 9 – Бурцево-5; 10 – Копнино-3; 11 – Копнино-1; 12 – Копнино-2; 13 – Буревестник-3; 14 – Буревестник-1; 15 – Крутец-1,-1А; 16 – Крутец-2; 17 – Бурцево-1; 18 – Бурцево-11; 19 – Бурцево-3; 20 – Бурцево-4; 21 – Крутец-3; 22 – Крутец-4; 23 – Поляны-2; 24 – Поляны-3; 25 – Поляны-1; 26 – Поляны-4; 27 – Поляны-5; 28 – Доскино-3,-11; 29 – Доскино-12; 30 – Доскино-4; 31 – Доскино-10; 32 – Доскино-5; 33 – Хватково-1; 34 – Хватково-3; 35 – Хватково-4; 36 – Сартаково-3; 37 – Сартаково-4; 38 – Сартаково-1; 39 – Новопавловка-1; 40 – Доскино-9; 41 – Береговые Новинки-1; 42 – Кусаковка-1; 43 – Ольгинское; 44 – Луч; 45 – Румянцево-2; 46 – Румянцево-1; 47 – Ближнеборисовское; 48 – Бешенцево-2,-3; 49 – Бешенцево-4; 50 – Козловское; 51 – Модвинцево-1; 52 – Мордвинцево-2; 53 – Бешенцево-1; 54 – Ближнее Константиново-3; 55 – Ближнее Константиново-4; 56 – Ближнее Константиново-1; 57 – Кульгура-1; 58 – Слуда; 59 – Елецкое; 60 – Старые Печеры; 61 – Кузнечиха-1; 62 – Кузнечиха-3; 63 – Кузнечиха-4; 64 – Новопокровское-1,-2; 65 – Ржавка-2; 66 – Свято; 67 – Утечино-2; 68 – Утечино-1; 69 – Б.Ельня-6; 70 – Б.Ельня-7; 71 – Б.Ельня-5; 72 – Ждановское; 73 – М.Ельня-1; 74 – М.Ельня-2; 75 – М.Ельня-3; 76 – М.Ельня-5; 77 – Зелецыно; 78 – Новоликеево-1; 79 – Новоликеево-2; 80 – Новопавловка-2; 81 – Новопавловка-3; 82 – Выползово; 83 – Оленино-III,-V; 84 – Оленино-I,-IV,-5; 85 – Оленино-II; 86 – Сысоевка-1; 87 – Сысоевка-2; 88 – Дуденево-2; 89 – Дуденево-1; 90 – Сокол-1; 91 – Сокол-2; 92 – Подьяблонье-1,-2,-3; 93 – Дудин монастырь; 94 – Подвязье-II; 95 – Подвязье-IV; 96 – Воронцово-1; 97 – Арапово-2; 98 – Непецыно-1; 99 – Швариха-1; 100 – Заозерье-2,-3,-4; 101 – Заозерье-1; 102 – Кожевенное-2; 103 – Кожевенное-1; 104 – Березовка-1; 105 – Шумилово-1; 106 – Теряево-2,-3,-4,-5; 107 – Теряево-6; 108 – Кудрешки-1; 109 – Кудрешки-2; 110 – Комарово-1; 111 – Ворсма-15; 112 – Ворсма-6; 113 – Ворсма-2; 114 – Ворсма городище; 115 – Наговицыно-2; 116 – Пантелеево-1; 117 – Савелово-1; 118 – Савелово-2; 119 – Троица-1,-2,-3; 120 – Шапкино-1; 121 – Пальцино-1; 122 – Центральный-1; 123 – Богородск-3; 124 – Богородск-2; 125 – Богородск-1; 126 – Богородск-6; 127 – Лазарево-4; 128 – Лазарево-2; 129 – Стрелково-5; 130 – Стрелково-4; 131 – Велюкосельево-1; 132 – Ефимьево-3; 133 – Ефимьево-5; 134 – Ефимьево-6; 135 – Безводное-16; 136 – Безводное-25; 137 – Ветчак-2; 138 – Шава-1Б; 139 – Шава-6; 140 – Шава-5; 141 – Шава-7; 142 – Запрудное-1; 143 – Городищи-4,-5,-6,-7; 144 – Оленья Гора; 145 – Кириково-1; 146 – Баранниково-1; 147 – Ляпуны; 148 – Монари-1; 149 – Летнево-1; 150 – Городищи-1; 151 – Салово-2; 152 – Б.Мурашкино; 153 – Княгинино; 154 – Урга-1; 155 – Красные Мары-1; 156 – Красная Горка-1; 157 – Красная Горка-2; 158 – Отарские выселки; 159 – Петровское; 160 – Кекино-3; 161 – Курмыш-2,-4; 162 – Курмыш; 163 – Новое Жилище; 164 – Мурзыцы-1; 165 – Низково-6; 166 – Горбатовское; 167 – Муньино-1.

Fig. 1 Map of settlements of the Nizhny Novgorod district of the 13th – early 15th centuries. Villages with sizes: а – up to 0.7 ha and with an undetermined area; б – 0.74–2.1 ha; в – 2.3–6.3 ha; г – 16.5–19.3 ha. Hillforts: д. Town: е

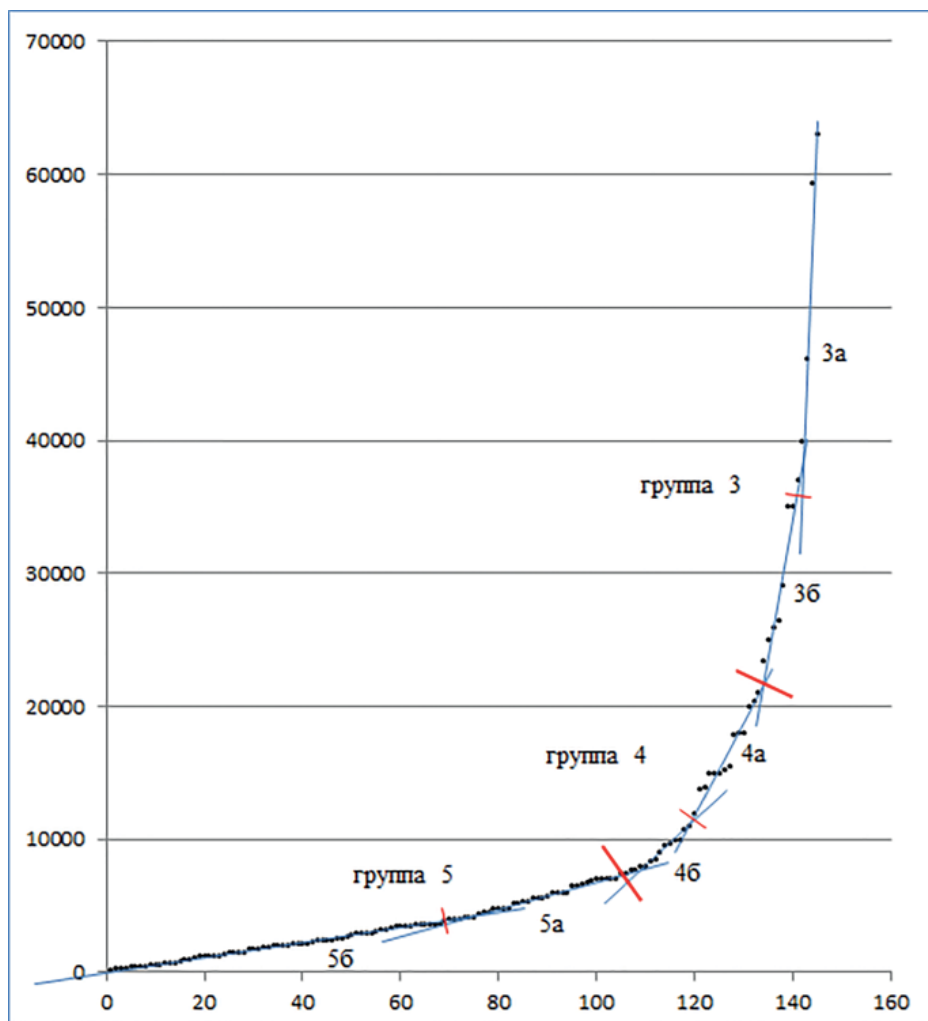

Рис. 2. Зависимость «Ранг-Размер» для нижегородских селищ 3–5 размерных групп.

По вертикали – площадь памятников в тыс. кв.м; по горизонтали – их ранг

Fig. 2. “Rank-Size” dependence for the Nizhny Novgorod settlements of size groups 3–5.

Vertically – area of the sites in thous. sq. meters; horizontally – their ranking

бровке Волго-Окского откоса; *водораздельные*, занимающие площадки на приводораздельных склонах вблизи балок или на берегах ручьев, несудоходных, иногда пересыхающих, притоков малых рек с узкими заболоченными поймами (табл. 1). Преобладают водораздельные памятники (60%) при дефиците пойменных (7%).

В качестве основы для построения классификации селищ по размерам воспользуемся известной в экономической географии зависимо-

стью «Ранг-Размер» (Хагетт П., 1979, с. 408–415). Суть метода заключается в следующем. Если последовательно пронумеровать (ранжировать) населенные пункты одной области с непрерывным и очень длительным освоением в порядке возрастания их площадей, то зависимость размеров поселений от их ранга (номера в последовательности) будет иметь линейный характер. Участки графика с отклонением от линейности могут указывать на разные исходные пози-

Таблица 1

Распределение Нижегородских селищ по расположению в рельефе

ГРУППЫ	КОЛИЧЕСТВО ПАМЯТНИКОВ
Пойменные	12 (7%)
Придолинные - на террасах малых рек - на террасах крупных рек или у бровки Волго- Окского откоса	58 (33%) 22 36
Водораздельные - на приводораздельных склонах при балках - на берегах несудоходных рек или ручьев	105 (60%) 65 40
ВСЕГО	175 (100%)

ции соответствующих групп памятников по первоначально застроенной площади, а значит – могут быть использованы для разделения поселений разного «проектного плана».

На графике «Ранг–Размер», построенном для 148 нижегородских поселений XIII – начала XV вв., не пострадавших от оползней и техногенных разрушений, выделяется пять основных квазилинейных участков, соответствующих пяти основным размерным группам памятников (табл. 2). Структура трех групп неоднородна: соответствующие им квазилинейные участки аппроксимированы не одной прямой, а парами прямых, расходящихся под небольшими углами, что делает оправданным разделение этих групп на подгруппы (рис. 2). Первая условно выделенная группа соответствует Нижнему Новгороду,

вторая – крупнейшим поселениям Курмыш-4, -2 и Мурзицы-1. Группы 3–5 – это селища с размерами от 0,02 до 6,3 га. Предельные размеры небольших селищ (5-й группы; до 7000 кв. м) близки площадям единовременных подмосковных памятников (Чернов, 1991, с. 123). В Нижегородской округе они преобладают (70%). Доля средних по размерам селищ (4 группы, до 2,1 га) – 20%, крупных (3 группы, до 6,3 га) – 8%.

По соотношению размеров г. Нижнего Новгорода с суммарной площадью сельских поселений можно предположительно оценить его долю в демографическом потенциале края. На достоверность такой оценки (в сторону ее умаления) влияют неучтенные памятники. Опыт полевых изысканий указывает на то, что большинство из них

Таблица 2

Распределение нижегородских поселений по размерам

ГРУППЫ	ПОДГРУППЫ	ПЛОЩАДЬ, (га)	ЧИСЛО ПАМЯТНИКОВ	СУММАРНАЯ ПЛОЩАДЬ, (га)
1		90	1	90 (37,5%)
2		16,5-19,3	2	35,8 (14,9%)
3	3а	3,7-6,3	5	44,5 (18,6%)
	3б	2,34-3,5	7	
4	4а	2,1-1,38	13	36,4 (15,2%)
	4б	1,2-0,75	16	
5	5а	0,39-0,70	36	33,1 (13,8%)
	5б	0,02-0,36	68	
ВСЕГО			148	239,9 (100%)

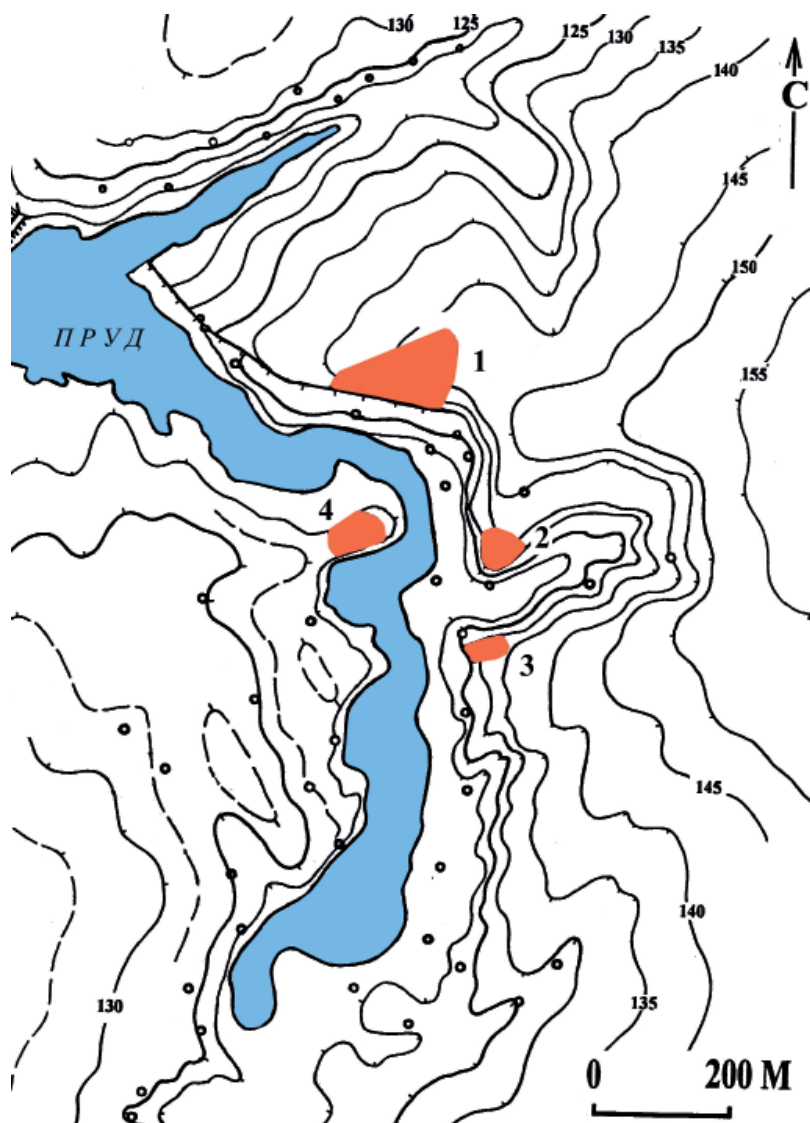

Рис. 3. Скопление селищ («гнездо») у д. Теряево: 1 – Теряево-5, 2 – Теряево-4, 3 – Теряево-3, 4 – Теряево-2

Fig. 3. Accumulation of settlements (“nest”) near the village of Teryaev: 1 – Teryaev-5, 2 – Teryaev-4, 3 – Teryaev-3, 4 – Teryaev-2

должны иметь небольшие размеры. Повторные обследования отдельных «модельных» участков если и приводили к увеличению численности памятников, то этот прирост не превышал 10–15%. Если предположить, что неучтенными оказались 50% от известных селищ размерной группы 5, то площадь города составляла около 31% суммарной площади

сельских поселений. Если провести соответствующую оценку только для наиболее плотно заселенного участка Нижегородской округи – Березова Поля, где сосредоточено 87% известных памятников, то соответствующий показатель увеличится до 40%. По этому признаку Нижегородская округа напоминает окрестности г. Белоозера (31,4%, см.: Макаров, Захаров,

Бужилова, 2001, с. 92) и отдаленно – золотоордынского г. Увека (50,2%: Недашковский, 2010, с. 214, рис. 21). Вероятно, опережающее развитие Нижнего Новгорода по сравнению с его сельской агломерацией подтверждает специфику градообразования на слабо заселенных территориях, отмеченную ранее только для городских центров X–XIII в. (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 226).

По культурным особенностям памятников и плотности их расположения Нижегородская округа неоднородна: в ней выделяются два района.

Центральный район – летописное Березово Поле – занимает междуречье рек Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы, площадью около 1200 кв.км. Вдоль долин Оки и Волги (с запада на восток) район вытянут на 90 км. В противоположном направлении его протяженность меняется от 5 до 25 км. Эта территория, как уже отмечалось, была наиболее плотно заселенной. Наиболее поздние памятники, оставленные здесь финноязычным населением, исчезают в первой половине VIII вв. (Грибов, 2020). Активное заселение этого района в период развитого средневековья началось только после основания Нижнего Новгорода. Еще до середины XIV в. здесь сложилась разветвленная сеть поселений, охватившая не только побережья крупных и малых рек, но и водораздельные пространства. Заселение водоразделов в окрестностях города происходило одновременно с освоением речных долин. Для Нижегородского Поволжья модель расселения, породившая известный «взлет на холмы», не имеет хронологического обоснования.

В структуре расселения на микро-региональном уровне проявлена группировка селищ в отдельные гнезда и кусты (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 125). Если первые встречаются достаточно редко, то вторые ши-

роко распространены в центральном районе Нижегородской округи, особенно на водоразделах.

Гнезда образованы компактными скопления из 2–4 селищ, разделенных ручьями или овражными отвершками (рис. 3). Одно селище в таком скоплении по площади очень часто заметно превосходит остальные. В большинстве случаев памятники одного гнезда не отличаются по датировке. Судя по небольшим разделяющим их расстояниям, не превышающим 50–150 м, селища в таких группах могут рассматриваться как разные части единого крупного поселения. Размеры последних могли достигать до 4,6 га.

Другой тип локального образования представлен кустами поселений. В них селища заметно удалены друг от друга, а их пространственную связь, как правило, определяет какая-то одна форма мезорельефа, к разным частям которой они приурочены. На водораздельных участках такие скопления встречаются в разветвленных овражно-балочных системах, иногда – вблизи следов запруд или по берегам небольших, похожих на ручьи, притоков малых рек с узкими поймами (рис. 4). Размеры участков, занимаемых такими скоплениями, редко превышают 3–4×2–3 км. Раскопки, проведенные на трех памятниках одного скопления (у д. Копнино), показали, что два поселения, скорее всего, уже запустели к началу функционирования третьего. Однако входящие в кусты памятники обычно сложно разделить по хронологии. Вероятно, такого рода группировки в одном случае могут быть порождены преемственностью в использовании земельных угодий, в другом – отражают реальные исторически сложившиеся поселенческие структуры. Их характерной особенностью является иерархия поселений по площади: в каждом скоплении присутствует одно-два селища с размерами от 1,3 до 6,5 га и

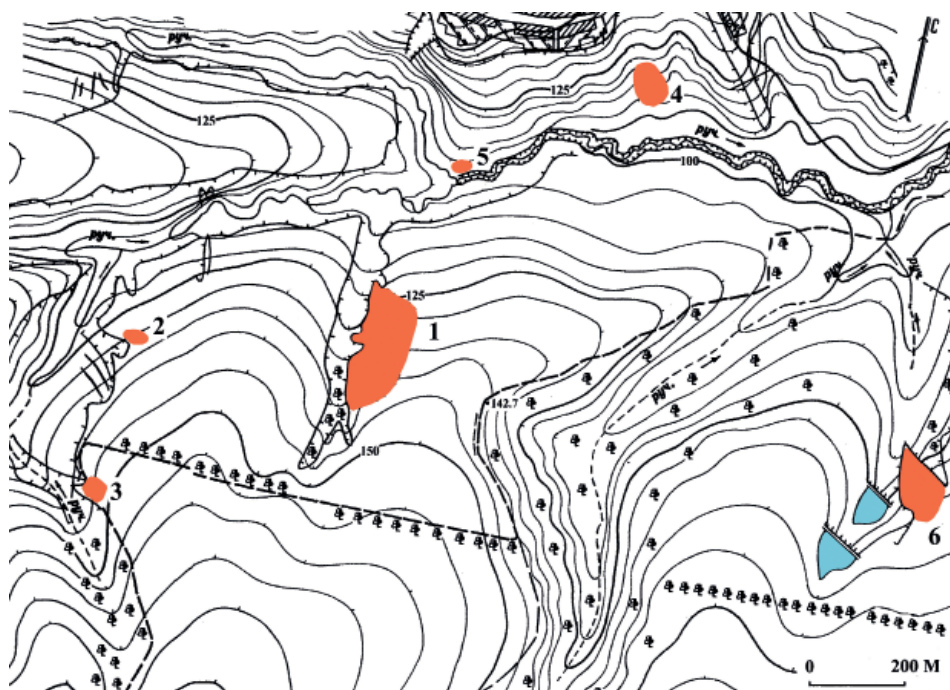

Рис. 4. Скопление селищ («куст») у поселка Ближнее Константиново: 1 – Ближнее Константиново-1, 2 – Ближнее Константиново-3, 3 – Ближнее Константиново-4, 4 – Мордвинцево-1, 5 – Мордвинцево-2, 6 – Культура

Fig. 4. Cluster of settlements ("bush") near the village of Blizhneye Konstantinovo: 1 – Blizhneye Konstantinovo-1, 2 – Blizhneye Konstantinovo-3, 3 – Blizhneye Konstantinovo-4, 4 – Mordvintsevo-1, 5 – Mordvintsevo-2, 6 – Kultura

совокупность небольших памятников, традиционно соотносимых с мало-дворными поселениями.

Результаты раскопок на двух крупных селищах выявили характерные черты памятников, образующих каркас местной сельской системы расселения (Грибов, 2007, 2008). Планировочное ядро селища Ближнее Константиново-1 представляет собой усадебный комплекс, обнесенный четырьмя, последовательно сменявшими друг друга, частокольными оградками со следами столбов от въездных ворот. Прослежена социальная дифференциация построек. Главным сооружением усадьбы служил большой дом-пятистенки хоромного типа, площадью около 150 кв. м. Его нижние венцы опирались на подкладки из обрезков бревен, что косвенно указывает на двухэтажность строения. При

этом размеры одной из рядовых жилых построек не превышали 4×4 м.

К другим характерным особенностям крупных селищ (3 и 4 групп) относятся: наличие следов воинского присутствия в виде элементов снаряжения верхового коня и всадника; находки значительного количества редких импортных вещей, монет, остатков деликатесных продуктов – рыб осетровых пород. В системе местного жизнеобеспечения доминировало производство ржи (86,1% от 469 зерен культурных растений – для селища Ближнее Константиново-1), которое по сочетанию выявленных особенностей местного земледелия и скотоводства могло иметь товарный характер. Остальные возделываемые культуры – овес (6,6%), просо (4,9%), лен (1,1%), пшеница (0,4%), гречиха (0,4%), ячмень (0,2%), горох (0,2%),

скорее всего, выращивались только для удовлетворения собственных нужд здешних жителей. На селище Ближнее Константиново-1 функционировало железоделательное производство и, вероятно, существовала церковь, о чем свидетельствуют находки крупных фрагментов колокольной бронзы.

Нижегородские памятники, сходные по ряду признаков с селищем Ближнее Константиново-1, могут быть интерпретированы как владельческие села. По особенностям планировки и материальной культуры они занимают промежуточное положение между небольшими специализированными сельхозпоселениями (деревнями) и городами, что является главным критерием выделения феодальных усадеб «незамкового типа» (памятники типа Лучно 1 в Белоруссии, см.: Климов, 2005).

В случае утраты связей с городским центром исчезновение таких поселений не представляется неизбежно фатальным. Скорее, наоборот, благополучие города, зависящее от поставок хлеба, во многом определялось благополучием таких сельских поселений. Реконструируемая по материалам раскопок сельская усадьба представит как самодостаточная и устойчивая ячейка местной поселенческой структуры.

Нижегородские села заметно различаются от сходных по размерам сельских поселений из округ золотоордынских городов. Присущие этим русским памятникам черты в виде следов ограждений, социальной дифференциации построек, находок предметов воинского снаряжения не являются характерными признаками соответствующих золотоордынских селищ (Недашковский, 2010, с. 223, 224). Отмеченные отличия, вероятно, обусловлены разным социальным составом жителей: на золотоордынских поселениях проживало, скорее

всего, преимущественно зависимое население невысокого социального статуса.

Необходимо отметить, что селища с признаками владельческих сел встречены среди памятников разных размеров. Материалы раскопок селища Ближнее Константиново-1 демонстрируют рост этого поселения, прослеженный по изменению частокольных оград приблизительно в течение одного столетия (начиная с рубежа XIII–XIV вв.): размеры первоначальной усадьбы – 1400 кв. м, площадь, заключенная в позднейшее ограждение – 2500 кв. м. Эти размеры не соответствуют площади всего поселения, так как остатки различных сооружений зафиксированы и за линиями усадебных частоколов. Вероятно, к владельческим селам, просуществовавшим очень короткий срок, можно отнести селище Ближнее Константиново-4 площадью всего 2400 кв. м. На памятнике зафиксированы следы частокольной ограды, найдены фрагменты привозной кашинной посуды, железные поясные накладки. По керамике селище датировано в пределах второй половины XIV – начала XV вв. Альтернативой ему по продолжительности функционирования является поселение Бешенцево-2, -3. Датировка вскрытых здесь сооружений охватывает промежуток, соответствующий или даже немного превосходящий полтора столетия: от середины XIII до начала XV вв. На памятнике зафиксированы следы частокольных оград, обнаружен многочисленный престижный инвентарь (Грибов, 2007). Его площадь 2,6 га. Таким образом, есть основание предполагать прямую связь между размером села и длительностью его существования. Очевидно, размерные группы селищ отражают не только разные типы поселений по функциональному назначению и социальному статусу, но и совокупности однотип-

ных поселений разной длительности существования.

Периферийный район Нижегородской области начинается на правом берегу р. Кудьмы, охватывая бассейн р. Сундовик, левобережье р. Суры и берега ее притоков – рр. Имзы и Урги (рис. 1). Удаленность его юго-восточной периферии от города – 200–250 км. Отличительными чертами района являются преимущественно анклавный характер расселения – русские поселения располагались здесь чересполосно с мордовскими – и культурные особенности местных памятников. Последние проявляются в заметном присутствии образцов «гибридной» керамики – сосудов с профилировкой русских горшков XIII–XIV вв. и формовочной массой с нетипичными для русской гончарной традиции отошителями – шамотом и дробленой раковиной (Грибов, 2018). Еще одной особенностью местных памятников является их достаточно позднее появление – не ранее середины – второй половины XIV в., что хорошо согласуется с письменными источниками.

Стремление нижегородцев прирастить освоенную территорию за чертой Березова Поля в сторону владений мордвы летописные памятники впервые фиксируют только в 50–60-х гг. XIV в. В это время известный нижегородский купец Тарасий Петров выкупил у местного «князя» Муранчика земли на р. Сундовик и основал здесь шесть сел (Насонов, 1958, с. 247). Три из них (Мунар, Городище и Салово), благодаря приведенным в источнике названиям, соотнесены с существующими населенными пунктами и локализованы (Николаенко, 2015, с. 257, 258, 351). Это небольшие поселения (1500–4500 кв. м), которые, очевидно, не успели получить должного развития из-за разорения нижегородских земель после Пьянского побоища (1377 г.).

В третьей четверти XIV в. складываются заселенные области в Посурье – Курмыш и Кишь, образующие восточную периферию нижегородских земель. Особенностью этих анклавов является приуроченность к большому поселению. Одно из них – поселение Мурзицы-1 (16,5 га) – локализовано в устье р. Кишь (Николаенко, 2015, с. 412).

Большой интерес представляет крупная поселенческая агломерация, связанная с г. Курмыш, основанная городецким князем Борисом Константиновичем в 1372 г. (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 100). Она состоит из небольшого городища размером около 1 га – крепости Бориса Константиновича – и крупного (19,3 га) неукрепленного поселения, представленного селищами Курмыш-4, -2, разделенными узкой протокой. Курмышская агломерация как целое обнаруживает ряд городских признаков (Грибов, 2018). К ним относятся: наличие укрепленной части – автономной и удаленной от основной селитебной территории на 2,5 км; большие размеры, позволяющие сопоставить поселение Курмыш-4, -2 с малыми городами Золотой Орды (Недашковский, 2010, с. 15); следы разнообразной производственной деятельности и, вероятно, торговли; полиэтничный состав населения. Появление столь крупного центра на восточном рубеже земель, входивших в юрисдикцию нижегородских князей, за сравнительно короткий срок в слабо обжитом районе было бы невозможно без «административного вмешательства». Нехватка рабочих рук, дефицит мастеров-ремесленников на малолюдном восточном пограничье, вероятно, были восполнены выходцами из Золотой Орды. О практике заселения окраинных земель Нижегородского княжества выкупленными в Орде пленными сообщает особая редакция Типографской летописи (На-

сонов, 1958, с. 247). Во второй половине XIV в. на восточной периферии Нижегородской округи, скорее всего, начался процесс урбанизации, прерванный в силу исторических обстоятельств начала XV века.

Лентообразная, вытянутая вдоль долин крупнейших рек региона – Оки и Волги, территория Нижегородской округи, пространственный вектор ее развития, ориентированный на юго-восток, исторически обусловлены. Первоначально география сельской округи определялась расположением незаселенной области, приуроченной к междуречью рек Оки, Волги и Кудьмы (Грибов, 2020, с. 26). Конфигурацию сельских окрестностей города определяли течение рек и наличие свободных земель, годных для земледелия. Это существенным образом отличает Нижегородскую округу от округ многих старейших городов Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, приуроченных к водным системам озер, где располагались места сосредоточения суб-

стратного финноязычного населения (Леонтьев, 1996, с. 272, 293). Вектор пространственного развития нижегородских земель, скорее всего, был определен формированием в середине XIII в. новой системы международных коммуникаций, в которой существенная роль отводилась не только Волжскому пути, но и сухопутным дорогам, ведущим в ставку хана. Вероятно, на дорогах в Орду у переправ через р. Суру и сложились наиболее крупные заселенные анклавные периферийного района Нижегородской округи.

Общей чертой заселенных окрестностей Нижнего Новгорода и городов Нижнего Поволжья является тяготение к берегам больших рек. Очевидно, это обусловлено как расположением оптимальной «экологической ниши» в прибрежных условиях существования городских центров, так и специфическими тенденциями в географии расселения на территории Восточной Европы, присущими эпохе владычества Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII–XIV в. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 1 / Сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2007. С. 58–67.
2. Грибов Н.Н. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов. М.: Наука, 2008. С. 253–264.
3. Грибов Н.Н. Большое неукрепленное поселение в посурских владениях Бориса Константиновича Городецкого // Археология Владимиро-Суздальской Руси. Вып. 8 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2018. С. 99–111.
4. Грибов Н.Н. Русские и мордва в XIII–XV вв.: расселенческий аспект взаимодействия (по археологическим данным) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 23–34.
5. Грибов Н.Н., Цепкин Е.А. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в Средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2004. С. 71–95.
6. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (Действия НГУАК). Журналы и доклады. Заседания 58–68. Нижний Новгород, 1903. С. 74, 75.
7. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
8. Климов М.В. Проблема феодальных усадеб незамкового типа на территории Беларуси: XI–XVI вв. (по материалам памятника Лучно 1) // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы LI научного семинара / Отв. ред. И.К. Лабутина. Псков, 2006. С. 293–303.
9. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 352 с.

10. Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Геоэко, 1996. 338 с.

11. Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом Озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

12. Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI / Отв. ред. А.А. Новосельский. М.: АН СССР, 1958. С. 235–276.

13. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит.-ра, 2010. 352 с.

14. Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 4 (дополнение к частям 1–3). М.: ИА РАН, 2015. 478 с.

15. Полное собрание русских летописей. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

16. Хаггет П. География и синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 688 с.

17. Чернов С.З. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА. 1991. № 1. С. 112–133.

Информация об авторе:

Грибов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nnovhora@yandex.ru

RURAL DISTRICT OF RUSSIAN TOWN OF THE GOLDEN HORDE ERA (BASED ON THE MATERIALS OF THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE DISTRICT OF NIZHNY NOVGOROD)

N.N. Gribov

The article deals with clarification of the characteristic features of the rural district of the Russian town of the Golden Horde era. The object of the study is rural settlements located near Nizhny Novgorod. The purpose of the work is to summarize the results of the study of the rural district of medieval Nizhny Novgorod, obtained over the past decades. Rural settlements are mapped, systematized by their location in the terrain, their classification by size is developed using the methods of economic geography, and the probable share of urban residents in the demographic potential of the region is estimated. The socio-economic interpretation of the settlements that form the basis of the settlement system is proposed. The historical interpretation of the form of the area and geography of the rural district of Nizhny Novgorod is given, and its division into two districts – central and peripheral is justified. The features of similarity and differences between rural districts of Russian cities and cities of the Golden Horde are determined.

Keywords: archaeology, rural districts of the Russian medieval town, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod district, owner villages, rural settlement, the Golden Horde era.

REFERENCES

1. Gribov, N. N. 2007. In Shpolianskii, S. V. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi (Archaeology of Vladimir-Suzdal land)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 58–67 (in Russian).

2. Gribov, N. N. 2008. In Makarov, N. A., Chernov, S. Z. (eds.). *Sel'skaia Rus' v IX–XVI vekakh (Rural Rus in the 9th–16th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 253–264 (in Russian).

3. Gribov, N. N. 2018. In Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi (Archaeology of Vladimir-Suzdal land)* 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 99–111 (in Russian).

4. Gribov, N. N. 2020. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)* 4 (60). 23–34 (in Russian).

5. Gribov, N. N., Tsepkin, E. A. 2004. In Molev, E. A. (ed.). *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniui i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local History and Archaeology)*. Nizhni Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publ., 71–95 (in Russian).

6. 1903. In *Deystviya Nizhegorodskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii Zhurnaly i doklady. Zasedaniya 58–68. (Activities of the Nizhny Novgorod Governorate Scientific Archive Commission. Journals and Reports. Sessions 58–68.)*. Nizhniy Novgorod. 74, 75 (in Russian).

7. Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
8. Klimov, M. V. 2006. In Labutina, I. K. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli: materialy 55-go zasedaniia, posviashch. iubileiu prof. I.K. Labutinoi (13–15 apreliia 2009 g.) (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)*. Pskov-M.: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 293–303 (in Russian).
9. Kuchkin, V. A. 1984. *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv. (Formation of the State Territory of North-Eastern Rus in the 10th – 14th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Leont'ev, A. E. 1996. In *Arkheologiya velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia (Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages)* 4. Moscow: "Geoeko" Publ. (in Russian).
11. Makarov, N. A., Zakharov, S. D., Buzhilova, A. P. 2001. *Srednevekovoe rasselenie na Belom Ozere (Medieval settlement in Beloozero Region)*. Moscow: "Yazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
12. Nasonov, A. N. 1958. In Novoselskiy, A. A. (ed.). *Problemy istochnikovedeniia (Issues of Source Studies)* VI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 235–276 (in Russian).
13. Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
14. Nikolaenko, T. D. 2004. *Arkheologicheskaia karta Rossii. Nizhegorodskaia oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
15. 2000. *Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik (Rogozhskoe Chronicle. Tver Collection)*. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XV. Moscow: "Yazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
16. Khagget, P. 1979. *Geografiya i sintez sovremennykh znaniy (Geography and Synthesis of Modern Knowledge)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
17. Chernov, S. Z. 1991. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 112–133 (in Russian).

About the Author:

Gribov Nikolay N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; nnhora@yandex.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.178.192>

МАТЕРИАЛЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

© 2021 г. А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков

Среди памятников золотоордынского периода Среднего Поволжья особую группу составляют памятники Самарского региона, включающего Самарскую излучину Волги и бассейны рек Усы, Самары, Кинеля, Сока. Анализ топографии памятников в контексте природно-географических характеристик рассматриваемого района позволили определить его территориальную структуру. На основе особенностей размещения поселений предлагается модель зонального районирования для правобережного и левобережного участков Самарского Поволжья. На территории правобережного района выделены три микрорайона: 1) Усинский микрорайон; 2) микрорайон внутренней части излучины Самарской Луки; 3) микрорайон бассейна р. Сызранки. В Левобережье с учетом современной изученности территории можно выделить шесть микрорайонов. 1) Северный Заволжский микрорайон – расположен в северной зоне близко к берегу р. Волги; 2) Самаро-Волжский микрорайон, включающий памятники устья р. Самара, Сок, берег р. Волги; 3) Сокский микрорайон, памятники расположены вдоль русла р. Сок и Кондурча; 4) Кинельский микрорайон, памятники расположены вдоль р. Б. Кинель до места впадения в р. Самару; 5) Самарский степной микрорайон в восточной зоне рассматриваемого региона; 6) Южный Заволжский микрорайон. Для каждого микрорайона характерен соответствующий опорный каркас расселения, который связан с особенностями функционирования памятников.

Ключевые слова: археология, Приволжская возвышенность, Заволжье, Самарское Поволжье, Золотая Орда, система расселения, микрорайоны, опорный каркас.

Исследование региональных аспектов археологии Золотой Орды способствует более глубокому пониманию особенностей и роли конкретного региона в истории государства. Самарское Поволжье, располагаясь географически на границе Среднего и Нижнего Поволжья, является таким регионом, история и археология которого в золотоордынскую эпоху не изучены в полной мере. Несомненно, это связано как с отсутствием прямых данных в письменных источниках и с наличием неоднозначных сведений средневековых портоланов, так и с недостаточностью собственно археологических материалов.

Границы рассматриваемого региона: на севере – бассейн р. Б. Черемшан, на юге – р. Б. Иргиз, на востоке – истоки рек Б. Кинель, Самары, на западе – течение рр. Усы и Сызранки, правого притока Волги. Западные границы, принятые в работе, могут вызывать возражения со стороны других исследователей, однако именно эти

реки текут в широтном направлении и впадают в Волгу в том месте, где очерчивается волжская излучина – Самарская Лука.

Источники и история изучения археологических памятников Самарского Поволжья золотоордынского времени наиболее полно были представлены И.Н. Васильевой в работе, которая подводила итоги на период конца XX в. (Васильева, 2000, с. 293–346, 390–401). За прошедшие с тех пор 20 лет увеличился корпус археологических источников, в том числе за счет проведенных раскопок. Кроме того, как выяснилось при анализе материалов, некоторые памятники оказались пропущенными, были уточнены датировки ряда музейных коллекций, памятники, с которых они происходят, также могут быть отнесены к рассматриваемой эпохе. Полученные данные позволяют вновь обратиться к общим проблемам заселения территории Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды.

Всего на настоящее время при составлении карты учтены сведения о 122 памятниках (рис. 1).

При изучении памятников Самарского Поволжья середины XIII–XIV в. И.Н. Васильева выделила три основных района их компактного расположения (Васильева, 2000, с. 300): 1) район Самарской Луки и побережья Волги; 2) район бассейна рр. Кондурчи, Сок, Большой и Малый Кинель (лесостепные территории); 3) бассейн р. Самары и степные земли междуречья Волги и Самары. Выделенные ею районы различаются в физико-географическом отношении, причем первый район – район Самарской Луки и побережья Волги – охватывает две зоны: правобережье и левобережье, приуроченные к берегам р. Волги и ее правого притока, р. Усы.

Участок правобережья в физико-географическом отношении является частью Приволжской возвышенности, в левобережье выделяются Низменное Заволжье, Высокое Заволжье и Общий Сырт. Территория Низменного Заволжья ограничена узким участком на левом берегу р. Волги между рр. Б. Черемшан и Сок. Высокое Заволжье и Общий Сырт занимают обширную область на левобережье р. Волги с долинами рр. Самары, Чапаевки, Большой Иргиз, Чагры.

Памятники нанесены на карту (рис. 1) по материалам Р.Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1975, карта), И.Н. Васильевой (Васильева, 2000, с. 322), В.Л. Егорова (Егоров, 1985, с. 107–108), В.Ю. Морозова (Морозов, 1995, с. 319–326), Г.М. Бутова (Буров, 1977) и скорректированы с учетом архивных данных, полевых работ авторов и изучения музейных коллекций. Картографирование памятников, анализ их взаиморасположения и статуса позволяют наметить структуру системы расселения в рассматриваемом регионе как в целом, так и для каждой зоны.

Почти половина выявленных памятников Самарского Поволжья золотоордынской эпохи расположена в правобережье, что, несомненно, является показателем особой значимости этого участка в пространственно-территориальной организации средневожского региона Золотой Орды.

Исторически сложилось так, что освоение западной части правобережья отличалось от освоения восточной. Такая ситуация не в последнюю очередь была обусловлена природно-географическим фактором. Самарская Лука с ее благоприятными условиями привлекала человека с ранних эпох, и здесь наблюдается сравнительно большая плотность сети археологических памятников, начиная с эпохи раннего Средневековья. Кроме того, необходимо отметить определенную приближенность памятников к берегу р. Волги, особенно это касается периода вхождения Самарской Луки в состав Волжской Болгарии домонгольского периода (Кочкина, 1999, с. 168–170). Западная часть Луки (нижнее течение рр. Усы и Сызранки) в то время была мало освоена и болгарских памятников здесь известно немного. Ситуация изменилась в золотоордынскую эпоху, когда из приграничных земель территория Самарского Поволжья переходит в положение внутренней территории Улуса Джучи. Самарская Лука являлась важным стратегическим регионом нового государства, она располагалась в том месте, где сходились водные и сухопутные пути, соединяющие Восток и Запад, метрополию и завоеванные земли. Самарская Лука находилась на пути из Руси в столичные центры Улуса Джучи. В связи с этим функциональное назначение поселений, располагавшихся на волжских берегах, в первую очередь было связано с обслуживанием Волжского пути, переправой судов и караванов.

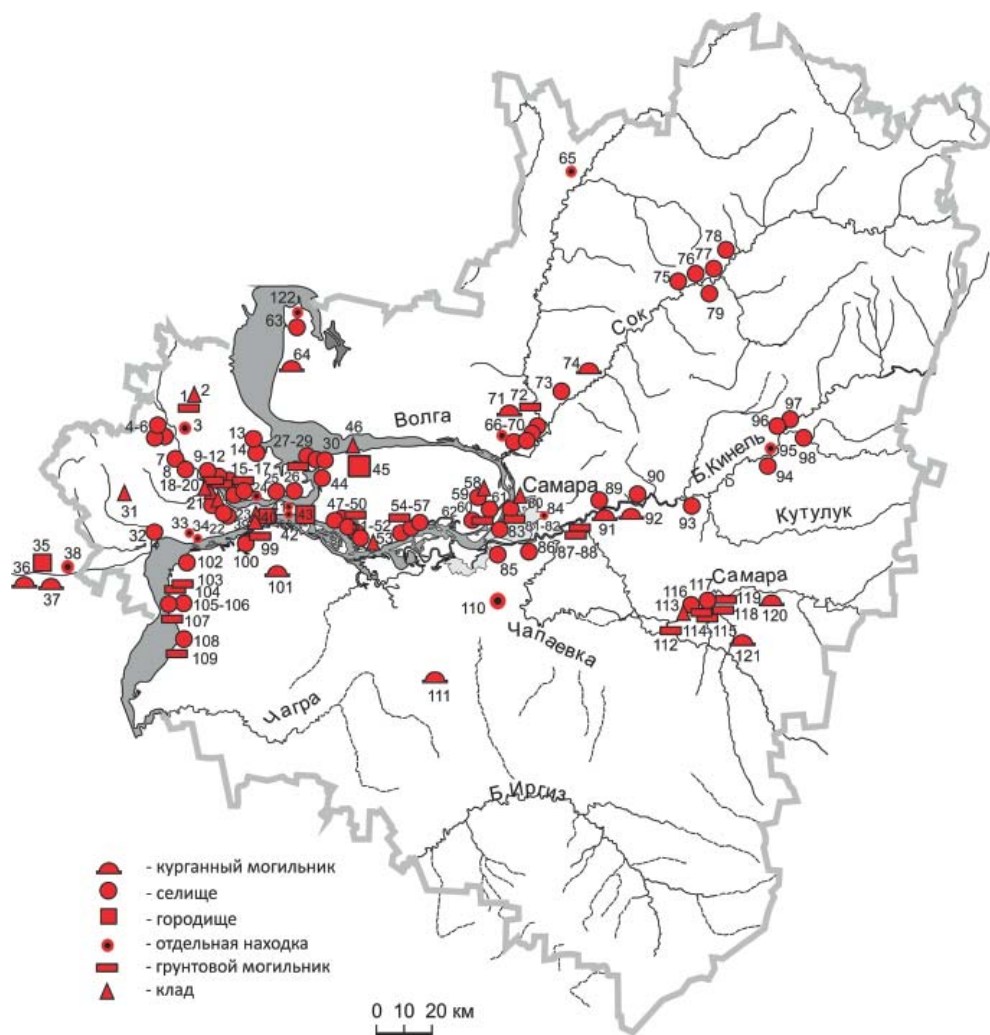

Рис. 1. Карта археологических памятников эпохи Золотой Орды в Самарском Поволжье. 1 – Кузькинский грунтовой могильник; 2 – Кузькинский клад; 3 – Белоключинское м/н; 4 – Шигонское I селище; 5 – Шигонское II селище; 6 – Шигонское III селище; 7 – Усинское I селище; 8 – Усинское II селище; 9 – Муранское I селище; 10 – Муранское селище; 11 – Муранский (мордовский) грунтовой могильник; 12 – Муранский (мусульманский) грунтовой могильник; 13 – Усольское IV (Данилово оз.) селище; 14 – Усольское II селище; 15 – селище Печерские Выселки; 16 – Печерский грунтовой могильник; 17 – Печерское, случайная находка железных предметов; 18 – Губино, клад монет и вещей; 19 – Губинский I клад; 20 – Губинский II клад; 21 – Губинское селище; 22 – Воскресенское I селище; 23 – Воскресенское II селище; 24 – Анновское селище; 25 – Комаровское I-II селища; 26 – селище Рубленое озеро; 27 – Березовское I селище; 28 – Березовский могильник грунтовой; 29 – Березовское II селище; 30 – селище гора Лепешка; 31 – Жемковский клад серебряных ювелирных изделий; 32 – селище Сызрань III; 33 – Берсеневакая случайная находка монет; 34 – Правая Волга, случайная находка надгробия из камня с арабской надписью; 35 – городище Канадей; 36 – курганный могильник Канаде I; 37 – курган Клин I; 38 – Голодяевка, случайная находка зеркала; 39 – Старокостычевский клад; 40 – городище Костычи; 41 – Усилада, м/н; 42 – Переволоки, случайная находка железных предметов; 43 – Междуреченское городище; 44 – селище Уркина гора; 45 – Александровское городище; 46 – Яблоневого оврага, клад; 47 – Малорязанское

селище; 48 – селище Малая Рязань I; 49 – селище Малая Рязань II; 50 – грунтовый могильник Малая Рязань; 51 – селище Брусяны II; 52 – селище Брусяны III; 53 – Винновский клад; 54 – селище Лбище I; 55 – селище Лбище II; 56 – селище Лбище III; 57 – могильник грунтовый Лбище (Ман-Тепе); 58 – Подгорский клад монет; 59 – селище Подгоры IV (Гора Пещерка); 60 – могильник грунтовый Усинский II; 61 – селище Учхоз; 62 – Рождественское; 63 – Верхнехрящевское селище; 64 – погребение в саду с-за им. Луначарского; 65 – селище Алмазовка; 66 – селище Семейкино; 67 – селище Кочкари VI; 68 – м/н Трухмянка II; 69 – м/н Трухмянка; 70 – м/н Висловка; 71 – одиночный курган Светлое Поле III; 72 – погребение Городцовка; 73 – селище Студеновское; 74 – Гундоровский одиночный курган; 75 – Чесноковское селище; 76 – Чекалинское II селище; 77 – Сергиевское селище; 78 – Серноводское II селище; 79 – селище Нижняя Орлянка II; 80 – Студеный Овраг, клады сельскохозяйственных орудий и снаряжения коня; 81 – Барбашинский могильник; 82 – Барбашинское селище; 83 – селище Постников Овраг; 84 – Зубчаниновка, случайная находка зеркала (разрушенное погребение); 85 – селище Кряж I; 86 – Черновка (Куйбышевское) селище; 87 – погребение на селище Белозерки; 88 – грунтовый могильник на селище Белозерки IV; 89 – Кинельское (Коммуна) селище; 90 – селище Веретяевка; 91 – разрушенное погребение могильник у ст. Кинель; 92 – курганный могильник Бобровка I; 93 – Федоровское селище; 94 – селище Толкай; 95 – урочище «Королев Угол» (Ерзовка), случайная находка зеркала; 96 – Сухореченское селище; 97 – селище Красные Пески; 98 – селище Матьян; 99 – Кануевское погребение; 100 – Кануевское селище; 101 – Александровский курганный могильник; 102 – селище Сачково Озеро; 103 – грунтовый могильник Заволжье III; 104 – грунтовый могильник Заволжье II; 105 – селище Заволжье; 106 – селище Приволжье (городище «Вишневый сад»); 107 – грунтовый могильник Приволжье I; 108 – селище Приволжье I; 109 – Екатеринбургский IV грунтовый могильник; 110 – Привольненская случайная находка монет; 111 – Новопавловский (курган 7) курганный могильник; 112 – могильник на дюне «Человечья голова»; 113 – Максимовский клад; 114 – Максимовский могильник на дюне; 115 – Максимовский грунтовый могильник; 116 – Максимовское селище; 117 – селище «Большой Шихан»; 118 – могильник на дюне «Большой Шихан»; 119 – Вилатовский могильник на дюне; 120 – Гвардейский курганный могильник; 121 – Покровский (курганы 14, 15) курганный могильник; 122 – Черемшанская случайная находка монет

Fig. 1. Map of archaeological sites of the era of the Golden Horde in the Samara Volga region

Изучение археологических памятников золотоордынского времени в правобережье начинается с конца XIX в. Наиболее известный памятник на тот период, Муранский могильник XIV в., исследовался в течение нескольких сезонов В.Н. Поливановым. В 1900 г. В.Н. Поливанов опубликовал археологическую карту Симбирской губернии (Поливанов, 1900), на которой поместил не менее 10 памятников, имеющих материалы золотоордынской эпохи, в том числе клады джучидских монет. Работы 1920-х гг. под руководством В.В. Гольмстен, ограниченные так называемой малой Самарской Лукой, несколько увеличили количество выявленных памятников интересующего нас периода. Планомерные разведочные обследования в первой половине XX в. были

проведены в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. В 1939–1940 гг. сотрудники Куйбышевского музея краеведения в ходе разведок по р. Усе открыли памятники (рис. 2), впоследствии исследованные КАЭ при охранно-спасательных работах. Целенаправленные и масштабные работы по археологическому изучению Самарского Поволжья начались с 1969–1970 гг. под руководством Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева. Благодаря этим работам было обнаружено большинство из известных золотоордынских памятников этого района.

Раскопками были исследованы немногим более десяти памятников, включая Муранский могильник и Муранское селище, Березовское селище, Печерские выселки (А.Е. Алихова, Куйбышевская экспедиция, 1950-е

Рис. 2. Поселение Комаровка (КМК КП-86): 1 – кувшин; 2–6 – фрагменты круговой керамики; Березовское селище (КМК КП-92): 7 – фрагмент стеклянного перстня; 8 – фрагмент поливной керамики; 9– русская керамика; 10–12 – фрагменты круговой керамики; Воскресенское селище (КМК КП– 89): 13–16 – круговая керамика; поселение Печерские выселки (КМК КП– 91): 17–18 – фрагменты русской керамики. Разведки Куйбышевского музея краеведения, 1940 г.

Fig. 2. The Settlement Komarovka (КМК КП - 86): 1 – pitcher; 2–6 – fragments of circular ceramics; the Berezovka settlement (КМК КП-92): 7 – Russian ceramics; 8–10 – fragments of circular ceramics, 11 – a fragment of a glass ring; 12 – a fragment of glazed ceramics; the settlement Pecherskie Vyselki (КМК КП-91): 13–14 – fragments of Russian ceramics; the Voskresenskoe settlement (КМК КП - 89): 15–18 – circular ceramics. Exploration of the Kuibyshev Regional Museum, 1940

годы), Усинский II могильник (И.Н. Васильева, 1988 г.), Междуреченское городище (С.И. Приказчиков, С.Э. Зубов, Г.И. Матвеева, И.Н. Васильева, 1989–1990 гг.). В течение последних 20 лет экспедиция СОИКМ им. П.В. Алабина провела раскопки на нескольких памятниках, что способствовало увеличению источниковой базы, в том числе на Кузькинском могильнике (Сташенков, 2019), Малорязанском II селище (Кочкина, 2012).

Экспедициями Самарского университета проведены раскопки на селищах Лбище II (Г.И. Матвеева, 1992 г.) (рис. 5), Брусяны III (Н.А. Лифанов, 2017 г.). Целый ряд памятников к настоящему времени утрачен либо в процессе затопления Куйбышевским водохранилищем, либо в ходе хозяйственного освоения территорий. В 2010 г. в условиях значительного снижения уровня воды в Усинском заливе водохранилища было вновь об-

Рис. 3. Шигонское I селище (раскопки О.В. Кузьминой, 1980–1982 гг.): 1 – круговая керамика; 2–3 – ножи; 4, 6 – пряслица; 5, 7 – накладки; 8–9 – мордовская керамика. Шигонское II селище (раскопки А.П. Семенов, 1982 г.): 10–11 – русская керамика; 12 – накладка; 13 – бусина; 14 – фрагмент сьюлгамы; 15–17 – круговая керамика; 18–19 – наконечники стрел. 1,4,6, 8–11, 15–17 – глина; 2, 3, 18, 19 – железо; 5, 7, 12, 14 – бронза; 13 – стекло

Fig. 3. The Shigony I settlement (excavations by O.V. Kuzmina, 1980–1982): 1 – circular ceramics; 2–3 – knives; 4, 6 – spindle; 5, 7 – overlays; 8–9 – Mordovian ceramics. The Shigony II settlement (excavations by A.P. Semenova, 1982): 10–11 – Russian ceramics; 12 – pad; 13 – bead; 14 – a fragment of a syulgama; 15–17 – circular ceramics; 18–19 – arrowheads. 1,4,6, 8–11, 15–17 – clay; 2, 3, 18, 19 – iron; 5, 7, 12, 14 – bronze; 13 – glass

следовано Муранское селище, в ходе которого были получены представительные материалы, существенно дополнившие характеристику этого памятника (Сташенков, Кочкина, 2013; Петров, Бугарчев, 2012).

Картографирование памятников и анализ их взаиморасположения с

учетом статуса позволяют наметить структуру системы расселения в рассматриваемом регионе (Кочкина, 2016). Выделяются три зоны размещения памятников, или три микрорайона: 1) Усинский микрорайон; 2) микрорайон внутренней части излучины Самарской Луки; 3) Сызран-

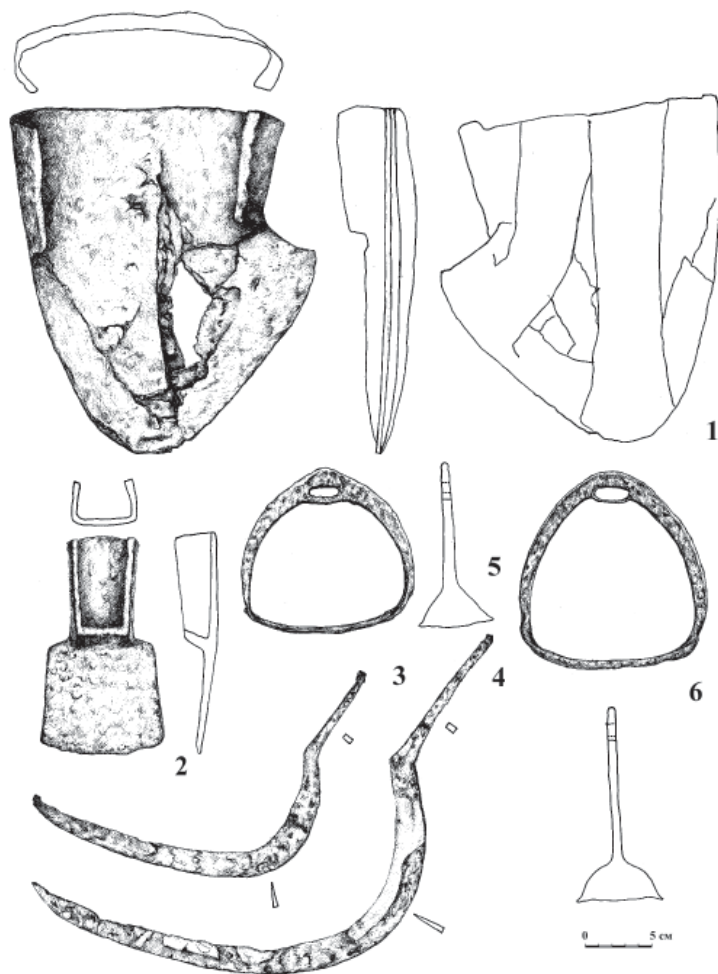

Рис. 4. Предметы из кладов сельскохозяйственных орудий и снаряжения коня (случайные находки): местонахождение Переволоки: 1 – лемех; 2 – мотыга; 3–4 – серпы; местонахождение Печерское: 5–6 – стремена. 1–6 – железо

Fig. 4. Items from hoards of agricultural implements and horse equipment (accidental finds): Perevoloki location: 1 – share; 2 – a hoe; 3–4 – sickles; Location Pecherskoe: 5–6 – stirrups. 1–6 – iron

ский микрорайон. В первом микрорайоне памятники локализуются по обоим берегам р. Усы практически от ее среднего течения до устья – места впадения в р. Волгу. Во второй зоне (микрорайоне) памятники расположены вдоль береговой линии р. Волги. Оценивая памятники каждого микрорайона, прежде всего по размерам, определенным в основном по разведочным исследованиям (по отдельным памятникам имеются обобщен-

ные данные в: Фахрутдинов, 1975, с. 186–189), следует подчеркнуть, что в первой зоне преобладают поселения небольших размеров, во второй зоне памятники имеют размеры преимущественно 20–50 га (например, Мало-язанское II селище, селище Лбище – Новый Путь). В третьем микрорайоне выявлены статусные погребальные комплексы с подкурганными кочевническими захоронениями (Скарбовенко, Ломейко, 2017; Тихонов и др.,

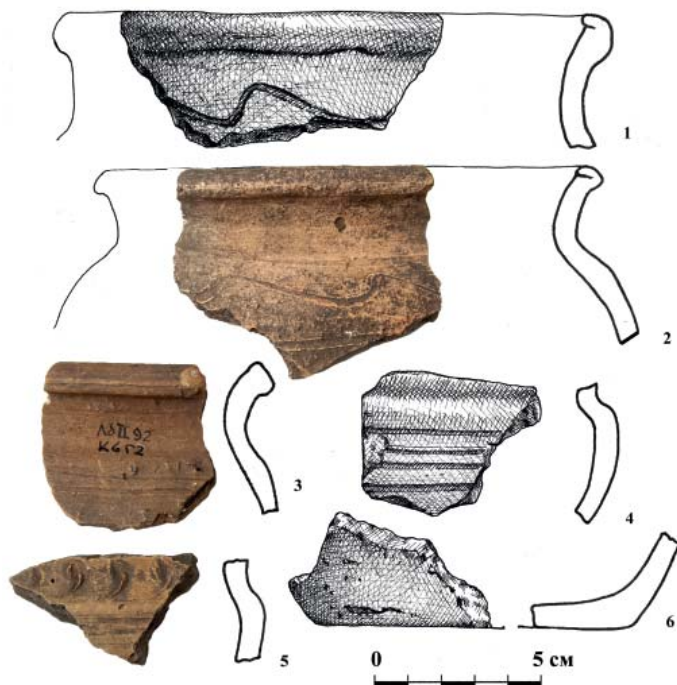

Рис. 5. Селище Лбище II (раскопки Г.И. Матвеевой, 1992 г.):
1–6 –фрагменты русской керамики
Fig. 5. The settlement Lbische II (excavations by G.I. Matveeva, 1992):
1–6 – fragments of Russian ceramics

2019), тяготеющие к Канадейскому городищу (Егоров, 1985, с. 108), остатки которого были зафиксированы в конце XIX – начале XX в. (в настоящее время требуется его дополнительное обследование).

Для первого микрорайона выделяется поселение с доминирующим положением – Муранское селище, которое может рассматриваться как региональный центр, имевший связи со всеми или с большинством поселений правобережья. Для второго микрорайона характерно наличие нескольких узловых пунктов с линейной системой взаимосвязи (Междуреченское городище, Малорязанское II селище, Бруснянское селище, селище Лбище – Новый Путь и др.). Датировка многих поселений в последние годы была уточнена по нумизматическим материалам и укладывается в рамки второй половины XIII в. – 1360-е

годы. Судя по монетному обращению, правобережье Самарского Поволжья в третьей четверти XIII в. находилось под экономическим влиянием Болгара, а затем произошла переориентация на взаимодействие с Укеком (Петров, Бугарчев, 2012, с. 158)

Левобережный район Самарского Поволжья, как уже отмечалось, имеет иные природно-географические условия, обусловившие систему расселения в эпоху Золотой Орды.

Выявление и изучение памятников золотоордынского периода в левобережье происходило параллельно с изучением правобережья. В 70-е годы XIX в. при строительстве железной дороги были обнаружены кочевнические погребения Кинельского могильника, интерес к которому проявил П.В. Алабин (1878). В начале XX в. были начаты исследования на Барбашинском мордовском могиль-

Рис.6. Поселение Постников овраг (КМК КП-1,4): 1–3 – русская керамика; 4 – мордовская керамика; Черновка (Куйбышевское) селище (КМК КП-54): 5–8 – круговая керамика; 9 – русская керамика; разрушенное погребение в пос. Зубчаниновка, г. Самара (КМК КП– 215/4): 10 – бронзовое зеркало

Fig. 6. The settlement Postnikov Ovrage (KMK KP - 1.4): 1–3 – Russian ceramics; 4 – Mordovian ceramics; Chernovka (Kuibyshev) settlement (KMK KP-54): 5–8 – circular ceramics; 9 – Russian ceramics; Destroyed burial in the village Zubchaninovka, Samara (KMK KP-215/4): 10 – bronze mirror

нике в окрестностях г. Самары (Археологические исследования ..., 2012). Масштабными работами под руководством В.В. Гольмстен в 1920–1929 гг. были открыты многочисленные памятники (или культурные слои, по терминологии исследователей того времени), которые были отнесены в эпохе Средневековья (рис. 6; 8: 1, 3–6, 7–11). В конце 1930-х – начале 1950-х гг. в зоне строительства Куйбышевской ГЭС в окрестностях г. Куйбышева, на Самарской Луке, вдоль берегов р. Сок, Усы, Большой Черемшан были проведены разведочные исследования сотрудниками ИИМК и Куйбышевского музея краеведения, в результате которых были обнаружены памятники эпохи Золотой орды (рис. 7, 8).

Планомерные исследования региона, начиная с 1969–1970 гг., существенно увеличили количество памятников золотоордынского периода

Если в правобережье поселенческие памятники существовали и в предшествующую эпоху Волжской Болгарии, то в левобережье в домонгольское время они были весьма редки и располагались преимущественно по правому берегу р. Большой Черемшан и в узкой зоне между р. Волгой и р. Кондурчой. Ситуация изменилась в золотоордынский период. Вдоль рек – притоков Волги, текущих в широтном направлении, появились поселения.

Принимая в целом схему районирования, предложенную И.Н. Васильевой, считаем возможным на дан-

Рис. 7. Верхнехрящевское селище (КМК КП– 231): 1–4, 6–8 – фрагменты круговой керамики; 5 – фрагмент ручки амфоры с прочерченным знаком; Алмазовское селище (КМК КП– 192): 8–9 – фрагменты круговой керамики; Чесноковское селище (КМК КП– 140): 10 – фрагмент горловины кувшина. Разведки Куйбышевского музея краеведения, 1939 г.

Fig. 7. The Verkhnyaya Khryashheva settlement (КМК КП-231): 1–4, 6–8 – fragments of circular ceramics; 5 – a fragment of an amphora handle with a drawn sign; the Almazovka settlement (КМК КП-192): 8–9 – fragments of circular ceramics; the Chesnokovka settlement (КМК КП – 140): 10 – a fragment of the neck of a jug. Explorations of the Kuibyshev Regional Museum, 1939

ном этапе состояния источниковой базы выделить шесть микрорайонов в Левобережье. 1) Северный Заволжский микрорайон – расположен в северной зоне близко к берегу р. Волги; 2) Самаро-Волжский микрорайон, включающий памятники устья р. Самары, Сок, берег р. Волги; 3) Сокский микрорайон, памятники расположены вдоль русла рек Сок и Кондурчи; 4) Кинельский микрорайон – памятники расположены вдоль р. Б. Кинель до места впадения в р. Самару; 5) Самарский степной микрорайон в

восточной зоне рассматриваемого региона; 6) Южный Заволжский микрорайон.

Памятники расположены прежде всего по берегам рек, образуя более-менее равномерную сеть, но имеются места сравнительно большей концентрации поселений и примыкающих к ним грунтовых могильников.

В левобережье раскопки проводились в основном на курганных могильниках, где золотоордынские погребения были чаще всего сопутствующими. Можно назвать только

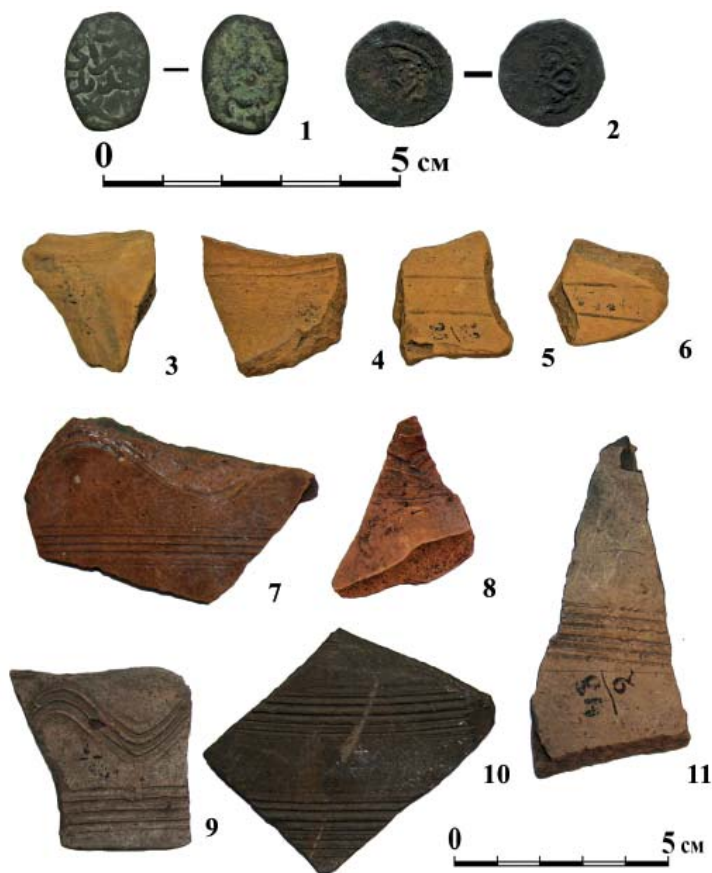

Рис. 8. Федоровское селище (КМК КП–73): 1 – медный пул; 3–6 – фрагменты круговой керамики; Сухореченское селище (раскопки И.Н. Васильевой, 1981 г.): 2 – медный пул; селище у п. Коммуна (КМК КП–48): 7–11 – фрагменты круговой керамики
 Fig. 8. The Fedorovka settlement (КМК КП–73): 1 – copper pool; 3–6 – fragments of circular ceramics; the Sukhaya Rechka settlement (excavations by I.N. Vasilyeva, 1981): 2 – copper pool; a settlement near the village of Kommuna (КМК КП–48): 7–11 – fragments of circular ceramics

немногочисленные одиночные курганы золотоордынского времени – Гундоровский и Светлое Поле III, а также грунтовые захоронения (Белозерки, Максимовка, «Человечья голова»). Крупные раскопки проведены лишь на Сухореченском поселении (Матвеева, 1977; Васильева, 2013).

1) Северный Заволжский микрорайон включает всего несколько памятников, тяготеющих к устью р. Б Черемшан, возможно, памятники вдоль Волги были затоплены Куйбышевским водохранилищем. Наиболее представительная коллекция золотоордынской керамики происходит с

Верхнехрящевского селища, отсюда происходит и фрагмент привозной амфоры (рис. 7: 1–8).

2) Самаро-Волжский микрорайон, включающий памятники устья р. Самары, Сок, берег р. Волги. В этом микрорайоне наблюдается концентрация памятников в районе современной Самары и приустьевых участков рр. Сок и Самары. Здесь расположен один из крупнейших грунтовых мордовских могильников XIV в. – Барбашинский, а также гипотетически локализуется место битвы между Тимуром и Тохтамышем на Кондурче в 1391 г. В перспективе исследования могут при-

вести к интересным результатам по выявлению новых памятников золотоордынского периода. На поселениях преобладает керамика, связанная с русским и мордовским населением (Постников овраг, Барбашинский овраг). На берегу Волги выявлена серия кладовых комплексов железных орудий труда и снаряжения коня (Сташенков, 2012).

3) Сокский микрорайон, памятники расположены вдоль русла рек Сок и Кондурчи. Пока на р. Кондурче можно достоверно локализовать лишь одно поселение – Алмазовское с небольшой коллекцией круговой керамики (рис. 7: 8–9). Более исследован бассейн р. Сок, где проводились раскопки хронологически ранних памятников. На ряде из них (рис. 1) выявлены материалы золотоордынской эпохи. Однако без проведения широких исследований не представляется возможным выделить какие-либо центральные поселения в данном микрорайоне. Этот участок Самарского Поволжья характеризуется сравнительно пересеченным рельефом. Вероятно, полученные материалы свидетельствуют о кратковременных стоянках вдоль реки.

4) Кинельский микрорайон, памятники расположены вдоль р. Б. Кинель до места впадения в р. Самару. Некоторые отличия можно отметить для данного микрорайона. С одной стороны, расположение памятников аналогично ситуации в предыдущем микрорайоне. Но на востоке микрорайона расположено Сухореченское поселение, выполнявшее функции торговоремесленного центра для большой округи (Матвеева, 1977; Васильева, 2013). Остальные поселения имели значительно меньшие размеры и слабо насыщенный культурный слой.

5) Самарский степной микрорайон находится в восточной зоне рассматриваемого региона. Известные памятники сконцентрированы в сред-

нем течении р. Самары и представлены отдельными грунтовыми и подкурганскими захоронениями, а также небольшими поселениями с тонким культурным слоем. Связать выявленные поселения только с сезонными кочевыми стоянками не позволяет наличие нескольких выразительных комплексов – гончарного центра (горна) на дюне «Большой Шихан» (Васильева, 1977) и Максимовскогоклада сельскохозяйственных орудий (Юнусова-Ключникова, 1977), что свидетельствует о ремесленной и аграрной функции существовавших здесь поселений.

6) Южный Заволжский микрорайон. Даже в долинах рек Чапаевки, Чагры и Б. Иргица до настоящего времени не выявлено поселений золотоордынской эпохи. Однако здесь неизвестны и погребальные комплексы, за исключением погребений Новопавловского могильника, что может свидетельствовать об особом статусе этой территории в структуре золотоордынского государства. Можно предположить, что этот микрорайон использовался в качестве пастбищных угодий золотоордынских кочевников.

Представленные материалы наглядно демонстрируют, что даже на сравнительно небольшой территории Самарского Поволжья выделяются несколько территориальных групп памятников, свидетельствующих о разной специализации микрорайонов и формировании региональной иерархии в рамках государства. Пока недостаточно материалов для хронологического разделения известных памятников, однако уже на этом этапе исследования можно утверждать, что активное освоение региона начинается в третьей четверти XIV столетия, а после событий 1360-х гг. рассматриваемая территория приходит в запустение. Возможно, какая-то часть оседлого населения, пока не фиксируемая археологически, могла сохра-

ниться в регионе, однако после битвы на Кондурче 1391 года Самарское Поволжье окончательно становится местом сезонных перекочевок потомков позднеордынского и постордынского населения. А территория правобережья Самарского Поволжья, включая

Самарскую Луку, окончательно приходит в запустение.

Последующие работы, несомненно, дополняют картину заселенности Самарского Поволжья в золотоордынское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2011.
2. Буров Г.М. Археологическая карта Ульяновской области. Симферополь, 1977 / Научный архив УОКМ. Д. 858. 491 с.
3. Васильева И.Н. Гончарный горн XIV века на дюне «Большой Шихан» // Средневожская археологическая экспедиция. Межвузовский сборник / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев, Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 122–133.
4. Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред.: И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 293–346.
5. Васильева И.Н. Археологические исследования на Сухореченском поселении в 1979 и 1981 гг. // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 187–235.
6. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
7. Кочкина А.Ф. Муромский городок – региональный центр Волжской Болгарии домонгольского периода на Самарской Луке // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 1999. С. 165–173.
8. Кочкина А.Ф. Малорязанское II селище – русский поселок золотоордынского времени на Самарской Луке // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XIV в.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2012. С. 107–128.
9. Кочкина А.Ф. К характеристике пространственной организации системы расселения в правобережье Самарского Поволжья в золотоордынский период // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань, Ялта, Кишинев: Stratum plus. 2016. С. 166–169.
10. Матвеева Г.И. Сухореченское селище // Средневожская археологическая экспедиция. Межвузовский сборник / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев, Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 98–121.
11. Морозов В.Ю. Топография кладов и случайных находок монет на территории Самарской области // Краеведческие записки. Вып. VII / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СамВен, 1995. С. 319–326.
12. Петров П.Н., Бугарчев А.И. Анализ нумизматических находок джучидских монет с территории Самарской Луки из коллекции Самарского областного музея им. П.В. Алабина // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XIV в.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2012. С. 153–159.
13. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
14. Сташенков Д.А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII–XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэз-

ская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 413–432.

15. Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 248–276.

16. Тихонов В. В., Волков В. В., Глазков А. Н., Павленко Ю. А. Исследование кургана Клин 1 в Ульяновской области // Археологические открытия 2017 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 327–329.

17. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

18. Юнусова-Ключникова Р.М. Максимовский клад // Средневожская археологическая экспедиция. Межвузовский сборник / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев, Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 93–97.

Информация об авторах:

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); annkochkina@list.ru

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archo@list.ru

MATERIALS FOR THE CHARACTERIZATION OF THE SETTLEMENT SYSTEM IN THE SAMARA VOLGA REGION IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

A.F. Kochkina, D.A. Stashenkov

Among the sites of the Golden Horde period of the Middle Volga region, a special group consists of the sites of the Samara region, which includes the Samara Luka of the Volga and the basins of the Usa, Samara, Kinel, and Sok rivers. The analysis of the topography of the sites in the context of the natural and geographical characteristics of the area under consideration allowed us to determine its territorial structure. Based on the features of settlement placement, a zonal zoning model is proposed for the right-bank and left-bank sections of the Samara Volga region. On the territory of the right-bank district, three microdistricts are allocated: 1) Usa microdistrict; 2) microdistrict of the inner part of the Samara Luka; 3) microdistrict of the Syzranka River basin. In the left-bank, taking into account the modern data of the territory, six microdistricts can be distinguished. 1) Northern trans-Volga microdistrict located in the northern zone close to the bank of the Volga River; 2) Samara-Volga microdistrict, including sites of the mouth of the Samara River, Sok, the bank of the Volga River; 3) Sok microdistrict, sites are located along the bed of the Sok and Kondurcha rivers; 4) Kinel microdistrict, sites are located along the river Bolshoi Kinel to the confluence with the Samara River; 5) Samara steppe microdistrict in the eastern zone of the region under consideration; 6) Southern trans-Volga microdistrict. Each microdistrict is characterized by a corresponding supporting framework of settlement, which is associated with the peculiarities of the functioning of sites.

Keywords: archaeology, Volga upland, trans-Volga area, Samara Volga region, Golden Horde, settlement system, microdistricts, supporting frame.

REFERENCES

1. In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., (comp.). 2011. *Arkhеologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millera na Barbashinskom mogil'nike (New Archaeological Studies in Samara. Excavations by V.N. Glazov and V.A. Miller at Barbashinsky Burial Ground)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (in Russian).

2. Burov, G. M. 1977. *Arkhеologicheskaia karta Ul'ianovskoi oblasti (Archaeological Map of the Ulyanovsk Oblast)*. Simferopol. Scientific archive of the Museum of Local Studies of the Ulyanovsk Oblast. Dossier 858 (in Russian).

3. Vasil'eva, I. N. 1977. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevolzhskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya. Mezhevuzovskiy sbornik (Middle Volga Archaeological Expedition / Interuniversity Collection of Papers)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 122–133 (in Russian).

4. Vasil'eva, I. N. 2000. In Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e. (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times (Early Iron Age and Middle Ages))*. Moscow: "Nauka" Publ., 293–346 (in Russian).
5. Vasil'eva, I. N. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkhelogicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archeological sites of Samara region))*. Samara: "Samara Archaeological Society", 187–235 (in Russian).
6. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Kochkina, A. F. 1999. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arkhologii Urala i Povolzh'ya (Issues of Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Samara: "Samarskiy universitet" Publ., 165–173 (in Russian).
8. Kochkina, A. F. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoy rossiyskoy istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII—XIV v.) (The Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: at the Crossroads of Cultures (Late 13th – 14th c.))*. Samara: "Ofort" Publ., 107–128 (in Russian).
9. Kochkina, A. F. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 166–169 (in Russian).
10. Matveeva, G. I. 1977. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevolzhskaya arkhelogicheskaya ekspeditsiya. Mezhhuzovskiy sbornik (Middle Volga Archaeological Expedition. Interuniversity Collected Works)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 98–121 (in Russian).
11. Morozov, V. Yu. 1995. In Kabytov, P. S. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)*. Samara: "SamVen" Publ., 319–326 (in Russian).
12. Petrov, P. N., Bugarchev, A. I. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoy rossiyskoy istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII—XIV v.) (The Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: at the Crossroads of Cultures (Late 13th–14th c.))*. Samara: "Ofort" Publ., 153–159 (in Russian).
13. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).
14. Stashenkov, D. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde) 2*. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 413–432 (in Russian).
15. Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkhelogicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archeological sites of Samara region))*. Samara: "Samara Archaeological Society", 248–276 (in Russian).
16. Tikhonov, V. V., Volkov, V. V., Glazkov A. N., Pavlenko Yu. A. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkhelogicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries of 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 327–329 (in Russian).
17. Fakhruudinov, R. G. 1975. *Arkhelogicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
18. Yunusova-Klyuchnikova, R. M. 1977. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevolzhskaya arkhelogicheskaya ekspeditsiya. Mezhhuzovskiy sbornik (Middle Volga Archaeological Expedition / Interuniversity Collection)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 93–97 (in Russian).

About the Authors:

Kochkina Anna F. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041 (Samara, Russian Federation); annkochkina@list.ru

Stashenkov Dmitriy A. Candidate of Historical Sciences. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041 (Samara, Russian Federation); archeo@list.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

СЫРЬЕВЫЕ ИСТОЧНИКИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ОКРУГИ УКЕКА¹

© 2021 г. Д.А. Кубанкин, Н.Ю. Зозырев

На основе каталогизации архитектурных объектов Укека делается вывод о насыщенности рынка местным строительным материалом (песчаником) для фундаментов зданий. Объем строительного камня, который собирали в пределах Укека, недостаточен для удовлетворения потребности строительного сегмента средневекового рынка. Многочисленные выходы палеогеновых песчаников в пределах Лысогорского плато разрабатывались еще в начале XX в. В районе одного из мест разработки песчаников на Лысой горе расположено средневековое поселение, относящееся к округе города и находящееся на расстоянии 11 км от него. Минералого-петрографические исследования каменного блока с художественной резьбой, найденного в Укеке, указывают на его схожесть с песчаниками из проявлений и месторождений Лысой горы. Каменный тесаный блок и могильную плиту из Укека по результатам минералого-петрографического анализа с большой долей вероятности можно сопоставить с доломитами Тёпловского месторождения строительного камня (карбонатных пород), расположенного в 73 км от Укека.

Ключевые слова: археология, геология, минералогия, петрография, Золотая Орда, Укек, поселения округа, полезные ископаемые, строительный материал.

Обеспеченность ресурсами играет важную роль в экономическом развитии городов Средневековья. В списке этих ресурсов сырье для ремесленного и строительного производства занимает далеко не последнее место. Доказать связь города с разработкой тех или иных полезных ископаемых при отсутствии корпуса письменных источников крайне сложно. В своей работе мы постарались наметить возможные связи в области использования минерально-сырьевой базы строительных материалов для нужд города Укека.

Проводимые нами археологические исследования позволяют отметить активное применение строительного камня для стенового и фундаментного строительства. Под строительными камнями понимаются скальные горные породы, перерабатываемые на различные материалы (монолиты, блоки, плиты, щебень, песок дробления и др.) механическим путем: дроблением, распилов-

кой, фракционированием и т. п. В большинстве случаев минеральный состав горных пород не имеет существенного значения. Определяющими являются физико-механические свойства, зависящие не столько от состава, сколько от структуры и текстуры пород. Еще один важный фактор – близость сырьевого источника к рынкам потребления, прежде всего к Укеку. Увекское городище (золотоордынский город Укек) располагается на южной окраине города Саратова на правом берегу Волги, в районе железнодорожного моста через нее. Это один из ранних монгольских городов на границе Среднего и Нижнего Поволжья, основанный не позднее 1260-х гг.

Чаще всего при раскопках на Увекском городище в качестве сохранившегося строительного материала отмечают камень и жженный кирпич. За 16 лет раскопок на памятнике нами обнаружено 11 построек, и все они возводились на каменном фундаменте (рис. 1). Это были как легкие назем-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке государственной программы Республики Татарстан "Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2023 годы)".

Рис. 1. Фрагмент каменного фундамента храма и пристройки с подвальным помещением. Увекское городище, раскоп III, раскопки Д.А. Кубанкина, 2010 г.

Fig. 1. Fragment of a stone foundation of a church and of an additional structure with a basement. The Uvek settlement, excavation site III, excavation by D.A. Kubankin, 2010

ные сооружения или заборы из сырцового кирпича, так и монументальные архитектурные объекты из обожжённого кирпича или каменных блоков на мощном фундаменте. В десяти из одиннадцати случаев фундамент был сложен на грязевом растворе – в выкопанный котлован камни складывались слоями и трамбовались мокрой землей из этого же котлована. Лишь в одном случае (раскоп IV 2012 г.) каменные блоки фундамента были выложены на известковом растворе. Для возведения металлургического горна второй половины XIII в. на раскопе IV также использовался каменный материал, представленный кварцевым сливным песчаником.

Еще пять построек золотоордынского времени, которые не относятся к нашим раскопкам, тоже содержали фундаменты из необработанного камня. Мавзолей, раскопанный в 1913 г., был возведен из кирпича на неглубоком фундаменте из песчаника (Кубанкин, 2006, с. 191). Монументальная общественная баня, частично исследованная в конце XIX в., – на каменном фундаменте с кирпичными стена-

ми и крупными каменными блоками с орнаментом (Кубанкин, 2007, с. 202). Еще одна баня была обнаружена при раскопках Р.А. Сингатулина в 2005 г. Ее кирпичные стены покоились на каменном фундаменте (Сингатулин, 2008, с. 145). Мавзолей с подземным склепом, раскопанный С.С. Краснодубровским в 1891 г., был возведен из камня (Кубанкин, 2007, с. 208). В прибрежной части Укека в 1891 г. С.С. Краснодубровским была изучена постройка с кирпичными стенами на фундаменте из камня (Кубанкин, 2007, с. 209–210).

Итак, все шестнадцать известных нам сооружений Укека, которые имели фундамент, были возведены на каменном основании. Это не исключает наличия построек золотоордынского времени на кирпичном фундаменте, но однозначно свидетельствует в пользу массовости каменных оснований. Самым распространённым материалом для этого в Укеке был кварцевый песчаник, преимущественно необработанный. Лишь одно здание было построено из вторично использованных каменных блоков ранее ра-

Рис. 2. Карта археологических памятников и выходов полезных ископаемых в окрестностях Укека

Fig. 2. Chart of archaeological monuments and outcrops of useful minerals in the vicinity of Ukek

зобранной постройки и крупного необработанного песчаника.

Примечательно, что кирпич использовался преимущественно для стен зданий. Очевидно, что песчаник на фундамент был гораздо дешевле, чем кирпич. Возникает вопрос: откуда средневековые строители брали камень?

Основным источником (сырьевой базой) строительного камня в округе Укека являются выходы на поверхность, доступные для ручной разработки, алевролитов и песчаников в зонах развития меловой и палеогеновой систем, а также щебень и валуны сливных песчаников, залегающих в делювиально-пролювиальных четвертичных суглинках, развитых в эрозионных врезках на склонах горы Увек (Первушов, 2014). Незначительная

массовая доля песчаника в суглинках не могла удовлетворить потребность строительной отрасли средневекового Укека, следовательно, разработки камня велись и за пределами города.

Используя современные представления о полезных ископаемых, постараемся выделить в округе Укека участки, перспективные для их добычи ручным способом. В Саратовском районе в соответствии с современными требованиями, предъявляемыми к месторождениям строительного камня, разведано лишь одно, Сбродовское месторождение песчаников (рис. 2). Участки 1 и 2 Сбродовского месторождения находятся в 33 км юго-западнее г. Саратова, на южной окраине пос. Сбродовка, на водоразделе оврагов Березовый и Поганный, примерно в 28 км к западу – юго-западу от Укека (Сурина, 1995). Здесь поселения золотоордынского времени в непосредственной близости от месторождения нам неизвестны.

Кроме вышеописанного месторождения, запасы которого учтены государственным балансом, в районе выявлен ряд месторождений и проявлений (в частности в пределах Лысогорского плато), запасы по которым не утверждены, но вполне могли быть использованы в случаях, когда выработка ведется не в промышленных масштабах. К числу подобных следует отнести Ивановское месторождение, расположенное в 1,0–1,5 км западнее хутора Ивановский и в 19 км к западу – юго-западу от Укека (рис. 2). Месторождение разведано в 1950 г. Полезная толща приурочена к сызранской свите палеогена и представлена песчаником кварцево-кремнистым, плотным (Бондарева, Курлаев, 1986).

В 2006 г. у железнодорожного разъезда «Ивановский» В.А. Лопатыным был частично раскопан золотоордынский могильник, изучено 39 погребений. Из некрополя происходит как золотоордынская керамика, так и

Рис. 3. Фрагмент плана г. Саратова и его окрестностей 1934 г. с указанием каменного карьера на месте золотоордынского поселения у пос. Рокотовка

Fig. 3. Fragment of the Saratov and precincts plan of 1934, with a stone quarry indicated at the site of a Golden Horde settlement near the village of Rokotovka

фрагменты древнерусских и лепных, предположительно мордовских, горшков. Антрополог А.А. Евтеев, изучивший костяки, обратил внимание на обилие патологий суставов и позвоночника у погребенных. По его мнению, это «отражает чрезмерно высокий уровень физических нагрузок» (Евтеев, 2013, с. 520, 522). Соотнесение изученного памятника и потенциального месторождения строительного камня весьма заманчиво, но пока, на основании имеющегося на данный момент материала, необоснованно.

Более показателен пример поселения возле современного поселка Рокотовка на западной окраине Саратова, в 11 км к северо-западу от Укека (рис. 2). Оно было обнаружено в 1997 г. Л.Ф. Недашковским, в 1998 г. казанский исследователь продолжил наблюдения за памятником. В итоге

были обнаружены медные монеты 1330–1340-х гг., фрагменты красноглиняной керамики, древнерусских горшков. Мощность культурного слоя достигала 35 см. Площадь памятника по наблюдениям Л.Ф. Недашковского составила 0,8 га. Учитывая высокое расположение объекта, а также вид на Волгу и Укек, Леонард Федорович предположил, что селище имело дозорный характер (Недашковский, 2000, с. 118). В 2019 г. исследование на памятнике проводил саратовский археолог С.Ю. Тарабрин².

Не отрицая версию Л.Ф. Недашковского, отметим несколько интересных фактов. Поселение располагается на возвышенном участке, вдали от воды. Ближайший источник – родник Головина (Рокотовский) – под горой, примерно на 50–60 м ниже поселения. У родника культурный слой золотоор-

Рис. 4. Фрагмент каменного блока с изображением сцены терзания льва грифоном. Увекское городище, раскоп III. Раскопки Д.А. Кубанкина, 2010 г. Размеры: 42×38×30 см. СМК 75784/1)

Fig. 4. Fragment of a stone block depicting a lion being tormented by a griffin. The Uvek settlement, excavation site III, excavation by D.A. Kubankin, 2010. Measurements: 42×38×30 cm. SMK 75784/1)

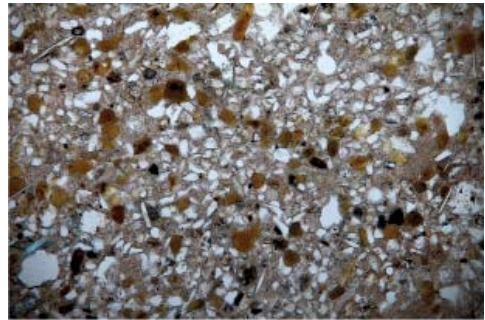
дынского времени не встречен. Следовательно, должны быть серьезные причины, чтобы устроить поселение на 50 м выше выходов водоносного горизонта на поверхность.

На плане г. Саратова и его окрестностей 1934 г. (масштаб 1:25000) на месте поселения указан карьер по добыче камня (рис. 3). Полезное ископаемое таких карьеров, расположенных на периферии Лысогорского плато, представлено верхнесызранскими и саратовскими песчаниками кварцевыми и глауконитово-кварцевыми, различных оттенков серого цвета, зеленоватыми, иногда сливными и местами опокovidными, переслаивающимися с мелко- и тонкозернистыми (почти алевритными) песками того же состава. Разрабатывались такие карьеры ручным способом, с редким применением техники, в основном

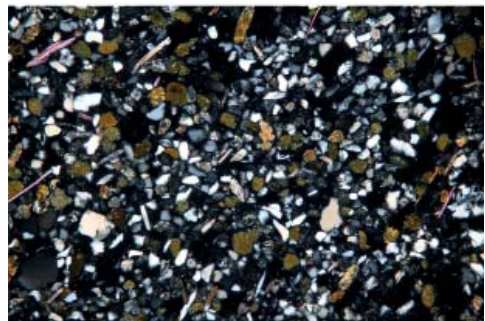
местным населением для хозяйственных нужд. О многочисленности разработок палеогеновых песчаников на вершине Лысой горы упоминает также А.В. Востряков (Востряков, 1977, с. 112).

Так как расстояние до Уека составляет 11 км, можно предположить, что и в золотоордынское время здесь велась разработка строительного камня для нужд средневекового города.

Для изучения качественного и количественного состава пород и текстурно-структурных соотношений компонентов нами были отобраны образцы для минералого-петрографического анализа из каменных блоков,

a)

b)

Рис. 5. Микрофотография шлифа, образец «Лев-Грифон», кварц-глауконитовый песчаник на кремнистом цементе с фрагментами органики (спикулы губок), увеличение 100х; а) без анализатора, б) с анализатором

Fig. 5. Microphotograph of a thin rock section, the "Lion-Griffin" sample, quartz-glaucanite sandstone with siliceous cement and organic fragments (sponge spicules), 100X magnification; a) without analyzer, b) with analyzer

Рис. 6. Могильная плита.
Увекское городище, случайная находка,
1907 г. Размеры: 118×50–57×18–22 см.
Хранится в Саратовском областном музее
краеведения (№ по КП СМК 75963)

Fig. 6. Gravestone. The Uvek settlement,
accidental find, 1907. Measurements:
118×50–57×18–22 cm. Stored at the Saratov
Regional Museum of Local Lore
(№ according to KP SMK 75963)

вой льва. Правый глаз намечен схематично в виде треугольника. Короткое острое треугольное ухо и длинная грива прорезаны в высоком рельефе. Снизу, возле морды льва, сохранился фрагмент, изображающий поднимающийся хвост (?). Высота рельефа 4 см.

По результатам микроскопического описания шлифов установлено³, что это кварц-глауконитовый алевритовый песчаник на кремнистом цементе. Минеральный состав: кварц 60–65%, глауконит 5–10%, полевые шпаты, кремнистые обломки, мусковит 1–3%, цемент 25–30% кремнистого состава. Размер обломочного материала варьируется от 0,07–0,27 мм (рис. 5). Основным породообразующим компонентом является кварц (60–65%) в виде бесцветных неправильных полуокатанных зерен. Глауконит (5–10%) представлен зеленовато-болотными зернами различной формы (округлые, лапчатые) микроагрегатного строения. В единичных зернах отмечаются полевые шпаты и обломки кремнистых пород. Кроме того, нередко наблюдаются крупные удлиненные недеформированные чешуйки мусковита с яркой интерференционной окраской. Органогенный материал представлен обломками спикул губок и остатками фораминифер. Спикулы выполнены опалом, их центральный канал заполнен глауконитом. Остатки фораминифер, как правило, уже не имеют каркаса и угадываются лишь за счет заполнения бывших камер опалом. Местами порода пигментирована гидроокислами железа до желтовато-коричневого цвета. В породе наблю-

обнаруженных при исследованиях на Увекском городище.

Первым образцом был каменный блок с рельефной сценой терзания льва грифоном (рис. 4). Он был обнаружен на поверхности раскопа III, вероятно, относился к фундаменту здания 2, состоявшего из вторично разобранных каменных блоков, предположительно христианского храма 1280–1300 гг.

Сохранившийся фрагмент имеет вид параллелепипеда с необработанной внутренней стороной. С внешней стороны барельефное изображение сцены терзания льва грифоном (?). Морда кошачьего в фас с крупными округлыми щеками, грушевидным носом, крупными миндалевидными глазами. Снизу прорезь рта и схематично обозначенные зубы. Ниже морды льва располагается его передняя пятипалая лапа. На льве изображение грифона в профиль. Пасть разинута над голо-

Рис. 7. Фрагмент каменного блока. Увекское городище, раскоп III. Раскопки Д.А. Кубанкина, 2011 г. Размеры: 18×20×12 см. Хранится в Саратовском областном музее краеведения (№ по КП: СМК 77232/36)

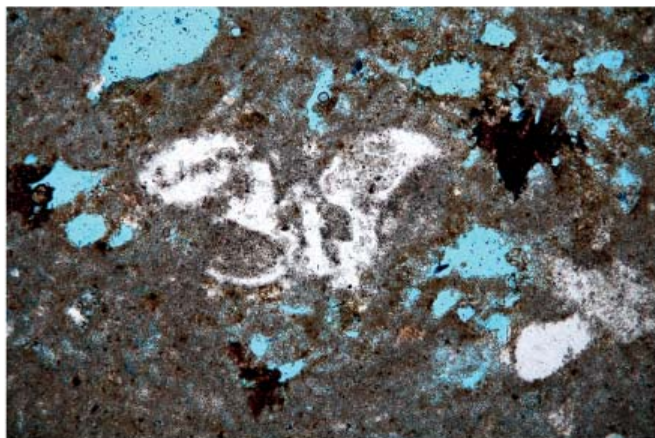
Fig. 7. Stone block fragment. The Uvek settlement, excavation site III, excavation by D.A. Kubankin, 2011. Measurements: 18×20×12 cm. Stored at the Saratov Regional Museum of Local Lore (№ according to KP SMK 77232/36)

даются ничем не заполненные пустоты неправильной формы. Схожие по текстурно-структурным особенностям и минеральным ассоциациям породы выходят на поверхность в пределах Лысогорского плато и представлены верхнесызранскими и саратовскими песчаниками. В пределах такого выхода, на восточном склоне горы Лысой, расположено поселение у поселка Рокотовка. Таким образом, расположение золотоордынского поселения близ пос. Рокотовка, строго на разработках этого камня на Лысой горе, с учетом отдаленности объекта от водных ресурсов делает весьма вероятной версию о добыче здесь для нужд Укека строительного камня для фундаментов и для каменных блоков с художественной резьбой.

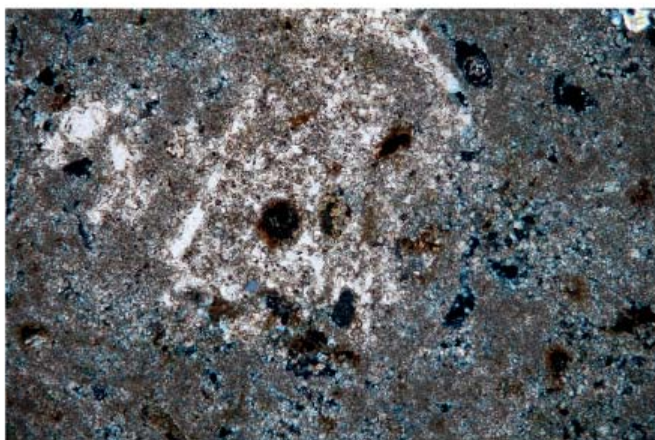
На минералого-петрографический анализ были взяты образцы еще двух обработанных каменных блоков с Увекского городища. Самый крупный – могильная плита (рис. 6). В 1907 г. при выравнивании территории возле складов Нобеля на Увекском городище были обнаружены многочисленные захоронения. Одно из них содержало каменную могильную плиту, которая хранится теперь в Саратовском областном музее краеведения. Надпись на ней слабо прослеживается и требует более квалифи-

цированного перевода. Единственная попытка была предпринята в начале XX в. сыном саратовского муллы Енаглычевым: «Да будет над ним благословение Божие в изобилии. Ях'и сына Мухаммеда это есть могила, 697 год хиджры». Меньшего размера фрагмент каменного блока со следами обработки инструментом (рис. 7). Он был вторично использован при возведении фундамента постройки XIV в. и, вероятно, первоначально использовался при строительстве храма 1280–1300-х гг. Образцы идентичны и на 100% состоят из первичного мелкокристаллического доломита (рис. 8). Кристаллы ярко выраженные, ромбоидального облика с перламутровой интерференционной окраской. В незначительном количестве присутствуют обломки терригенного кварца. Кварц угловатый, плохо окатанный. Наблюдается присутствие битуминозного вещества. Битумы грязно-коричневого цвета, концентрируются вокруг пор, а также импрегнируют основную массу породы. Образец сильно пористый. Поры составляют около 30–40%.

Ближайшее место выхода на поверхность подобных битумизированных доломитов встречено в оврагах в районе с. Тёповка Новобурасского района, расположенного в 73 км к северо-северо-востоку от Укека по прямой линии (рис. 2). Поселение золотоордынского времени в районе Тёповского месторождения нам неизвестно.

а)

б)

Рис. 8. Микрофотография шлифов доломитовых пород. а) образец «Могильная плита», доломит битуминизированный, увеличение 100х, без анализатора; б) образец «Каменный блок», доломит битуминизированный, увеличение 100х, без анализатора

Fig. 8. Microphotograph of dolomite rock thin sections. a) the “Gravestone” sample, bituminized dolomite, 100X magnification, without analyzer; b) the “Stone block” sample, bituminized dolomite, 100X magnification, without analyzer

Проведенное исследование показало возможности применения геологических наработок в поисках возможных источников добычи сырья для строительных и ремесленных нужд. Помимо песчаников и доломитов, накоплена информация о месторождениях мела, источников квасцов; отдельная тема для исследования – добыча железа из ожелезненных песчаников. В некоторых случаях имеющаяся у геологов информация о выходах интересных нас пород позволяет найти в

потенциальных местах средневековых разработок археологические памятники. Но бывает и обратная ситуация: средневековые поселения, например, содержащие многочисленные шлаки железа, помогают найти локальные месторождения, не представляющие интереса для современной промышленности, но способные удовлетворить потребности ремесленного производства.

Для большей точности будущих исследований необходимо наби-

рать минералого-петрографическую базу образцов строительного камня из раскопок на Увекском городище и образцов из различных месторождений и проявлений полезных ископаемых.

Таким образом, совместные работы археологов и геологов могут предоставить новый пласт данных для изучения округа средневекового города и даже помочь в поиске новых археологических объектов.

Примечания:

² Благодарим С.Ю. Тарабрина за возможность ознакомиться с предварительными результатами его исследований.

³ Изготовление шлифов и их описание проводилось в лаборатории кафедры петрологии и прикладной геологии Д.А. Шелеповым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарева М.В., Курлаев В.И.* Геологическая и гидрогеологическая карты масштаба 1:200 000, серия средневожская, лист М-38-IV, объяснительная записка, М., 1986.
2. *Востряков А.В.* Геология Саратовского района и геологические процессы в окрестностях города. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1977. 113 с.
3. *Евтеев А.А.* Грунтовый могильник у развезда «Ивановский» // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Типография И.П. Беглакова Е.С., 2013. С. 514–527.
4. *Кубанкин Д.А.* Погребальные памятники Увекского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2006. С. 190–213.
5. *Кубанкин Д.А.* Археологические раскопки на Увекском городище в конце XIX в. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2007. С. 200–217.
6. *Мизинов Н.В.* Минерально-сырьевая база строительных материалов Саратовской области и перспективы их расширения. Саратов: Изд-во СГУ, 1977. 314 с.
7. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
8. *Первушов Е.М.* Наблюдение по современной экзогенной геодинамике в пределах учебных полевых полигонов // Недра Поволжья и Прикаспия. 2014. Вып. 78. С. 45–55.
9. *Сингатулин Р.А.* Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 139–155.
10. *Сурина В.А.* Минерально-сырьевая база строительной индустрии Российской Федерации. Т. 36. Саратовская область. М.: Росгеолфонд, 1995. 312 с.

Информация об авторах

Кубанкин Дмитрий Александрович, директор, Исторический парк «Моя история», доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия); Kubankin2008@yandex.ru

Зозырев Николай Юрьевич, кандидат геолого-минералогических наук, доцент. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия); zozyrev@mail.ru

RAW MATERIALS SOURCES OF BUILDING MATERIALS OF UKEK DISTRICTS

D.A. Kubankin, N.Yu. Zozyrev

Cataloguing of the Ukek architectural objects has produced the basis for conclusions on the market saturation with local construction material (sandstone) for building foundations. The amounts of building stone to be found within Ukek were insufficient to satisfy the

The study was carried out with the financial support of the state program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People (2020–2023)”

needs of the construction segment of the medieval market. Numerous outcrops of Paleogene sandstones within the Lysogorskoye Plateau used to be developed as early as the beginning of the 20th century. A medieval settlement lying 11 km away from the town and pertaining to its vicinity happens to be close to the site of sandstone development in the Lysaya hill. Mineralogical-petrographic studies of the stone block covered with artistic carvings and found in Ukek indicate its similarity to the sandstones from the occurrences and deposits in the Lysaya hill. According to the results of mineralogical-petrographic analysis, the stone joint block and the grave plate from Ukek is reliably comparable with dolomites from the Tyoplovka deposits of construction stone (carbonate rocks) situated 73 km away from Ukek.

Keywords: archaeology, geology, mineralogy, petrography, Golden Horde, Ukek, settlements in the vicinity, useful minerals, construction material.

REFERENCES

1. Bondareva, M. V., Kurlaev, V. I. 1986. *Geologicheskaya i gidrogeologicheskaya karty masshtaba 1:200 000, seriya srednevolzhskaya, list M-38-IV, ob'yasnitel'naya zapiska (Geological and Hydrogeological Maps at a Scale of 1:200,000, Middle Volga Series, Sheet M-38-IV, Explanatory Note)*. Moscow (in Russian).
2. Vostryakov, A. V. 1977. *Geologiya Saratovskogo rayona i geologicheskie protsessy v okrestnostyakh goroda (Geology of Saratov Region and Geological Processes on the Outskirts of the City)*. Saratov: Saratov University Publ. (in Russian).
3. Evteev, A. A. 2013. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 10. Saratov: "Tipografiya I.P. Beglakova E.S." Publ. 514–527 (in Russian).
4. Kubankin, D. A. 2006. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 4. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 190–213 (in Russian).
5. Kubankin, D. A. 2007. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 5. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 190–213 (in Russian).
6. Mizinov, N. V. 1977. *Mineral'no-syr'evaya baza stroitel'nykh materialov Saratovskoy oblasti i perspektivy ikh rasshireniya (Mineral Resource Base of Building Materials in Saratov Oblast and their Expansion Prospects)*. Saratov: Saratov University Publ. (in Russian).
7. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
8. Pervushov, E. M. 2014. In *Nedra Povolzh'ya i Prikaspiya (Volga and Pricaspian Region Resources)* (78). 45–55 (in Russian).
9. Singatulin, R. A. 2008. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 8. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 139–155 (in Russian).
10. Surina, V. A. 1955. *Mineral'no-syr'evaya baza stroitel'noy industrii Rossiyskoy Federatsii. Tom 36. Saratovskaya oblast' (Mineral Resource Base of the Construction Industry of the Russian Federation. Vol. 36. Saratov Oblast)*. Moscow: "Rosgeolfond" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Kubankin Dmiriy A. Director. "Historical Park Russia – my history". Shelkovichnaya Str., 17, Saratov, 410017, Russian Federation; Saratov State University. Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russian Federation; kubankin2008@yandex.ru

Zozyrev Nikolay Yu. Candidate of geological-mineralogical sciences, assistant professor. Saratov State University. Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russian Federation; zozyrev@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕСОЧНОЕ
В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ
КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ЗОЛОТООРДЫНСКИХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ)¹**

© 2021 г. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков

В статье публикуются первые результаты новейших археологических исследований на поселении «Песочное», которое расположено в городской черте Ленинского района г. Саратова и было частью средневековой сельской округи золотоордынского города Уека. Раскопом 1 (размер 6×10 м) был исследован культурный слой второй половины XIII–XIV вв. Коллекция массовых керамических материалов составила 150 фрагментов средневековых сосудов. В ее составе выделены 5 групп как местного, так и импортного происхождения (Уек, Северное Причерноморье, Византия), которые, возможно, помимо направлений импорта, отмечают наличие среди населения селища русского и мордовского компонента. Керамическая коллекция, несмотря на небольшой объем, демонстрирует все археологические маркеры характерные для сельских поселений округи золотоордынского Уека.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, сельская округа, золотоордынский город Уек, Уекское городище, массовые археологические материалы, красноглиняная керамика уекского производства.

В 2020 году проводилось исследование средневекового поселения Песочное расположенное в городской черте Ленинского района г. Саратова в 95 м юго-западнее перекрестка ул. Черниговской и просп. Песочного, в 450 м западнее слияния северного и южного истоков реки 1-я Гуселка, в 1 км восточнее Саратовского городского ипподрома (Пигарев, 2021). Территория поселения частично занимает поля ФГБНУ «НИИСХ Юго-Востока», частично заброшенные огороды местных жителей на первой надпойменной террасе правого берега северного истока р. Гуселка-1 (рис. 1: 1, 2).

Поселение Песочное было обнаружено в 1988 г. К.Ю. Моржериным в ходе разведочных археологических исследований, тогда же был составлен глазомерный план памятника. Площадь поселения была определена около 1,0 га (150×65 м) по распространению подъемного материала.

Было найдено более 50 фрагментов золотоордынской красноглиняной керамики, скопление шлака, а также 2 пряслица (Моржерин, 1988). Основываясь на материалах разведок 1988 г., Л.Ф. Недашковский отнес это поселение к округе золотоордынского города Уека (Недашковский, 2000, с. 116).

В 2013–2014 гг. сельский памятник был обследован экспедицией Саратовского областного музея краеведения под руководством А.Л. Кашниковой (Кашникова, 2014; Кашникова, 2015). В 2013 г. были проведены визуальные археологические разведки, в результате которых на поселении Песочное собрано 22 фрагмента гончарной красноглиняной керамики и 1 мелкий фрагмент стенки лепного сосуда и установлено, что культурный слой на этом памятнике сохранился и требует более детального изучения (Кашникова, 2014, л. 17–19). В 2014 г. на территории поселения были заложены 2 шурфа, позволившие выявить страти-

¹ Работы проводились в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2023 гг.)» п.1.16 Научное исследования Уекского городища Саратовской области.

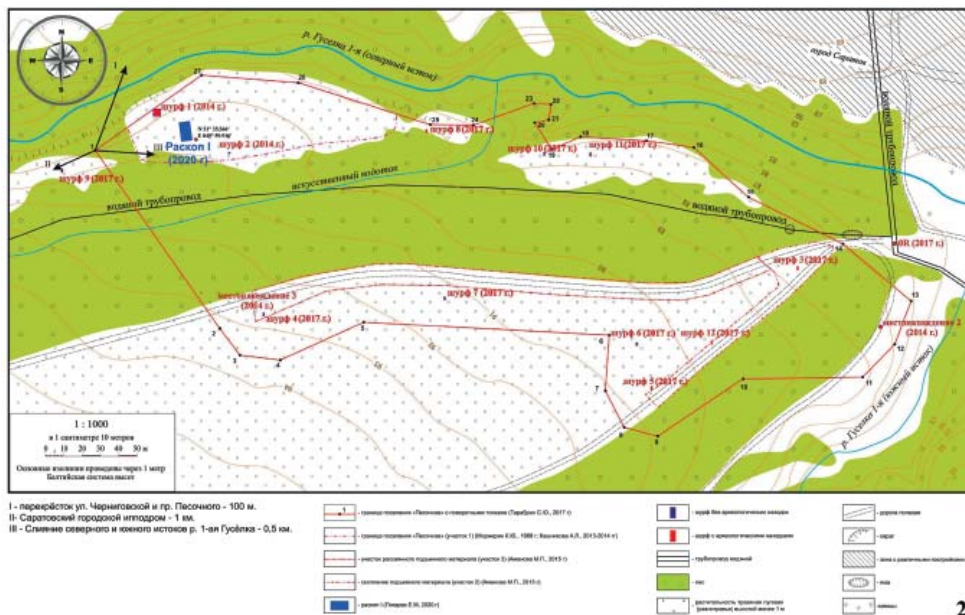

Рис. 1. 1 – расположение поселения Песочное на территории г. Саратов;
 2 – геодезический план поселения Песочное (по Тарабрин, 2017)

Fig. 1. 1 – location of the Pesochnoe settlement in Saratov;
 2 – Geodetic plan of Pesochnoe settlement (after Tarabrin, 2017)

графическую ситуацию на поселении (рис. 1: 2). Шурф 1 (размер 2,00×4,00 м, глубина 1,20 м) зафиксировал культурной слой (темно-серый пластичный суглинок) мощностью 35–40 см, относящийся к эпохе Золотой Орды, и содержал 71 фрагмент золотоордынской посуды (Кашникова, 2015, л. 21–26). Шурф 2 (размер 1,00×1,00 м, глубина 0,80 м) был заложен на предполагаемой южной границе поселения. Культурный слой в шурфе не зафиксирован, выявлены два фрагмента средневековой керамики (Кашникова, 2015, л. 26–30). Автор раскопок отмечает, что поселение находится в 18 км «от улусного центра» – города Укека (Кашникова, 2015, л. 19).

В 2015 г. на поселении Песочное были проведены визуальные разведки экспедицией ГАУК «НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области» под руководством М.П. Амановой. Был составлен топографический план, площадь поселения по распространению подъемного материала была увеличена до 4,5 га. Обнаружено 37 фрагментов керамики (Аманова, 2016, л. 31–38). Эти работы были продолжены в 2017 г. под руководством С.Ю. Табардина. С целью постановки памятника на государственной учет на поселении выполнена инструментальная топографическая съемка, определены границы объекта археологического наследия, а также изучен культурный слой, для чего были заложены 10 шурфов размером 1,00×2,00 м (№ 3–12 по общей нумерации шурфов на поселении) (рис. 1: 2). Общая площадь земляных работ составила 20 кв. м. Золотоордынский культурный слой в шурфах 3–13 зафиксирован не был (Тарабрин, 2018, л. 42–59).

В 2020 г. на поселении были впервые проведены археологические раскопки. Раскоп I был заложен на заброшенных огородах местных жителей в западной части поселения (рис. 1,

2), в 20 м юго-восточнее шурфа № 1 (исследования А.Л. Кашниковой в 2014 г.), единственном участке, на котором предшествующими зондажами был выявлен культурный слой золотоордынской эпохи. Раскоп ориентирован по линии северо-запад – юго-восток (азимут 8°) в соответствии с рельефом местности и ситуацией с крупными зелеными насаждениями на участке, которые было решено не вырубать. В плане раскоп имел форму прямоугольника общей площадью 60 кв. м и размером 6,00×10,00 м. Площадка раскопа разделена координационной сеткой на квадраты размерами 2,00×2,00 м с буквенной и цифровой нумерациями (порядок буквенной нумерации возрастает с востока на запад от А до В, порядок цифровой нумерации – с севера на юг от 1 до 5) (рис. 3).

Архитектурно-археологические строения или остатки каких-либо земляных сооружения в раскопе зафиксированы не были. Единственные находки, полученные в процессе археологического исследования, – это фрагменты средневековых керамических сосудов. В связи с тем, что культурные слои были слабо насыщены находками, каждый фрагмент керамики отмечался на пластовых планах с номером по описи находок и высотной отметкой (рис. 3). Керамический комплекс составил 150 фрагментов, которые удалось разделить на пять различных групп.

Первая группа представлена красноглиняной керамикой, изготовленной из малопластичных глин со значительной примесью мелкого песка, реже встречается включение среднезернистого песка и минерала белого цвета, фиксируется примесь органики в виде удлинённых пор (рис. 5; 6). Окраска черепка различная от бледно-красной до темно-коричневой. Внешняя поверхность светлее излома черепка, часто обжиг трех-

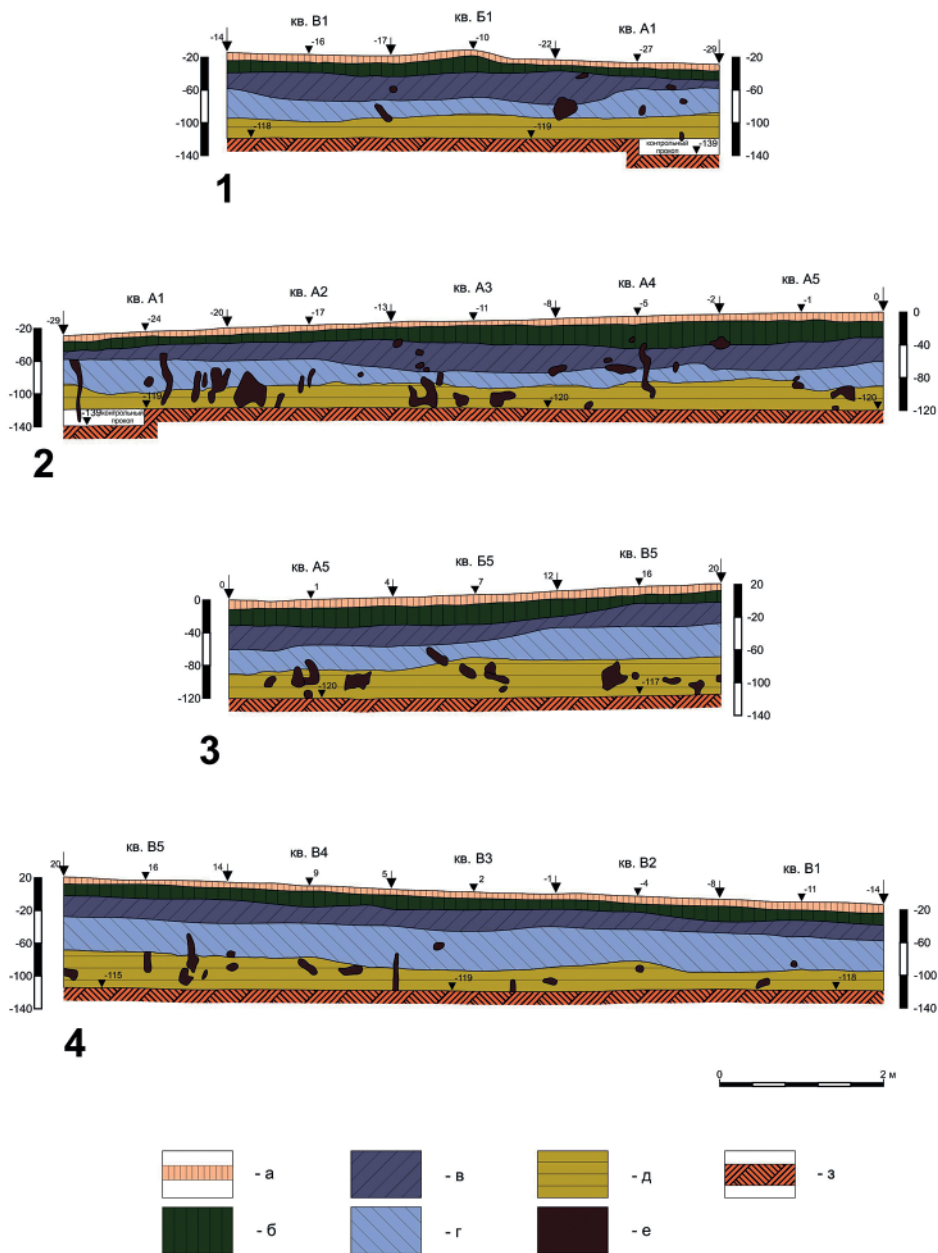

Рис. 2. Поселение Песочное. 1 – стратиграфия северного борта раскопа; 2 – стратиграфия восточного борта раскопа; 3 – стратиграфия южного борта раскопа; 3 – стратиграфия южного борта раскопа; а – слой дерна; б – слой черного рыхлого гумусированного суглинка; в – слой темно-серого пластичного суглинка, г – слой светло-серого плотного суглинка; д – слой серо-желтого суглинка; е – норы; з – материк

Fig. 2. Pesochnoe settlement. 1 – stratigraphy of the northern side of the excavation; 2 – stratigraphy of the eastern side of the excavation; 3 – stratigraphy of the southern side of the excavation; 3 – stratigraphy of the southern side of the excavation; а – layer of sod; б – layer of black loose humus loam; в – layer of dark gray plastic loam, г – layer of light gray dense loam; д – layer of gray-yellow loam; е – holes; з – mainland

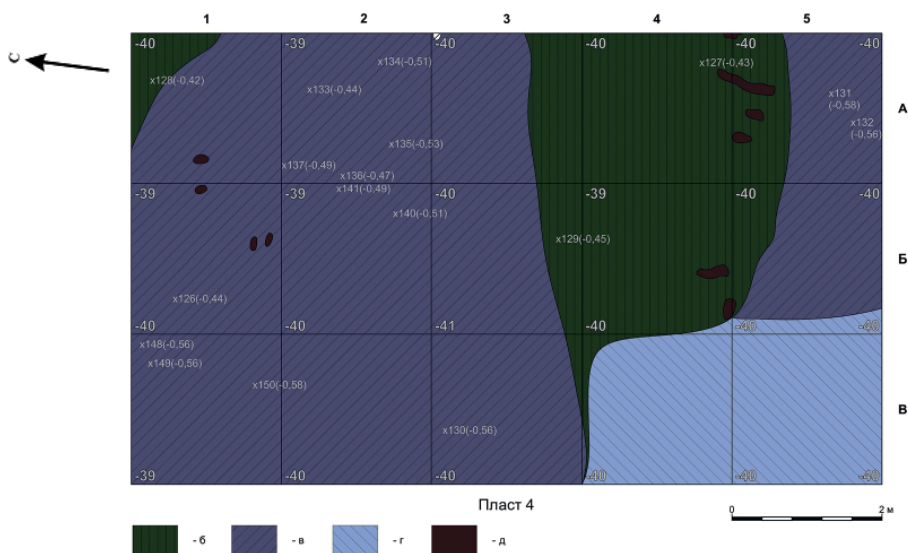

Рис. 3. Поселение Песочное. План пласта 4; б – слой черного рыхлого гумусированного суглинка; в – слой темно-серого пластичного суглинка, г – слой светло-серого плотного суглинка; д – слой серо-желтого суглинка

Fig. 3. Pesochnoe settlement. Plan of stratum 4; б – layer of black loose humus loam; в – layer of dark gray plastic loam, г – layer of light gray dense loam; д – layer of gray-yellow loam

слоистый. Встречены фрагменты сосудов без дополнительной обработки поверхности, с ангобом красного цвета, с лощением по красному ангобу и с лощением по поверхности сосудов. Встречен зональный линейный орнамент, волнистые линии и ряды наклонных оттисков, выполненных двух-трехзубчатым штампом. Группа неоднородна по исходному сырью и по технологическому уровню производства. Группа 1 предварительно разделена на две подгруппы: первая подгруппа изготовлена на этапе РФК-3 (развитие функции гончарного круга по А.А. Бобринскому), с небрежным и слабым машинным заглаживанием по обеим поверхностям черепка (рис. 5); подгруппа 2 имеет следы частичного вытягивания глины в виде волн на внутренней поверхности сосудов (возможно РФК-5), во включениях присутствуют мелкие блестящие пластинки слюды (рис. 6).

Вторая группа керамики, отмеченная на поселении, – это сероглиняные сосуды, изготовленные путем

скульптурной лепки с небрежным машинным заглаживанием. Глина средней пластичности с примесью мелкой кварцевой дресвы (рис. 7). Третья группа керамики выделена по стекам лепных сосудов, достаточно грубо изготовленных из глины со значительной примесью крупных частиц шамота и отдельных редких включений дресвы (рис. 8). Четвертая группа представлена фрагментами стенок амфор, изготовленных путем вытягивания из комка глины отдельных частей с последующей стыковкой (РФК-6–7). Глина темно-красного цвета с большим содержанием остроугольного песка и слюды, обжиг сквозной (рис. 9). Пятая группа – это сосуды, изготовленные путем вытягивания из комка глины (РФК-6). Глина красного цвета, с включением частиц шамота и извести белого цвета, пластичная однородная, обжиг равномерный (рис. 10). Далее рассмотрим стратиграфическую ситуацию и как с ней связаны находки керамики.

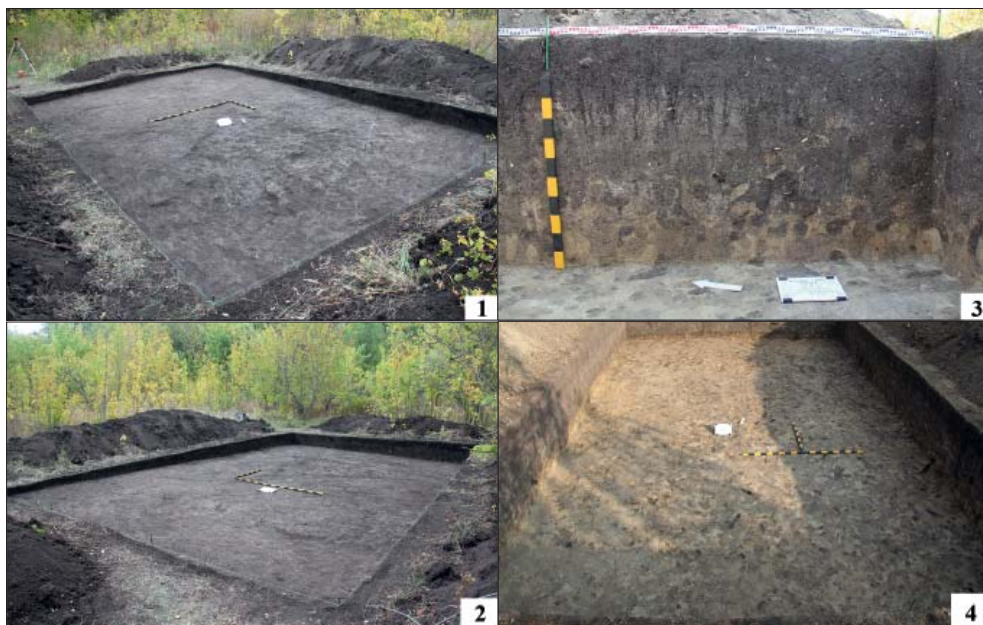

Рис. 4. Поселение Песочное. 1 – пласт 4, вид с севера; 2 – пласт 4, вид с запада; 3 – участок стратиграфии восточного борта раскопа 1; 4 – материковая поверхность, вид с юга

Fig. 4. Pesochnoe settlement. 1 – stratum 4, view from the north; 2 – stratum 4, view from the west; 3 – section of stratigraphy of the eastern side of excavation 1; 4 – continental surface, view from the south

В ходе исследований на раскопе I была зафиксирована стратиграфическая ситуация, соотносимая с двумя хронологическими периодами: современным (вторая половина XX – начало XXI вв.) и золотоордынским (вторая половина XIII–XIV вв.). Стратиграфическое описание слоев приводится по мере их исследования – сверху вниз.

Слой дерна зафиксирован на всей площади раскопа. Его мощность достигала 0,05–0,1 м (рис. 2; 4: 3). Слой, залегающий под дерном, представлен черным рыхлым гумусированным суглинком мощностью от 0,08 до 0,34 м (рис. 2; 4: 3). В заполнении культурного слоя фиксируются обломки современного кирпича, а также переотложенные материалы золотоордынского времени из залегающего ниже слоя. Находки представлены 56 фрагментами 1-й подгруппы и 35 фрагмента-

ми 2-й подгруппы керамики первой группы, 3 фрагментами сероглиняных сосудов 2-й группы, 4 фрагментами лепной керамики третьей группы, 4 фрагментами стенок красноглиняных амфор группы 4. Один фрагмент стенки красноглиняного сосуда был отнесен к группе 5. Этот слой образовался в результате земляных работ на современном огороде (вторая половина XX – начало XXI вв.). В основном слой был вскрыт пластами 1–3. Однако частично он был зафиксирован в верхней части 4 пласта (рис. 3). Это объясняется естественным уклоном уровня дневной поверхности раскопа к северо-западу (рис. 2), в сторону русла реки Гуселка-1.

Слой темно-серого пластичного суглинка зафиксирован на всей площади раскопа. В верхней части он поврежден слоем огорода нового времени. Слой темно-серого пластично-

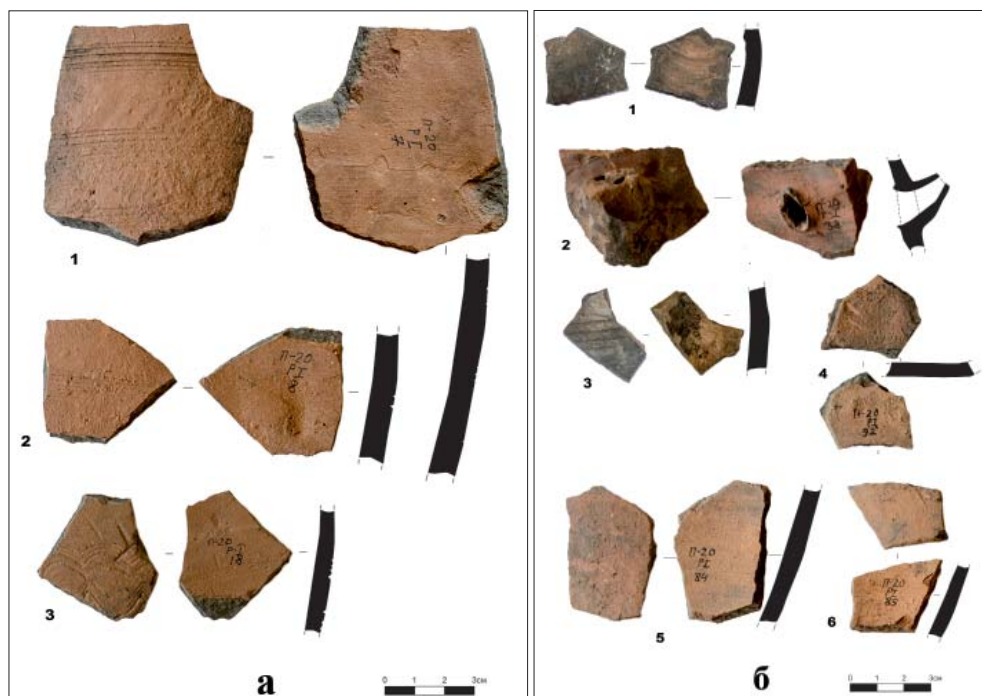

Рис. 5. Поселение Песочное. Фрагменты красноглиняной керамики, 1 группа «Укек», а – 1-я подгруппа, б – 2-я подгруппа

Fig. 5. Pesochnoe settlement. Fragments of red clay ceramics, group 1 “Ukek”, а – 1st subgroup, б – 2nd subgroup

го суглинка имеет толщину от 0,12 до 0,38 м и залегает в основном на уровне 3–4 пластов (рис. 2; 3; 4: 1–3). Отдельные участки данного слоя были выявлены и в верхней части 5 пласта в восточной и северо-западной части раскопа. Слой содержит фрагменты 11 сосудов 1-й подгруппы и 23 фрагмента сосудов 2-й подгруппы первой группы керамики, 2 фрагмента 4 группы и 5 фрагментов лепной керамики 5 группы. Слой образовался в результате жизнедеятельности золотоордынского поселения (вторая половина XIII–XIV вв.).

Слой светло-серого плотного суглинка мощностью от 0,1 до 0,4 м располагался ниже слоя золотоордынского времени на уровне 4–6 пластов (рис. 2; 4: 3). На границе со слоем темно-серого пластичного суглинка в нем зафиксированы 6 фрагментов керамики 1-й группы, выделенной на па-

мятнике (2 фрагмента 1-й подгруппы и 4 фрагмента 2-й подгруппы первой группы керамики), которые попали в многочисленные норы, которыми изобилует изученный слой. На остальной глубине слой археологически стерилен. Ниже первого предматерикового слоя светло-серого плотного суглинка залегал второй слой предматерикового суглинка от серо-желтого до желтого цветов. В нем встречаются в большом количестве норы землеройных животных. По мере приближения к матерiku слой меняет свой окрас и приобретает желтоватый оттенок. В сравнении с слоем светло-серого плотного суглинка, слой предматерикового суглинка более плотный и глинистый. Его толщина колебалась в пределах от 0,18 до 0,44 м. Вскрыт пластами 6–7 (рис. 2; 4: 3). Материк представлен плотным желтым суглинком с вкраплениями светло-се-

Рис. 6. Поселение Песочное. Фрагменты сероглиняной керамики 2 группа
 Fig. 6. Pesochnoe settlement. Fragments of gray clay ceramics, group 2

рого суглинка и залегал равномерно по всей площади раскопа. Основное отличие от второго предматерикового слоя – еще большая плотность и более светло-желтый оттенок. Материк поврежден многочисленными норами (рис. 4: 4).

С жизнедеятельностью золотоордынского поселения Песочное связан единственный слой темно-серого пластичного суглинка (рис. 2; 3; 4: 1–3). Зафиксированный над ним слой черного рыхлого гумусированного суглинка образовался в результате приработки слоя ордынского поселения современным огородом и содержал средневековую керамику. Попадание в предматериковый слой светло-серого плотного суглинка шести фрагментов керамики случайно и вызвано естественными причинами. В связи с единством происхождения всех находок из золотоордынского стратиграфического контекста рассмотрим 150 фрагментов керамики как статистически единый комплекс.

В общей сложности керамика первой группы представлена 132 фрагментами, из них 69 фрагментов первой подгруппы и 63 второй подгруппы, что составляет 87,4% от найденных находок (рис. 5; 6). Предпочтительно

происхождение этой керамики связано с центром сельской округи, в которую входит поселение Песочное с городом Укеком. Этот тип керамики характерен для гончарства Среднего Поволжья и определяется I общеповолжской группой по классификации Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1988, с. 10–16). Она также соотносится с первой группой классификации керамики для Увекского городища А.Н. Масловского². Согласно его классификации, первая группа керамики, отмеченная на поселении, соответствует первой группе керамики местного увекского производства, изготавливаемой городскими мастерами в постсалтовской гончарной традиции Среднего Поволжья (Масловский, 2017, л. 352). Истоки производства этой группы тесно связаны с местными Поволжскими истоками гончарства, формировавшимися с домонгольского времени на поселениях Волжской Болгарии (Хлебникова, 1984, с. 207–217; Хлебникова, 1988, с. 10–16). Появление второй группы керамики, как в изучаемом регионе (Полубояринова, 1978, с. 107–108; Хлебникова, 1988, с. 10–16; Недашковский, 2000, с. 168; Сташенков, 2012, с. 27; Васильева, 2013, с. 188–191), так и среди матери-

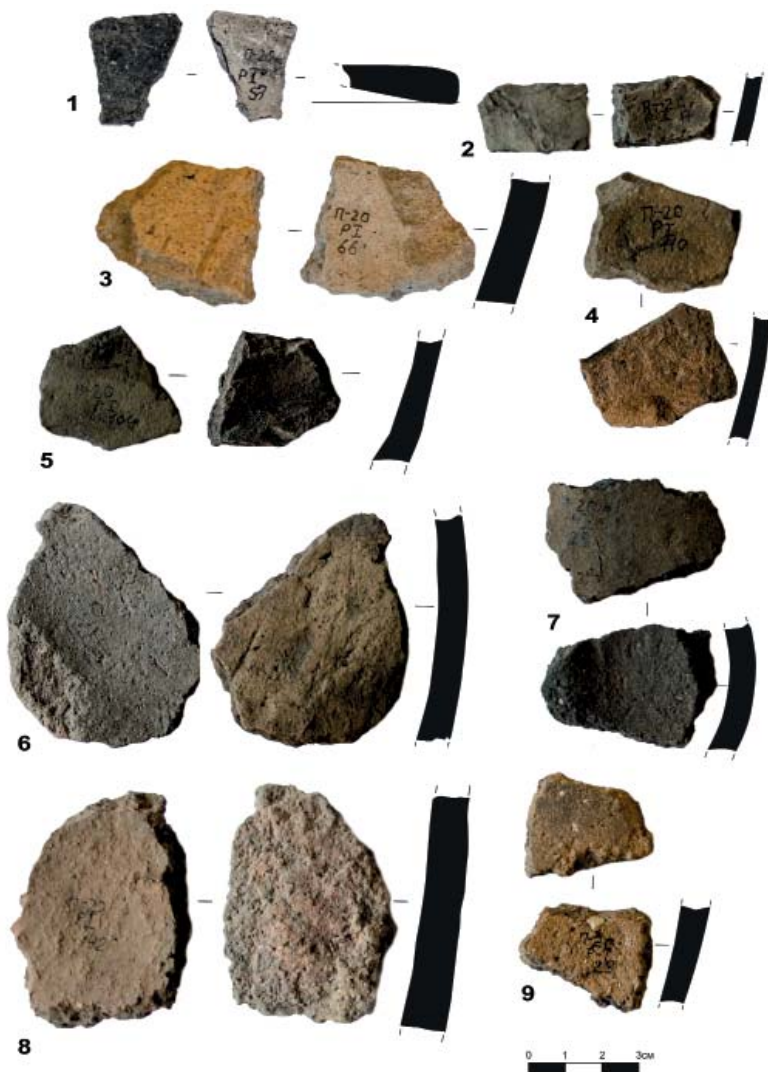

Рис. 7. Поселение Песочное. Фрагменты лепной керамики 3 группы
 Fig. 7. Pesochnoe settlement. Fragments of group 3 molded ceramics

алов города Укек (Масловский, 2017, л. 354; Масловский, 2019, с. 229), определяется исследователями русской гончарной традицией. Она представлена двумя фрагментами стенок и одним фрагментом венчика горшков сероглиняных (2%), определяемой по классификации Т.А. Хлебниковой 14 группой (рис. 7) (Хлебникова, 1984; Хлебникова, 1988, с. 32–34). Третья группа лепной керамики также характерна для золотоордынских поселений Поволжья (Полубоярино-

ва, 1978, с. 140; Хлебникова, 1988, с. 32–34; Недашковский, 2000, с. 168; Сташенков, 2019, с. 431) и Увекском городище (Масловский, 2017, л. 354; Масловский, 2019, с. 230) отождествляется с поволжско-финской гончарной традицией мордовских истоков (Кокорина, 2002, с. 154). Эта группа в комплексе поселения представлена 9 фрагментами (6%) (рис. 8).

К импортам из южных регионов можно отнести керамику 4 и 5 групп. Четвертая группа – 4 фрагмента (2,6%

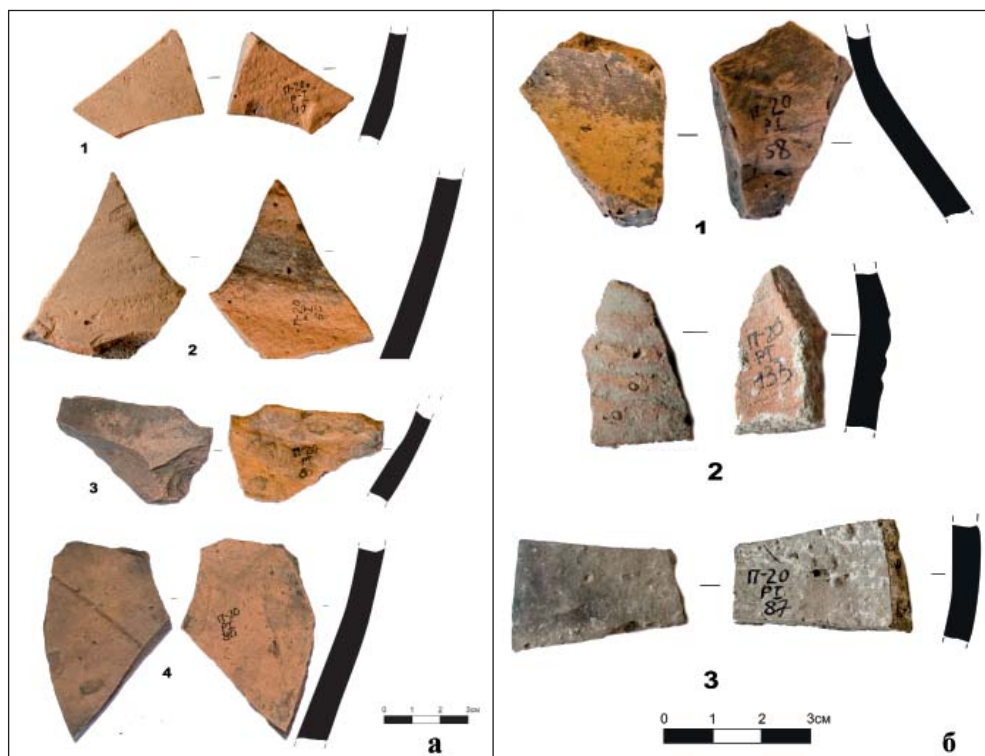

Рис. 8. Поселение Песочное. а – фрагменты красноглиняных амфор, группа 4 «Трапезунд», б – фрагменты красноглиняных сосудов, группа 5 «Юго-Восточный Крым»

Fig. 8. Pesochnoe settlement. а – fragments of red clay amphorae, group 4 “Trebizond”, б – fragments of red clay vessels, group 5 “South-Eastern Crimea”

комплекса) стенок византийских винных амфор группы «Трапезунд» (рис. 9), выделенной для золотоордынских памятников И.В. Волковым (1989, с. 88). 5 группа – 3 фрагмента (2%) – сосуды, произведенные в гончарных центрах Юго-Восточного Крыма (рис. 10), и также впервые для археологии Золотой Орды охарактеризованы И.В. Волковым как группа керамики «Юго-Восточный Крым» (Волков, 1992, с. 7).

Найденные фрагменты керамики не имеют узкой датировки, поэтому предварительно поселение можно датировать широким хронологическим диапазоном второй половины XIII–XIV вв.

В заключение отметим, что коллекция массовых керамических материалов относится к нескольким

группам как местного, так и импортного происхождения (Укек, Северное Причерноморье, Византия), и предположительно маркирует наличие среди его населения русского и мордовского компонента. В результате проведенных работ на исследованном участке территории поселения зафиксирован только культурный слой золотоордынского времени (вторая половина XIII–XIV вв.), строения или сооружения в нем не обнаружены. В культурных напластованиях зафиксированы 150 фрагментов средневековых керамических сосудов. Эта коллекция, несмотря на небольшой объем, демонстрирует все археологические маркеры, обычные для сельских поселений саратовского и самарского Поволжья, в том числе поселений округа золотоордынского Укека. Без сомнения, для

лучшего исследования памятника и получения более детальной информации о его материальном комплексе нужны дополнительные археологические раскопки поселения Песочное.

Как показала обработка данной керамической коллекции, памятник вполне перспективен для дальнейших исследований.

Благодарности:

Массовые материалы из археологических исследований Увекского городища Д.А. Кубанкина, находятся в стадии публикации. Выражаем благодарность Д.А. Кубанкину и А.Н. Масловскому, любезно предоставивших возможность познакомиться с результатами их работы с керамическим комплексом Увекского городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аманова М.П.* Отчет об археологических разведках на территории северной части г. Саратова и Саратовского района Саратовской области в 2015 году. Саратов, 2016 // Архив ИА РАН. Р-1. № 54130.
2. *Васильева И.Н.* Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII–XIV века Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель // Археология Подмосковья. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2013. С. 168–192.
3. *Волков И.В.* Импортная амфорная тара золотоордынских городов. Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во: Ростовского ун-та, 1989. С. 87–96.
4. *Волков И.В.* Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 20 с.
5. *Кашиникова А.Л.* Отчет об археологических разведках в г. Саратове и Саратовском районе Саратовской области в 2013 году. Саратов, 2014 // Архив ИА РАН. Р-1. № 45610.
6. *Кашиникова А.Л.* Отчет об археологических разведках в г. Саратове и Саратовском районе Саратовской области в 2014 году. Саратов, 2015 // Архив ИА РАН. Р-1. № 51674.
7. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.
8. *Масловский А.Н.* Керамика Уека из раскопок 2016 г. // Кубанкин Д.А. Отчет об археологических исследованиях на Увекском городище в г. Саратове в 2016 г. Саратов, 2017 // Архив ИА РАН. Р-1. № 54245. Л. 352–354.
9. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс как проявление культурного единства оседлого населения европейской части Золотой Орды. Краткий обзор. Общее и частности // В поисках сущностей. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Русева / Ред. М.Е. Ткачук, Г.Г. Атанасов. Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 209–238.
10. *Моржерин К.Ю.* Отчет об исследованиях в Саратовской области экспедиции СОМК. Саратов, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1. № 13273.
11. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Уек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
12. *Пигарев Е.М.* Отчет об археологических раскопках на территории поселения Песочное (раскоп I) в г. Саратове, Саратовской области в 2020 г. Казань, 2021 // Архив ИА РАН. Р-1.
13. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.
14. *Сташенков Д.А.* Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.
15. *Сташенков Д.А.* Кузьминский мордовский могильник конца XIII–XIV вв.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 413–432.
16. *Тарабрин С.Ю.* Отчет об археологических разведках на территории объекта археологического наследия, поселения “Песочное” в Ленинском районе г. Саратова в 2017 году. Саратов, 2018 // Архив ИА РАН. Р-1. № 61176.

17. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

18. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», доцент кафедры История, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Ситдииков Айрат Габитович, чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, профессор, декан Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

HISTORICAL STUDIES OF PESOCHNOE SETTLEMENT IN SARATOV OBLAST (THE ISSUE OF THE SIGNIFICANCE OF THE CERAMIC COMPLEX IN THE STUDY OF THE RURAL SETTLEMENTS OF THE GOLDEN HORDE)

S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov

The paper features the first results of the latest archaeological study investigations in 2020 were conducted at the Pesochnoe settlement located within the city boundaries of the Leninsky District of Saratov and was part of the medieval rural district of the Golden Horde city of Ukek. Excavation 1 (size 6×10 m) allowed to examine the cultural layer of the second half of the 13th – 14th centuries. The collection of mass ceramic materials comprised 150 fragments of medieval ceramic vessels. It includes 5 groups of both local and imported origin (Ukek, Northern Black Sea region, Byzantium), which, in addition to import directions, mark the presence of the Russian and Mordovian components among the population of the village. The ceramic collection, despite its small size, demonstrates all archaeological markers characteristic of rural settlements in the Ukek of the Golden Horde regions.

Keywords: archaeology, Golden Horde, rural districts, Golden Horde town of Ukek, Uvek settlement, mass archaeological materials, red clay ceramics of Ukek manufacture.

REFERENCES

1. Amanova, M. P. 2016. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii severnoy chasti g. Saratova i Saratovskogo rayona Saratovskoy oblasti v 2015 godu (Report on Archaeological Exploration in the Northern Part of the Saratov and the Saratov district of Saratov Oblast in 2015)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 54130 (in Russian).
2. Vasil'eva, I. N. 2013. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminar (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Scientific Seminar) 9*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 168–192 (in Russian).
3. Volkov, I. V. 1989. In Fedorov-Davydov, G. A. (manag. ed.). *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv. (Northern Pontic area and the Volga Region in East-West Relations in 12th–16th Centuries)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 87–96 (in Russian).
4. Volkov, I. V. 1992. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikatsiya i datirovka) (Pottery of Azov in 14th–18th Centuries (Classification and Dating))*. PhD Thesis. Moscow: Moscow State University (in Russian).
5. Kashnikova, A. L. 2014. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Saratove i Saratovskom rayone Saratovskoy oblasti v 2013 godu (Report on Archaeological Exploration in the Northern Part of the Saratov and the Saratov district of Saratov Oblast in 2013)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 45610 (in Russian).

The work was carried out within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatar people (2020–2023)" p.1.16 Scientific research of the Uvek settlement of the Saratov region.

6. Kashnikova, A. L. 2015. *Otchet ob arkhеologicheskikh razvedkakh v g. Saratove i Saratovskom rayone Saratovskoy oblasti v 2014 godu (Report on Archaeological Exploration in the Northern Part of the Saratov and the Saratov district of Saratov Oblast in 2014)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 51674 (in Russian).
7. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
8. Maslovskii, A. N. 2017. *Kubankin D.A. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh na Uvekskom gorodishche v g. Saratove v 2016 g. (Report on Archaeological Studies at Uvek Settlement in Saratov in 2016)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 54245, pp. 352–354 (in Russian).
9. Maslovskii, A. N. 2019. In Tkachuk, M. E., Atanasov, G. G. (eds.). *V poiskakh sushchnostey (In search of the essence)*. Kishinev: Stratum plus, 209–238 (in Russian).
10. Morzherin, K. Yu. 1988. *Otchet ob issledovaniyakh v Saratovskoy oblasti ekspeditsii SOMK (Report on Studies in Saratov Oblast by the Expedition of the Saratov Regional Museum of Local Lore)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 13273 (in Russian).
11. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
12. Pigarev, E. M. 2021. *Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh na territorii poseleniya Pesochnoe (raskop I) v g. Saratove, Saratovskoy oblasti v 2020 g. (Report on Archaeological Excavations at Pesochnoe Settlement (Excavation I) in Saratov, Saratov Oblast, in 2020)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).
13. Poluboiarinoва, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Stashenkov, D. A. 2012. *Novye arkhеologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary (New Archaeological Studies in Samara)*. Samara: "As Gard" Publ. (in Russian).
15. Stashenkov, D. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde) 2*. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 413–432 (in Russian).
16. Tarabrin, S. Yu. 2018. *Otchet ob arkhеologicheskikh razvedkakh na territorii ob"ekta arkhеologicheskogo naslediya, poseleniya "Pesochnoe" v Leninskom rayone g. Saratova v 2017 godu (Report on Archaeological Exploration at Pesochnoe Settlement Archaeological Heritage Site in Leninsky District of Saratov in 2017)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 61176 (in Russian).
17. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
18. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8–102 (in Russian).

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences, Associated Professor. Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

УДК 902/904 (470.630)

<https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.216.230>

ПАМЯТНИКИ ОКРУГИ МАДЖАР (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ). СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ¹

© 2021 г. В.А. Бабенко, Ю.Д. Обухов

В статье рассматриваются проблемы выделения на территории Среднего Прикумья золотоордынских памятников, входивших в округу золотоордынского города Маджара. Основная информация о них содержится преимущественно в архивных материалах XVI–XVIII вв. В настоящее время имеется информация о девяти памятниках, пять из которых локализованы. На месте двух памятников могут быть локализованы известные по нумизматическим и письменным источникам города Маджар-ал-Джедид и Каракогун. Особенности природно-климатических условий в регионе в эпоху средневековья позволяли в ограниченных масштабах осваивать долину р. Кумы, подверженную сезонным подтоплениям. Стационарные поселения в округе Маджара могли располагаться на возвышенных участках поймы, на участках надпойменных террас Кумы или ее притоков. Перспективными для поиска золотоордынских бытовых памятников являются участки устьев левых и правых притоков р. Кумы. К сельской округе Маджара могут быть отнесены памятники в окрестностях городища («Орловское-1, XIII–XIV вв.» и «Преображенское-1»). Специфика ряда памятников, расположенных на удалении от Маджара, нуждается в уточнении.

Ключевые слова: археология, городище Маджары, округа, поселение, река, Ставропольская возвышенность, Прикумская возвышенность.

В последнее время вышел ряд работ, посвященных округе золотоордынских городов (Масловский, 2009; Недашковский, 2010; Пигарев, 2016; Пигарев, 2018). Как отметил Е.М. Пигарев, в состав округи золотоордынского города входили территории, зависящие от него в административном отношении и связанные с ним экономическими связями (Пигарев, 2018, с. 137). А.Н. Масловский предположил, что такие крупные провинциальные центры, как Азак, Маджар, Укек, Сарайчик, должны были иметь сельскую округу, и рассмотрел в сельской округе Азака отдельные группы памятников (Масловский, 2009, с. 322–337).

Поставленная ранее одним из авторов проблема определения границ маджарской округи (Бабенко, 2016) ещё далека от своего разрешения. Необходимо также обобщить данные архивных источников XVI–XIX вв. и наметить районы поиска бытовых памятников золотоордынской эпохи в

Среднем Прикумье с учетом природных и ландшафтных особенностей Среднего Прикумья в прошлом.

В природно-климатическом отношении Среднее Прикумье относится к полупустынной зоне Центрального Предкавказья: среднегодовое количество осадков составляет 350–365 мм, испаряемость – 800–850 мм (Современные..., 2002, с. 85). Материалы палинологических исследований, проведенных в последнее время в пойме Кумы, свидетельствуют об увеличении количества осадков с момента возникновения Маджара до середины XIV в.; в палинологических спектрах присутствует пыльца древесных пород (4,5%) (Бабенко, Сергеев, 2019, с. 164–165). На Куме всегда произрастали леса. На карте И.Ф. Трускотта «Карта представляющая Кубань сочинял И. Трескотт» 1783 г. показан лес в пойме р. Кумы на участке от современного г. Георгиевска до современного с. Бургун-Маджары Левокумского муниципального округа (рис. 2).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-39-90023.

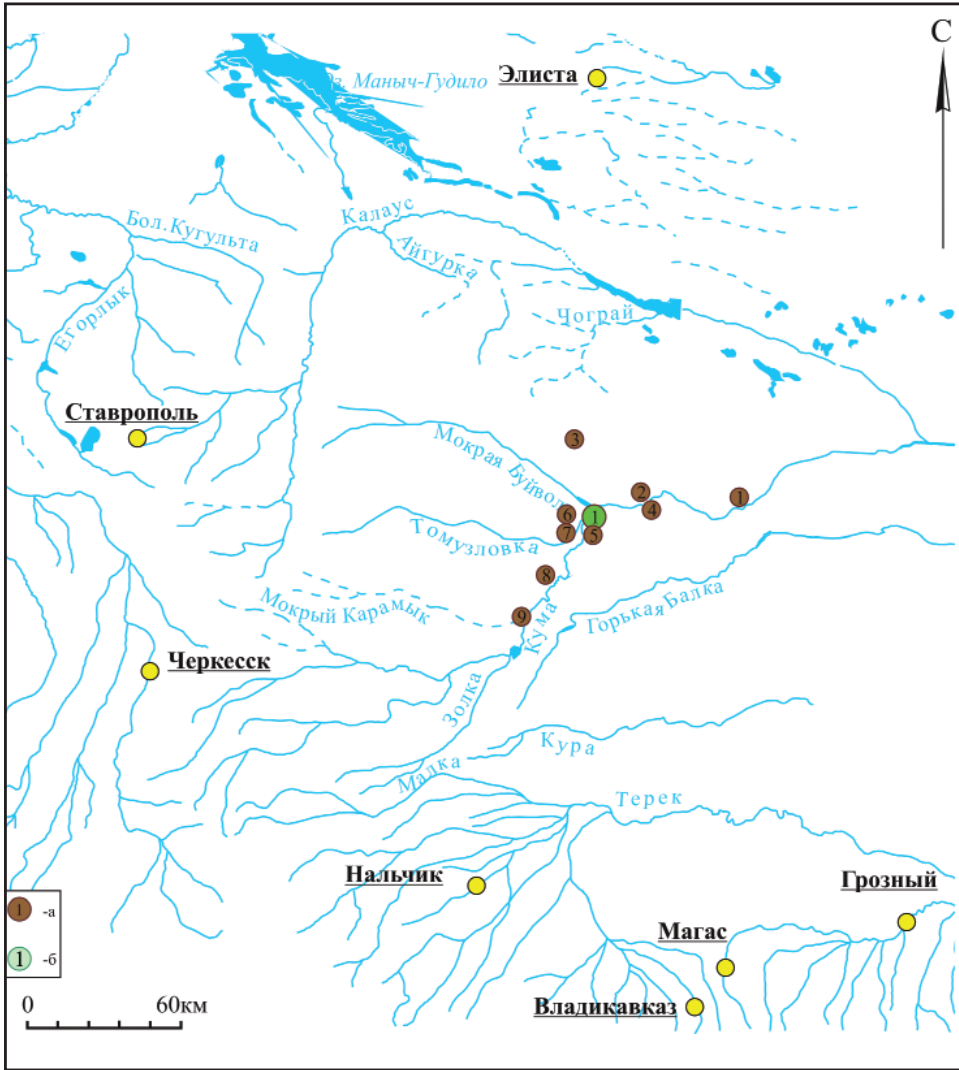

Рис. 1. Памятники в округе городища Маджары
 Fig. 1. Sites in the area of town of Majary

Вероятно, подобная ситуация была характерна и для XIII–XIV вв.

Река Кума является типичной степной рекой с преимущественно ледниковым питанием и продолжительным паводком в период с марта по июнь. В среднем течении, где река имеет наибольший объем своего стока, она замедляется и имеет извилистое русло. В район Среднего Прикумья можно условно выделить участок долины Кумы от устья предпоследнего крупного правого притока р. Подкумок у

с. Краснокумское Георгиевского городского округа до с. Урожайное Левовокумского муниципального округа, где река протекает между Ставропольской и Прикумской возвышенностями.

В эпоху Золотой Орды, согласно сведениям Ибн Са'ида, Кума впадала в Каспийское море и покрывалась зимой льдом (Коновалова, 2009, с. 32). Но в Новое время характер её стока изменился. В конце XVIII в. река доходила до Каспийского моря лишь в период весеннего паводка (Полное...,

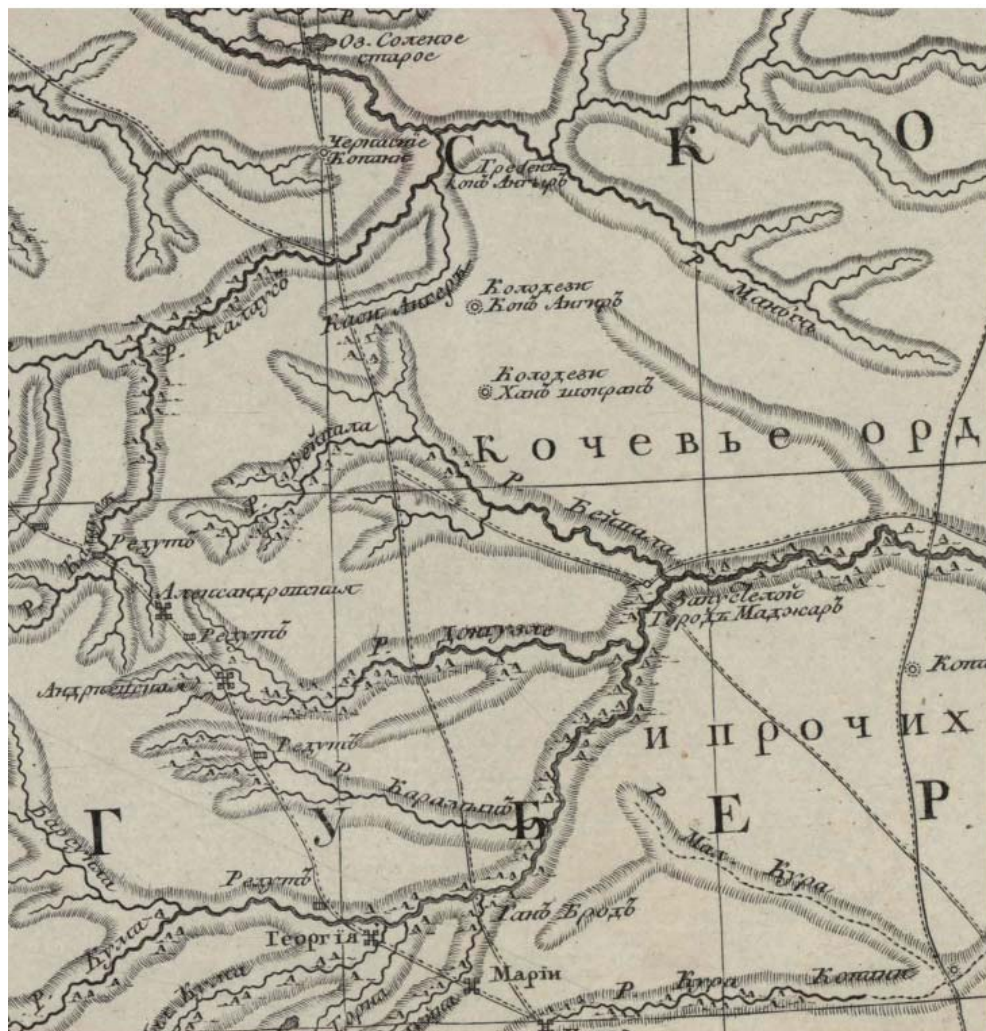

Рис. 2. «Карта представляющая Кубань сочинял И. Трескот» 1783 г.
Фрагмент. Район Среднего Прикумья

Fig. 2. Map of Kuban by I. Treskot. 1783. Fragment. Area of the Middle Kuma Region

1824, с. 89). На плане Маджара, составленном во время работ экспедиции П.С. Палласа в 1793 г., показано, что территория торгово-ремесленного квартала городища Маджары была подтоплена и поросла лесом (Зиливинская, 2015, с. 67, рис. 14). В XIX в. было зафиксировано несколько крупных наводнений в Среднем и в Нижнем Прикумье, связанных, по мнению А.П. Семилуцкого, с отсутствием стока в Каспийское море и наличием множества плотин (Семилуцкий,

1897, с. 271–272). В конце 1950-х гг. в среднем течении Кумы были проведены масштабные мелиоративные работы; на многих участках древние меандры Кумы засыпаны грунтом и прослеживаются только на космоснимках.

В связи с отмеченными выше обстоятельствами нуждается в уточнении уровень затопления поймы Кумы во время весенних паводков в XIII–XIV вв. Вероятно, при наличии в этот период стока в Каспийское море

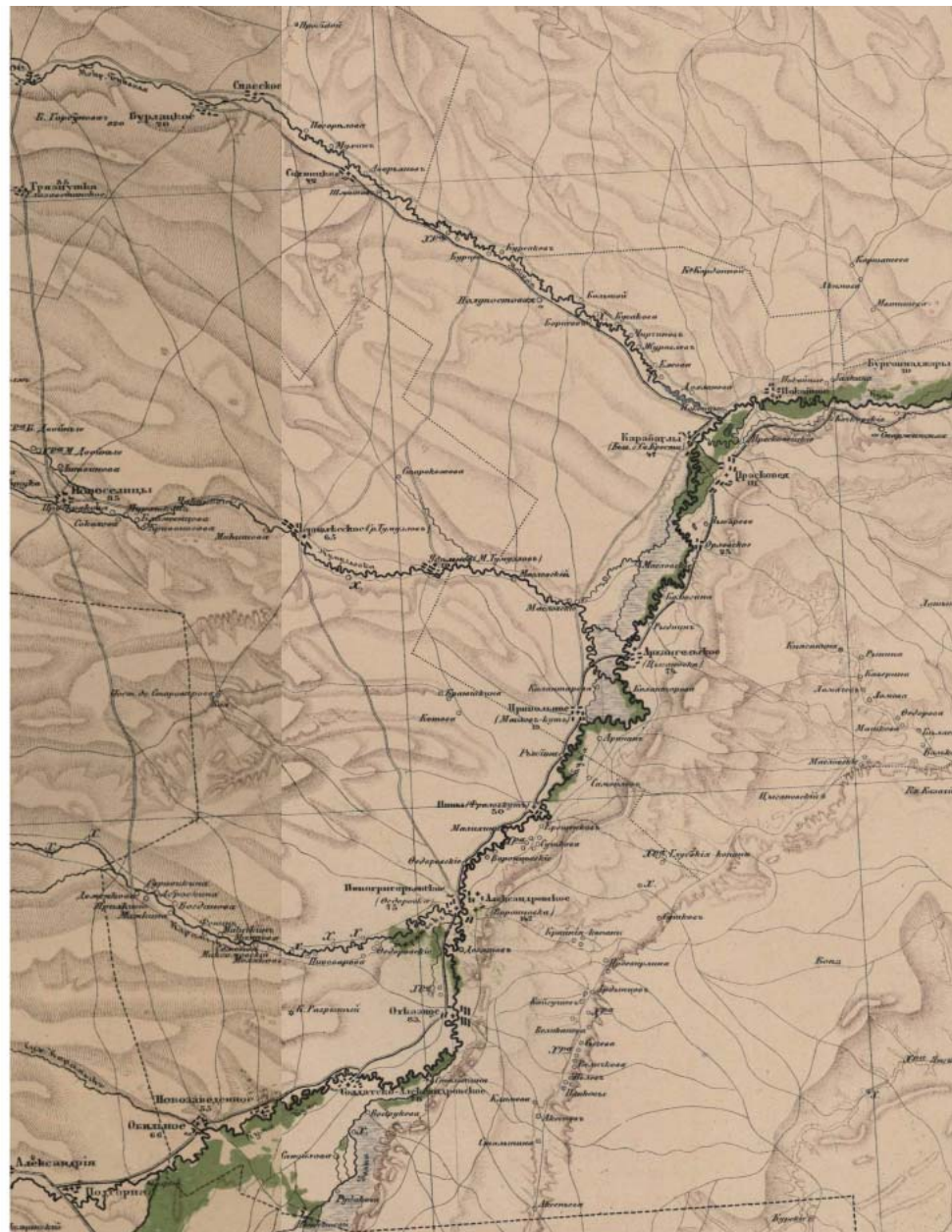

Рис. 3. Специальная карта Европейской России И.А. Стрельбицкого. 1882 г. Фрагмент. Район Среднего и Нижнего Прикумья (<https://geoportals.rgo.ru/record/3335>)
Fig. 3. Special map of European Russia by I.A. Strelbitsky. 1882. Fragment. Area of the Middle and Lower Kuma Region (<https://geoportals.rgo.ru/record/3335>)

уровень затопления поймы был ниже, чем в XVIII–XIX вв., но долина Кумы в среднем течении была пригодна для хозяйственного освоения в ограниченных масштабах. Стационарные

поселения в сельской округе Маджара могли располагаться на участках поймы, не подверженных сезонному подтоплению или на возвышенных участках надпойменных террас Кумы

Рис. 4. Поселение на западной окраине с. Бургун-Маджары и спуск в долину б. Сухая Буйвола и р. Кума. Вид с запада-северо-запада. Фото В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухова

Fig. 4. Settlement on the western outskirts of Burgun-Madjary village and a downhill road to the valley of the Sukhaya Buivola and Kuma river basins. View from the west-north-west.

Photo by V.A. Babenko and Yu.D. Obukhov

или ее притоков по примеру торгово-ремесленного квартала городища Маджары.

Ибн-Баттута описывал Маджар как город «на большой реке, с садами и обильными плодами» (Тизенгаузен, 1884, с. 287). Вероятно, земледелие и садоводство были развиты не только в Маджаре, но и на других участках речной долины. Освоение пойменных участков могло происходить путем строительства небольших плотин и каналов, как это происходило в XIX – начале XX вв.

Обнаружение на городище Маджары большого количества каменных жерновов свидетельствует о переработке зерновых культур и их возможном выращивании в долине Кумы. К 1492 г., когда, вероятно, произошло запустение Маджара и Прикумье входило в состав Большой Орды, относится свидетельство, что «Орда пашала на Куме...» (СИРИО, 1884,

с. 149). В пробах с древней дороги на территории торгово-ремесленного квартала городища Маджары выделены семена проса двух видов, мягкой пшеницы и ячменя (Бабенко, Сергеев, 2019, с. 166–167), что характеризует основные зерновые культуры в Маджаре. В то же время остатки пахотных орудий здесь пока не обнаружены.

Поскольку пока сложно оценить возможные масштабы зернового производства в Среднем Прикумье, нельзя исключать поступление зерна из богатого продовольствием района на Среднем Тереке, где еще в домонгольскую эпоху применялся тяжелый колесный плуг (Кузнецов, 1971, с. 51–54).

В рационе питания жителей Маджара значительную часть занимали продукты животноводства. Материалы археозоологических исследований свидетельствуют о высоком проценте потребления говядины населением

Рис. 5. Поселение «Заря-1». Вид на северную часть памятника и долину р. Кумы в районе с. Бургун-Маджары. Вид с юга. Фото В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухова

Fig. 5. Zarya-1 settlement. View of the northern section of the site and the Kuma river valley in the area of Burgun-Madjary village. View from the south. Photo by V.A. Babenko and Yu.D. Obukhov

города. В связи с этим Л.В. Яворская и Е.Е. Антипина предположили разведение крупного рогатого скота на ближайших к городу поселениях (Яворская, Антипина, 2017, с. 249, рис. 2, с. 250). В Маджаре ремесленники обрабатывали кость (Обухов, 2019) и шкуры (Бочаров, Яворская, 2019, с. 196). Сырье для данных производств ремесленники Маджара получали от забоя скота, который поставлялся жителями окрестных поселений и кочевниками.

При локализации упоминаемых в материалах XVI–XIX вв. памятников необходимо проводить уточнение маршрутов поездок исследователей, учет расстояний между памятниками и точек отсчета, приводимых в различных источниках. На наш взгляд, одной из таких точек можно считать древнее устье р. Томузловки на юго-западной окраине городища Маджары. Об этом свидетельствуют данные С.Г. Гмелина о расположении этого городища на участке от устья р. То-

музловки до устья р. Мокрой Буйволы (см. Шестаков, 1884, с. 8) и данные ДЗЗ на данном участке. Эта точка должна использоваться при отсчете расстояний для локализации некоторых памятников выше Маджара по течению Кумы.

Ниже приводятся сведения о девяти памятниках в маджарской округе, в отношении которых имеются точные сведения. В ближайшее время будут проведены археологические работы по уточнению сведений о ряде памятников. Известные на сегодня памятники локализуются в бассейнах Кумы, ее левых притоков р. Мокрый Карамык, р. Томузловки, р. Мокрой Буйволы и б. Сухая Буйвола и балок на правом берегу (рис. 1). Перечисление памятников дается вверх по течению Кумы и ее притоков, повторяя логику, заданную С.Г. Гмелиным в 1772 г.

1. *Нижние Маджары по П.С. Палласу.* В 1793 г. П.С. Паллас обнаружил в районе деревни Терны (совр. с. Уро-

Рис. 6. Поселение «Орловское-1, XIII–XIV вв.». Вид на сохранившуюся южную часть памятника и долину р. Кумы. Вид с севера. Фото В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухова

Fig. 6. Orlovskoe-1 settlement, 13th – 14th cc. View of the preserved southern section of the site and the Kuma river valley. View from the north. Photo by V.A. Babenko and Yu.D. Obukhov

жайное Левокумского муниципального округа) на отрогах Прикумской возвышенности множество «древних сводчатых могильников», а ниже деревни – «древний татарский храм прямоугольной формы, построенный из кирпича». Это место он назвал Нижними Маджарами (Паллас, 2010, с. 249). В ходе разведок 1952 и 1955 гг. Е.И. Крупнов выявил у а. Камыш-Бурун восточнее с. Урожайное (территория совр. г. Нефтекумск одноименного городского округа) грунтовый могильник эпохи позднего Средневековья (Крупнов, 1957, с. 172), возможно, связанный с данным памятником.

Не исключено, что этот район в XVII в. был упомянут в «Книге Большому чертежу». Согласно данному источнику, в 90 верстах «против», то есть севернее Сунженского острога протекает р. Кума, а в 100 верстах далее, за Кумой, располагалась мечеть Аиса Ахмет (Книга..., 1950, с. 91–92). Район с. Урожайное расположен по направлению к северу – северо-западу от устья р. Сунжи.

2. *Первый Маджар по С.Г. Гмелину / Малые Маджары по российским картам конца XVIII в. и Я. Потоцкому.* Впервые обнаружен С.Г. Гмелиным в 1772 г., в «18 верстах ниже Маджара, в трех несколько отдаленных одна от другой местностях, на реке видны остатки строений» (см. Шестаков, 1884, с. 8). Описание этих объектов дано обобщенное, расстояние между двумя группами развалин составило 200 саженей (см. Шестаков, 1884, с. 11).

Это место отмечено на российских картах конца XVIII в. На карте, опубликованной И.В. Волковым «План положению мест лежащих между Больших и Малых Мажар расстоянием по реке Куме на тридцать пять верст, сочинено в крепости Святого Георгия марта 10 дня 1783 года», Малые Маджары показаны на левом берегу б. Сухая Буйвола, последнего крупного левого притока р. Кумы (Волков, 2001, с. 200–201, рис. 1, с. 204, рис. 4). Г.Н. Прозрителев обнаружил карту Моздокского уезда Кав-

Рис. 7. Поселение «Орловское-1, XIII–XIV вв.». Вид на сохранившуюся часть памятника и долину р. Кумы к югу городища Маджары. Вид с юго-востока.

Фото В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухова

Fig. 7. Orlovskoe-1 settlement, 13th – 14th cc. View of the preserved section of the site and the Kuma river valley to the south of town of Majary. View from the south-east.

Photo by V.A. Babenko and Yu.D. Obukhov

казского наместничества 1788 г., на которой к северо-западу от с. Кавказский Усвят (с. Бургун-Маджары) показаны Малые Маджары с условными знаками развалов зданий (Прозрителев, 1910, с. 3).

Вероятно, что название «Малые Маджары» на рубеже XVIII–XIX вв. закрепилось на местности, и на этом месте можно локализовать Первый Маджар по С.Г. Гмелину и Малые Маджары по другим источникам. По данным Я. Потоцкого, побывавшего здесь в 1798 г., Малые Маджары располагались в 12 верстах от Больших Маджар и в 2 верстах от с. Бургун-Маджары. Он насчитал среди «могильных холмов 6 фундаментов мавзолеев» (Потоцкий, 2003, с. 81).

В 1959 г. на территории Прикумья работал инженер-дорожник Н.П. Ивлев. На окраине с. Бургун-Маджары он обнаружил на пашне следы золотоордынского поселения размерами порядка 1000×200 м с возвышениями от

построек и составил его схему с привязкой к двум курганам «высотой не менее 5 метров» (Кравцова, Обухов, 2016, с. 238, рис. 4). В настоящее время эти курганы сохранились, но территория поселения почти полностью застроена. Местные жители сообщили ему о добыче в 1930-е гг. на этом месте обожженного кирпича и обнаруженном при рытье ямы в одном из дворов села подземном сооружении из обожженного кирпича (Кравцова, Обухов, 2016, с. 236–237). Поселение, так же как и застройка с. Бургун-Маджары, занимает пологий склон террасы б. Сухая Буйвола (рис. 4).

По сведениям Г.Н. Прозрителева, здесь в одном из курганов были обнаружены остатки постройки из обожженного кирпича, по описанию напоминающей мавзолей (Прозрителев, 1906, с. 13). Сейчас на распаханном склоне долины б. Сухая Буйвола к западу от села видны всхолмления и пятна разрушенных мавзолеев.

Таким образом, в районе с. Бургун-Маджары в конце XVIII – середине XX вв. сохранялись свидетельства существования одного или нескольких золотоордынских поселений и мавзолеев.

И.В. Волков предлагает предварительно связать этот памятник с городом Маджар ал-Джедид, известным по легендам на монетах (Волков, 2001, с. 206). Э.В. Ртвеладзе предположил, что после разгрома Маджара войсками Мамай город был перенесен на новое место, в район современного села Бургун-Маджары (Ртвеладзе, 1972, с. 160). В то же время выдвинутые авторами предположения на сегодняшний день не имеют исторических и археологических подтверждений и остаются гипотезой.

Возможно, это место также упоминается в «Книге Большому чертежу»: «А по реке по Куме, с правые стороны 7 мечетей тотарских Можаров Юрт да мечеть с другой стороны реки Кумы Арак Кешень» (Книга..., 1950, с. 91). Традиционно это свидетельство о 7 мечетях на правой стороне Кумы соотносится с Маджаром (Волкова, 1972, с. 64; Ртвеладзе, 1972, с. 162). Свидетельство о расположении на правой стороне Кумы семи мечетей противоречит факту концентрации основных построек городища Маджары на левом берегу кумской долины. Возможно, в «Книге...» описывается ситуация, если смотреть на нее с востока на запад, тогда левобережье Кумы будет смотреться «с правой стороны». В то же время, упомянув реки Доузлов (Томузловка) и Бибала (Мокрая Буйвола), ограничивавшие территорию городища Маджары, источник не упоминает постройки Маджара, которые невозможно было не заметить (Книга..., 1950, с. 88). Вероятно, городище Маджары не было известно составителям «Книги...». Термин «Можаров юрт» может быть связан с сохранивши-

мися к XVII в. упоминаниями об округе Маджара или территории этой области.

Более вероятно, что упомянутые мечети на обоих берегах Кумы стали известны благодаря своему расположению поблизости от трассы, соединявшей Нижнее Поволжье с Терекком по маршруту, известному еще в XIX в. как «Чумацкая дорога» (Костенков, 1868, с. 72–74). Не исключено, что данный маршрут мог использоваться русскими людьми и в XVII в. при поездках на Терек.

3. *Поселение «Мамаевка-1»*. Расположено в б. Сухая Буйвола. Известно по сведениям жителей с. Толстово-Васюковское Буденновского муниципального округа о находках на месте бывшего с. Мамаевка, вошедшего в состав данного села, золотоордынской керамики и монет (Кольцов и др., 2019, с. 14).

По б. Сухая Буйвола из долины Кумы можно проехать в район сел Бурлацкое и Спасское Благодарненского городского округа и на водораздел Кумы и рек бассейна Восточного Маныча. На карте И.Ф. Трускотта ближе к верховьям Мокрой Буйволы показаны колодцы Хан шокрак, а севернее, ближе к долине р. Айгурки – колодцы Кок Айгир, которые упоминал И.А. Гильденштедт (Гильденштедт, 2002, с. 305) (рис. 2).

4. *Поселение «Заря-1»*. Расположено к западу от балки Красный Яр на надпойменной терраске правого берега р. Кумы к югу – юго-востоку от с. Бургун-Маджары. Балка Красный Яр образована ее слиянием с балками Первый Яр, Куцый Яр и Котлован. На пашне видны фрагменты золотоордынской керамики (рис. 5). Возможно, здесь располагалась упомянутая выше мечеть Арак Кешень.

5. *Поселение «Орловское-1, XIII–XIV вв.» / Место Каракогун по И.П. Фальку*. По данным И.П. Фалька, в 10 верстах выше Маджара на

правом берегу Кумы «находятся развалины места, которое Татара называют Каракогун; таковыя же видны и на левом берегу Кумы». Он назвал его «городом»; здесь «на площади сохранились еще остатки высокого и большого каменного дома, который Татара называют Ахмет Сарей» (Полное..., 1824, с. 96). Вероятно, И.П. Фальк зафиксировал исконное название данного населенного пункта. Подобное явление прослеживается и в Нижнем Поволжье (Пигарев, 2016, с. 172).

Предварительно этот «город» может быть локализован к северу от с. Орловка Буденновского муниципального округа на правом берегу Кумы на поселении «Орловское-1, XIII–XIV вв.». Поселение занимает коренной правый берег Кумы, прорезанный несколькими балками, впадающими в Куму с Прикумской возвышенности (рис. 6). На плане городища Маджары, составленном экспедицией П.С. Палласа, хорошо показан рельеф этой местности в виде коротких балок и оврагов (Зиливинская, 2015, с. 67, рис. 14). С 1950-х гг. здесь располагались карьеры. В их бортах прослеживаются большие хозяйственные ямы, в одном месте обнаружена разрушенная кладка из обожженного кирпича. В 2020–2021 гг., в рамках иницируемых авторами статьи охранных мероприятий, ООО «Наследие» провело работы по определению границ памятника. С учетом уничтоженной карьерами части, памятник был вытянут вдоль коренного берега р. Кумы на расстояние около 1,5 км, в ширину до 250 м. Поселение расположено примерно в 5 км к юго-востоку от городища Маджары и могло являться сельскохозяйственным пригородом города Маджара (рис. 7). Расположенные здесь балки и овраги могли быть водоносными. По этим балкам могла проходить удобная дорога на Прикумскую возвышенность и в долину р. Горькая Балка.

К востоку от поселения на пахотном поле на территории курганного могильника «Орловский-1» выявлены остатки мавзолеев из обожженного кирпича.

6. *Поселение в устье балки Б. Ялга.* Балка впадает в древнее русло р. Томузловки. По свидетельству местных жителей, в балке на распаханном поле они находили фрагменты поливной керамики и золотоордынские монеты. Поселение расположено напротив поселения «Орловское-1, XIII–XIV вв.». Возможно, это место имел в виду и П.С. Паллас, обративший внимание на «надмогильные курганы» на левом берегу Кумы «напротив деревни Прасковья» недалеко от немецкой колонии (Паллас, 2010, с. 253). Немецкая колония располагалась к югу от городища Маджары, у дороги, соединявшей городище и с. Прасковья. Возможно, это место также было упомянуто И.П. Фальком при описании «места» Каракогун.

7. *Поселение «Преображенское-1».* Обнаружено Ю.Д. Обуховым. Расположено на краю надпойменной террасы левого берега долины р. Томузловки, прорезанном короткими балками к юго-западу от б. Б. Ялга. Участок левобережья между Томузловской и б. М. Ялга изрезан балками. Этот участок перспективен для поиска сельских поселений, аналогичных по топографии поселению «Орловское-1, XIII–XIV вв.».

8. *Верхний Маджар по С.Г. Гмелину / Маслов Кут по П.С. Палласу.* После описания руин Среднего Маджара С.Г. Гмелин описывает развалины верхнего Маджара в 30 верстах выше по течению Кумы от среднего Маджара (см. Шестаков, 1884, с. 12). Примерно на таком расстоянии от Маджара в окрестностях с. Маслов Кут (с. Стародубское Буденновского муниципального округа) П.С. Паллас видел следы «татарской» церкви с кладбищем. Он упоминает «склеп»

(мавзоль) и планы этих сооружений, составленные за 10 лет до этого архитектором Дигби (Паллас, 2010, с. 253–254). Вероятно, эти чертежи были включены в работу П.С. Палласа (Зиливинская, 2015, с. 67, рис. 13). На акварели известного русского пейзажиста М.М. Иванова (Р300009) «Дорога от Егорьевской крепости к Мажарам» изображен разрушающийся мавзоль в лесистой пойме Кумы (Зиливинская, 2015, с. 63, рис. 6).

9. *Деревня Федоровка по Ю. Клапроту (с. Новогригорьевское, г. Зеленокумск)*. Ю. Клапрот пытался найти в районе деревни Федоровка развалины еще одного золотоордынского памятника. Местные жители принесли ему несколько медных и серебряных монет и фрагменты «мозаики» (Клапрот, 2008, с. 87). В 1804 г. Я.И. Шмидт видел здесь арабскую надпись на корытообразном камне. Л.И. Лавров предположил его сходство с надгробиями юго-восточного Дагестана XI–XII вв. (Лавров, 1966, с. 114).

В с. Новогригорьевском (так стало называться с. Федоровка) (рис. 3) в 1889 г. был обнаружен клад из 371 серебряной золотоордынской монеты чекана Токты, Узбека и Джанибека. Они были найдены крестьянином Никанором Буйваловым в своем дворе «при раскопке кургана с целью уравнивать поверхность земли» (Научный архив ИИМК, 1903, л. 13). В 1903 г. клад был передан в ИАК и вошел впоследствии в сводку Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1960, с. 150). Под «курганом» можно подразумевать всхолмление над развалом сооружения на

территории поселения. По современной дороге расстояние от юго-западной точки городища Маджары до устья р. Мокрый Карамык составляет около 50 км, что превышает расстояние в 30 верст до Верхнего Маджара. Села Новогригорьевское и Воронцово-Александровское в 1965 г. объединились в один населенный пункт – г. Зеленокумск современного Советского городского округа.

Согласно приведенным сведениям, участок между устьями рек Мокрый Карамык и Томузловка был насыщен поселениями и погребальными памятниками. Река Мокрый Карамык протекает по широкой долине, которая выводит к южным склонам Ставропольской возвышенности и на верховья р. Кумы в районе Пятигорья. К сожалению, долина реки совершенно не изучена в археологическом плане. Немного выше по течению Кумы расположено устье р. Золки. По ее долине могло осуществляться сообщение с верховьями р. Куры и районом Верхнего Притеречья. Возможно, эта дорога проходила от устья р. Подкумок, где на карте И.Ф. Трускотта отмечен т. н. Хан Брод (рис. 2).

Таким образом, архивные материалы свидетельствуют о преимущественном расположении бытовых золотоордынских памятников на левом берегу р. Кумы около устьев ее основных притоков – рек и крупных балок. Поселения выявлены также на правых притоках Кумы. К сельской округе Маджара могут быть отнесены памятники в окрестностях городища Маджары («Орловское-1, XIII–XIV вв.», «Преображенское-1»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю.* Археоботанические исследования городища Маджары // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 161–170.
2. *Бабенко В.А.* Округа золотоордынского города Маджара (к постановке проблемы выделения границ) // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 2016. С. 125–129.

3. Бочаров С.Г., Яворская Л.В. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 185–200.

4. Волков И.В. Два городища Маджары на старых картах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа (МИИКНСК). Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 199–207.

5. Волкова Н.Г. Маджары (из истории городов северного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Вып. V / Отв. ред. В.К. Гарданов. М.: Наука, 1972. С. 41–66.

6. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер. Т.К. Шафрановской. Ред. Ю.Ю. Карпов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 512 с.

7. Зиливинская Э.Д. Маджар // Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 7–108.

8. Карта представляющая Кубань / сочинял И. Трескот. [Б.м.], 1783.

9. Клапрот Ю. Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / Пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 318 с.

10. Книга Большому чертежу / Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.

11. Кольцов П.М., Байтанаев Б.А., Гаджиев М.С. Инфраструктура Северной ветви Великого Шелкового пути на участках: Западный Казахстан-Нижнее Поволжье-Подонье-Северный Кавказ // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 8–22.

12. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2009. 226 с.

13. Костенков К.И. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи // Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. С.-Пб.: Тип. В. Безобразова, 1868. С. 1–177.

14. Кравцова С.Л., Обухов Ю.Д. Архив Ивлева Н.П. из фондов Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 2016. С. 234–261.

15. Крупнов Е.И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.) // СА. 1957. № 2. С. 154–173.

16. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Изд-во «Ир». 1971. 247 с.

17. Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве // Донские древности. Вып. 10 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 321–339.

18. Научный архив ИИМК, г. Санкт-Петербург. 1903 Ф. 1. Д. № 257. Л. 13/ХI

19. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит-ра, 2010. 352 с.

20. Обухов Ю.Д. Косторезное производство в Маджаре // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16-21 сентября 2019 г.). В 2-х кн. Кн. 2 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 65–68.

21. Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793–1794 годах // Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. Вып. III. / Сост. В.М. Аталиков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 247–284.

22. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 1 // Сборник императорского Русского исторического общества (СИРИО). Т. 41 / Под ред. Г.Ф. Карпова. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. 558 с.

23. Пигарев Е.М. Красноярское городище и его округа // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 164–181.

24. Пигарев Е.М. Городище «Шареный Бугор» (город Хаджи-Тархан) и его округа // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 134–149.

25. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук, по предложению ее президента. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1824. 546 с.

26. *Потоцкий Я.* Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // Соснина Е.Л. Два путешествия в золотой век. Пятигорск: Северо-Кавказское изд-во «МИЛ», 2003. С. 17–98.

27. *Прозрителев Г.Н.* Мажары. Один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений о Северном Кавказе (СССК). Т. 1 / Ред. А.С. Собириевский. Ставрополь: Типография наследников Берк, 1906. С. 1–16.

28. *Прозрителев Г.Н.* Развалины древнего Хозарского города Мажары близ сел. Прасковей, Ставропольской губ. на р. Куме // ТрСУАК. Вып. II. Ставрополь: Типография Губернского правления, 1910. С. 1–24.

29. *Ртвеладзе Э.В.* К истории города Маджар // СА. 1972. № 3. С. 149–163.

30. *Семилуцкий А.П.* Село Покойное Ставропольской губернии, Новогригорьевского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 23. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1897. С. 253–356.

31. Современные ландшафты Ставропольского края. Ставрополь: Изд-во СГУ. 2002. 228 с.

32. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.

33. *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1 / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 94–192.

34. *Шестаков П.Д.* Напоминание о древнем городе Маджаре (читано на заседании 31 июля. См. протокол. Стр. XXXII) // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1. Казань: Типография императорского ун-та, 1884. С. 1–16.

35. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1966. 300 с.

36. *Яворская Л.В., Антипина Е.Е.* Золотоордынский город Маджар: первые результаты исследования археозоологической коллекции из ремесленного квартала (раскоп Х(10) – 2014 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4 / Отв. ред. и сост. В.И. Завьялов, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2017. С. 245–252.

37. <https://geoportal.rgo.ru/record/3335>

Информация об авторах:

Бабенко Виталий Александрович, ведущий научный сотрудник, ООО «Наследие» (г. Ставрополь, Россия); vit-babenko@yandex.ru

Обухов Юрий Дмитриевич, младший научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); obukhova_t@inbox.ru

MONUMENTS FROM AREA TOWN OF MADJARY (THE NORTH CAUCASUS): CURRENT RESEARCH DEVELOPMENTS

V.A. Babenko, Yu.D. Obukhov

The paper features the problem of selection of Golden Horde era sites located in the area neighbouring the town of Majary in the territory of the Middle Kuma valley. The bulk of information about the sites is mostly contained in archival documents relating to the 16th – 18th centuries. At present there is information about 9 sites. The locations of five of them have been discovered. Two sites could possibly be locations of the towns of Majary-al-Jedid and Karakogun, which are known due to numismatic and written sources. The medieval climate and landscape in the region allowed to a certain extent cultivating the Kuma river valley, prone to seasonal flooding. Permanent settlements in the area neighbouring Majary could have been founded in the Upland of the Kuma river valley or the terrace areas above the flood plain in the Kuma river valley or the Kuma tributaries. The areas of the estuaries

The study was carried out with the financial support of RFBR within the framework of the project No. 20-39-90023.

of the left and the right tributaries of the Kuma river seem promising for the search of Golden Horde era artefacts of everyday life. The sites (“Orlovskoye-1”, 13th – 14th centuries, “Preobrazhenskoye-1”) which are situated in the neighborhood of the Madjary hillfort could relate to the rural area around Majary. Specification of a number of sites situated in some distance from Majary requires a more precise definition.

Keywords: archaeology, hillfort Madjary, neighbouring area, settlement, river, Stavropol Upland, Prikumskaya Upland.

REFERENCES

1. Babenko, A. N., Sergeev, A. Yu. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 161–170 (in Russian).
2. Babenko, V. A. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Major Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. House, 125–129 (in Russian).
3. Bocharov, S. G., Yavorskiyaya, L. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 185–200 (in Russian).
4. Volkov, I. V. 2001. In Belinskiy, A. B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. II: Arkheologiya, antropologiya, paleoklimatologiya (Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus (MIKNSK). Issue II: Archaeology, Anthropology, Palaeoclimatology)*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 199–207 (in Russian).
5. Volkova, N. G. 1972. In Gardanov, V. K. (ed.). *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik (Caucasian Ethnographic Collection)* V. Moscow: “Nauka” Publ., 41–66 (in Russian).
6. Gil'denshtedt, I. A. 2002. In Karpov, Yu. Yu. (ed.). *Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg. (Journey to the Caucasus in 1770–1773)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ. (in Russian).
7. Zilivinskaya, E. D. 2015. In Bgazhnikov, B. H. *Madzhar i Nizhniy Dzhulat. Iz istorii zolotoordynskikh gorodov Severnogo Kavkaza (Madjar and Lower Dzhulat from the History of the Golden Horde Towns of the North Caucasus)*. Nal'chik: Publications department of KBIHR, 7–108 (in Russian).
8. In Treskot, I. (comp.). 1783. *Karta predstavlyayushchaya Kuban' (Map of Kuban)* (in Russian).
9. Klaprot, Yu. 2008. *Opisanie poezdki po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh (Description of a Journey to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808)*. Nal'chik: “El'-Fa” Publ. (in Russian).
10. In Serbina, K. N. 1950. *Kniga Bol'shomu chertezhu / (The Book of the Great Map)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
11. Kol'tsov, P. M., Baitanayev, B. A., Gadzhiev, M. S. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 8–22 (in Russian).
12. Konvalova, I. G. 2009. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv. (Eastern Europe in the Works of Arab Geographers of the 13th–14th Centuries)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).
13. Kostenkov, K. I. 1868. In *Kalmytskaya step' Astrakhanskoj gubernii po issledovaniyam Kumomanychskoy ekspeditsii (Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate According to studies by the Kumomanych Expedition)*. Saint Petersburg: “V. Bezobrazov Tipography”. 1–177 (in Russian).
14. Kravtsova, S. L., Obukhov, Yu. D. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Major Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. House, 234–261 (in Russian).
15. Krupnov, E. I. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 154–173 (in Russian).
16. Kuznetsov, V. A. 1971. *Alaniya v X–XIII vv. (Alania in the 10th–13th cc.)*. Ordzhonikidze: “I” Publ. (in Russian).
17. Maslovskii, A. N. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 321–339 (in Russian).
18. Nauchnyy arkhiv IIMK RAN, g. Sankt-Peterburg. F.1 – Arkheologicheskaya komissiya.
19. Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Suburbs)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

20. Obukhov, Yu. D. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two volumes. Vol. 2.* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 65–68 (in Russian).

21. Pallas, P. S. 2010. In Atalikov, V. M. (comp.). *Evropeyskie dnevniki XIII–XVIII vekov (European Diaries of the 13th–18th Centuries)* III. Nalchik: “M. and V. Kotlyarov” Publ. (in Russian).

22. In Karpov, G. F. (ed.). 1884. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagayskoyu ordami i s Turtsiey. T. 1 (Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nagai hordes and with Turkey. Vol. 1).* Series: Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Imperial Russian Historical Society) 41. SPb: “Tipografiya F. Eleonskogo i K^o” (in Russian).

23. Pigarev, E. M. 2016. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 164–181 (in Russian).

24. Pigarev, E. M. 2018. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 134–149 (in Russian).

25. 1824. *Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka (Notes of Academician Falk's Journey)*. Series: Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii (Complete Collection of Scientific Journeys through Russia) 6. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

26. Pototskii, Ya. 2003. In *Sosnina E. L. Dva puteshestviya v zolotoy vek (E.L. Sosnina. Two Journeys to the Golden Age)*. Pyatigorsk: “MIL” Publ., 17–98 (in Russian).

27. Prozritelev, G. N. 1906. In Sobrievskii, A. S. (ed.). *Sbornik svedeniy o Severnom Kavkaze (Collection of Knowledge on North Caucasus)* 1. Stavropol: Tipografiya naslednikov Berk, 1–16 (in Russian).

28. Prozritelev, G. N. 1910. In *Trudy Stavropol'skoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Stavropol Scientific Archive Commission)* II. Stavropol: “Tipografiya Gubernskogo pravleniya”. 1–24 (in Russian).

29. Rtveladze, E. V. 1972. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 149–163 (in Russian).

30. Semilutskii, A. P. 1897. In *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza (Collection of Materials Describing the Areas and Tribes of the Caucasus)* 23. Tiflis: “Tipografiya K.P. Kozlovskogo”. 253–356 (in Russian).

31. 2002. *Sovremennye landschafty Stavropol'skogo kraia (Modern Landscapes of Stavropol Krai)*. Stavropol: Stavropol State University Publ. (in Russian).

32. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Published by dependent earl S.G. Stroganov (in Russian).

33. Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).

34. Shestakov, P. D. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: Imperial Academy of Sciences, 1–16 (in Russian).

35. In Lavrov, L. I. (comp.). 1966. *Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Chast' 1. Nadpisi X–XVII vv. (Epigraphic Monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish Languages. Part 1. Inscriptions of the 10th–17th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

36. Yavorskaya, L. V., Antipina, E. E. 2017. In Zav'ialov, V. I., Kuz'minykh, S. V. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of Natural Scientific Methods)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 245–252 (in Russian).

37. <https://geoportal.rgo.ru/record/3335>

About the Authors:

Babenko Vitaly A. «Heritage» Ltd, Ordzhonikidze Str., 75, Stavropol, 355006, Stavropol Territory, Russian Federation; vit-babenko@yandex.ru

Obukhov Yuri D. Kalmyk State University, Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; obuxova_t@inbox.ru

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

**СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА АЗАКА ПО ДАННЫМ
КЕРАМИЧЕСКИХ И НУМИЗМАТИЧЕСКИХ НАХОДОК.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОДА И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

© 2021 г. А.Н. Масловский, А.П. Минаев, Н.И. Юдин

В статье рассматриваются вопросы развития сельской округа Азака, взаимовлияния города и сельских поселений. Предметом рассмотрения становится керамический комплекс сельских поселений, его структура, особенности развития гончарства в малых городах и деревнях. Оценивается интенсивность контактов сельских поселений с центром и имущественный достаток населения периферии. Кратко характеризуются другие категории вещевого материала (оружие, украшения и детали костюма, сельскохозяйственный инвентарь, сфрагистика). Эти данные дополняют нумизматические находки, которые позволяют установить степень развития розничной торговли на территории сельских поселений, а также уточнить важный вопрос о времени гибели сельской округа Азака к концу первой четверти XV в. Сопоставляются данные археологии и письменных источников. Делаются выводы о культурной близости сельского и рядового городского населения Азака, о проживании на территории сельской округа Азака свободного населения со средним имущественным достатком, о синхронности гибели города и его округи.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, оседлое население, гончарство, поливная керамика, амфоры, монетное обращение.

Сельская округа золотоордынского Азака изучается на протяжении многих десятилетий. Впервые значительный объем информации о ней был собран И.С. Каменецким в ходе разведок в долине р. Кагальник (Каменецкий, 1965). Сотрудники Азовского музея-заповедника и другие археологи неоднократно проводили систематические разведочные работы (Волков, 1998; Гончаров, 2013; Масловский, 2008, с. 166–187; Тарутина, 2010; Широченко, 2010; Юдин, 2016) и публиковали краткие аналитические исследования (Ларенок, 2009; Масловский, 2009а; Масловский, 2013). К сожалению, темпы исследований остаются очень низкими и существенно отстают от темпов разграбления памятников.

В домонгольский период число оседлых поселений в регионе столь мало, что можно говорить о том, что в раннезолотордынский период возникновение оседлости происходит с нуля. На примере этого региона можно проследить закономерности практически одновременного образования крупного города и его сельской округи. На территории европейской части Золо-

той Орды таких примеров было три: Азак, Маджар, Укек. На настоящий момент известно уже около 100 поселений, но далеко не обо всех из них собран достаточный объем информации. Наиболее исследованная часть округа Азака охватывает дельту Дона, нижнюю часть долины р. Кагальник и часть побережья Таганрогского залива (рис. 1).

Большая часть материалов представлена фрагментами керамики, потенциально очень емким источником информации. Поскольку в нашем распоряжении, в отличие от Азака, нет серии закрытых комплексов, мы лишены возможности изучить развитие керамического комплекса сельских поселений. В небольшой степени это компенсируется находками продукции сельских гончаров в самом Азаке и изучением материалов поселений, существовавших непродолжительный период.

К сожалению, лишь для единичных памятников опубликованы подробные обзоры керамического комплекса (Масловский, 2009б). Приведена также краткая статистическая информа-

Рис. 1. Сельская округа Азака. Следы хозяйственной деятельности. 1 – Гаевка, 2 – Новозолотовское, 3 – Бессергеновка III, 4 – Куричанское, 5 – Танаис, 6 – Ливенцовский VII, 7 – Мехзавод, 8 – Ростов-Сиверса, 9 – Красный IV, 10 – Аглос, 11 – Дюнное V, Монастырское IV, Глинище I, 12 – Рогожкино X, 13 – Малахов Ерик, 14 – Дугино X, 15 – Пятибратный, 16 – Пескьера у хутора казака Чернова, 17 – Донской I, 18 – Петровский, 19 – Задонье, 20 – Подазовское, 21 – Кагальник, 22 – Кагальницкий карьер, 23 – Береговое, 24 – Пешково I, 25 – Платоно-Петровское, 26 – Новониколаевка, 27 – Узьяк III, 28 – Узьяк V, 29 – Азовка I, 30 – Азовка II, 31 – Пеленкино, 32 – Калмыцкий бугор, 33 – Новомаргаритовское, 34 – Азовка IX

Fig. 1. Rural neighborhood of Azak. Locations with marks of economic activity. 1 – Gaevka, 2 – Novozolotovskoe, 3 – Bessergenovka, 4 – Kurichanskoe, 5 – Tanais, 6 – Liventsovskiy VII, 7 – Mekhzavod, 8 – Rostov-Siversa, 9 – Krasniy IV, 10 – Aglos, 11 – Dunnoe V, Monastyrskoe IV, Glinishe I, 12 – Rogozhkino X, 13 – Malakhov Erik, 14 – Dugino X, 15 – Pyatibratniy, 16 – Peschier nearby the Kazak Chernov's Khutor, 17 – Donskoy I, 18 – Petrovskiy, 19 – Zadonie, 20 – Podazovskoe, 21 – Kagalnik, 22 – Kagalnitkiy karier, 23 – Beregovoe, 24 – Peshkovo I, 25 – Platono-Petrovskoe, 26 – Novonikolaevka, 27 – Uzyak III, 28 – Uzyak V, 29 – Azovka I, 30 – Azovka II, 31 – Pelenkino, 32 – Kalmytskiy bugor, 33 – Novomargaritovskoe, 34 – Azovka IX

ция о наиболее объемных коллекциях (Минаев, Юдин, 2019, с. 662–663).

На большинстве поселений керамика производства Азака составляет значительную долю (не менее $\frac{1}{4}$ комплекса), но уступает количественно продукции сельских гончаров. Исключение составляет Мартышкина балка, где преобладают материалы XIII в. Вторым исключением является Платоно-Петровское поселение, где существовало свое мощное гончарное производство. Закономерностей в количестве керамики Азака в зависимости от местоположения поселений пока проследить не удастся. Например, одна из самых высоких долей продукции Азака зафиксирована на поселении Еремеевка II – 62,7%. Любопытный вариант маршрута между двумя этими пунктами проходил через промежуточные поселения, где доля керамики Азака заметно меньше. При этом доля керамики производства расположенного поблизости Платоно-Петровского поселения в 9 раз меньше. В округу вывозились все виды гончарных изделий Азака, включая кубуры и тазы. Вероятно, единственным исключением являются копилки, которые еще ни разу не были найдены на сельских поселениях. Не наблюдается значимых отличий в соотношении долей наиболее массовых видов изделий. Все это говорит о близости

бытовой культуры городского и сельского населения.

Один вид гончарной продукции гончаров Азака встречается на сельских поселениях даже чаще, чем в самом городе. Это дигирные сосуды (рис. 3: 7–10). Их фрагменты встречены практически на всех памятниках, с которых собрана значительная по объему коллекция находок, включая пойму Дона и морское побережье. На поселении Узьяк-3 найдено место, где стояли водоподъемные колеса. По крайней мере на двух поселениях было налажено собственное производство дигирных сосудов. Их находки – самое яркое и очевидное свидетельство развития земледелия в округе Азака.

Учитывая, что производительность гончаров Азака ненамного превышала производительность их сельских коллег, поступление в городскую округу дешевой городской керамики указывает на высокую интенсивность связей города с периферией.

По-видимому, во всех крупных поселениях округа Азака существовало свое собственное гончарное производство. Все эти центры генетически близки гончарству Азака, и поэтому технологически от него не отличаются. Также близок ассортимент изделий. Число находок не позволяет подробно охарактеризовать отличия

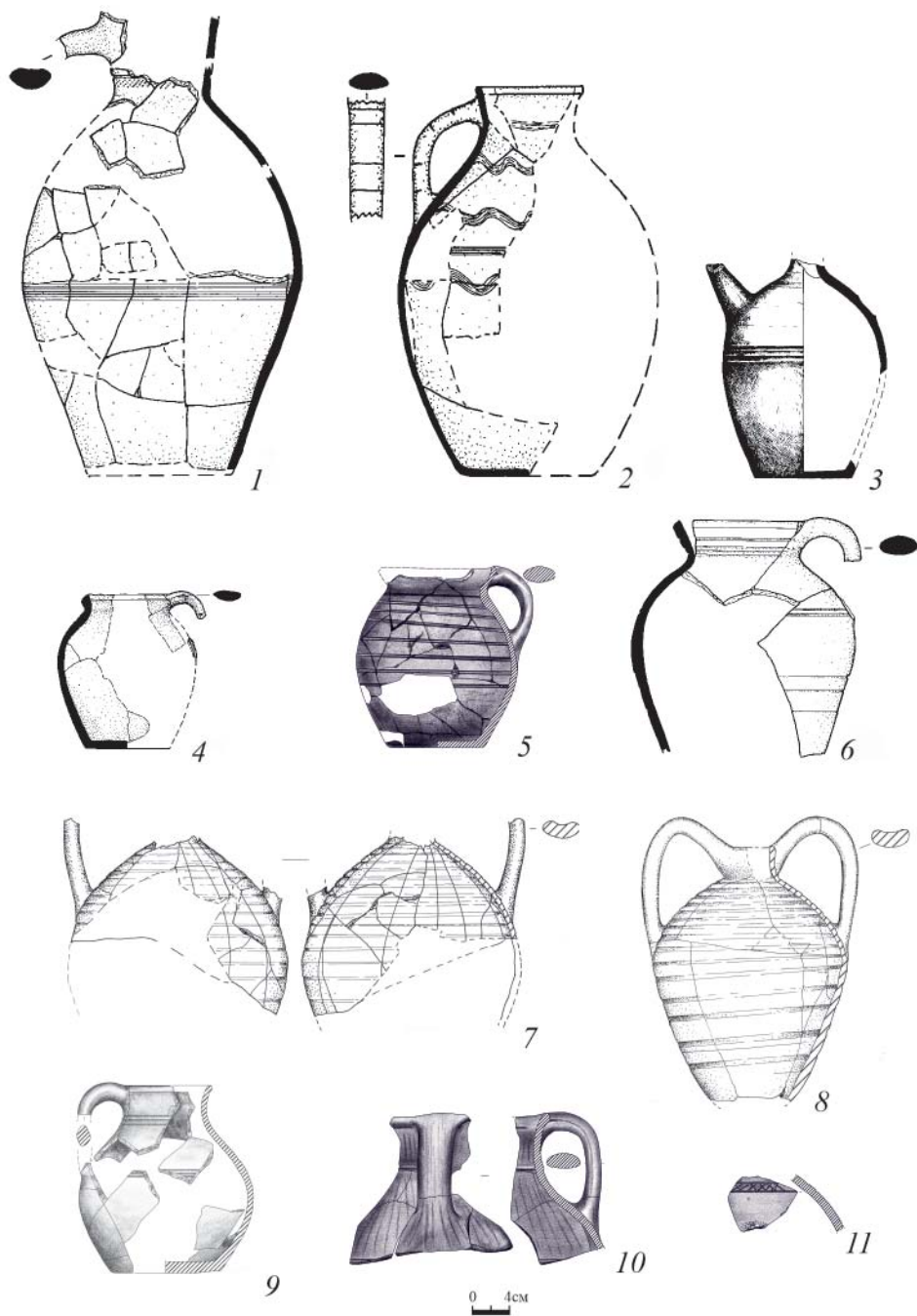

Рис. 2. Керамика производства сельских гончаров.
1–8 – Платоно-Петровское поселение, 9–11 – Пешково-I

Fig. 2. Ceramics produced by rural potters. 1–8 – Platono-Petrovskoe settlement, 9–11 – Peshkovo I

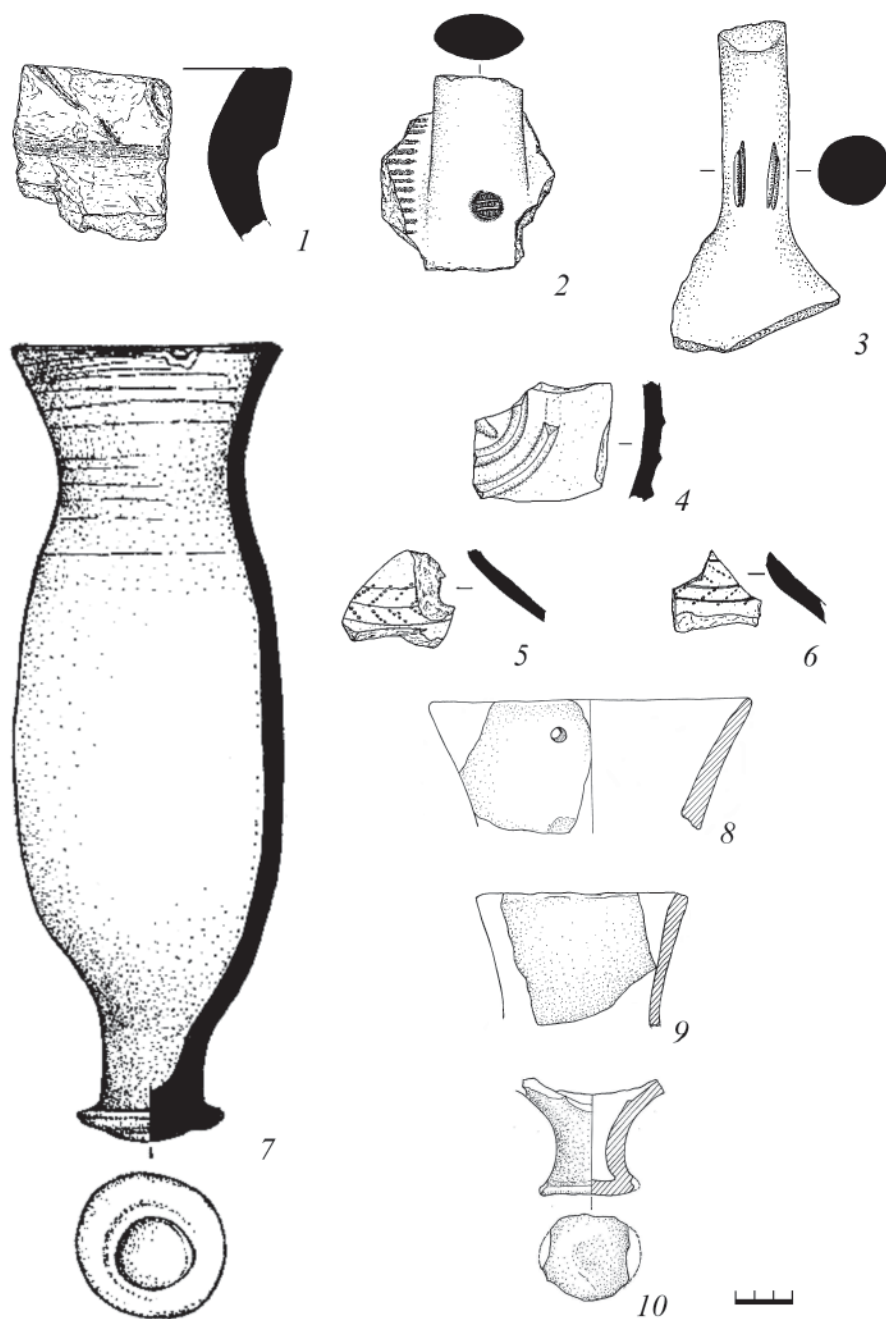

Рис. 3. Керамика сельских поселений. 1 – венчик пифоса, 2 – ручка амфоры (Трапезунд), 3 – ручка кувшина (Хорезм), 4–6 – керамика Новомаргаритовского поселения, 7–10 – дигирные сосуды

Fig. 3. Rural settlements pottery. 1 – pythos's rim, 2 – amphorae handle (Trebizond), 3 – jug handle (Khorezm), 4 – pottery of the Novomargaritovskoe settlement, 7–10 – waterwheel vessels

морфологии. Почти всем находкам можно подобрать точные аналогии среди продукции Азака. Нам неизвестен весь ассортимент продукции. Но некоторые примечательные особенности для каждого гончарного центра выделить возможно.

Наибольшим числом находок представлена продукция Платоно-Петровского поселения (рис. 2: 1–8). Особенностью этого центра является редкость использования полосчатого лощения (не более 10–20%) и особенно красного ангоба. Значительным числом находок представлены амфоры местного производства (рис. 2: 7–8), которые явно копировали азакские образцы. Продукция гончаров поселения Пешково I (рис. 2: 9–11), как правило, имеет сквозной обжиг. На Новомаргаритовском поселении выделена продукция двух мастерских. Для одной из них характерно частое использование орнаментации накладными валиками в виде бараньих рогов (рис. 3: 4), для второй – повышенная частота орнаментов, выполненных косыми оттисками зубчатого штампа (рис. 3: 5–6).

Интересную информацию дает картографирование находок продукции сельских мастерских на других памятниках. Керамика Платоно-Петровского поселения отмечена и в Азаке, и на всех сельских памятниках его округа со значительным числом находок, включая морское побережье и правый берег Дона. Это указывает на существование налаженных прямых связей поселений между собой. Об этом же говорят частые находки продукции других нелокализованных мастерских сразу на ряде памятников. На территории самого Азака находки керамики Платоно-Петровского поселения распределены неравномерно. На некоторых раскопах она составляет несколько процентов всего комплекса. Заметно некоторое повышение концентрации находок ближе к

юго-восточной окраине городища. То же относится и к продукции мастерской поселения Пешково I.

В большом количестве на сельские поселения округа Азака поступала тарная керамика вместе со своим содержанием. Большую ее часть составляли трапезундские амфоры (рис. 3: 2), но встречены почти все группы, характерные для золотоордынского Азака, включая пифосы XIII в., редкие в самом городе. Колебание доли тарной керамики очень значительное: от 2 до 50% всего комплекса. Полностью объяснить такой разброс в настоящее время затруднительно. Самое большое значение (50,5%) отмечено для поселения Мартышкина балка, расцвет которого приходится на сер. XIII в. (Масловский, 2009, с. 66). Высокий процент тарной керамики характерен и для наиболее ранних комплексов Азака (Масловский, 2012, с. 43). Возможно, высокий процент амфорной керамики характерен для поселений округа Азака, возникших в XIII в., и является датирующим признаком. Действительно, поселения Платоно-Петровка I, Пешково I, Глубокая балка II, Новомаргаритовское, на которых доля амфорной керамики превышает 20%, возникли еще в XIII в. Судя по тому, что доля тарной керамики на сельских памятниках не уступает городу, имущественный достаток их населения также не уступал достатку рядовых горожан.

На сельские памятники попадали даже те группы керамики, которые редки для самого Азака, например, тарные кувшины из Хорезма (рис. 3: 3).

Отдельного рассмотрения заслуживает поливная керамика, встречающаяся на сельских поселениях. На поселениях домонгольского времени поливная керамика представлена очень немногочисленными находками (Ларенок, 1998, с. 28–29, табл. I; Волков, 2003, с. 111, рис. 3, 6) и отмечена для меньшинства памятников.

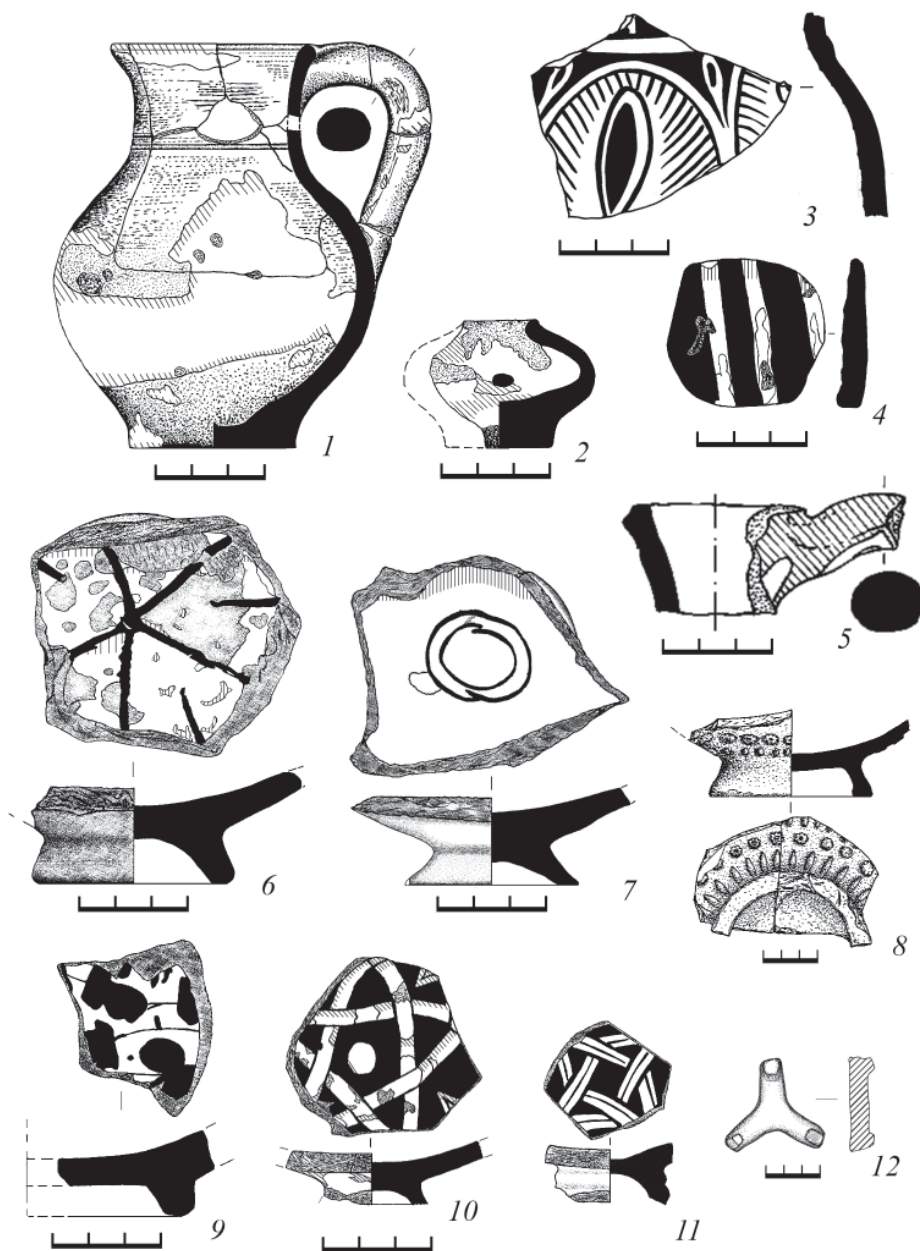

Рис. 4. Поливная керамика сельских поселений. 1 – миниатюрный кувшин (Азак), 2 – чернильница (ЮВ Крым), 3 – фрагмент кувшина (Константинополь), 4–5 – фрагменты кувшинов с росписью ангобом (Византия), 6 – донце поливной чаши (ЮВ Крым), 7 – донце поливной чаши (Византия), 8 – донце штампованного кувшина (ЮВ Крым), 9 – донце кашинной чаши (Нижнее Поволжье), 10–11 – донца поливных кубков (Константинополь), 12 – сепай (Платоно-Петровское поселение)

Fig. 4. Rural settlements glazed pottery. 1 – miniature jug (Azak), 2 – ink bottle (South-Eastern Crimea), 3 – piece of a jug (Constantinople), 4–5 – pieces of jugs with engobe painting (Byzantine state), 6 – bottom of glazed bowl (South-Eastern Crimea), 7 – bottom of glazed bowl (Byzantine state), 8 – bottom of the stamped jug (South-Eastern Crimea), 9 – bottom of stone-paste bowl (Lower Volga Region), 10–11 – bottoms of glazed goblets (Constantinople), 12 – sepai (Platono-Petrovskoe settlement)

В золотоордынский период поливная керамика встречена на всех памятниках, с которых собрана хоть сколь-нибудь значительная коллекция. Доля ее сильно колеблется (от 0,1 до 6%). Прослеживается четкая закономерность – чем крупнее поселение, тем выше процент поливной керамики. В материалах доступных коллекций учтено 150 фрагментов сосудов.

В XIII в. практически вся полива на сельских поселениях состоит из продукции нескольких византийских центров (Волков, 2005, с. 136–138, рис. 10–18, 20–21; Меликсетов, 2016, рис. 1). В большинстве своем это чаши со скромным орнаментом, ограничивающимся концентрическими окружностями и одиночными волнистыми линиями. Такая продукция продолжала поступать, хотя и в меньших масштабах, в I пол. XIV в. (рис. 4: 7). Характерны также кувшины, орнаментированные вертикальными полосами ангоба (рис. 4: 4, 5). Наряду с этой дешевой посудой на сельские поселения проникали и парадные сосуды константинопольского производства: кувшины с пышным орнаментом, сочетающие технику сграффито и резерва (рис. 4: 3) и миниатюрные кубки с розетками, выполненными в технике резерва (рис. 4: 10, 11). Еще более примечательны для характеристики развития бытовой культуры сельского населения находки на пяти поселениях византийских поливных кухонных горшков.

Наиболее многочисленной группой поливной керамики является продукция городов Юго-Восточного Крыма – 68 ед. (45% всей выборки). Примерно такую же долю поливной керамики она составляет и в городских материалах Азака. Несмотря на небольшой объем, в выборке присутствует весьма разнообразный ассортимент. Помимо чаш (рис. 4: 6) и кувшинов (рис. 4: 8), достаточно мно-

гочисленны аптечные амфоры – 11 ед. Встречены даже чернильницы (рис. 4: 2). Но если чернильница могла быть случайно оставлена проезжим писцом, то импортные аптечные амфоры со своим содержимым попадали на сельские поселения регулярно.

На поселения попадала и кашинная керамика (рис. 4: 9), причем ее доля также соответствовала доле кашинной керамики в Азаке. Поливная керамика производства Азака (рис. 4: 1) составляет около 29% выборки, что заметно меньше, чем в самом Азаке. С учетом ее более низкой цены это явление сложно объяснить. Еще одной примечательной особенностью является очень высокая доля среди поливной керамики Азака горшков (42%), которая многократно превышает этот показатель для городских раскопов.

Суммируя, следует сказать, что на сельские памятники поступали все группы и виды поливной керамики, встречающиеся на городских рынках, за исключением редких или дорогих (китайская, сосуды с росписью люстром или эмальями). Несколько меньшая доля поливной керамики по сравнению с городом объясняется скорее более консервативным бытом, а не различием в достатке.

Загадку представляет находка сепая с Платоно-Петровского поселения (рис. 4: 12). Она позволяет предполагать, что на данном поселении, возможно, предпринималась попытка наладить производство своей поливной керамики. Однако бесспорных образцов продукции пока не найдено.

Помимо керамики из сборов происходит большое количество металлических изделий, в большинстве своем представленных украшениями, деталями костюма, гарнитурой от ремней и сумок (рис. 5–6). Почти все пуговицы, серьги, перстни, бляшки однотипны городским находкам. В особенности это относится к свинцовым пуговицам (рис. 5: 1–2) и перстням

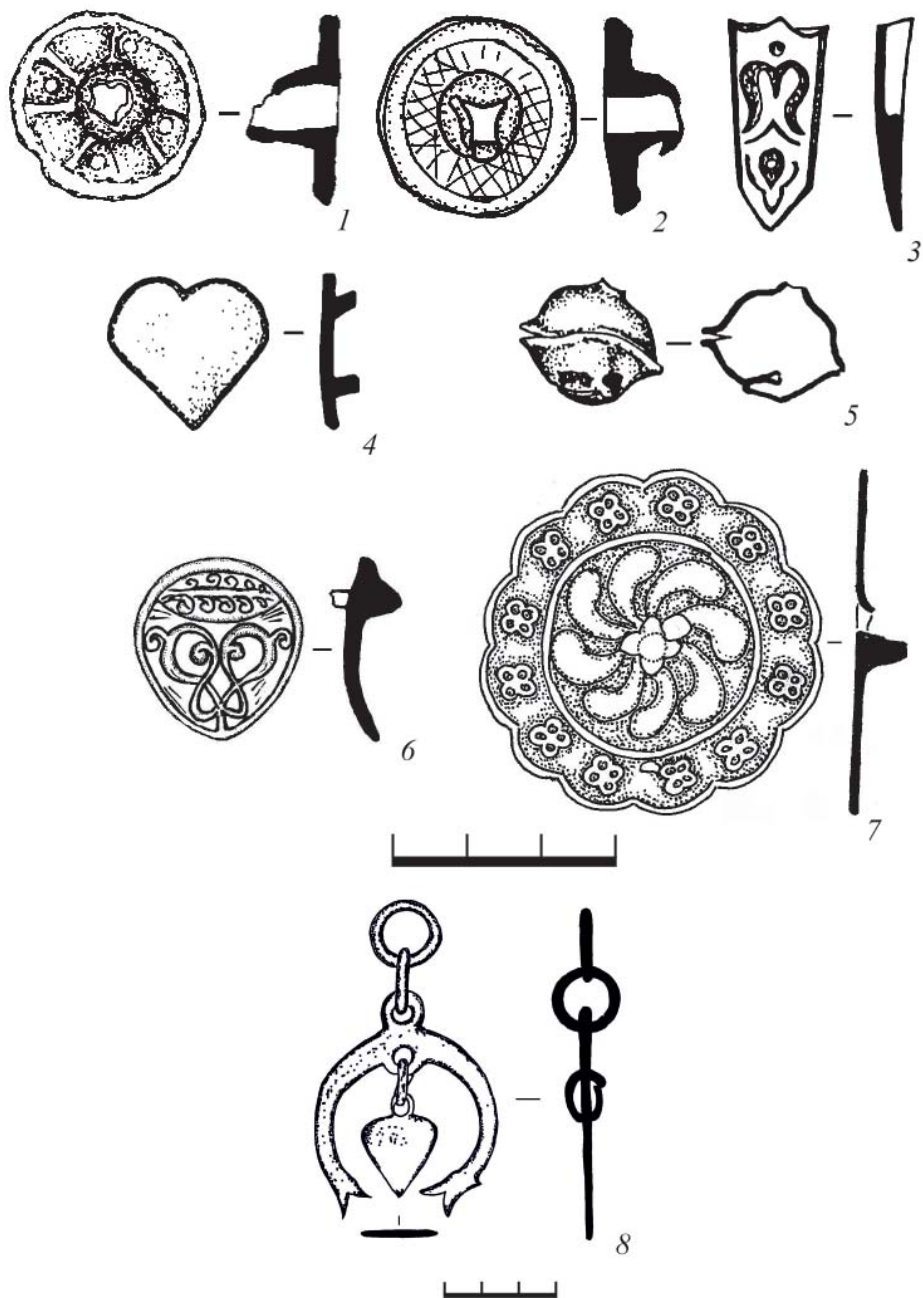

Рис. 5. Детали костюма 1–2 – свинцовые пуговицы, 3 – бронзовый наконечник ремня, 4, 6–7 – бронзовые бляшки, 5 – медный бубенчик, 8 – медная подвеска
 Fig. 5. Costume details. 1–2 – lead buttons, 3 – bronze-made belt tip, 4, 6–7 – bronze plaques, 5 – copper bell, 8 – copper pendant.

с гравированным изображением на щитке и тремя овальными выступами на дужке (рис. 6: 8, 9). Исключения редки. Таким исключением являются

серьги из погребения, разрушенного при рытье погребя (рис. 6: 1–2), имеющие аналогии в курганах Закубанья, но не в Азаке. Гарнитура ремней и су-

мок с сельских памятников даже более разнообразна, чем в самом городе.

Целой серией представлены нательные кресты (рис. 6: 4–7). Они встречаются гораздо чаще, чем в самом Азаке. Большая их часть происходит с Платоно-Петровского поселения. Опять-таки, в отличие от Азака, кресты очень разнотипны. Среди них есть экземпляры, вырезанные просто из листа меди.

Находки бытового и производственного инвентаря немногочисленны (рис. 7: 4–5). Большая его часть представлена типами, характерными для Азака (рис. 7: 4), но отмечены и уникальные находки (рис. 7: 5).

Важное значение для характеристики сельской округи имеют уникальные сфрагистические находки (рис. 7: 1, 2). Как и большая часть изделий из металла, они найдены в процессе грабительских сборов. Устанавливается связь этих печатей с конкретными памятниками археологии. Печать Бартоломео де Пичинаса была найдена на поселении, расположенном на пойменном острове Калмыцкий бугор. Этот остров отделен заболоченной низиной от Платоно-Петровского поселения и, очевидно, входил в группу поселений вокруг этого малого города.

Печать капитана Крита Бергуччи Контарини найдена рядом с поселением, где в XIX в. фиксировались остатки каменных и кирпичных построек (хутор казака Чернова) (Попов, 1871, с. 171). Поселение это располагалось на берегу р. Дон, выше Азова, неподалеку от станицы Елизаветинской и х. Колузаевский. В настоящее время эта территория недоступна для исследований, но к северу от нее регулярно находят монеты и другие предметы из цветных металлов. Еще одна печать была найдена на побережье Таганрогского залива, но на настоящий момент получить хотя бы ее изображение не удалось.

Находки печатей указывают на личное пребывание итальянских купцов в этих населенных пунктах. Обращение к письменным источникам позволяет высказать предположение, что в этих пунктах располагались упоминаемые Иосафатом Барбаро *reschiera*, принадлежащие итальянским купцам (Скржинский, 1971, с. 144, 151). Бесспорно, эти рыбные ловли появились не в XV в., а вскоре после того, как венецианские и генуэзские купцы обосновались в Тане. Уже первое упоминание торговли в устье Таны говорит именно о закупке рыбы (Путешествия..., 1957, с. 88). Нотариальные акты конца XIII в. фиксируют торговлю донской рыбой в весьма значительных для Средневековья объемах (Еманов, 1995, с. 123). Очевидно, что в фиксируемом письменными источниками вывозе донской рыбы итальянские купцы принимали участие еще на этапе рыбозаготовки.

Сообщения Барбаро позволяют нам сделать два предположения, важных для характеристики округи Азака. Во-первых, очевидно, что на этих *reschiera* работали вольнонаемные рыбаки. Это предполагает их свободный правовой статус. Во-вторых, существовал рынок этих самых рыбных ловель, принадлежавших различным купцам. В XIV в. в период расцвета округи Азака число *пескьер* должно было быть гораздо больше.

С присутствием на сельских поселениях купцов связана находка гирьки, редкого для Азака типа с рельефным изображением льва (рис. 7: 3), имеющая аналоги на территории всей Восточной Европы (Коваль, 2013, с. 22–28, рис. 8).

Ежегодно мародеры при помощи металлоискателей собирают тысячи монет на сельских поселениях округи Азака. Найдены десятки кладов. Подавляющее большинство информации бесследно теряется для науки. Даже те клады, которые не распродают

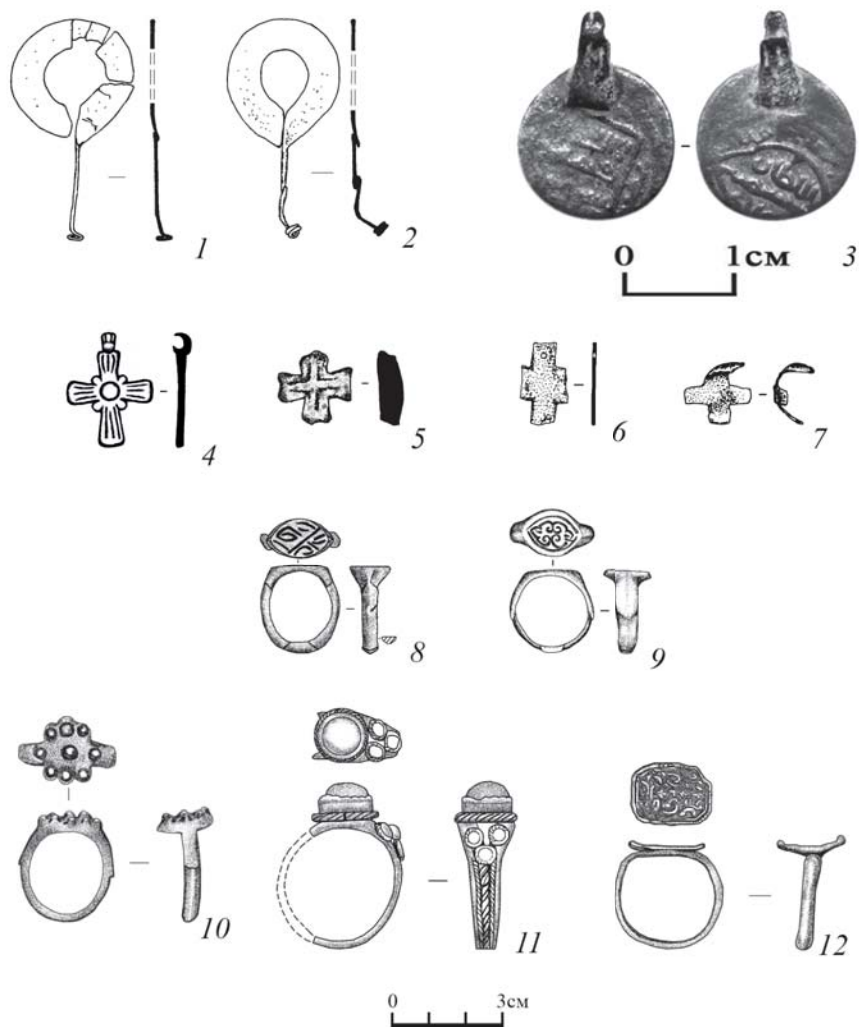

Рис. 6. 1–2 – медные серьги, 3 – подвеска из хулагуидской монеты, 4–7 – медные кресты, 8–12 – бронзовые перстни
 Fig. 6. 1–2 – copper earrings, 3 – pendant, made of Ilkhanid coin, 4–7 – copper crosses, 8–12 – bronze signet rings.

поштучно, при публикации нумизматами, как правило, депаспортизируются, превращаясь в абстрактные находки, лишённые контекста. Между тем эти нумизматические находки не были потеряны кочевниками. Они происходят из конкретных сельских поселений. К сожалению, число монет, находимых в процессе археологических исследований, несопоставимо меньше. Тем не менее некоторое число нумизматических находок в на-

шем распоряжении имеется, включая сборы местных жителей и те монеты, место находки которых удалось восстановить. Наибольший объем информации имеется для Платоно-Петровского поселения, откуда определено уже свыше 100 монет, что позволяет дать предварительную характеристику монетного обращения для данного памятника. Серебряные монеты составляют менее 1%. Около 5% монет представлено пулами, отчеканен-

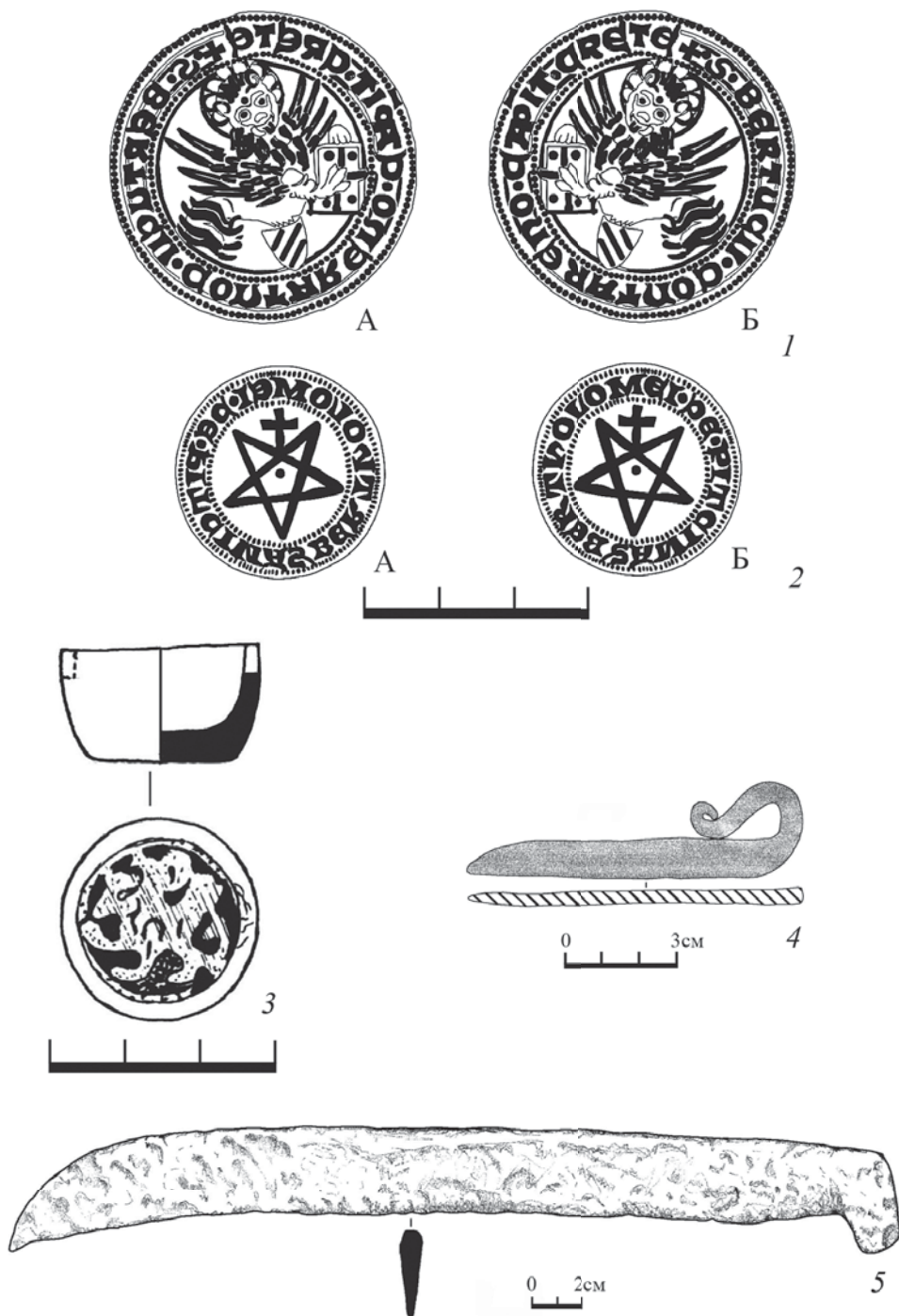

Рис. 7. 1–2 – бронзовые печати, 3 – половина бронзовой гири, 4 – железное кресало, 5 – коса горбуша

Fig. 7. 1–2 – bronze stamps, 3 – a half of bronze weight, 4 – iron fussy, 5 – hunchback scythe

ными до периода правления Узбека. Основу розничной торговли составляли монеты, выпущенные в период правления Узбека (60%) и Джанибека (22%). После этого число медных монет, поступающих на поселение, резко сокращается (Бердибек около 2%, 1360–1370-е гг. – около 8%, Тохтамышша около 4%). Встречены также монеты династии Хулагуидов (3%). Известно также о находках на поселении других иностранных монет, в том числе единичных монет Чагатаидов. Иностранные монеты найдены на многих других поселениях (рис. 6: 3). Такой состав монетных находок не отличается принципиально от монетного комплекса Азака в целом, включая регулярные находки иностранных монет.

Удалось связать с конкретными памятниками 9 кладовых находок с 8 поселений (Задонье, Рогожкино X, Азовка I, Азовка IX, Петровский, 2 клада происходит с Платоно-Петровского поселения, Бухтелевский бугор, Пешково I). 3 клада можно отнести к числу крупных (Задонье – 182 ед. (Федоров-Давыдов, 1974, с. 179–180), Рогожкино X – около 500 ед. (Федоров-Давыдов, Фомичев, 2004, с. 270), Платоно-Петровское № 1 – несколько сотен. 2 клада насчитывали 60–70 монет (Петровский, Пешково I). 4 клада состоят из 10–25 монет (Азовка-I – 14 ед. (Кравченко, 2018, с. 178), Азовка-IX, Бухтелевский бугор, Платоно-Петровский № 2). 3 клада (Азовка I, Платоно-Петровка, Петровский) были спрятаны в разное время в период «замятни».

Клады Задонья (Федоров-Давыдов, 1974, с. 180) и Бухтелевского бугра датируются временем Тохтамышша, т. е. вероятно 1395 г. К этому же времени относится клад с Платоно-Петровского поселения, о составе которого известно только, что в него входили монеты, отчеканенные от имени ханов-марионеток Тимура. Эти

находки вполне ожидаемы, поскольку поход Тимура имел самые тяжелые последствия для Азака. Очевидно, тотальному опустошению подвергся не только город, но деревни вокруг него.

Еще три клада (Рогожкино X, Азовка IX. Пешково I) были спрятаны в одно время около 1410–1411 гг. (Федоров-Давыдов, Фомичев, 2004, с. 273, 277). Известна единичная находка дирхема Шадибека на поселении Еремеевка. Последняя группа кладов особенно интересна, поскольку позволяет говорить, что в 1395 г. погибли не все сельские поселения рядом с Азаком. Учитывая, что после похода прекращается обращение медной монеты, редкость находок одиночных дирхемов и случайность обнаружения самих кладов, можно предполагать, что в начале XV в. в окрестностях Азака продолжает существовать достаточно большое число сельских поселений. Причем существуют не только рыбацкие деревушки дельты Дона, но и поселения в долине Кагальника. Возможно, погром 1410–1411 гг. не истребил остатки сельского населения в низовьях Дона, но монетное обращение здесь исчезло. Сообщение Иосафата Барбаро о пескьярах позволяет предполагать существование по крайней мере рыбацких поселений на берегах Дона еще в конце 1430-х гг., но они для археологии невидимы.

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам:

1. Население сельской округи Азака было культурно близко основной массе горожан.

2. По крайней мере часть этого населения была лично свободна, что подтверждается находками предметов вооружения (Масловский, 2013, с. 114).

3. Оно имело достаточно высокий имущественный достаток и было вовлечено в активные торговые связи с городом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков И.В. Исследования Южнороссийской комплексной экспедиции в Приазовье в 1995–1997 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. С. 48–53.
2. Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности темного времени. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 108–130.
3. Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 122–159.
4. Гончаров М.Ю. Археологические разведки на побережье Таганрогского залива Азовского моря от с. Новмаргаритово до с. Стефанидар в 2011 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Вып. 27 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2013. С. 119–129.
5. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: Город, 1995. 225 с.
6. Каменецкий И.С. Отчет об археологических разведках Азовского отряда в 1964 г. Азов, 1965 / Архив АМЗ КВФ-101980/6 АА-96. 24 с.
7. Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV в. в Болгаре // Поволжская археология. 2013. № 4(6). С. 9–33.
8. Кравченко С.А. Археологические исследования в г. Азове и Азовском районе в 2015 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 гг. Вып. 30 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2018. С. 122–178.
9. Ларенок В.А. Поливная керамика средневековых поселений Северо-Восточного Приазовья // Древности Кубани. Вып. 10 / Сост. А.В. Пьянков и др. Краснодар, 1998. С. 28–37.
10. Ларенок В.А. Средневековые поселения Нижнего Дона // Археологические записки. Вып. 4 / Ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону, 2009. С. 105–109.
11. Масловский А.Н. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. С. 144–188.
12. Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве // Донские древности. Вып. 10 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 321–339.
13. Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Мартышкина балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник Южного научного центра. 2009б. Т. 5. № 3. С. 59–68.
14. Масловский А.Н. Изменение объема и состава импортов в керамическом комплексе золотоордынского Азака как отражение событий политической жизни и изменений в экономике Золотой Орды // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 2(168). С. 42–46.
15. Масловский А.Н. Золотоордынский Азак и его округа. Краткий очерк // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Археология Евразийских степей. Вып. 17 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 110–121.
16. Меликсетов В.В. Поселение Свиная озеро в золотоордынское время // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Вып. 39 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2016. С. 370–375.
17. Минаев А.П., Юдин Н.И. Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 657–667.
18. Попов Х.И. Сведения о древних памятниках, находящихся в земле войска Донского // Труды I Археологического съезда в Москве 1869 г. Т. I. М.: Синодальная типография, 1871. С. 166–183.
19. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

20. Скржинский Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 276 с.

21. Тарутина С.М. Разведки в бассейне реки Кагальник // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 24 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2010. С. 319–323.

22. Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: «Наука», 1974. С. 176–182.

23. Федоров-Давыдов Г.А., Фомичев Н.М. Клад дирхемов конца XIV – первой четверти XV вв. из Рогожкино // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2004 С. 270–278.

24. Широченко Э.Б. Археологические разведки в бассейне реки Кагальник в Азовском районе в 2007 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 24 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2010. С. 242–253.

25. Юдин Н.И. Археологические разведки в Азове и Азовском районе в 2013–2014 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Вып. 29 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2016. С. 144–163.

Информация об авторах:

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

Минаев Александр Павлович, старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); vallet-dre@mail.ru

Юдин Никита Игоревич, научный сотрудник. Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); niarchaeologist@gmail.com

RURAL NEIGHBORHOOD OF AZAK ACCORDING TO NUMISMATIC AND CERAMIC FINDINGS. INTERACTION BETWEEN THE CITY AND THE RURAL POPULATION

A.N. Maslovsky, A.P. Minaev, N.I. Iudin

The article describes the development of the rural district of Azak, the mutual interaction between the city and its rural settlements. The subject of consideration is the ceramic complex of rural settlements, its structure, and the peculiarities of the pottery craft development in small towns and villages. The intensity of contacts of rural settlements with the center and the property wealth of the population of the periphery are also estimated. These data complement the numismatic findings, which allow us to determine the degree of retail trade development in rural settlements, as well as to clarify the important question of the time of disappearance of the rural district of Azak by the end of the 1st quarter of the 15th century. Other categories of materials (weapons, jewelry and costume parts, agricultural equipment, sphragistics) are briefly described. The data of archaeology and written sources are also compared in this research. Conclusions are drawn about the cultural proximity of the rural and ordinary urban population of Azak, about the free population living in the territory of the rural district of Azak with average property wealth, about the synchronicity of the city and its district disappearance.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Azak, settled population, pottery, glazed ceramics, amphorae, monetary circulation.

REFERENCES

1. Volkov, I. V. 1998. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 1995–1997)* 15. Aзов: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum Publ., 48–53 (in Russian).

2. Volkov, I. V. 2003. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni (Rus in the 13th century. Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108–130 (in Russian).
3. Volkov, I. V. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 122–159 (in Russian).
4. Goncharov, M. Yu. 2013. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2011 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2011)* 27. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 119–129 (in Russian).
5. Emanov, A. G. 1995. *Sever i Jug v istorii kommertsii na materialakh Kafy XIII–XV vv. (North and South in the History of Commerce by 13th–15th Centuries According to Materials from Caffa)*. Tyumen: "Gorod" Publ. (in Russian).
6. Kamenetskii, I. S. 1965. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh Azovskogo otryada v 1964 g. (Report on Archaeological Exploration of the Azov Group in 1964)* Azov. Archive of Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve. KVF-101980/6 AA-96 (in Russian).
7. Koval', V. Yu. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 9–33 (in Russian).
8. Kravchenko, S. A. 2018. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2015–2016 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2015–2016)* 30. Azov: Azov Museum-Reserve Publ., 122–178 in Russian).
9. Larenok, V. A. 1998. In P'yankov, A. V. et al. (comp.). *Drevnosti Kubani (Antiquities of Kuban)* 10. Krasnodar, 1998. 28–37 (in Russian).
10. Larenok, V. A. 2009. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 4. Rostov-on-Don: "Don archaeological society" Publ., 105–109 (in Russian).
11. Maslovskii, A. N. 2008. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2006)* 23. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 144–188 (in Russian).
12. Maslovsky A. N. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 321–339 (in Russian).
13. Maslovsky, A. N. 2009. In *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra (Bulletin of the Southern Scientific Center)* 5 (3). 59–68 (in Russian).
14. Maslovsky, A. N. 2012. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki (University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series)* 168 (2). 42–46 (in Russian).
15. Maslovsky, A. N. 2013. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia Evraziia: simbioz gorodov i stepi (Medieval Eurasia: Symbiosis of Towns and Steppe)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 17. Kazan: "Otechestvo" Publ., 110–121 (in Russian).
16. Meliksetov, V. V. 2016. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2013–2014)* 39. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 370–375 (in Russian).
17. Minaev, A. P., Yudin, N. I. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 657–667 (in Russian).
18. Popov, Kh. I. 1871. *Trudy I Arkheologicheskogo s"ezda v Moskve (Proceedings of the 1st Archaeological Congress in Moscow)* I. Moscow: "Sinodal'naiia tipografiia" Publ., 166–183 (in Russian).
19. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. 1957. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).
20. Skrzhinskii, E. Ch. 1971. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. (Notes on Russia by Barbaro and Contarini. The history of Italian-Russian Relations in 15th c.)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Tarutina, S. M. 2010. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower*

Don Region in 2007–2008) 24. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 319–323 (in Russian).

22. Fedorov-Davydov, G. A. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176–182 (in Russian).

23. Fedorov-Davydov, G. A. 2004. In Kiyashko, V. Ya. (manag. ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 19. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 270–278 (in Russian).

24. Shirochenko, E. B. 2010. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2007–2008)* 24. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 242–253 (in Russian).

25. Iudin, N. I. 2016. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2013–2014)* 29. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 144–163 (in Russian).

About the Authors:

Maslovsky Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

Minaev Alexander P. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; vallet-dre@mail.ru

Iudin Nikita I. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; niarchaeologist@gmail.com

Статья принята в номер 01.03.2021 г.

Список сокращений

- АЕС – Археология евразийских степей (журнал). Казань
 АН – Академия наук.
 АН КазССР – Академия наук Казахской ССР
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АН СССР/РАН – Академия наук СССР / Российская академия наук
 АО – Археологические открытия
 АРГ – Акты русского государства
 АСЕМ – Акты Суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря.
 АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
 БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения
 Российской академии наук
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ДД – Донские древности
 ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
 ДЗЗ – Дистанционное зондирование Земли
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук
 Республики Татарстан
 ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
 ИА им. А.Х. Маргулана – Институт археологии им. А.Х. Маргулана НАН
 Казахстана
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАК – Императорская археологическая комиссия
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
 Республики Татарстан
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этно-
 графии. Симферополь.
 КАЭ – Куйбышевская археологическая экспедиция
 КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
 КМК – Куйбышевский музей краеведения
 КП – Книга поступлений
 КП СМК - Книга поступлений Саратовского музея краеведения
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КФ АН СССР – Казанский филиал академии наук СССР
 КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
 КЭС – Кавказский этнографический сборник
 МАР – Материалы по археологии России
 МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка,
 литературы и истории
 МАРТ ИА АН РТ – Музей археологии Республики Татарстан Института
 археологии Академии наук Республики Татарстан.

- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
 НА ИАК РАН – Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь.
 НГУАК – Нижегородская губернская учёная архивная комиссия
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 НИИ ИЭП – Научно-исследовательский институт истории, экономики и права. Москва.
 НИИ при СМ УАССР – Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской Советской Социалистической Республики
 НОА – научно-отраслевой архив
 НФ МАРТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан при ИА АН РТ
 НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук
 РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
 РСМ – Раннеславянский мир
 РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
 СГУ – Ставропольский государственный университет
 СИРИО – Сборник императорского Русского исторического общества
 СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
 СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
 СПб. – Санкт-Петербург
 ССПУ – Самарский социально-педагогический университет
 СССК – Сборник сведений о Северном Кавказе
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 СЭ – Советская этнография
 Тр. УАЭ – Труды Удмуртской археологической экспедиции
 ТрСУАК – Труды Ставропольской ученой архивной комиссии
 Труды КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
 УдГУ (УдмГУ) – Удмуртский государственный университет
 УдмФИЦ УрО РАН – Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук
 УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы
 ФГБУН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 IAWA – International Association of Wood Anatomists
 NRICH – National Research Institute of Cultural Heritage, Korea
 UNESCO – The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Подписано в печать 25.06.2021 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20